

НОВАЯ

ISSN 0130 - 3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

**ВОЕННО-ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ СССР
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

**ДИСКУССИЯ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ**

ДВОЯКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСТОРИКА

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И КЛИОМЕТРИКА
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

**ГРЕЦИЯ В ПОЛИТИКЕ США И СССР 1945–1947 гг.
НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ**

**Н.А. ЕРОФЕЕВ:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА**

МНОГОЛИКИЙ МАННЕРГЕЙМ

ФРИДРИХ II, РОССИЯ И ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАМОТА КАРЛА V ВАСИЛИЮ III

5
1997

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Scan - anatoli
Red - waleriy

№ 5

СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

1997

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ломова С.А.** Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направлений в России и за рубежом..... 3
- Смирнова Н.Д.** Греция в политике США и СССР. 1945–1947 гг. Новые архивные документы..... 21
- Поповски В.** (Македония). Историко-политическое и правовое значение Берлинского договора 1878 г. для Македонии..... 35
- Бацер М.И.** (Петрозаводск). От нарратива к теории. Англо-американская историография Английской революции XVII в. 42

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ РАН

- Общее собрание Отделения истории РАН..... 58
- Новое пополнение РАН..... 61

СЛОВО ИСТОРИКА

- Гуревич А.Я.** Двоякая ответственность историка 68

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Методологические проблемы исторической информатики и количественной истории (окончание)..... 80

ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ

- Генерал-полковник **Горьков Ю.А.**, полковник **Семин Ю.Н.** О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы..... 108

ВОСПОМИНАНИЯ

- Давидсон А.Б.** В поисках туманного Альбиона... Из воспоминаний о Н.А. Ерофееве (1907–1996)..... 130

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

- Вайну Х.** (Эстония). Многоликий Маннергейм..... 141
- Туполев Б.М.** Фридрих II, Россия и первый раздел Польши..... 168
- Семенов С.Б.** Парадокс Джона Уилкса..... 196

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

Забалуев В.Г. История Германии 1871–1918 гг. в немецких школьных учебниках..... 213

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

Кудрявцев О.Ф. Неизвестная грамота Карла V Василию III 224

РЕЦЕНЗИИ

Академик Тихвинский С.Л. История человечества. Научное и культурное развитие. Т. II. III тысячелетие – VII в. до н.э. Лондон, 1996 229

Пономарев А.Н., Горин М.М. Ю.А. П о л я к о в . Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995..... 232

Ивонина Л.И., Ивонин Е.Ю. История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени. М., 1993; Т. 4. Европа нового времени. М., 1994..... 234

Дунаевский В.А. В.И. Ш е р е м е т. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996 238

Рыкин В.С. Е.А. Б р о д с к и й. Это известно немногим. Красногорск, 1996 240

Пушкарев Л.И. И.Я. Б и с к. Введение в писательское мастерство историка: литературная форма исторического труда. Учебное пособие. Иваново, 1996..... 242

Виноградов В.Н. Б.Б. К р о с с. Румыния между Тройственным союзом и Антантой. Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг. Псков, 1996.. 243

Смирнов В.П. История и специальность историка во Франции. 1945–1995. Под руководством Ф. Бедарида. Париж, 1995 245

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Киселева Е.В. Научные чтения памяти А.З. Манфреда 248

С.С. Григорцевичу – 80 лет 250

Сергеев В.В., Тихонова М.В. Обсуждение журнала "Новая и новейшая история" в Калининградском госуниверситете 252

Памяти М.А. Батунского 253

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),

Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, И.В. Лебедев, В.Н. Малов, И.И. Орлик,

А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский,

В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский, Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора),

А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков

Адрес редакции: 117810 Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26.

Тел. 230-79-78

© 1997 г.

С.А. ЛОМОВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И КЛИОМЕТРИКА: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

За последние 10–15 лет возрос интерес к экономической истории России, особенно к столетнему периоду со второй половины XIX и до середины XX в. Опыт, накопленный за последние годы в этой области, сегодня ставит на повестку дня вопрос о том, как и в каких институциональных границах будет развиваться это направление дальше. Такая потребность в самоопределении свидетельствует о новых тенденциях, наметившихся в развитии отечественной исторической науки, которые связаны с необходимостью формирования национальной школы экономической истории. Сейчас наступило время подумать о том, наследниками каких отечественных традиций в области экономической истории будет являться новое направление, каким оно должно быть, чтобы стать полноценным членом мирового научного сообщества, сохранив при этом собственный оригинальный научный стиль.

Впервые эти вопросы в наиболее острой форме были поставлены проф. В.И. Бовыкиным в статье "Актуальные проблемы экономической истории"¹. Предлагаемая работа развивает некоторые сюжеты, намеченные в той статье.

Размышления о сложной судьбе отечественной экономической истории В.И. Бовыкин ведет с помощью сравнения путей развития и современного состояния этого научного направления у нас и за рубежом. Ведь мировая экономическая история более 50 лет является самостоятельной областью общественных наук, со своей инфраструктурой, печатными органами, национальными и мировыми ассоциациями, конгрессами, системой подготовки кадров. При этом экономическая история многолика, внутри нее не теряются индивидуальные черты национальных школ, в разной степени сочетающих экономическую, историческую, социальную или демографическую компоненту исследований.

Однако в этом мировом сообществе не представлена на должном уровне российская экономическая история. Пытаясь объяснить это, В.И. Бовыкин обращается к истории изучения экономической и социально-экономической проблематики в отечественной науке, начиная с последней трети XIX в., когда отечественные традиции в этой области формировались, с одной стороны, через изучение историками феодальных отношений и генезиса капитализма, а с другой – через интерес экономистов к современности и ближайшей истории, а именно, к промышленному и сельскохозяйственному развитию пореформенной России.

В 20-е годы у нас еще существовали сильные традиции как в чисто экономических, так и в социально-экономических исследованиях прошлого, которые подпитывались сотрудничеством историков и экономистов.

В 30-х годах, после выхода "Краткого курса" истории ВКП(б), произошла подмена

¹ Бовыкин В.И. Актуальные проблемы экономической истории. – Новая и новейшая история, 1996, № 4.

теоретических и эмпирических основ экономической науки идеологическими догмами и схемами, такими, как, например, тезис о полукOLONИАЛЬНОМ характере экономики до-революционной России. Тем не менее традиции изучения социально-экономической истории не были утеряны, и пик интереса к этой тематике приходится на период конца 40-х – начала 60-х годов. В это время проводились активные архивные изыскания по истории российской промышленности, и в частности монополий.

Однако позже, в 60–80-е годы, происходит резкий спад и застой в области изучения экономической истории России, особенно пореформенной эпохи. Это явление, как и причины, вызвавшие его, до сих пор еще не до конца осознано нашим научным миром. В.И. Бовыкин иллюстрирует его, обратившись к анализу библиографических указателей "Экономическая история", издававшихся Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР в 70–80-е годы.

Такая ситуация с изучением историко-экономической тематики объяснялась многими причинами. Экономическая история в 60-е годы перестает подпитываться из экономики, так как экономистов резко "переводят" на тематику новейшего времени. С тех пор по не ясным причинам экономисты ограничились изучением только истории советского периода. Сказалась и ограниченность марксистских теоретических рамок для изучения пореформенной истории. Следует упомянуть и об изоляции нашей науки, о ее нежелании и невозможности учитывать мировые тенденции.

Таким образом экономическая история XIX в. почти исчезает в СССР. Ситуацию не меняет даже медленное возобновление интереса к этой тематике с приходом в науку нового поколения историков в конце 70-х годов. Экономическая история к этому времени уже была потеряна институционально и на уровне традиций. Поэтому к концу 80-х годов, когда с общественных наук были сняты идеологические оковы, оказалось, что нас от мировой экономической истории отделяет целая пропасть: отсутствие инфраструктуры, несопоставимость тематики, взаимное непонимание методов и принципов работы.

Асимметрия в развитии экономической истории у нас и за рубежом, доказываемая В.И. Бовыкиным, выразилась также в недостаточном понимании нашими специалистами процессов, происходящих в мировой экономической истории, что затрудняет сегодня для них выбор ориентиров в мировом научном процессе.

Поэтому разговор о точках соприкосновения нашей экономической истории с мировыми тенденциями в этой области особенно важен сегодня. Начать его можно с попытки нового осмысления того, что нам известно о мировой экономической истории.

По этой причине основная часть предлагаемой статьи посвящена зарубежной экономической истории, а также одной из наиболее ярких ее составных частей – американской "новой экономической истории", или клиометрике. На первый взгляд, это возвращение к старой теме, потому что американская клиометрика всегда была интересна российской научной аудитории. Она известна у нас как американистам, так и специалистам в области количественной истории. Внимание российских ученых к явлениям американской науки было связано с тем, что и у нас, и у них были, как нам казалось, точки соприкосновения. Казалось, мы решали схожие задачи, такие, как использование количественных методов, изучение массовых источников, разработка концепций американской истории. Именно в этих аспектах американская "новая экономическая история", или клиометрика, хорошо известна нашим специалистам, которые создали большое количество работ, как по ее методологии, так и по концептуальным вопросам².

---

² Концепции и источниковедческие подходы американской клиометрики рассматривались у нас специалистами по истории США: Н.Н. Болховитиновым, И.М. Супоницкой, В.Г. Нохотовичем, П.Б. Уманским. Методология "новых" главным образом с точки зрения применения количественных методов и моделирования изучалась И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкиным, Н.Б. Селунской, И.М. Промахиной, Ю.Ю. Какком. Крупнейшей работой по истории клиометрики является диссертация Д.А. Левчика "Узловые проблемы домонопольного развития США и школа "новой экономической истории" (Автореферат канд. дисс. М., 1990). Материалы к диссертации были переданы Д.А. Левчиком Лаборатории исторической информатики исторического факультета МГУ. Автор выражает благодарность за предоставленную возможность использовать их для написания предлагаемой статьи.

Влияние "новой экономической истории" у нас сейчас проявляется еще и в том, что очень часто, когда ведутся споры о дальнейших путях развития нашей количественной и экономической истории, из реалий американской науки последних 40 лет черпаются примеры, призванные обосновать, как необходимость обращения к американскому опыту, так и полный отказ от него. Американскую клиометрику цитируют, часто даже в ущерб другим направлениям мировой экономической истории. Причины этого кроются не только в общей популярности клиометрики в научном мире, но и в процессах, происходивших у нас.

Да, в 60-е годы историко-экономическая тематика была свернута у экономистов полностью, а у историков – в значительной степени. Однако социально-экономическая, а точнее аграрная история именно с того времени "пошла в гору" благодаря новым методам работы с массовыми источниками по аграрной истории России XIX в. Именно отсюда начала развиваться советская научная школа по "применению количественных методов". Это наиболее часто употребляемое словосочетание в связи с этим направлением четко указывает на причины его зарождения: историки искали новые методы работы с источниками. Советская количественная школа занималась не только конкретно-историческими вопросами, но и обширной методологической проблематикой, потому что ей было необходимо обосновать свои подходы и разработать конкретные методики анализа данных. Российская школа количественной истории занималась и критикой зарубежного опыта применения математических методов в общественных науках, а потому наши "количественники" не могли не заметить американской "новой экономической истории", или клиометрики.

Интерес нашей количественной школы к американской клиометрике предопределил специфичные взаимоотношения нашей исторической науки с мировой экономической историей. У нас не было экономической истории на уровне институтов, однако мы были известны мировому историко-экономическому сообществу через нашу количественную школу. А из всей мировой экономической истории у нас была наиболее известна именно американская клиометрика, главным образом за то, что ее представители применяли количественные методы в работе с историческими данными. Именно через этот аспект шло восприятие и критика зарубежной клиометрики у нас. Термин "клиометрика" со временем стал употребляться и по отношению к нашей школе количественных методов как нейтральный термин, методологически характеризующий любое течение так или иначе применяющее количественные методы.

Однако на американскую клиометрику у нас ни разу не пытались посмотреть как на наиболее "экономизированное" направление внутри всей мировой экономической истории. Этим обуславливалось огромное различие в научных позициях американских клиометристов и отечественных историков, тем более что последние к тому времени уже полностью порвали с влиянием экономистов на собственную деятельность.

В этой статье анализируются сущность американской клиометрики, ее специфика в рамках общей экономической истории, истоки, традиции и институциональное развитие "новой экономической истории" в том аспекте, в каком они изложены в зарубежных историографических работах, потому что только так можно понять выбор тех или иных приоритетов в освещении процессов, происходящих в западной науке. Хотелось бы, чтобы это позволило продолжить дискуссию о точках соприкосновения между мировой экономической историей, важной составной частью которой является американская клиометрика, и российской количественной историей, которая лучше других российских исторических школ подготовлена к дальнейшему развитию отечественной экономической истории. Возможно это поможет нам более внимательно отнестись к собственным научным традициям.

Развитие экономической истории в течение последних 100 лет не было победоносным шествием, несмотря на явный институциональный рост, его хорошо осветил в указанной работе В.И. Бovyкин. Поэтому в предлагаемой статье следует отметить некоторые факты эволюции экономической истории, сосредоточившись на аспекте, как и почему она меняла свой научный облик. В сущности смена периодов в истории

этого научного направления отражает колебания между историей и экономикой. Так, последний расцвет дисциплины отмечался в два послевоенных десятилетия, когда произошел серьезный всплеск интереса к экономическим методам исследования. На это время приходится бóльшая часть институционального роста экономической истории, включая и появление клиометрики. Чтобы объяснить эти явления необходимо обратить внимание на более ранний период развития экономической истории и указать на те особенности ее формирования в первой половине XX в., которые позже, в послевоенный период, предопределили особый накал клиометрических баталий.

Возвращаясь к истокам экономической истории, нужно сказать, что движение к обособлению этой предметной области началось во второй половине XIX в., причем происходило это как с исторической, так и экономической стороны. В исторической сфере обращение к изучению хозяйства первоначально было нацелено на решение задач политической истории. Потребность в этом возникла во второй половине XIX в., когда методы традиционной истории уже не всегда могли быть с успехом использованы для разрешения противоречий в объяснении прошлого. Привлечение экономики для расширения исторических исследований и попытки работать с источниками, отражающими экономическую жизнь общества, привело к необходимости искать новые методологические приемы, неизвестные в традиционной истории.

В области экономики новое направление вступило в полемику с теорией английской классической политэкономии, априорным выводам которой оно хотело противопоставить теорию, выведенную из эмпирического анализа данных. Эти взгляды выражали Гильдебранд и Шмоллер в Германии, Лесли, Инграм и Эшли в Англии. Отказываясь от экономической теории и приближаясь к истории, экономическая история впервые смогла заявить о себе как о направлении, претендующем на самостоятельность внутри экономической науки³.

В результате произошло разделение предмета экономики и экономической истории: первая имела дело со статичным состоянием хозяйства в определенный момент времени, а вторая интересовалась эволюцией экономического сообщества. Отчасти такая специализация объяснялась недостаточной разработанностью в классической политэкономии вопросов экономической динамики.

Ранняя экономическая история сформировалась как направление на стыке экономики и истории, которое, с одной стороны, отказалось от полноценного экономического анализа, а с другой – стало интересоваться проблемами, нетрадиционными для истории, и решать их на основе источников тех типов, которые не использовались раньше. Таким образом, новое направление соединило в себе недовольство узостью политической истории и абстрактностью экономики.

Несмотря на провозглашенное экономическими историками внимание к эмпирическим исследованиям и обширные коллекции статистических данных в области экономики, накопленные к XIX – началу XX в., экономическая история не стала по-настоящему количественной дисциплиной. В то время подвергались изучению только те процессы, которые были непосредственно отражены в источниках, а "те явления... о которых данные были либо утеряны, либо нигде раньше не фиксировались, либо вообще не могли быть получены прямо, исследовались лишь логически-описательным методом"⁴. Выводы количественного анализа не были базой для построения концепций, а служили иллюстрацией качественных выводов, полученных другими способами. Однако для справедливости необходимо заметить, что количественные данные тогда не были частью и экономической теории, несмотря на значительный математический уклон в работах отдельных экономистов.

Такое состояние экономической истории, сочетающее в себе оторванность от экономической теории и иллюстративное использование количественных мето-

³ Fogel R.W. The Reunification of Economic History with Economic Theory. – The American Economic Review, v. 55, 1965, May, № 2, p. 92–93.

⁴ Промахина И.М. Количественные методы исследования в работах представителей "New Economic History". – Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975, с. 284.

дов, историчность методов и экономическую тематику, зафиксировалось почти на полвека, и до середины XX столетия развитие научного направления проходило в этих рамках.

Изменение отношения к количественным данным произошло не в области экономической истории, а в экономике, и по причинам, появившимся вне фундаментальной науки. Произошло это в 30–40-х годах XX в. Уже тогда статистический анализ становится стержнем некоторых работ по валовому национальному продукту, национальному доходу, бизнес-циклам. Однако настоящей переворот в этой области произошел тогда, когда с 30-х годов стали появляться различные официальные и полуофициальные организации, создававшиеся для консультирования правительственных структур по вопросам выработки национальной экономической политики. Осмысление великой депрессии, необходимость экономического планирования в период второй мировой войны, программы послевоенной реконструкции – все это создало устойчивый спрос на полноценный статистический анализ как национальных, так и мировых экономических данных⁵.

Работа нового поколения экономистов также внесла большие изменения в экономическую теорию в таком объеме, что это в конце концов привело к глобальным изменениям в экономической науке, которые особенно ярко проявились в послевоенный период, когда началась структурная перестройка всей экономической науки, затронувшая и экономическую историю, как область, смежную с экономикой. В результате этих процессов появилась "новая экономическая история", которая оторвала значительную область общей экономической истории от своих исторических корней и заново втянула ее в сферу экономики.

Теоретическая революция в экономике в 40–50-е годы заключалась в том, что в это время в основу этой научной дисциплины легла неоклассическая экономическая теория, основной акцент в которой был смещен в область макроэкономики, оперировавшей такими понятиями, как рост доходов, изменения цен, финансово-кредитная политика. В арсенале экономики появилась эконометрика, использовавшая математическое моделирование в экономике. При создании экономических моделей повышенное внимание стало уделяться строгим статистическим методам. Требования к построению таких моделей, способу доказательств и проверке гипотез копировали принципы работы с физическими моделями⁶.

В этих условиях традиционная экономическая история перестала соответствовать уровню экономической науки. Описательные подходы к таким традиционным сферам экономической истории, как вопросы экономического роста, функционирования экономических институтов, изучение бизнес-циклов, перестали соответствовать требованиям, предъявляемым экономистами к научному исследованию. В глазах послевоенного поколения экономистов традиционная экономическая история потеряла "экономичность" в том смысле, как это теперь понималось, а следовательно, и научность.

Однако вопросы, которыми занималась традиционная экономическая история, оказались интересны для экономистов с точки зрения применения известных им новых методов. Они вторглись в экономическую историю и начали, в буквальном смысле, переписывать ее на "язык" обновленной экономики.

Таким образом произошел синтез старой тематики и новых теоретико-методологических принципов. Исторические и социологические категории эволюции и изменения структур были заменены на экономические понятия. Это коснулось как конкретно-исторической проблематики, так и таких традиционных для экономической истории вопросов, как, например, экономический рост, под которым новые теоретики стали понимать увеличение производства продукции на душу населения, рассчитанное

⁵ Coleman D.C. *Historiographical Review: History, Economic History and the Numbers Game.* – The Historical Journal, v. 38, № 3 (1995), pp. 635–646.

⁶ Williamson S.H. *The History of Cliometrics.* – Two Pioneers of Cliometrics. Robert W. Fogel and Douglass C. North (Nobel Laureates of 1993). Oxford (O.), 1994, p. 121–122. Русский перевод этой работы А.Н. Полевой см.: *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 1. Под ред. В.И. Бовыкина и Л.И. Бородкина. М., 1996.

при помощи статистических данных о доходах и объясненное с помощью математических факторных моделей производства и темпов сбережения.

В целом же новая экономическая теория и методология, во-первых, способствовали появлению "новой экономической истории", взявшей за переосмысление старых историко-экономических проблем. Во-вторых, те же явления в экономической науке подняли на небывалую высоту проблему экономического роста. Начало этому положили работы американского экономиста Саймона Кузнеца и его школы. Позже модернизации подверглась и другая область традиционной экономической истории – институциональная история. Общность происхождения и теоретико-методологических основ привели к тому, что изучение экономического роста иногда считают частью "новой экономической истории", признавая, правда, значительную самостоятельность этой тематики.

В результате структурной перестройки экономики и экономической истории "новая экономическая история" заняла то место, которое раньше занимала традиционная экономическая история. Последняя была вытеснена из экономики в область деловой истории, или истории предпринимательства (*business history*), и именно в этой сфере экономическая история сохранила наибольшую историчность. А обновленная экономическая история получила относительную самостоятельность в рамках экономики⁷.

Первоначально понятия "новая экономическая история" и клиометрика совпадали, и под ними понималось новое направление в американской экономической науке, появившееся на рубеже 50–60-х годов, когда в американскую экономическую историю пришло новое поколение экономистов, принесшее с собой неоклассическую экономическую теорию, включая эконометрику, или экономическое моделирование, и количественные методы специально под новые теоретические основы. Однако, забегая вперед, необходимо заметить, что, начиная с конца 70-х годов, выражение "новая экономическая история" стало не совсем уместным по отношению к научному направлению, разменявшему третий десяток лет своей истории и уже не ограничивающемуся чисто экономическими вопросами. Понятие "клиометрика" оказалось более удобным, так как и по временному, и по смысловому диапазону оно оказалось шире и гибче, чем "новая экономическая история". Таким образом, термин "клиометрика" может применяться ко всей 40-летней истории этого научного направления, тогда как "новая экономическая история" характеризует лишь ее первый 20-летний этап.

Перестройка американской экономической науки, включая появление "новой экономической истории", была результатом деятельности послевоенного поколения экономистов, выросшего на новых теоретико-методологических принципах в 40–50-е годы. В свою очередь, их научное становление прошло под влиянием видных американских экономистов-теоретиков, имена которых не связаны с клиометрической революцией. Среди них можно назвать Саймона Кузнеца, Алекса Гершенкрона, Соломона Фабриканта, Артура Бернса, Мозеса Абрамовица, Харальда Уильямсона, Йозефа Шумпетера и Василия Леонтьева. Из клиометристов, имевших такое же влияние на молодое поколение, был Дуглас Норт.

Саймон Кузнец занимает особое место среди этих экономистов. Он считается основателем новой школы по изучению экономического роста, которая заложила основные принципы нового подхода к расчету показателей, необходимых для экономического анализа. Семинар Кузнеца в Университете Джона Хопкинса был разделен на четыре части, каждая из которых до сих пор является неотъемлемой частью американской клиометрики: изучение роста народонаселения, технологических изменений, долгосрочных тенденций в валовом национальном продукте и его составляющих, а также использование системы национальных счетов для сравнительного изучения экономического роста⁸. Непосредственное влияние Кузнеца испытали такие "новые экономические историки", как Роберт Фогель, Ричард Истерлин, Роберт Гэлмэн, Дуглас Норт. Последний в конце 50-х годов вел семинары в Вашингтонском университете.

⁷ Ibidem.

⁸ An Interview with Robert W. Fogel. – The Newsletter of the Cliometric Society, v. 5. 1990, № 3, p. 20.

Студентами Норта в разное время были Джонатан Хьюдж, Лэнс Дэвис, Ричард Сатч, Роджер Рэнсем, Тэрри Андерсен. Аспирантами Йозефа Шумпетера и "отца эконометрики" Василия Леонтьева были Альфред Конрад и Джон Мейер.

Совершенно особое место среди американских экономистов, повлиявших на ранние клиометрические дебаты, занимает Уильям Ростоу, автор одной из самых полемических работ в области экономики – "Стадии экономического роста"⁹. Он принадлежал к тому же поколению, что и клиометристы, и его идеи в целом подогревали интерес экономического сообщества к вопросам роста, и клиометристы не оставались от этого в стороне.

Первые два десятилетия "новой экономической истории" с конца 50-х и до конца 70-х годов иногда называют "золотой эрой" клиометрики. Тогда она определялась Р. Фогелем как направление, использующее "математические модели, взятые из экономической науки, для изучения истории"¹⁰. Клиометрика первой волны заимствовала систему доказательств и образ мышления точных наук, призывая перестроить по этим принципам всю экономическую науку, изгнав тем самым из нее описательность и иллюстративность. Свою программу клиометристы, или "новые экономические историки", апробировали в трех основных областях: во-первых, в новых подходах к решению старых проблем американской экономической истории, во-вторых, в изучении экономического роста, в-третьих, в обновленной институциональной истории.

Днем рождения клиометрики условно принято считать выступление А. Конрада и Дж.Мейера в Вильямстауне в 1957 г. на первой Конференции по доходам и благосостоянию, проходившей как объединенная сессия Ассоциации экономической истории и Национального бюро экономических исследований.

На эту конференцию А.Конрад и Дж.Мейер представили две работы, первая из которых, посвященная проблемам рабства¹¹, сразу же получила большой резонанс и положила начало переосмыслению американской экономической истории. Вторая же работа, излагавшая теоретико-методологические основы нового направления, позже названного "новой экономической историей", получила известность в период методологических дебатов 60-х годов¹².

В одной из этих работ было теоретически постулировано, а во второй практически показано, как с помощью довольно простых инструментов экономической теории можно значительно продвинуться в исследованиях важных исторических вопросов.

Однако клиометрическая революция была полицентрична. Примерно в то же время сложился круг специалистов, изучавших экономический рост, в него входили Р. Истерлин, Р.Гэлмэн, С.Либерггт, Д.Норт, У.Паркер¹³.

Начало самостоятельным клиометрическим конференциям было положено в конце 1960 г. на семинаре в Университете Пэдью¹⁴, на который собрались 12 человек, составивших ядро клиометрического направления, среди них были Д.Норт, Р.Фогель, Л.Дэвис, Дж.Хьюдж. Примерно с этого времени можно говорить о едином клиометрическом движении, как неформальном содружестве экономических историков, которых объединяли общие теоретико-методологические принципы.

В 50–60-е годы сформировался круг научных журналов, публикующих клиометрические работы, главными среди которых были "Исследования в экономической исто-

⁹ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. Cambridge (Mass.), 1960.

¹⁰ Fogel R.W. The Specification Problem in Economic History. – The Journal of Economic History, v. 27, 1967, № 3, p. 283.

¹¹ Conrad A.H., Meyer J.R. The Economic of Slavery in the Antebellum South. – The Journal of Political Economy, v. 66, 1958, № 2.

¹² Conrad A.H., Meyer J.R. Economic Theory, Statistical Inference and Economic History. – The Journal of Economic History, v. 17, 1957, № 4.

¹³ Davis L.E., Engerman S.L. Cliometrics: The State of the Science (or Is it Art or, perhaps, Witchcraft). – Historical Methods, v. 20, 1987, № 3, p. 97.

¹⁴ Историю клиометрических конференций читайте в: Экономическая история. Обзорение. Вып. 1, с. 101–104.

рии" (*Exploration in Economic History*) и "Журнал экономической истории" (*Journal of Economic History*).

На рубеже 60–70-х годов клиометрика была уже достаточно зрелой для того, чтобы опубликовать в 1971 г. под редакцией Роберта Фогеля и Стэнли Энгермана хрестоматию для чтения по американской экономической истории, состоящую из наиболее важных, по мнению редакторов, статей, написанных в предшествующий период на принципах "новой экономической истории"¹⁵. Методологические дебаты по проблемам клиометрики прошли во второй половине 60-х годов. Итог был подведен в сборнике под редакцией Ральфа Андреано¹⁶.

Со стороны клиометристов в 60-х годах была объявлена война традиционной экономической истории, раздвалились призывы к полной ее перестройке на эконометрической основе. Необходимость такого реформирования объяснялась тем, что новые методы дают возможность сделать экономическую историю наукой в полном смысле слова. Провозглашалось, что теперь в распоряжении историка-экономиста окажутся средства для полноценного научного исследования и проверки гипотез. Благодаря новым методам экономическая история будет оснащена лучше других общественных наук и первой сможет соединить изобилие количественных данных с прочной теоретической основой¹⁷. Идея переноса экономического моделирования в экономическую историю была в том, что на основе синтеза теории и оставшихся количественных данных, можно было получить информацию о процессах, непосредственно не отраженных в источниках, и восполнить целые пласты утерянной информации.

Предполагалось, что с подведением под экономическую историю прочной теоретической базы, эта дисциплина приобретет важные черты "полноценной" науки: возможность прогнозирования и теоретического восполнения деталей картины мира, недоступных непосредственному опыту. Считалось, что использование моделирования в исторических исследованиях даст этой дисциплине возможность работать с применением научного эксперимента, исходные данные которого можно изменять, опираясь на фундаментальную теорию.

Представители "новой экономической истории" понимали этот процесс как воссоединение экономической теории и экономической истории, которое положило конец вековому расколу этих двух наук¹⁸. Традиционную экономическую историю предлагалось выбросить "за дверь" за фактографичность, оторванность от экономической теории, обращение к статистике только за иллюстрацией.

Острота дискуссий вокруг клиометрики объяснялась не только борьбой старого и нового, как тогда казалось. Сейчас, когда клиометрическая революция уже достояние истории важнее отметить, что поколение молодых экономистов и традиционная экономическая история были глубоко чужды друг другу. Клиометристы как ученые были целиком и полностью воспитаны в рамках новой экономической науки, они появились не в результате внутренних процессов в экономической истории, а пришли в нее из экономики, заинтересовавшись применением своих новых теоретико-методологических принципов к темам, ранее закрепленным за традиционной экономической историей. Новая и традиционная экономическая история были не понятны друг другу в своих фундаментальных основах, поэтому в первый период истории клиометрики ее полемика с традиционалистами была остра и непродуктивна, потому что первые не понимали исторического языка, а вторые экономического.

Научная молодежь все же отчасти признавала наличие традиции и существование работ клиометрического типа в традиционной экономической истории. Однако их скепсис по отношению к ее генеральной линии был очень велик, а в первое время даже бескомпромиссен. Эти настроения подогревали стремление молодых пере-

¹⁵ Reinterpretation of American Economic History. New York, 1971.

¹⁶ The New Economic History: Recent Papers on Methodology. New York, 1970.

¹⁷ North D.C. Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History. Englewood Cliffs (N. Jers.), 1966, p. 12–14.

¹⁸ Fogel R.W. The Reunification of Economic History with Economic Theory..., p. 92–93.

писать целые разделы американской экономической истории, а потому в "золотую эру" клиометрики их революционность иногда шла в ущерб здравому смыслу.

У этих нигилистических настроений была и объективная подоплека: к тому времени накопилось достаточное количество фактов и догадок о том, что многие из общепринятых истин в историко-экономической науке не совместимы с элементарным экономическим анализом и, скорее всего, не выдержат проверки простыми статистическими методами. Именно это подкрепляло уверенность клиометристов в будущем успехе своих работ.

Тематика ранних клиометрических работ известна российским специалистам далеко не полностью, о ней следует рассказать подробнее, акцентируя внимание, во-первых, на том, как клиометрические исследования повлияли на переосмысление экономической истории США, и, во-вторых, какие темы оказались важными для последующего этапа развития поздней клиометрики, начиная с конца 70-х годов.

В обзоре клиометрических работ С. Энгерман и Л. Дэвис отмечают три магистральных направления ранней клиометрики: во-первых, реинтерпретация американской экономической истории, или разработка конкретно-исторических проблем, во-вторых, изучение экономического роста и, наконец, в-третьих, институциональная история нового образца. При этом первая тематическая область, т.е. конкретно-историческая проблематика клиометрики, в свою очередь сводится к четырем главным направлениям: функционирование рабовладельческой экономики, изучение транспортной революции XIX в., споры по поводу обеспеченности Америки трудовыми ресурсами и ее связь с характером технологических изменений в американской промышленности, изучение экономики в периоды кризисов¹⁹.

Первые две проблемы, рабство и транспорт, всегда были близки к интересам советских историков, часто даже "новая экономическая история" у нас изучалась на этих ее разделах, которые, конечно же, имели наибольший резонанс в научном мире, однако не исчерпывают "новую экономическую историю" как явление.

Конечной же крупнейшей темой была экономика рабовладельческого Юга. Именно в этой области работало наибольшее число авторов, разделявших клиометрические принципы. Дебаты по различным вопросам функционирования рабовладельческой экономики имели два пика: уже упомянутое в этой статье выступление в 1957 г. А. Конрада и Дж. Мейера, а также выход в 1974 г. монографии Р. Фогеля и С. Энгермана "Время на кресте"²⁰. В 60–70-е годы были рассмотрены основные макроэкономические вопросы истории Юга: было ли рабство выгодно для отдельного инвестора, являлось ли хлопковое хозяйство Юга самодостаточной системой, рос ли Юг экономически, какие были темпы роста Юга в сравнении с Севером? К середине 70-х годов интерес в этой области сместился к периоду Реконструкции, главным образом к тому, как рабовладельческая экономика, в частности, и экономика США, в целом, адаптировались к новой ситуации после гражданской войны.

Все помнят, что на главные работы по истории рабства обрушился целый шквал критики. Особенно много было претензий к исторической и источниковедческой частям этих исследований. В то же время экономические построения авторов критиковались менее конструктивно. В середине 70-х годов дискуссии настолько изнурили их участников, что итогов 20-летнего изучения этой проблематики так никто и не подводил.

Однако сейчас историографы все-таки признают, что клиометристам удалось переворот во взглядах на рабство. Осталась непоколебленной главная часть их построений – макроэкономика. Именно в этой области освещающей наиболее общие вопросы экономического развития системы, историки, конечно же, не смогли соперничать с профессиональными экономистами. Тем более, что по уровню экономической

¹⁹ Davis L.E., Engerman S.L. Op. cit.

²⁰ Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economic of American Negro Slavery, v. 1–2. Boston – Toronto, 1974.

теории своего времени клиометристы отдали проблеме рабства лучшее из своего арсенала. Наиболее слабой частью их работ был микроуровень: плантация, семья, экономические отношения отдельных индивидуумов, – потому что здесь надо было быть больше историком, нежели экономистом, на что клиометристам и указывала критика.

Клиометристы смогли полностью заменить "каркас" истории Юга, разрушив старые догмы, из-за которых история Юга находилась в кризисе. Другое дело, что клиометристы поставили больше вопросов, чем смогли ответить. Поздней клиометрике в наследство достались вопросы истории семьи, демографические процессы, изучение жизненных стандартов разных слоев населения. Исследование только американского опыта оказалось недостаточным для объяснения рабства как явления новой истории, что предопределило интерес к другим рабовладельческим системам, существовавшим в мире за последние 300 лет.

Вторым по силе резонанса клиометрическим сюжетом в научных кругах был вопрос о влиянии железных дорог на экономический рост США в XIX в. Эта тема была очень популярна у российских историков, интересовавшихся американской историографией. Зачастую, у нас вся критика "новой экономической истории" строилась на работах Роберта Фогеля и Альберта Фишлоу по вопросам транспорта²¹. Однако другие клиометристы практически не работали в этой области, интерес к этому вопросу у американских экономических историков в первой половине 60-х годов был очень велик и поддерживался за счет неординарности контр-фактического подхода Фогеля, которым он заявил о себе на первом клиометрическом семинаре.

Однако в итоге, по мнению Фогеля, "новая экономическая история" не дала повода для кардинального пересмотра истории транспорта, и она принципиально осталась согласна с тезисом о том, что масштаб технологических улучшений на транспорте в течение XIX в. позволяет говорить о "транспортной революции". Вклад новой школы в науку заключается в более детальном и точном анализе природы этой революции. "Новая экономическая история" развеяла неверное представление о том, что гужевой, водный и железнодорожный транспорт являются последовательными временными стадиями эволюции транспорта, в процессе которой каждый из видов транспорта по очереди преобладал и сменялся другим по мере исчерпывания своих технологических возможностей. Все инновации в области транспорта в XIX в. могли реально уменьшить себестоимость перевозок только в долговременной перспективе. В ближайшем же временном измерении железнодорожный транспорт, конечно же, был существенно дороже гужевого²². С этими выводами данная проблематика сошла на нет еще в 70-е годы.

Другие темы ранней клиометрики меньше известны российским историкам. Например, это относится к вопросу об обеспеченности Америки трудовыми ресурсами и характере технологических изменений в американской промышленности. Первая часть этой проблематики связана с обсуждением тезиса о дефиците трудовых ресурсов (*labor scarcity*) в Северной Америке и степени его влияния на темп и характер технологических изменений в американской промышленности конца XVIII–XIX в. В 70-е годы проблема дефицитности трудовых ресурсов в США перешла в исследование природы технических инноваций. Именно в таком контексте изучалась история промышленного развития, индустриализация, промышленная революция²³.

Еще одной темой "новой экономической истории" было изучение функционирования кризисной экономики. Клиометрика стала анализировать кризисные явления в США,

---

²¹ *Fogel R.W. Railroads and American Economic Growth: Essays Econometric History. Baltimore, 1964; Fishlow A. American Railroads and Transformation of the Antebellum Economy. Cambridge (Mass.), 1965.*

²² *Fogel R.W. Notes on the Social Saving Controversy. – The Journal of Economic History, v. 39, 1979, № 1, p. 1–55.*

²³ *Temin P. Labor Scarcity and the Problem of American Industrial Efficiency in the 1850's. – The Journal of Economic History, v. 26, 1966, № 2; Fogel R.W. The Specification Problem in Economic History; Rosenberg N. American Technology: Imported or Indigenous? – The American Economic Review, v. 57, 1977, №1, p. 21–26.*

учитывая ситуацию на международном рынке, отведя на второй план экономическую политику правительства²⁴.

Одним из генеральных направлений ранней клиометрики было изучение экономического роста. Поскольку эволюцию экономики изучала и доклиометрическая экономическая история, в 50–60-е годы сами клиометристы публиковали много работ, которые относились и к традиционной теме развития экономических структур, в этой области не происходило резкого размежевания на старых и новых. Сами же клиометристы считают принципиально новыми не по целям, а по методологии работы, в которых Д. Норт с помощью понятия "основного продукта" (the staple thesis) изучал развитие предвоенной экономики, Д. Макклоуски применял теорию для новой интерпретации упадка викторианской экономики, а М. Абрамовиц и Р. Истерлин разрабатывали теорию длинных волн С. Кузнеця²⁵.

Институциональная история – одна из важнейших частей "новой экономической истории", кроме сюжетов из американской экономической истории и изучения экономического роста. Она также является наследием доклиометрического периода. Материал для переосмысления проблемы влияния институтов на экономическое развитие подготовили работы в другой традиционной области – истории рынка капитала, потому что именно в этой сфере изучение институтов и экономики переплетено наиболее тесно. Тематика рынка капитала связана в американской экономической истории 50–70-х годов с именами Лэнса Дэвиса, Хью Рокоффа, Джона Джеймса, Ричарда Силлы.

Однако заслуга в обобщении теории институтов принадлежит Л. Дэвису и Д. Норту, обнародовавших свои исследования в 1971 г. После этого Норт продолжил работу в этом направлении самостоятельно и в соавторстве с Робертом Томасом²⁶.

Влияние институциональной истории Д. Норта на современное развитие как экономической истории в целом, так и клиометрики, кажется, не до конца осознается при изучении американской историографии. Именно институциональная история смогла указать границы "новой экономической истории" в том виде, в каком она зародилась в 50–60-е годы, а потом повлияла на более внимательное отношение клиометристов к методам традиционной истории. Д. Норт вспоминал, что его интерес к институциональной истории возник в связи с изучением экономической истории Европы, позволившей ему понять, что институты могут быть не всегда целесообразными и эффективными с экономической точки зрения. А потому недоучет в экономических исследованиях политических решений Д. Норт считает существенным недостатком в исследованиях новых экономических историков. Однако в рамках неоклассической экономической теории невозможно было объяснить, например, долговременное существование экономически неэффективных институтов. Д. Норт обращается к достаточно забытой к тому времени поддисциплине – политэкономии и разрабатывает в приложении к институциональной истории уже известный в то время тезис о том, что характер институтов, их эволюция и восприимчивость к нововведениям зависят от их предыдущего развития. Это понятие в западной литературе часто обозначают обобщенным термином "зависимость пути" (path dependence), который был разработан Брайаном Артуром и Полом Дэвидом для объяснения характера технологических изменений в промышленности²⁷.

Подводя итог 20 лет клиометрических исследований в 60–70-е годы, необходимо

²⁴ Hughes J.R.T. *Fluctuation in Trade, Industry and Finance: A Study of British Economic Development, 1850–1860*. New York, 1960; Temin P. *The Jacksonian Economy*. New York, 1969.

²⁵ North D.C. *The Economic Growth of the United States, 1790–1860*. Englewood Cliffs, 1961; Abramovitz M. *The Nature and Significance of Kuznets Cycles*. – *Economic Development and Cultural Change*, 1961, v. 9, p. 225–248; Easterlin R.A. *Economic-Demographic Interactions and Long Swings in Economic Growth*. – *The American Economic Review*, v. 56, 1966, № 4, p. 1063–1104; McCloskey D. *Economic Maturity and Entrepreneurial Decline: British Iron and Steel, 1870–1913*. Cambridge (Mass.), 1973.

²⁶ North D.C., Davis L.E. *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge, (Mass.), 1971; North D.C., Thomas R.P. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge, (Mass.), 1973.

²⁷ An Interview with Douglass C. North. – *The Newsletter of The Cliometric Society*, v. 8, 1993, № 3.

отметить, что сторонники "новой экономической истории" были особенно агрессивны в методологических дебатах. Их работы имели наибольший резонанс в области пересмотра давно устаревших исторических концепций в экономике. Однако в других областях клиометрика сохраняла преемственность с традиционными историко-экономическими направлениями, лишь дополняя их своими подходами. Наиболее конструктивная критика исторических концепций, выдвигаемых клиометристами, появлялась там, где они выходили за пределы макроэкономического анализа и брались за изучение исторических и социально-экономических вопросов, потому что их научное экономическое происхождение предопределило недооценку исторических подходов при работе в области экономической истории. Осознание пределов экономического внутри этой пограничной области связано не только с острой критикой исторических подходов клиометристов, но и с развитием институциональной экономической истории.

Новый этап в истории клиометрики начинается примерно на рубеже 70–80-х годов, примерно в это время ее облик стал непохож на "новую экономическую историю" 60-х годов.

В 80-е годы клиометрические принципы утвердились в умах научного сообщества и дисциплина начала спокойный период своего развития. Клиометрика из вызова традиционному научному мнению сама стала олицетворением новой академической традиции. О ней можно говорить как о направлении, наиболее ориентированном на теорию и точные методы, однако развивающемся в русле общей экономической истории.

К тому времени большинство проблем, поставленных в "золотую эру", были уже достаточно разработаны, и интерес к ним упал, старые дискуссии утихли. В экономическую историю в 80-е годы пришло новое поколение, расширившее тематику исследований за пределы экономической науки.

Клиометрика стала значительно многообразнее, как за счет распространения ее принципов на другие области общественных наук, так и за счет более терпимого отношения самих клиометристов к сочетанию клиометрических и традиционных методов исследования.

В сферу влияния клиометрики вошло большое количество новых направлений, которые ранее не разрабатывались ее методами. Само понятие "клиометрика" с 80-х годов трактуется все более широко. Разнообразие тематики в современный период указывает на то, что клиометрика стала представлять собой междисциплинарную область, ориентированную на использование теории и количественных методов в разных сферах, таких, как экономика, история, социология, демография, иногда даже политология. Можно сказать, что с 80-х годов клиометрика стала междисциплинарной областью, которая включает в себя экономику, историю, а также социологию и демографию. Объединяет это разнообразие научных жанров клиометрический инструментарий: теория (экономическая, социологическая, демографическая) и количественные методы.

Среди новых тематических направлений можно назвать такие, как историческая демография, изучение финансовых институтов, рынка труда, уровня жизни, здоровья и благосостояния людей, миграций и иммиграции, философии тарифной политики и ее влияния на регионы и промышленное развитие. Стала изучаться американская экономика конца XIX – первых десятилетий XX в., структурные изменения в американской промышленности и финансах того периода, появление современных корпораций, развитие и рост финансовых посредников и финансового рынка, становление федерального резерва.

По сравнению с предыдущим периодом эмпирическая часть исследования стала занимать большую долю. Если раньше "новые экономические историки" пытались, исходя из экономической теории, объяснить каждый полученный количественный результат и их работы были часто перегружены "техническим жаргоном" и второстепенными концепциями, то теперь количество теории и техники стало более сбалансированным, что облегчает восприятие клиометрических работ. В то же время

экономические историки активно оперировали новыми теориями: теорией игр, моделями равновесия, теорией человеческого капитала, зависимостью пути.

Изучение экономического роста вышло за рамки, намеченные С. Кузнецом. Эту проблему стали увязывать с изучением демографических изменений, ростом благосостояния, эволюцией жизненных стандартов. Необходимо также отметить работы Р. Фогеля по изучению здоровья, питания и антропометрических параметров людей в исторической ретроспективе, потому что его выводы опровергают представления о стагнации в экономике США и отсутствии роста благосостояния в первой половине XIX в.²⁸

В 80-е годы демографическая история, или изучение роста населения, занимает более важное место по сравнению с предыдущим периодом развития клиометрики. Если представить проблему экономического роста как совокупность двух аспектов: собственно экономического роста и демографических изменений, – то можно сказать, что в ранней клиометрике основной акцент делался на первую часть²⁹, а во второй период интерес к демографическим изменениям и тому, как они обуславливают экономический рост, вышли на первый план.

Необходимо отметить, что историческая демография в 80-е годы становится важной составной частью и клиометрики, и экономической истории в целом. Первые работы, вызвавшие усиление интереса к истории народонаселения, были написаны на английском материале, что косвенно указывает на влияние сильной английской школы исторической демографии на американскую науку. В качестве такого примера можно привести монографию Е. Ригли и Р. Шефилда³⁰. С тех пор работы в этом жанре стали регулярно появляться в клиометрической среде. Такие исследования часто не ограничивались демографией, дополняя ее экономическим, историческим и социологическим анализом. В центре внимания оказывалась историческая ретроспектива таких явлений, как рождаемость, смертность, продолжительность жизни, на примере разных социальных групп: рабов, белых южан, сельского населения северных штатов, иммигрантов и др. Изучалась обусловленность демографических процессов уровнем доходов, этническими традициями и жизненными стандартами. Такие вопросы, как питание, медицинское обслуживание, заболеваемость, обеспечение старости в традиционных обществах, стали полноценными вопросами клиометрического исследования³¹.

Междисциплинарные тенденции, усиливающиеся в клиометрике 80-х годов, хорошо видны и на примере такой важной темы послевоенной экономической науки, как рынок труда. Ранее этот вопрос изучался только в макроэкономических аспектах: занятость, ее связь с экономическим ростом, обеспеченность страны трудовыми ресурсами, региональное распределение доходов, динамика заработной платы. Однако

²⁸ Fogel R.W., Engerman S.L., Trussell J. Exploring the Uses of Data on Height: the Analysis of Long-Term Trends in Nutrition, Labor Welfare and Labor Productivity. – *Social Science History*, v. 6, 1982, № 4, p. 401–421; Fogel R.W. Second Thoughts on the European Escape from Hunger: Famines, Price, Elasticities, Entitlements, Chronic Malnutrition and Mortality Rates. – *Newsletter of the Cliometric Society*, v. 4, 1989, № 3. Sec. 2, Speeches and Abstracts.

²⁹ В первый период развития клиометрики из работ, близких к клиометрическим, затрагивающих вопросы демографических изменений можно назвать только трехтомник под редакцией С. Кузнецова с участием Р. Истерлина и других авторов, изданный в 1957–1964 гг.: *Population Redistribution and Economic Growth in the United States, 1870–1950*, v. 1–3. Philadelphia, 1957–1964.

³⁰ Wrigley E.A., Schofield R.S. *The Population History of England, 1541–1871: A Reconstruction*. Cambridge (Mass.), 1981.

³¹ Gallman J.M. Relative Ages of Colonial Marriages. – *The Journal of Interdisciplinary History*, v. 14, 1984, № 3, p. 609–617; Campbell J. Work, Pregnancy and Infant Mortality among Southerin Slaves. – *Ibidem*, № 4, p. 793–812; Cohn R.L. Mortality on Immigrant Voyages to New York, 1836–1853. – *The Journal of Economic History*, v. 44, 1984, № 2, p. 289–300; Lindert P.H. English Population, Wages and Prices: 1541–1913. – *Exploration in Economic History*, v. 15, 1985, № 4, p. 609–634; Bailyn B. *The Peopling of British North America*. New York, 1986; Crubb F. Morbidity and Mortality on the North Atlantic Passage: Eighteenth Century German Immigration. – *The Journal of Economic History*, v. 17, 1987, № 3, p. 565–585; Wahl J.B. New Results on the Decline in Household Fertility in the United States from 1750 to 1900. – *Studies in Income and Wealth*, v. 51, 1987, p. 391–425; David P.A., Sundstrom W.A. Old-age Security Motives, Labor Markets and Form Family Fertility in Antebellum America. – *Exploration in Economic History*, v. 25, 1988, № 2, p. 164–197.

постепенно интерес в этой области начал смещаться от общего к частному. С 80-х годов все чаще стали изучаться рынки труда для разных социальных групп, в центре внимания оказались проблемы сегрегации в области занятости по половым, возрастным, расовым категориям, ставился вопрос о социальной адаптации эмигрантов, а также о неэкономических факторах, влияющих на структуру и динамику рынка труда³².

Клиометрические работы 80-х годов показывают, что снижение уровня обобщения при постановке исследовательской проблемы приводит к тому, что для раскрытия тем, разрабатывавшихся раньше только в рамках экономики, требуется социальный и исторический анализ.

В целом можно утверждать, что увлечение макроэкономическими проблемами в ранний период повлияло на то, что современная клиометрика все больше стремится работать на микроуровне. Тем не менее традиционные макроэкономические вопросы сохраняют актуальность. Однако междисциплинарные тенденции, начавшие ярко проявляться в 80-е годы, нельзя не учитывать, если необходимо составить полное представление об экономической истории в целом. Микроподходы как раз и стали основным путем обогащения исследовательских подходов за счет смежных с экономикой дисциплин, потому что, чем локальнее тема исследования, тем уже сфера применения общей экономической теории. Это вызывает необходимость искать индивидуальные подходы к разрабатываемой проблеме, что неизбежно влечет за собой более внимательное отношение к исторической части работы, потому что очень часто историческое особенно ярко начинает проявляться именно на микроуровне.

Микроуровень современной клиометрики повлиял не только на ее междисциплинарный характер, но и предопределил значительное разнообразие тем исследований по сравнению с предыдущим периодом. По этой причине современную клиометрику довольно трудно свести к нескольким тематическим областям. Более того, сложно провести институциональную границу между клиометрикой и в целом экономической историей, что признают и сами американцы. Часто одни и те же авторы, публикуют работы, как в клиометрическом, так и в общем историко-экономическом ключе. Это доказывает, что клиометрика в максимальной степени открылась влиянию других, смежных с ней, научных областей.

Прошло уже 40 лет с тех пор, как "новая экономическая история" заявила о себе, и примерно 20 лет назад прекратились процессы, спровоцировавшие в послевоенное время глобальное перераспределение сил в пограничных областях между историей и экономикой. В свою очередь тенденции поздней клиометрики тоже устоялись и это позволяет делать обобщения о наследии клиометрической революции.

Так как же повлияла клиометрика на расстановку сил и характер эволюции экономической истории в целом? Что стало с клиометрикой первой волны: насколько сильно она изменила облик экономической истории и в какой степени сама интегрировалась в нее? Дискуссии на эту тему то затихают, то вспыхивают вновь, что свидетельствует о том, что оценка прошлого опыта необходима современной экономической истории, чтобы понять, куда ей двигаться дальше.

---

³² *Carter S.B.* Occupational Segregation, Teachers Wages and American Economic Growth. – *The Journal of Economic History*, v. 46, 1986, № 2, p. 373–384; *Crubb F.* Redeemtioner Immigration to Pennsylvania Evidence on Contract Choice and Profitability. – *Ibidem*, p. 404–418; *Cox D., Nye J.* Male-female Wage Discrimination in Nineteenth Century, France: Abstract. – *Newsletter of the Cliometric Society*, v. 3, 1987, № 1, Sec. 2. Papers for ASSA Session; *Cloud P., Galenson D.W.* Chinese Immigration and Contract Labor In the Late Nineteenth Century. – *Exploration in Economic History*, v. 24, 1987, № 1, p. 22–42; *Lewis R.L.* Black Coal Miners in America: Race, Class and Community Conflict 1780–1980. Lexington, 1987; *Ransom R., Sutch R.* The Trend in the Rate of Labor Force Participation of Older Men, 1870–1930: A Reply to Moen. – *The Journal of Economic History*, v. 49, 1989, № 1, p. 170–183.

Следует также отметить исследования по вопросам женской занятости: *Carter S.B., Prus M.* The Labor Market and the American High School Girl. 1890–1928. – *The Journal of Economic History*, v. 42, 1982, № 1, p. 163–171; *Goldin C.D., Sokoloff K.* Women, Children and Industrialization in the Early Republic: Evidence From the Manufacturing Census. – *Ibidem*, № 4, p. 741–774; *Goldin C.D.* The Female Labor Force and American Economic Growth. – *Studies in Income and Wealth*, v. 51, 1987, p. 557–590.

Разброс мнений в этих спорах очень широк и, как правило, зависит от научных корней ее участников. Так, историки по образованию более пессимистично оценивают итоги клиометрической революции, чем ученые, воспитанные в рамках экономической науки.

Влияние клиометрики на экономическую историю оказалось очень многоплановым. Она не только показала пример максимального использования экономического инструментария в исторических исследованиях, но и невольно спровоцировала историческое направление внутри экономической истории, называемое деловой историей, что стало косвенным выражением недовольства части историко-экономического сообщества грозящей им крайней экономизацией.

Клиометрика является областью экономической истории и наиболее ярко выраженной экономической доминантой. Клиометрические конференции были ровесницами первых конференций по экономической истории. Окончательное формирование экономической истории как самостоятельной дисциплины произошло на гребне волны послевоенного интереса к экономической стороне исследований. Поэтому многие клиометрические принципы до сих пор остаются фундаментальными основами большого количества направлений в экономической истории.

Главные результаты деятельности клиометрической школы общеизвестны и заключаются в том, что она привнесла в экономическую историю строгий анализ на основе неоклассической теории и количественных методов. Благодаря ей в американской экономической истории стал господствовать экономический стиль изложения материала. Клиометрика начала работать с массовыми статистическими данными в невиданном до этого масштабе. Ей удалось значительно продвинуться в изучении экономической истории как США, так и мира в целом. Это было сделано как в процессе разработки новых тем, так и путем пересмотра старых концепций, господствовавших ранее в науке.

К этому следует добавить, что клиометрика, или "новая экономическая история", изменила принципы работы историка в аспекте, который не всегда осознавался критиками направления. Клиометрика не придавала обобщающим работам значения завершающего этапа исследования, на стадии которого автор выносит на суд критики плоды своего труда. Публикации отражали половину пути, который предстоит пройти исторической концепции от ее возникновения, через теоретическую и эмпирическую разработку до кристаллизации на парадигмальном уровне. Например, эпохальные работы "Железные дороги и экономический рост" и "Время на кресте" не представляют сами по себе ни концепцию транспортной революции XIX в., ни понимание рабства в том виде, как они в конце концов сложились в американской экономической истории. Понимание этих проблем складывалось постепенно в результате коллективного труда многих авторов.

Об этом в 1979 г. писал Р. Фогель: "Живопись, музыка, литература и даже некоторые типы исторических сочинений могут быть совершенным творением отдельной индивидуальности, произведенным в относительно короткий период интенсивной деятельности. Такая творческая работа обычно имеет высокое индивидуальное достоинство... В отличие от них научные творения обычно имеют более длительный период создания, методы усовершенствуются постепенно и включают усилия большого числа ученых"³³.

Непонимание этого в работе "новых экономических историков" приводило к тому, что дискуссии клиометрики рассматривались как свидетельства неудачной методологии и, особенно, количественных методов. Такая трактовка иногда встречалась у наших историков в 70-е годы. Тот же скепсис по отношению к "новой экономической истории" разделяли и их американские коллеги. Причина этого очевидна – клиометрика была им внутренне непонятна, потому что была для них чужеродным явлением.

³³ Fogel R.W. Notes on the Social Saving Controversy, p. 53.

Однако со временем, когда клиометрический инструментарий потерял свою новизну и было накоплено достаточно информации о применении клиометрических методик, у критиков направления появились более весомые аргументы, не ограничивающиеся уже выражением эмоционального неприятия чуждых явлений. Главный результат дискуссий вокруг клиометрики сводился к тому, что удалось очертить границы применения клиометрического инструментария и понять, где он необходим и является единственной формой изучения исторических явлений, а где он бессилён.

Критики клиометрики справедливо отмечали, что со временем началась некоторая схоластика направления, причины которой были не только в притоке в клиометрику большого числа исследователей, темы которых не всегда достаточно широки, важны и интересны, но и в изначальном стремлении клиометристов к максимальной дегуманитаризации своего направления. Наряду с клиометрической точностью и "научной строгостью" история имела риск стать безликой, превратиться в историю тенденций, а не жизни, процессов, а не людей.

Потребность в изучении отдельных явлений экономической жизни: персоналий, фирм, экономических аспектов повседневной жизни, – проявилась сейчас в разрастании деловой истории, которая, по мнению своих приверженцев, является более удачным сочетанием общего и индивидуального в экономической истории.

В целом традиционная клиометрика 60-х годов вызывает некоторое раздражение не только у ее противников, но и у приверженцев основ клиометрических исследований. Как уже говорилось, поздняя клиометрика давно вырвалась за пределы, намеченные ей в ранний период. Эволюция экономической и исторической компонент исследований в экономической истории сейчас идет по пути их сближения: деловая и социально-экономическая истории постепенно экономизируются, а клиометрика – историзируется.

Развитие клиометрики пошло не по пути тесного взаимодействия с экономической наукой, а за счет впитывания в себя элементов других общественных наук: социологии, демографии, истории. Клиометрика перестала быть чисто экономической историей. Увеличилось количество точек соприкосновения между историей, как научным институтом, и клиометрикой. Получилось так, что клиометристы дали больше пищи для размышления историкам, чем экономистам, потому что показали, как обогатить историческую науку. Что же касается взаимоотношений экономики и клиометрики сегодня, то, по мнению Д. Норты, между ними начинает намечаться некоторый разрыв, связанный отчасти с тем, что экономическая наука сейчас быстро развивается, а в экономической истории постепенно набирают силу историческая, демографическая, социологические компоненты³⁴.

Если дальше рассуждать об историческом и экономическом в экономической истории, становится ясно, что, несмотря на то, что клиометристы пересмотрели большое количество общепринятых взглядов в экономической истории, они были не всегда удачливы в создании новых концептуальных и теоретических построений. Исторически это выглядело следующим образом: пионеры клиометрики расчищали пространство экономической истории США от устаревших и несостоятельных концепций, как бы подготовив базу для строительства новых теорий социальных и экономических изменений. Однако последнего не произошло: молодежь привнесла в клиометрику новые интересы, а отцы-основатели, за исключением разве что Д. Норты, "ушли расчищать другие завалы", т.е. стали разрабатывать клиометрическими методами новые темы.

Для объяснения этого феномена можно найти много причин, однако с точки зрения развития науки существует лишь один: для новых историко-экономических теорий необходим сильный прорыв за пределы неоклассической теории. Для работы с историческими реалиями необходимы такие теоретические основы, которые давали бы возможность изучать рынок в его историческом развитии, включая и системы,

³⁴ An Interview with Douglass C. North.

несовершенные с точки зрения неоклассической экономической теории, когда экономика функционирует "непредусмотренным" теорией образом по политическим или экономическим причинам.

Однако именно в области разработки новых теорий экономическая история и клиометрика начинают отставать от теоретической экономики. Продолжая институционально быть дисциплинами, подпитываемыми из экономики, они начинают отрываться от экономических корней. Современная клиометрика сейчас больше похожа на междисциплинарную область, на стыке сразу нескольких общественных наук, среди которых экономика по-прежнему остается ведущей.

Современная неопределенность границ между клиометрикой и общей экономической историей, постепенное размывание теоретических принципов, недостаток нового инструментария для решения новых задач говорит о том, что направление в целом находится на распутье³⁵. Вряд ли это кризис идей, скорее межвременье, когда старые тенденции исчерпаны, а новые еще нечетко выражены. Поддерживая свое многообразие, экономическая история пытается найти в нем ориентиры, к которым она будет стремиться в следующем веке. Поэтому сегодня экономическая история дает возможность выбирать каждой научной национальной школе свою нишу.

Широкая междисциплинарность современной экономической истории – хорошая основа для взаимопонимания специалистов как в разных научных областях, так и в разных странах, поэтому сейчас размываются границы направлений, тем и методов. Сохраняются требования только к ряду работ клиометрического характера, обязанных содержать строгий теоретический и количественный анализ. В этой ситуации в рамках международной клиометрики, да и экономической истории в целом, есть большие возможности для сохранения индивидуального облика национальных школ количественной истории. В связи с этим, еще раз хочется обратиться к опыту отечественной количественной школы. Ее специфика заключается в том, что она основана на уникальном для мировой науки союзе историков и математиков, которому удалось закрепить в собственной организационной инфраструктуре и показать высокий уровень исследований.

Такое положение дел у нас стало следствием целенаправленной организации лабораторий математического профиля в академических институтах и университетах. Штат таких лабораторий включал и историков, и специалистов в области прикладной математики. Так, в 1971 г. по инициативе академика И.Д. Ковальченко в Институте истории СССР АН СССР была открыта Лаборатория по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. При Отделении истории АН СССР появилась Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, проводились всесоюзные школы-семинары молодых ученых, а в 1979 г. был организован постоянно действующий всесоюзный семинар по применению количественных методов в исторических исследованиях, рубрики "методы исторического исследования" появились в ведущих исторических журналах страны и в классификаторе специальностей ВАК.

Советская школа по "применению количественных методов в исторических исследованиях" отличалась стремлением к междисциплинарным подходам, впитыванию элементов экономического, социологического, лингвистического исследования, внимательным отношением к традициям российской статистической школы. Инструментарий советской количественной школы применялся во многих конкретно-исторических исследованиях.

Однако магистральное направление эволюции этого направления со второй половины 80-х годов сосредоточилось на методологических аспектах применения компьютерных технологий в исторических исследованиях. В этой области у нас имеется мощная ассоциация "История и компьютер", активно работающая на

---

³⁵ Coleman D.C. Op. cit., p. 637.

международном уровне, являясь активным членом ассоциации "History and Computing" (АНС)³⁶.

К сожалению социально-экономическая история, составлявшая важную часть исследований советской количественной школы не получила такого институционального развития. Возможно, это произошло по причине того, что изначально количественная история у нас представляла собой работы исследователей в совершенно разных областях, их объединяло лишь использование количественных или математических методов. Поэтому дальнейшая эволюция в русле методологического направления представлялась нашим количественникам наиболее естественным путем.

Социально-экономическая история у нас до недавнего времени не осознавалась как часть количественной истории, которая может самоорганизоваться как будущая составная часть мировой экономической истории. Однако сейчас отношение к этому вопросу меняется, и отечественные историки, специализирующиеся как в количественной, так и в социально-экономической истории пытаются объединить свои силы. В последнее время все чаще слышатся голоса в пользу координации действий в этой области.

---

³⁶ В русском языке нет понятия, соответствующего английскому "computing". Название международной ассоциации "History and Computing" можно перевести, как "История и компьютерные технологии".

Н. Д. С М И Р Н О В А

ГРЕЦИЯ В ПОЛИТИКЕ США И СССР. 1945–1947 гг. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Участники антигитлеровской коалиции никогда не отличались полным совпадением взглядов на вопросы послевоенного мирного урегулирования. Но, если в годы войны ориентация на сотрудничество и взаимодействие определялась необходимостью достижения общей цели – разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов, – то после ее окончания ситуация коренным образом изменилась. Отношения между СССР и его недавними союзниками стали обостряться и перешли в состояние конфронтации, получившее название "холодной войны". Уже тогда стало очевидным, что противостояние в масштабах всего мира будет развиваться по линии США и СССР. Борьба, развернувшаяся между ними в ходе послевоенного мирного урегулирования на Балканах, явилась тому подтверждением.

Известно, что начавшийся в конце XIX в. процесс балканизации, т.е. искусственного (в результате диктата великих держав) проведения границ между новыми государствами без учета этнополитических факторов, не был остановлен ни мирным урегулированием после балканских войн 1912–1913 гг., ни Версальской системой договоров 1919–1920 гг. Частичное изменение государственных границ происходило в межвоенные годы и в самом ходе второй мировой войны, когда немецкие и итальянские захватчики перекраивали территории балканских государств по "своим" зонам. Поэтому все накопившиеся за долгие десятилетия противоречия проявились на официальных встречах представителей Большой Тройки.

В наиболее концентрированном виде столкновение точек зрения прослеживается на примере урегулирования границ Греции. Этот вопрос не освещался в отечественной историографии. Только открытие архивов и снятие ограничений на запретные в прошлом темы сделало возможным их исследование. Вместе с тем груз неизжитых разногласий по территориальным вопросам дает о себе знать и в наши дни, осложняя время от времени отношения между балканскими государствами.

Греция вступала в Новый, 1945 г. – год Победы – в сложных внутренних и внешнеполитических условиях. Освободившись от фашистского ига, она оказалась по сути дела оккупированной иностранными войсками, а именно армией своего британского союзника. Страна, одной из первых на Балканах вошедшая в ряды антигитлеровской коалиции, Греция в годы послевоенного мирного урегулирования была вынуждена отстаивать свое право на решение территориальных проблем. Даже с бесспорными, признаваемыми всеми законными требованиями воссоединения Додеканезских островов не обстояло все так гладко, как представлялось грекам накануне освобождения. Издревле населенные греками острова, едва освободившиеся из-под векового турецкого ига в 1912 г., они тут же попали под итальянское господство. После краха итальянского фашизма и окончания второй мировой войны островная Греция уверовала в объединение с материковой частью.

Довоенная Греция традиционно входила в сферу британских политических интересов, и эта ставшая аксиоматичной истина учитывалась официальным Вашингтоном в практической деятельности. Долгосрочные гегемонистские цели США в бассейне Средиземного моря вступали в противоречие с британскими планами реставрации имперских позиций в полном довоенном объеме, что непосредственно касалось и Греции. Американские пропаганда и дипломатия играли на противопоставлении якобы

демократических принципов американской политики имперским традициям англичан.

Во второй половине 1944 г. в Ближневосточном отделе госдепартамента США был подготовлен ряд документов, касавшихся исходных позиций и перспектив американской политики в Восточном Средиземноморье. Меморандум "Политика США в отношении Греции" от 19 августа 1944 г., содержал следующую констатацию:

"Покинувшее Грецию правительство, уподобившееся слабой тростинке, иссохшей без корней, ныне ожило, получив свежий приток крови с оккупированной родины. Не было конца интригам и спорам, вращавшимся сначала вокруг вопроса о возвращении короля, а позже вокруг взаимоотношений политических лидеров и повстанцев левого толка, сражавшихся в греческих горах. Соединенные Штаты продолжали воздерживаться от вмешательства во внутреннюю греческую политику, но пытались: 1) вдохновить греков на объединение; 2) обеспечить грекам возможность свободно избрать форму правления, при которой они хотели бы жить; 3) сдерживать британскую тенденцию вершить греческие дела с позиции силы; и 4) предотвратить раздел Балкан на британскую и русскую сферы влияния"¹.

В дни декабрьских событий 1944 г., когда находившиеся в Греции британские войска участвовали наряду с местной полицией в кровавом подавлении мирной демонстрации трудящихся, протестовавших против готовившегося разоружения частей народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС), США предпочли дистанцироваться от политики своего британского союзника, спровоцировавшего внутривосточный конфликт в Греции². Официальное отношение госдепартамента формулировалось следующим образом в обобщении, сделанном 19 декабря того же года: "В последнее время наша политика в отношении Греции явилась еще одним новым подтверждением нашего желания, чтобы форма управления, которая будет установлена на греческой земле после отступления немцев, была такой, которую свободно выберет сам греческий народ и которая будет отражать демократические устремления большинства нации. Правительство США дает ясно понять, что оно не солидаризируется с британской политикой вмешательства во внутренние дела Греции и с попытками сформировать и поддержать греческое правительство, благосклонно принимающее британскую заинтересованность, что было, в частности, отражено в заявлении госсекретаря от 5 до 7 декабря в отношении освобожденных стран"³.

Американцы заняли удобную позицию стороннего наблюдателя, предпочитая, чтобы их союзник своими руками проделал черновую, грязную работу по устранению левых сил с политической арены. Но это им не удалось в полной мере, и они со все большей настойчивостью стали вмешиваться во внутренние дела Греции даже ценой ухудшения отношений со своим британским союзником⁴. Эволюционировал также американский подход к территориальным проблемам. В 1942 г. в США весьма осторожно подходили к проблеме изменений границ на Балканах после окончания войны, как это предлагалось в меморандуме греческого правительства, направленном президенту США Ф. Рузвельту, госсекретарю К. Хэллу и заместителю госсекретаря

¹ National Archives and Record Service. State Department (далее – NA), Decimal File, box 2050, № 711. 68/8–1944. Комментарий и полный текст документа опубликован мной в сб. "Из истории Европы в новое и новейшее время". М., 1984, с. 231–244.

² Речь шла о заявлениях заместителя госсекретаря США Э. Стеттиниуса, отмежевывавшегося от британских действий в Греции во время декабрьских событий 1944 г.: The Diaries of Edvard R. Stettinius Jr. 1943–1945. New York, 1975, p. 205. Подробнее см.: *Смирнова Н.Д.* "Политика США в отношении Греции (1943–1945)". – Новая и новейшая история, 1984, № 1, с. 44–63; *ее же.* "Средиземноморье в переходный период от войны к миру". – В кн.: "Средиземноморье и Европа. Исторические традиции и современные проблемы" М., 1986, с. 97–112.

³ NA. Decimal File, box 2050, № 711. 66/8–1944.

⁴ Г. Макмиллан, в ту пору министр-резидент на Ближнем Востоке, принимавший самое непосредственное участие в урегулировании всего комплекса вопросов, связанных с Восточным Средиземноморьем вообще и с Грецией в частности, с большим неодобрением отказывался об американской политике того времени. В частности, он осуждал Рузвельта за то, что тот якобы стремился разрушить британскую империю: *Macmillan H.* Blast of War. 1939–1945. London, 1967, p. 508.

С. Уэллесу 12 июня 1942 г. В частности, это нашло отражение в процессе обмена мнениями в связи с декабрьскими декларациями Большой Тройки "О независимости Албании" в 1942 г.

Однако по мере нарастания внутреннего хаоса в Греции менялось отношение США как к возможности непосредственного вмешательства во внутренние дела, так и к территориальному урегулированию на Балканах. Причем, дистанцирование от политики британского союзника сохранялось. В начале 1945 г., еще при жизни Рузвельта, прекратила действие программа американской помощи Греции по линии объединенной англо-американской военной миссии. После прихода в Белый дом президента Г. Трумэна США отказались от поддержки программы помощи Греции через Администрацию помощи и восстановления объединенных наций (ЮНРПА) и от размещения займа через Международный банк реконструкции и развития. Отныне предоставление Греции займов и кредитов обуславливалось получением гарантий, что средства будут направляться исключительно в соответствии с пожеланиями и планами правительства США.

Если британские политики, понимая невозможность урегулирования греческих дел без помощи США, считали предпочтительным вариантом совместное равновеликое участие в действиях по остановке "красной волны" с Севера, то американцы думали иначе. Они оставляли лозунг борьбы против коммунистической угрозы с Севера для нужд внешней пропаганды. "Наши разведывательные данные свидетельствуют о том, что причины греческого кризиса коренятся скорее во внутренних, чем во внешних факторах, – писал 10 ноября 1945 г. госсекретарю Дж. Бирнсу военный министр Р. Паттерсон. – Большинство греческого народа тяготеет к принятию режима правых, но довольно солидное меньшинство привержено существующим образцам коммунизма... Внешние источники могут создать опасность для Греции вплоть до вовлечения ее в случае предпринятия каких-либо военных операций против Турции и возможного албано-югославского нападения на Грецию. Это только предполагаемое развитие событий, но его нельзя отвергать"⁵. Что же касается ситуации внутри Греции, то она представлялась в весьма мрачном свете. Как писал в госдепартамент после мартовских выборов 1946 г., принесших победу коалиции правых и реставрацию в сентябре того же года монархии, американский посол в Греции Л.Макви, у власти находились ограниченные, аморальные, коррумпированные политики, полностью лишенные чувства реализма, во главе со старым, нерешительным человеком, каким был король⁶.

Такого же невысокого мнения о тогдашних греческих политиках придерживался и британский посол в Афинах Р. Липер, бесцеремонно вмешивавшийся во внутренние дела страны (чаще всего не на благо ей) и прозванный злым гением Греции. Уничжительные характеристики, которыми он "награждал" видных деятелей страны, циркулировали среди членов афинского дипкорпуса. Например, в одной из первых встреч с советским послом К.К. Родионовым он так отзывался о лидере влиятельной либеральной партии, неоднократно выдвигавшемся на пост премьер-министра С. Венизелосе: "Политическое ничтожество, пустой человек и известный лишь как игрок в бридж международного класса и сын знаменитого отца"⁷.

К концу войны между участниками Большой Тройки произошло размежевание по

⁵ NA. Decimal File, box C-799, № 868.00/11-1045.

⁶ US Foreign Policy Toward Greece and Cyprus. The Clash of Principle and Pragmatism. Conference Proceedings. Washington, 1975, p. 13-14.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 084, оп. 34, д. 7, п. 139, л. 42. Родионов сообщал также со слов Р. Липера, что последний хорошо знал М.М. Литвинова во время проживания того в Англии, учился у него русскому языку и одно время заведовал Русским отделом в Форин офис. В 1918 г. он осуществлял связь между полпредом РСФСР в Лондоне Литвиновым и Форин офис. Отец С. Венизелоса Элефтернос Венизелос – премьер-министр Греции в 1910–1915, 1917–1920, 1924, 1928–1932, 1933 гг. Противник реставрации монархии. С 1935 г. в эмиграции. Подробнее о нем см.: *Никитина Т.Н.* Элефтернос Венизелос – идеолог и практик греческого либерализма (1864–1936). – Новая и новейшая история, 1995, № 2.

территориальным и политическим вопросам мирного урегулирования, что проявилось на первых сессиях Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне 11.IX–2.X.1945 г. и в Париже 25.IV–16.V, 15.VI–12.VII 1946 г. В очередном меморандуме Ближневосточного отдела 11 марта 1946 г. утверждалось: "С международной точки зрения Греция входит в российские планы экспансии в направлении Среднего Востока, Средиземноморья и Индийского океана... [Удовлетворение советского требования о предоставлении баз на Додеканезах] стало бы важнейшим шагом в свете современных усилий России по установлению своего господства в Восточном Средиземноморье. Только о Греции и Турции можно говорить, как о странах, где влияние и идеалы западных демократий продвинуты в восточном направлении. В Греции и Турции – единственных странах соседствующих с Россией – западная система может создать фронт против всепроникающего распространения советских методов и влияния"⁸.

В дальнейшем, уже по результатам дискуссий на Парижской мирной конференции в недрах госдепартамента сформировалась официальная позиция, нашедшая отражение в трех документах: в секретном письме заместителя госсекретаря У. Клейтона 12 сентября к находившемуся в Париже Бирнсу, меморандуме американского Объединенного комитета начальников штабов от 25 сентября и письме Клейтона Бирнсу от 25 сентября 1946 г.⁹ На основании их делался вывод о необходимости выработки новых очертаний политики в отношении Турции, Греции и Ирана – трех ближне- и средневосточных стран, которые могли бы быть затронуты тогдашним развитием событий.

Греции в этих разработках уделялось особое внимание, ибо она становилась главным звеном в напряженных международных отношениях. От того, как сложится ее судьба в ближайшие месяцы, в решающей степени зависела ориентация стран Ближнего и Среднего Востока. Поэтому во главу угла ставилась поддержка Греции на Парижской мирной конференции. Подчеркивалась опасность установления советского контроля над Восточным Средиземноморьем, являвшееся для США чрезвычайно важным экономическим и стратегическим районом. Одним из выводов был тот, что неизбежностью стала идеологическая дуэль между США и СССР или между США и Англией, с одной стороны, и СССР – с другой. Таким образом, задача "сдерживания коммунизма" материализовалась в установках для американской делегации на заседаниях СМИД и Парижской мирной конференции.

Аналогичная позиция, ориентированная на жесткое противостояние, вырабатывалась также и в Москве. Основная стратегическая линия в Восточном Средиземноморье состояла в поддержке тех стран, которые шли в фарватере советской внешней политики независимо от того, на чьей стороне они выступали в годы второй мировой войны. С особой наглядностью это проявилось при рассмотрении всего комплекса вопросов, связанных с послевоенным урегулированием границ Греции и ее соседей.

В аппарате министра иностранных дел СССР В.М. Молотова концентрировались информационные материалы и различные предложения, зачастую разработанные по его непосредственному указанию или по предложенной им схеме. Ниже приводятся фрагменты из некоторых, наиболее важных документов, относящихся к январю 1945 г., когда война еще шла, но победа союзников по антигитлеровской коалиции представлялась неоспоримой.

Одной из самых ранних всеобъемлющих разработок стала записка тогдашнего заместителя наркома иностранных дел СССР И.М. Майского 11 января 1944 г. В разделе 12. "Балканы" он писал:

"г) Вопрос о Греции несколько сложнее. СССР заинтересован в Греции гораздо меньше, чем в других балканских странах, а Англия, наоборот, в Греции чрезвычайно заинтересована. Поэтому в отношении Греции СССР следует соблюдать особенно

⁸ *Jatrides J.O. Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949.* – In: *History of the Greek Civil War 1945–1949.* Copenhagen, 1987, p. 229.

⁹ NA. Decimal File, box 3491, №. 711. 68/9–2546; *Foreign Relations of the USA* (далее – FRUS), 1944, v. VII, p. 240–245. "Memorandum Regarding Greece" включает позиции, позднее вошедшие в доктрину Трумэна.

большую осторожность. Если бы демократическая Греция, следуя примеру других балканских стран, захотела также заключить пакт о взаимопомощи с СССР, мы не имели бы оснований ее обескураживать. Однако, если бы заключение такого двустороннего греко-советского пакта грозило вызвать какие-либо осложнения с Англией, можно было бы попытаться разрешить проблему в порядке заключения тройственного пакта взаимопомощи между Англией, Грецией и СССР (по примеру Ирана).

д) Что касается территориальных вопросов, то тут картина рисуется мне в следующем виде: Югославия может быть восстановлена в своих прежних границах, если потребуются, с теми или иными частичными модификациями. Греция также может быть восстановлена в прежних границах и, сверх того, получить Додеканез, что она вполне заслужила своей героической борьбой против Италии и Германии. Болгария должна вернуть Югославии и Греции аннексированные у них земли, за исключением, может быть, Дедеагача, ибо удержание Болгарией Дедеагача могло бы представлять интерес для СССР в случае заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Достаточной компенсацией Греции за Дедеагач был бы Додеканез¹⁰.

Через год, в январе 1945 г., вопрос о Додеканезе появился в ряде документов Наркоминдела. В частности, в политическом письме посла СССР в Италии М.А. Костылева, направленном Молотову, рассматривался весь комплекс вопросов, связанных с мирным урегулированием в Восточном Средиземноморье. В разделе "Наша линия поведения в отношении Италии" говорилось следующее.

"8. Греция безусловно поставит вопрос о передаче ей в Эгейском море группы островов "Додеканез" (всего 12 островов, самый большой из них Родос), населенных греками и принадлежащих Италии. Этот вопрос придется решить, по-видимому, в пользу Греции, постаравшись получить от Греции какую-либо компенсацию за положительное для нее разрешение этого вопроса.

9. Албания потребует себе принадлежащий Италии остров Сасено, находящийся в Отрантском проливе Адриатического моря. Надо будет поддержать это требование Албании, так как этот важный в стратегическом отношении островок при всех обстоятельствах выгоднее иметь в руках маленькой Албании, чем в руках Италии. Особенно в этом заинтересована Югославия...

10. Англичане будут принимать все меры для отторжения от Италии крайне важных для них в стратегическом отношении острова Пантеллерия и мелких островов Лампедуза, Линоса и Лампione. Менее вероятно, что англичане будут претендовать на отторжение от Италии группы Эгейских островов. Нам невыгодно усиление английских позиций в Средиземном море и мы должны всячески препятствовать реализации подобных претензий Англии"¹¹.

По всем разрозненным упоминаниям проблемы Додеканеза того времени, когда противоречия в Большой Тройке обозначились, но не очень сильно выплескивались наружу, в советских документах обнаруживается понимание необходимости безусловного возвращения островов Греции. Еще не было увязки с проблемой итальянских колоний в Африке, но уже совершенно отчетливо проступало отношение к Греции, как к стране, тяготеющей к Западу.

В собственноручной записке Молотова, сделанной карандашом в канун Ялтинской конференции, развивалась аргументация в пользу жесткой позиции, занятой советской дипломатией в польском вопросе и усиливалась новыми соображениями:

"Польша – большое дело!

Но как организ[о]в[ать] пр[авител]ств[о] в Бельгии, Франции, Греции и т.д. мы не

¹⁰ Источник. Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995, № 4. с. 130–131. Дедеагач – поселок на побережье Эгейского моря в Западной Фракии. Оставлен за Болгарией по мирному договору с Турцией в 1913 г. Передан Греции по Севрскому договору 1920 г. В годы войны входил в оккупационную болгарскую зону. В настоящее время на месте Дедеагача и других приморских поселков сооружен порт Александруполис.

¹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 479, л. 34, л. 14–15.

знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств.

Мы не вмешивались, т.к. это зона действий англо-ам[ериканских] войск"¹².

После окончания войны и особенно к открытию заседаний СМВД определилась политика СССР по отношению к Греции в частности и в Восточном Средиземноморье в целом. Не выступая прямо против передачи архипелага Додеканез Греции, советская дипломатия стала увязывать этот вопрос с судьбой итальянских колоний¹³. В Италии не собирались спокойно отказываться от Додеканеза, принимая во внимание наличие сильных экономических позиций, завоеванных за годы более чем тридцатилетнего владения островами. К тому же, какое-то время сохранялась надежда на частичное удержание контроля над колониями. Расчет строился также на существовании противоречий в Большой Тройке.

Впервые связка "Додеканез – колонии" стала фигурировать на заседании СМВД в Лондоне в сентябре–октябре 1945 г. Незадолго до этого тогдашний министр иностранных дел Италии А. Де Гаспери попросил посла в Вашингтоне А. Таркиани выяснить отношение США к территориальным проблемам в преддверии подготовки мирного договора с Италией. 26 августа 1945 г. Таркиани после полуофициальных бесед с сотрудниками госдепартамента обрисовал ситуацию вокруг Додеканеза следующим образом: американцы поддерживают передачу его Греции при условии соблюдения экономических интересов итальянского населения; англичане выступают за это, но не исключают возможность опеки с участием других великих держав; к этому последнему варианту якобы склонна присоединиться и Россия¹⁴.

На заседаниях СМВД в Лондоне при обсуждении будущего итальянских колоний Молотов, отказавшись обсуждать вопрос о Додеканезе отдельно, выступил с предложением о предоставлении Советскому Союзу права единоличной опеки над Триполитанией. Британский министр иностранных дел Э. Бевин отверг эту идею. Если Англия заявляет о готовности поддержать интересы русских в Восточной Европе, то почему СССР не делает этого в отношении английских интересов в Средиземноморье, спрашивал он¹⁵.

Додеканез продолжал оставаться камнем преткновения во взаимоотношениях великих держав-победительниц. В директивах ЦК ВКП(б) от 7 января 1946 г. подчеркивались разногласия по этому пункту. Об этом же говорилось и в записке Молотова Сталину 4 апреля 1945 г. Если по такому спорному вопросу, как присоединение к Югославии полуострова Истрия и Триеста предусматривались два альтернативных решения – поддержать предложение или согласиться на объявление Триеста вольным городом – то в отношении, как казалось, такого бесспорного вопроса, как Додеканез позиция советской дипломатии оставалась неизменной¹⁶. В греческой и мировой печати появились сообщения о нежелании СССР передать острова Греции, о его недружественном отношении к ней. В обращениях к советскому правительству греческих государственных и общественных деятелей содержались призывы поддержать территориальные претензии греков.

Так, в январе 1946 г. во время пребывания в Москве делегации Национально-освободительного фронта Греции (ЭАМ) в составе Д. Парцалидиса, Н. Григориадиса и Г. Алабиадиса об этом также заходила речь. В отчете о пребывании делегации ЭАМ заведующий Отделом балканских стран МИД СССР А.А. Лаврищев писал: "На пресс-конференции в газете "Труд" 28 января представители ЭАМ заявили, что про-

¹² Цит. по: Восточная Европа в документах советских архивов. Новосибирск, 1997, док. № 35.

¹³ 26 августа 1945 г. посол СССР в Италии М.А. Костылев в разговоре с тогдашним итальянским министром юстиции П. Тольятти посетовал ему на непримиримую позицию итальянского правительства в отношении Триеста и колоний и сказал, что СССР не собирается им уступать. "Но Додеканез, вероятно, придется уступить Греции", – сказал он. АВП РФ, ф. 098, оп. 26, д. 152, п. 9, л. 17.

¹⁴ I documenti diplomatici italiani (далее – DDI). Decima serie: 1943–1948, v. II. Roma, 1992, d. 362, p. 488.

¹⁵ Byrnes J.F. Speaking Frankly. New York – London, 1947, p. 95.

¹⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 86, д. 298, п. 93, л. 1, 8.

грамма ЭАМ по территориальным вопросам предусматривает требования о присоединении к Греции Додеканеза, Кипра, Восточной (турецкой) Фракии, Северного Эпира (Южной Албании) и некоторого исправления границы с Болгарией. Подобного рода заявления лидеры ЭАМ неоднократно делали в своей печати.

Мне кажется, что следовало бы дать понять представителям ЭАМ, что пропаганда территориальных претензий Греции к Болгарии и Албании вряд ли полезна, поскольку она может осложнить отношения ЭАМ с этими демократическими, соседними с Грецией государствами¹⁷.

На заседаниях заместителей глав делегаций СМИД, состоявшихся между Лондонской и Парижской сессиями вопрос о Додеканезе поднимался, но обсуждение его отклонялось советской стороной под предлогом его неизученности¹⁸. В директивах, направленных из Москвы послу в Великобритании Ф.Т. Гусеву, сообщалось: "Родионову было поручено от своего имени прощупать отношение греческого правительства к вопросу о предоставлении нам на условиях аренды базы для торговых кораблей на одном из Додеканезских островов. Родионову также было поручено сказать Софулису [премьер-министр Греции], что благоприятное отношение греческого правительства к этому вопросу оказало бы влияние на отношение Советского Союза к греческим претензиям на Додеканезские острова.

В беседе с Родионовым 18 февраля Софулис заявил, что он не может высказать своего мнения по этому вопросу по следующим причинам: 1. Мнение по этому вопросу может сказать только парламентское правительство, которое будет создано после выборов. 2. Он не может решать такой вопрос самостоятельно, без правительства и регента, с которым у него имеется много противоречий. 3. Он опасается, что правые газеты, если узнают о его согласии на сдачу в аренду базы, обвинят его в продаже Греции Советскому Союзу. 4. При решении этого вопроса он должен считаться не только с общественным мнением в Греции, но и с общественным мнением за границей.

Тов. Гусеву дано указание, что если вопрос о Додеканезских островах будет поставлен на обсуждение, он должен будет заявить, что этот вопрос требует более серьезного изучения и поэтому необходимо отложить его обсуждение¹⁹.

На первой части парижской сессии СМИД в апреле – мае 1946 г. СССР отказался от своего проекта односторонней опеки над Триполитанией. Единственной отговоркой Молотова на возобновившихся заседаниях сессии 15 июня стало то, что якобы греки не высказали своего отношения к проблеме Додеканеза. Бевин парировал это утверждение ссылкой на соответствующее заявление греческого правительства, представленное еще на лондонской сессии СМИД. Кроме того, он обнародовал содержание беседы Родионова с Софулисом.

26 июня в Париже состоялась беседа заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с членом греческой делегации, послом в Париже Я. Политисом, который высказал обеспокоенность своего правительства в связи с поступившими отовсюду сведениями о том, что "Советский Союз намерен изменить свою позицию в отношении претензий Греции к Италии и к Болгарии и, в частности, тем, что СССР стал выступать против передачи Додеканезов Греции ... Наблюдается холодок во взаимоотношениях между Грецией и СССР, несмотря на то, что греческий народ питает глубокое уважение к советскому народу"²⁰.

Согласно советской записи беседы Вышинский отклонил упрек посла: "Я ответил, что у Политиса нет никаких оснований говорить о том, что Советский Союз не питает

¹⁷ Там же, ф. 084, оп. 33, д. 14, п. 138, л. 9.

¹⁸ Замминистра иностранных дел В.Г. Деканозов выдвигал другую причину. 24 мая в беседе с итальянским послом в Москве П. Кварони он сказал, что Россия в принципе не выступает против передачи островов Греции, но прежде надо решить кое-какие вопросы, связанные с заключением мирных договоров с балканскими странами: ДДИ, в. III, д. 477, р. 562.

¹⁹ АВП РФ, ф. 0431/1, оп. 2, д. 40, п. 10, л. 11. Текст беседы посла К.К. Родионова с Т. Софулисом см. АВП РФ, ф. 084, оп. 34, д. 7, п. 139, л. 32.

²⁰ Там же, ф. 084, оп. 34, д. 5, п. 139, л. 1.

чувства дружбы к Греции и греческому народу. Советский Союз не держит свои войска в Греции, его пушки не стреляют по территории Греции. Что касается греческих вопросов, то они в настоящее время не стоят на повестке дня Совета Министров"²¹.

В греческой записи беседы эта последняя часть излагается шире и акцент делается на другом. Вышинский якобы сказал: "Если советская позиция в отношении Додеканеза обуславливалась только необходимостью "торговли" между великими державами, то это не означает, что советское правительство имеет что-то против Греции. Неприемлемо одностороннее решение. Существует много претензий, включая болгарские, и они должны быть удовлетворены одновременно"²².

На следующий день, 27 июня, вопреки прогнозам Вышинского, греческие дела все же рассматривались, но без увязки с другими. Произошло то, что с явным удовольствием рассказал в мемуарах Бирнс. В тот день председательствовал Молотов. Повестка дня была обширной и рассмотрение греческих дел в ней действительно не предусматривалось. Когда же она была полностью исчерпана, то Бирнс на всякий случай поставил вопрос о Додеканезе:

"Бирнс: Мы могли бы хорошо завершить пополуденное время и уладить вопрос о Додеканезах.

Молотов: Советская делегация не имеет возражений против этого предложения.

Бевин: Не говорит ли господин Молотов, что он согласен с передачей архипелага Греции?

Молотов ответил утвердительно.

Бирнс: Дайте мне минуту – другую, чтобы придти в себя"²³.

Решение советского правительства о согласии на передачу Додеканеза Греции встретило положительную реакцию в Афинах. Родионов сообщал о встрече в советском посольстве с премьер-министром Э. Цудеросом 2 июня 1946 г., который поблагодарил советское правительство за содействие в возвращении Додеканеза Греции"²⁴. Посол поставил в заслугу премьер-министру, что именно он принял меры к тому, чтобы правая печать была вынуждена прекратить спекуляции вокруг Додеканеза и поместила несколько официальных выражений благодарности СССР за это решение"²⁵.

4 июля 1946 г. в Париже греческий министр иностранных дел К. Цалдарис также поблагодарил своего советского коллегу и выразил надежду на поддержку Советским Союзом других территориальных претензий. Молотов ушел от обсуждения этого вопроса и не согласился с высказыванием Цалдариса насчет агрессивности Болгарии и Албании. Если это так, сказал Цалдарис, то почему же Болгария претендует на Западную Фракию? "Я откровенно высказал свое мнение, – сухо ответил Молотов, – Мне остается лишь сделать вывод, что наши точки зрения не совпадают"²⁶.

Впоследствии в ходе обсуждения условий мирного договора с Италией на Парижской мирной конференции вопрос о Додеканезе вновь поднимался как чисто технический (о границах), так и как продолжение той линии на "торговлю", которая обозначилась на лондонской конференции СМВД. Вопрос о границах архипелага был передан на рассмотрение подкомиссии военно-морских экспертов 5 и 6 октября 1946 г. Речь шла о разграничении в отношении наиболее сложного по очертаниям острова Кастеллориццо. Греческая делегация могла предоставить только схематическую карту. Не возражая по сути дела, комиссия не согласилась на греческий вариант как окончательный и поручила картографической службе сделать описание острова. "В этом описании сомнения представителей СССР и США вызвал третий с конца пункт,

²¹ Там же.

²² *Xydis S.G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Thessaloniki, 1963, p. 221.*

²³ *Byrnes J.F. Op. cit., p. 131.*

²⁴ АВП РФ, ф. 084, оп. 33, д. 14, п. 138, л. 144.

²⁵ Там же, ф. 084, оп. 34, д. 3, п. 139, л. 7.

²⁶ *Xedis S.G. Op.cit., p. 235–236.*

в котором греческая делегация пыталась придать описанной линии значение разграничения между Грецией и Турцией. Подкомиссия считала, что эта линия имеет лишь указания пределов владений Италии в Додеканезах на начало войны – и не больше²⁷.

В последний раз советская делегация попыталась получить компенсацию за Додеканез, но уже не за счет итальянских колоний, а за счет Греции на Парижской мирной конференции во время работ Комиссии по Болгарии. Представитель СССР в Комиссии, посол в США Н.В. Новиков в весьма эмоциональном выступлении по поводу передачи Западной Фракии Болгарии заявил: "В момент, когда Греция восстанавливает свои исторические права на Додеканезские острова, оторванные от нее на протяжении длительного времени, было бы полным триумфом справедливости, если бы и болгарам была возвращена территория, отрезанная от нее 27 лет назад"²⁸.

Вопрос о Западной Фракии возник еще в ходе работ Парижской сессии СМВД. 28 апреля 1946 г. советская газета "Правда" сначала опубликовала статью о территориальных чаяниях Болгарии, а через день и соответствующую декларацию министра иностранных дел Болгарии. Так официально был поставлен вопрос о возвращении Западной Фракии Болгарии. Но практически он стал обсуждаться только на Парижской мирной конференции.

После официального открытия конференции 29 июля 1946 г. значительное время ушло на обсуждение процедурных вопросов не только на пленарных заседаниях, но и в многочисленных комиссиях.

Комиссию по политическим и территориальным вопросам Болгарии возглавил министр иностранных дел Белоруссии Н.В. Киселев. Украину представлял министр иностранных дел Д.З. Мануильский, а СССР – посол в США Н.В. Новиков. В советскую делегацию входил также министр иностранных дел Литвы П.И. Ротомский, который не имел права голоса. Чехословакия и Югославия поддерживали СССР, а противостояли им 7 делегатов: Греции, Англии, США, Франции и трех британских доминионов. Главным от "советских" делегаций был Новиков, получивший инструкции у Молотова лично накануне отъезда из Москвы в Париж²⁹.

Позиции сторон относительно греко-болгарской границы были известны заранее и дискуссии начались уже на первых заседаниях комиссии. Официальные поправки к проекту договора поступили 21 августа 1946 г. К тому времени были разработаны предложения советской делегации о Западной Фракии и о выходе Болгарии к Эгейскому морю³⁰. Они опирались на постановления мирных конференций после первой мировой войны. Тогда американская делегация выступила за сохранение границ, установленных Бухарестским мирным договором 1913 г., т.е., за оставление Западной Фракии в пределах Болгарии, а британская, французская, японская делегации – за передачу ее Греции. В результате компромисса решено в статье 48 договора в Нейи зафиксировать отказ Болгарии "от всех прав и правооснований на территорию Фракии" и гарантировать ей свободу экономического выхода к Эгейскому морю. Соответствующий регламент утверждался международными договорами 1920 г. и закреплялся протоколом, принятым на Лозаннской конференции 24 июля 1923 г.

---

²⁷ АВП РФ, ф. 432, оп. 1, д. 63, п. 3, л. 13. Согласно части I, раздела V Мирного договора с Италией остров Кастеллориццо был передан Греции. Бевин приписывал своей настойчивости именно такое решение вопроса о спорном острове, который мог перейти Турции. Он рассказал об этом 1 июля заместителю министра иностранных дел Греции Ф. Драгумису и попросил его, чтобы Цалдарис взамен не поднимал вопроса об островах Имброс и Тенедос, расположенных у входа в Дарданеллы: *Xydis S.G. Op. cit.*, p. 234.

²⁸ Там же, ф. 0,6 оп. 86, д. 162, п. 80, л. 7. В окончательном тексте выступления, подписанном Новиковым 29 августа 1946 г. этот абзац был перечеркнут (может быть Молотовым?) черной карандашной линией. Возможно, что на заседании призыв к взаимности не был "озвучен", но такая сделка подразумевалась.

²⁹ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. Записи 1938–1947 гг. М., 1989, с. 343.

³⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 86, д. 166. Предложения подписаны главой советской делегации в Комиссии К.В. Киселевым, послом в Болгарии С.П. Кирсановым и заведующим отделом Балканских стран МИД СССР А.А. Лаврищевым.

Болгария отказалась к нему присоединиться, поскольку Западная Фракия оставалась под греческим суверенитетом. Ее требованием было превращение Западной Фракии в автономную область под международным управлением.

В кулуарах Парижской мирной конференции 1946 г. такой проект также обсуждался и, как считали советские эксперты, "интернационализация Западной Фракии, устраивающая болгар, имеет больше шансов на успех, чем передача ее под болгарский суверенитет. Во-первых, он менее обиден для греков; во-вторых, он создает известную заинтересованность в нем других государств, в частности, Америки, которая в таком случае будет претендовать на определенное место в управлении Западной Фракией. Для Советского Союза интернационализация Западной Фракии также более выгодна, чем оставление этой территории в руках Греции"³¹.

Существовал план действий, согласно которому Новикову предстояло переговорить с американцами. Если американцы отказались бы выступить с предложением об интернационализации, то тогда это предстояло сделать делегату Белоруссии. После того, как болгарская и греческая делегации выступят с изложением точки зрения о границе, выступит советский делегат с заявлением о том, что СССР, не принимавший участия в установлении нынешней болгаро-греческой границы, стоит за возвращение Западной Фракии Болгарии, но, учитывая сложившуюся обстановку, готов поддерживать также и предложение об интернационализации Западной Фракии.

Однако жизнь внесла изменения в регламент работ Комиссии. Обсуждение вопроса о греко-болгарской границе включало в себя и выяснение отношений по греческому проекту "стратегического" изменения границ в пользу Греции за счет присоединения к ней десятой части территории Болгарии. Это означало, что граница находилась бы в 35 км от второго по величине города Болгарии Пловдива и в 95 км от Софии. Западные делегации осознавали нереальность этих требований, но использовали их в интересах обострения полемики. В свою очередь представители советского блока уже не ставили вопроса об интернационализации, а настаивали на присоединении Западной Фракии к Болгарии. Особенно резко выступал представитель Югославии Моша Пьяде. Отвергая претензии Греции на завоевание "жизненного пространства" за счет территорий Болгарии, Албании и Югославии, он безоговорочно поддержал болгарскую просьбу о возвращении Западной Фракии. Он сказал также, что "основываясь на принципе права народов на самоопределение, югославская делегация резервирует за собой право поставить вопрос об Эгейской Македонии и добиваться того, чтобы македонский народ получил возможность свободного и независимого существования наряду с другими народами"³².

Оба противостоящих друг другу лагеря затягивали обсуждение вопросов, связанных с болгаро-греческой границей, хотя позиции сторон были четко определены. Шел поиск дополнительных аргументов. Новиков, председательствовавший на самом длительном и напряженном заседании Комиссии 6 сентября писал Молотову, что он поставил вопрос об ускорении работы, увеличив количество заседаний. Его поддержал председатель У. Джордан из Новой Зеландии, который предложил, чтобы выступавшие делали резюме своих выступлений, раздавая полный текст до заседания. С этим согласился Киселев. Но, как оказалось, "долгоговорение" входило в тактику советской делегации и Новикова тут же "поправили"³³.

Ситуация вокруг вопроса о Западной Фракии складывалась таким образом, что входящие в советский блок страны выступали единодушно за передачу этой территории Болгарии и за отклонение греческой "стратегической" поправки. Западные

³¹ Там же, л. 3.

³² Там же, ф. 06, оп. 86, д. 163, п. 80, л. 14.

³³ Там же, л. 12. К отчету Н.В. Новикова приложена записка: "Тов. Молотову В.М. Полагаю, что т.т. Киселев и Новиков допустили ошибку, приняв решение, изложенное в последнем абзаце отчета (3-я страница). К. Новиков. 6.9.46". Резолюция рукой Молотова: "Т.т. Киселеву, Новикову Н.[В.] Тов. К.[В.] Новиков прав. Вы допустили ошибку, которую нужно исправить. В.Молотов. 7.IX". К.В. Новиков – член советской делегации, заведующий 2-м Европейским отделом МИД СССР.

делегации придерживались противоположной точки зрения в отношении Фракии, но в подходе к "стратегическому исправлению границ" мнения разделились. Только Греция и Южно-Африканский Союз выступали "за". Что касается остальных, то они воздерживались, или голосовали против, желая уйти от принятия решения путем передачи вопроса в Военную комиссию.

Французский делегат Ф. Шарль-Ру говорил о необоснованности болгарских претензий, о том, что они представляют собой беспрецедентный случай в истории, поскольку исходят от побежденной державы. Но он выступал также против греческих претензий к Болгарии, ибо одно только их выдвижение могло осложнить отношения на Балканах.

Не произвела эффекта и апелляция к США в расчете на подтверждение их позиции времен версальского урегулирования. Американский представитель в комиссии Дж. Кефферри сказал, что делегация США внимательно изучила болгарскую аргументацию относительно Западной Фракии. "Хотя, по-видимому, здесь вряд ли уместно для Болгарии, – заметил он, – после участия во вторжении и после беспощадной оккупации и эксплуатации этой области, заявлять при ее мирном урегулировании с победоносными державами претензию на то, чтобы оторвать кусок у одной из них, делегация США все же тщательно изучила разные документы, представленные болгарской делегацией в подтверждение своей претензии"³⁴. Далее он сказал, что болгарская аргументация не произвела впечатления. Действительно, в 1919 г. США поддерживали права Болгарии на Западную Фракию. Но затем произошли такие демографические изменения, что после 1924 г. и до сего времени США никогда этого не поддерживали. Он также отверг "стратегическую" поправку греков, сославшись на то, что изменившийся этнический, ставший славянским, состав новых территорий создаст трудности для самой Греции.

В результате более, чем месячной дискуссии о греко-болгарской границе, все проекты территориальных изменений были отклонены. "Стратегическую" поправку перенесли на заседание Военной комиссии и там ее отклонили на том основании, что она носила не технический, а политический характер, и поэтому ее решение не входило в компетенцию Комиссии. Статья 1 Мирного договора с Болгарией осталась неизменной, получила свое окончательное оформление на сессии СМВД в декабре 1946 г. и в таком виде вошла в окончательный текст договора.

На Парижской мирной конференции возникал македонский вопрос. На заключительном этапе войны, в предвидении мирного урегулирования он представлялся как вопрос двусторонних болгаро-югославских отношений и лишь частично касался Греции. Шла переписка между коммунистическими лидерами соответствующих стран. Так, Молотов в беседе с членом исполкома ЦК Компартии Югославии М. Джиласом и генералом В. Терзичем 24 апреля 1944 г. напомнил, что Сталин и Тито уже обменялись телеграммами по болгарскому, т.е. македонскому вопросу, и мнение Сталина сейчас таково:

"Югославия является союзницей Советского Союза, а Болгария – другом врагов Советского Союза. О Македонии в этой телеграмме сказано, что без Тито этот вопрос не будет решен.

Молотов далее сказал, что он неделю тому назад вручил болгарскому посланнику Стаменову ноту, в которой содержится требование к болгарскому правительству прекратить оказание помощи немцам путем предоставления им болгарских баз против Советского Союза.

При этом Молотов отмечает, что коммунисты не могут отвечать за болгарское правительство.

Джилас говорит, что если македонский народ будет развивать свою борьбу против немцев, то этим решится вопрос о Македонии. Македонцы увидят, с кем идти: с

---

³⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 86, д. 160, п. 80, л.61–62.

народами Сербии и Хорватии, которые борются против немцев, или с другими народами"³⁵.

Таким образом, делался намек на возможное волеизъявление македонцев Пиринского края в пользу воссоединения с Вардарской Македонией, а затем и на объединение снизу, через партизанское движение в единое целое в составе новой Югославии. Однако такие идеи встречали решительное сопротивление со стороны партизан ЭАМ и руководства Коммунистической партии Греции (КПГ). По сведениям, полученным Г. Димитровым из Главного разведывательного управления Красной Армии 13 августа 1944 г., один из секретарей ЦК КПГ в беседе с представителями Тито заявил, что ни о каком самоопределении македонцев не может быть и речи, ибо македонского народа не существует в природе³⁶. В донесении говорилось, что греческие коммунисты запрещали славомакедонцам устанавливать связи с югославскими партизанами. В связи с обострением национального (македонского) вопроса была почти что прекращена борьба против немецких оккупантов³⁷.

Что касается проблем Пиринского края, то в переговорах между коммунистическими лидерами об исправлении болгаро-югославской границы эта идея обсуждалась. Так, 5 октября 1944 г. в Крайове при подписании соглашения между представителями Национального комитета освобождения Югославии и правительства Отечественного фронта Болгарии о совместных операциях против немецких войск состоялась беседа Тито с болгарскими коммунистами. Речь шла об "обмене" Царебродского района на Пиринскую Македонию. Об этом Тито рассказывал советскому послу в Югославии А.И. Лаврентьеву в апреле 1944 г., как о решенном деле. Тогда Болгария, как бывшая союзница Германии, проявляла заинтересованность в международной реабилитации и была готова соглашаться на многое. Но сейчас, говорил Тито, болгары требуют этот район, но не хотят уступать свою часть Македонии. Он, признавая право болгар на Царебродский район, вынужден тем не менее считаться с позицией сербов. Тито – хорват, и сербы законно могут его упрекнуть в том, что он распоряжается сербской территорией. Если бы вопрос шел о взаимном удовлетворении территориальных требований, то югославская уступка болгарам была бы понятна сербам³⁸.

Одновременно в Югославии вынашивались идеи более радикального решения македонского вопроса исключительно за счет Греции. Об этом свидетельствуют переговоры 9 января 1945 г. Сталина с приехавшей в Москву югославской делегацией, возглавлявшейся членом руководства КПЮ А. Хебрангом. Встреча состоялась сразу же после того, как Димитров отверг югославский проект балканской федерации от 5 января 1945 г., в котором Болгарии отводилось в государственном объединении южных славян место седьмой республики наряду с Сербией, Хорватией и другими. Сталин встал на болгарскую сторону, призвав югославов к поэтапному сближению от договора о взаимной помощи к свободному союзу двух государств. "Не надо создавать впечатление, что болгар хотят проглотить", – предостерег Сталин³⁹.

Такая постановка вопроса явно не устраивала югославов. Хебранг заявил, что "югославское руководство усмотрело в желании болгар пойти на заключение договора о дружбе и взаимопомощи стремление облегчить решение для болгар вопроса о Македонии и попытку выйти из положения изоляции, в которое Болгария попала, участвуя в войне на стороне Германии. Договор позволил бы болгарам уйти от ответственности за преступления, совершенные во время войны"⁴⁰. Сталин вновь призвал к осмотрительности в отношении болгар и перевел разговор на другую тему,

³⁵ Там же, оп. 58, д. 794, л. 7–8.

³⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее РЦХИДНИ), ф. 495, оп. 74, д. 177, л. 4.

³⁷ Там же, л. 5.

³⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, д. 943, п. 56, л. 21.

³⁹ Там же, оп. 7, д. 872, п. 53, л. 18.

⁴⁰ Там же.

спросив, как обстоят дела с Грецией. Далее протокольная запись беседы свидетельствует:

"Хебранг ответил, что от Греции Югославия рассчитывает получить греческую Македонию и Салоники. Эти требования не выдвигались, чтобы не создавать трудностей для греческого ЭЛАСа, так как это ослабило бы и затруднило положение ЭЛАСа внутри страны. Сейчас это требование будет поставлено.

Тов. Молотов заметил, что этот вопрос греческие македонцы могут поставить сами.

Тов. Сталин сказал, что создается положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобного положения"⁴¹.

Прошло полтора года. Всепоглощающая борьба за Триест заставила Югославию отложить на время или навсегда другие амбициозные планы. На Парижской мирной конференции перспективы урегулирования болгаро-югославских отношений рассматривались с точки зрения союза двух стран в рамках балканской федерации⁴².

Посланник СССР в Болгарии С.П. Кирсанов, занимавший одновременно пост политического советника при председателе Союзной контрольной комиссии в Болгарии, направил 4 сентября 1946 г. доклад Молотову "Об урегулировании территориальных вопросов между Болгарией и Югославией, о восстановлении болгарской и югославской частей Македонии и о заключении союза между Югославией и Болгарией"⁴³.

Кирсанов исходил из того, что подписание Мирного договора создаст условия для возвращения к идее болгаро-югославского союза. Но до этого надо было бы решить территориальные проблемы – о "западных окраинах", принадлежавших Югославии, и о Македонии. Эти вопросы могли быть урегулированы, как полагал посол, путем передачи Болгарии "западных окраин" в обмен на болгарскую часть Македонии, воссоединенную с республикой Македонией в составе ФНРО. Кроме того, это воссоединение "вызвало бы значительный подъем национально-революционного движения в греческой части Македонии, что способствовало бы ускорению окончательного разрешения македонского вопроса... Следствием было бы также прямое и относительное ослабление Греции".

Окончательное разрешение македонского вопроса, т.е. объединение всех частей Македонии в одно целое и вхождение ее в будущую балканскую федерацию, не ставилось тогда в качестве ближайших задач в программных документах компартий Болгарии и Югославии. Они откладывались на то время, когда Болгария обретет самостоятельность действий после подписания мирного договора. Осенью 1946 г. в Париже советская делегация тем не менее попыталась использовать "македонскую угрозу" как средство давления на своих оппонентов.

Кирсанов предлагал следующий план действий: во-первых, рекомендовать болгарам и югославам сделать заявление о союзе сразу же после выборов в Великое народное собрание в октябре 1946 г.; во-вторых, "поскольку Греция настаивает на мирной конференции на обсуждении своих территориальных претензий к Албании рекомендовать югославской делегации в своих выступлениях по этому вопросу поднять македонский вопрос, но не в форме предъявления каких-либо контрпретензий на греческую часть Македонии, а в форме указаний на то, что существует еще македонский вопрос, остающийся до сих пор нерешенным".

⁴¹ Там же, л. 20.

⁴² Переговоры о балканской федерации велись с сентября 1944 по февраль 1945 г. Они были прерваны в связи с протестом западных стран против подписания договора о союзе, так как Болгария формально-юридически существовала в режиме перемирия как побежденное в войне государство. Подробнее см. *Avramovski Z. Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarском savezu i federazii (1944–1947)*. – In: *Istorija 20. veka*. Beograd, br. 2, 1983.

⁴³ АВП РФ, ф. 06, оп. 86, д. 166, п. 80, л. 7–15. Приложение: карта Македонии, составленная в Генштабе Красной Армии 3 сентября 1946 г. на основании карт 1939–1944 гг. и дополненная материалами 1942 г.

Как упоминалось выше, М. Пьяде поднимал македонский вопрос, 6 сентября в связи с обсуждением греко-болгарской границы, причем это содержалось в рекомендациях⁴⁴. В связи с началом гражданской войны в Греции представители стран советского блока координировали свои выступления с обсуждением греческого вопроса в ООН. Они привлекали внимание конференции и мирового общественного мнения к проводившейся греческим правительством политики террора в отношении населения греческой части Македонии⁴⁵.

Македонский вопрос не вышел за пределы эпизодических дискуссий на Парижской мирной конференции. После мирного договора с Болгарией был подписан в Евксинограде (Болгария) в ноябре 1947 г. болгаро-югославский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Идея балканской федерации заглохла, а после резолюции Коминформа 1948 г. о положении в компартии Югославии она потеряла всякий смысл.

Парижская мирная конференция подвела итог всем дискуссиям по территориальным проблемам. В частности, в ходе ее были отвергнуты претензии Греции на Южную Албанию – так называемый Северный Эпир. Отдельные детали уточнялись на 3-й сессии СМВД в Нью-Йорке в ноябре – декабре 1946 г. Так, по настоянию делегации СССР было окончательно отклонено неоднократно выдвигавшееся предложение Греции об "исправлении" в ее пользу греко-болгарской границы. Таким образом, из всех ее требований оказалось удовлетворенным только одно – возвращение Додеканезского архипелага.

Однако формальное урегулирование территориальных проблем, достигнутое на основе компромиссов и завершившееся подписанием мирных договоров, не сняло противоречий между балканскими странами. И то, какой вопрос возникал во время обсуждения на пленарных заседаниях и в комиссиях, как и почему он разрешался или не разрешался, нашло продолжение в последующие годы. При единодушном признании нерушимости существующих границ на полуострове периодически возникали трения между Грецией и Албанией из-за Южной Албании, между Болгарией и Югославией в связи с Македонией, между Турцией и Грецией о принадлежности мелких островов в Эгейском море, между Грецией и бывшей югославской республикой Македонией о названии новой страны.

Мирное урегулирование не привело к снижению накала политического противостояния между двумя противоположными лагерями. Основная тяжесть борьбы переместилась в стены ООН. Греческий вопрос обсуждался в связи с гражданской войной, с массовыми репрессиями и террором в стране, с иностранным вмешательством в ее внутренние дела.

Дипломатическая борьба вокруг проблем Греции на международных форумах того времени стала для американской внешней политики одним из аргументов в защиту необходимости еще более решительного закрепления на балканском плацдарме. Спекуляция на "угрозе с Севера" стала своего рода идейно-политическим обоснованием послания президента Г. Трумэна конгрессу США 12 марта 1947 г. "Рекомендации относительно Греции и Турции", которое более известно как "доктрина Трумэна".

Ориентация на использование силового давления со стороны США в отношении СССР в назревавшем конфликте между Востоком и Западом вызывала ответную реакцию советской дипломатии. Временем Парижской мирной конференции, на которой обнажились и обострились противоречия между недавними соратниками по антигитлеровской коалиции датируется также и определение советским руководством отношения к США как к своему главному геополитическому сопернику и оппоненту. Биполярный мир стал реальностью.

⁴⁴ *Xydis S.G. Op. cit., p. 329–331.*

⁴⁵ *Xydis S.G. Op. cit., p. 350–351.* Речь шла об обсуждении так называемой "украинской жалобы" в сентябре 1946 г.

© 1997 г.

В. П О П О В С К И

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕРЛИНСКОГО ДОГОВОРА 1878 г. ДЛЯ МАКЕДОНИИ

Македония появилась на арене международных дипломатических и общественно-правовых отношений во время Восточного кризиса 1875–1881 гг. В рамках последнего центральное место по значимости занимает Берлинский договор¹ в целом и, в частности, его 23 статья, имевшая свою предысторию и историческое значение. Статья 23 Берлинского договора гласила:

"Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крит Органический устав 1868 г. с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом. Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой и каждой области особым Комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты Организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты. Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии"².

Появлению 23 статьи Берлинского договора, ее конкретного содержания предшествовала активная дипломатическая деятельность двух непосредственно заинтересованных европейских держав – Австро-Венгрии и России, а также борьба македонского народа за гражданские права, права местного самоуправления, включая право участия в местной администрации и судопроизводстве.

В контексте политической и дипломатической предыстории 23 статьи Берлинского договора Македония фигурировала и под своим собственным названием, и под другими – обычно как часть европейской Турции или Румелии³.

Собственное имя Македония встречается в меморандуме, составленном в 1875 г. российским дипломатическим представителем в Константинополе А.И. Нелидовым,

---

Поповски Владо – доктор исторических наук, профессор юридического факультета Скопского университета им. Кирилла и Мефодия. Автор монографии "Македонское национально-освободительное движение" (Скопье, 1989). Один из создателей Конституции независимой Республики Македонии. В правительстве Б. Цервенковского (министр обороны, с 1995 г. – министр юстиции, в настоящее время занимает пост министра юстиции).

¹ Берлинский договор был выработан конгрессом великих держав, проходившем в Берлине с 1(13) июня по 1(13) июля 1878 г. Он явился реакцией, прежде всего, Австро-Венгрии и Великобритании на Сан-Стефанский договор 1878 г., рассматривавшийся ими как нарушение обязательств, взятых на себя Россией и зафиксированных в Рейхштадском соглашении от 26 июня (8 июля) 1876 г. и в Будапештской конвенции от 3(15) января 1877 г.

² *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1888, т. 8, с. 639–676.

³ Румелией (Rum-eli – дословно "земля ромеев", т.е. греков) с конца XVI до XIX в. именовалась провинция Османской империи, включавшая в себя Болгарию, Сербию, Герцеговину, Албанию, Македонию, Эпир, Фессалию.

предложившим в случае раздела турецкого наследства создать из "остатков" европейской Турции два государства: Болгарию и Македонию. Кроме того, в шифрограмме второго российского уполномоченного на Берлинском конгрессе графа П.А. Шувалова, настаивавшего во время проведения конгресса на принятии всех необходимых мер "по примирению в Македонии" и предлагавшего использовать опытных российских дипломатов для убеждения македонцев в том, что император "заботится об их судьбе... как и других славян, и что они получают такую же свободу, как и теперь уже освобожденные болгары"⁴.

В дипломатических актах (Рейхштадском соглашении 1876 г., Будапештской конвенции 1877 г., Лондонском протоколе 1877 г.), трактовавших положение Македонии накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг., она обозначалась по-иному⁵. Тем не менее в них, хотя и под другим названием, но Македония отделялась от Болгарии, от процесса государственного формирования последней. Рейхштадское соглашение и Будапештская конвенция, в которых Македония выступала соответственно как Румелия и "остальная Румелия", предусматривали возможность ее обособленного государственно-правового конституирования. В Лондонском протоколе Македония рассматривалась в качестве европейской провинции Турции. "Принцип национальности", примененный в нем при разграничении болгарских и неболгарских территорий, указывал на существование и других национальных общностей в европейской Турции, призванных быть "умиротворенными" каждая в отдельности, с учетом интересов великих держав и иным образом. Этот другой способ "умиротворения" был сформулирован именно Берлинским договором, в частности, его 23 статьей. В данном отношении статья 23 Берлинского договора дополняла статью 62, гласившая:

"Т.к. Блистательная Порта выразила твердое намерение соблюдать принцип религиозной свободы в самом широком смысле, то договаривающиеся стороны принимают к сведению это добровольное заявление.

Ни в какой части Оттоманской империи различие вероисповедания не может подавать повода к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования гражданскими и политическими правами, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям, или до отправления различных свободных занятий и ремесел.

Все будут допускаемы, без различия вероисповеданий, свидетельствовать в судах.

Свобода и внешние отправления всякого богослужения обеспечиваются за всеми, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами.

Духовные лица, паломники и иноки всех наций, путешествующие в Европейской или Азиатской Турции, будут пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями.

Право официального покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами Держав в Турции, как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и других на Святых Местах и в других местностях.

Права, предоставленные Франции, строго сохраняются за нею и, само собою разумеется, что *status quo* на Святых Местах не может подвергнуться никакому нарушению.

Иноки Афонской горы, из какой бы они ни были страны, сохраняют свои имущества и будут пользоваться без всяких исключений полным равенством прав и имущества"⁶.

Предыстория 23 статьи Берлинского договора, связанная с борьбой македонского

⁴ Из протокола тайного русского царского архива об устройстве и управлении балканскими областями. 1878 г. – В кн.: Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. Скопье, 1985, с. 258.

⁵ Там же, с. 250–253.

⁶ Мартенс Ф. Указ. соч., с. 639–676.

народа за свое освобождение в период до подписания Берлинского договора, прослеживается в требованиях создания единого македонского вилайета из частей Салоникского, Монастирского (Битольского) и Ускюбского (Скопского) вилайетов, восстановления Охридского архиепископства (1872–1874 гг.) как автокефальной македонской церкви, а также предоставления македонцам статуса милета, т.е. коллективного субъекта с правом участия в местной администрации, суде и других органах в соответствии с уже существовавшими нормами Османской империи.

Историческое значение Берлинского договора и его 23 статьи состояло в том, что со времени принятия договора практически все субъекты македонского освободительного движения ссылались на 23 статью с целью правового обоснования политических средств для достижения свободы и автономии для македонцев и Македонии.

Требования признания законной силы положений 23 статьи являлись характерными, например, для Кресненского восстания 1878–1879 гг.⁷, Македонской лиги 1880 г.⁸, Национального собрания Македонии и Временного правительства Македонии 1880 г.⁹, церковно-школьных общин, а также Тайной македоно-одринской организации (ТМОРО), созданной, согласно замечанию одного из ее основателей П. Попарсова, с целью борьбы за политические права Македонии, предоставленные Берлинским договором¹⁰.

На 23 статью ссылались и балканские монархии, стремясь добиться большей самостоятельности от Турции для вмешательства в македонские дела. Так обстояло дело и с Болгарией, и с Сербией накануне балканских войн. Даже непосредственно перед началом первой балканской войны в ноте от 13 октября 1912 г. главы балканских стран прямо ссылались на статью 23 Берлинского договора, невыполнение которой со стороны Турции они трактовали в качестве легитимной основы для объявления войны¹¹.

В перечисленных апелляциях к статье 23 Берлинского договора она представлялась международной правовой нормой, дававшей основание для проведения реформ на базе национально-территориального принципа. Более того, она воспринималась в качестве основы для введения автономии с местным административным самоуправлением. Другими словами, она понималась как базис для введения автономии с элементами государственности в соответствии с национально-территориальным принципом.

Такая трактовка заинтересованными македонскими и балканскими субъектами статьи 23 придавала последней значение, выходящее за рамки сущности ее положений. Македонские и другие субъекты фактически обращались к модели политической и административной автономии, предусматривавшейся не статьей 23, а статей 13 Берлинского договора, относившейся к Восточной Румелии, а не к Македонии. Статьей 23 процесс реформ в европейской части Турции, к которой относилась и Македония, связывался с критской моделью, с Уставом 1868 г., а не с моделью Восточной Румелии, оговоренной статьями 13, 15–20 Берлинского договора.

Критская модель не предусматривала административно-политической автономии, предполагавшейся и определявшейся статьями 13, 15–20 Берлинского договора для Восточной Румелии. В указанных статьях были точно перечислены элементы административной автономии, соответствовавшие элементам государственности (генерал-губернатор христианин, местная жандармерия, милиция и т.д.). Критский же устав 1868 г., который согласно статье 23 Берлинского договора должен был применяться к Македонии, подобных элементов не содержал. В отличие от восточнорумелийской,

⁷ Правила Македонского повстанческого комитета. 1878 г. – В кн.: Документы о борьбе..., с. 267–285.

⁸ Македонската лига и Уставот за идното државно уредуван е на Македонија 1880. Документи. Скопје, 1985, с. 237–261.

⁹ Временное правительство Македонии. – Единство, 21.V.1880 г.; Манифест Временного правительства Македонии. 23 марта 1881 г. – В кн.: Документы о борьбе..., с. 290–293.

¹⁰ *Поп Арсов П.* Произход на Солунския "Комитет за придобиване на политически права на Македония, дадени от Берлинският договор". – Бюлетин, 1919, № 8, с. 2–3.

¹¹ Србија 1878. Документи. Београд, 1978, с. 564.

критская модель предусматривала определенную степень местного самоуправления в статусно-функциональном, а не в административно-политическом виде.

Местное статусно-функциональное самоуправление, принятое в соответствии со статьей 23 Берлинского договора, базировалось на двух принципах: религиозно-политическом и территориально-политическом. Под статусно-функциональным самоуправлением подразумевалось такое положение отдельной группы в системе или отдельных институтах системы, при котором она получала возможность влиять на функционирование соответствующих институтов. В отличие от него территориальная или территориально-административная автономия или самоуправление предоставляла определенной территории особый политический и административный статус, обеспечивающий всем без исключения индивидуумам и группам известную самостоятельность по отношению к центральной власти. Первая форма самоуправления предусматривалась статьей 23, а вторая – статьями 13, 15–20 Берлинского договора.

Согласно религиозно-политическому принципу положение христиан и мусульман в местном самоуправлении и судопроизводстве определялось как положение групп (коллективов, коллективных субъектов). По критской модели христиане уже в качестве коллектива (не только индивидуально) получали определенный самоуправленческий статус и определенную квоту представительства в составе функционировавших административных и судебных институтов провинции.

Территориально-политический принцип заключала в себе та часть статьи 23 Берлинского договора, в которой речь шла относительно подготовки различными частями (провинциями) европейской Турции уставов по образцу Критского. Тем самым подразумевалось обладание провинциями определенным статусом самоуправления.

Присутствие элементов статусного самоуправления коллективов (мусульман и христиан) и элементов административного статуса провинций по отношению к центральной власти свидетельствует, что статьей 23 Берлинского договора предусматривалась известная демократизация и децентрализация автократической, строго централизованной имперской системы. Но данные демократизация и децентрализация ни по объему, ни по содержанию не отвечали государствообразующему процессу, который предполагается понятием "административной автономии", подобно тому, как это было в случае с Восточной Румелией, а также другими балканскими государствами в начале их отделения от турецкой власти.

В отличие от модели Восточной Румелии модель провинций, оставшихся в составе Оттоманской империи (Косово, Македония, Албания и Фракия) означала международно-правовое выражение политической воли великих европейских держав. Посредством статьи 23 Берлинского договора последние рассчитывали "умиротворить" данные провинции, осуществив частичное улучшение политического и правового положения немусульманских коллективов в рамках турецкого государства средствами, нормами и учреждениями этого государства.

Этой цели полностью соответствовала именно критская модель¹², так как она не предусматривала ни христианина в качестве генерал-губернатора в провинциях с преимущественно христианским населением, ни отвода турецкой армии к границе, ни создания местной жандармерии и милиции, ни административно-судебной автономии, что могло бы означать начало рискованного процесса (пусть и продолжительного) политического и государственно-правового обособления и освобождения соответствующих частей самого турецкого государства. Критская модель предусматривала минимальное представительство христиан: три члена – в Общем совете правления провинции, по одному – в судебных советах и по одному заместителю (муавину) губернаторов. При этом критская модель предполагала наличие так называемых Советов провинций и более мелких территориальных единиц в качестве вспомогательных, т.е. совещательных органов при местных правителях. Провинция же в общем и ее правление на практике были прочно связаны с центральной властью, зависимы от нее и в

¹² Органический устав 1868 г. – В кн.: Документы о борьбе..., с. 259–260.

значительной степени интегрированы в централизованную систему. Например, задачей Общего совета правления провинции, собиравшегося раз в году, являлось "...изучение общественно-полезных вопросов и дел, таких, как развитие путей сообщения, создание кредитных касс и всего того, что могло бы служить развитию сельского хозяйства и торговли"¹³. Критский устав 1868 г. вообще не содержал положений, предусматривавших в качестве задачи нормирование или организацию отношений в провинции.

Но все же, несмотря на ограниченность, такие положения критской модели, как представительство религиозных групп как коллективов и определенное самоуправление в рамках европейских провинций Турции, означали начало формирования территориального самоуправления на основе национального принципа. Особо это относится к Македонии, в которой македонцы как христиане являлись компактной и наиболее многочисленной национальной группой.

Учитывая это, можно констатировать, что статья 23 Берлинского договора являлась базой для достижения в перспективе территориальной автономии, опирающейся на национальный принцип. Именно в указанном смысле и была воспринята в Македонии статья 23 Берлинского договора. Даже будучи разочарованным безрезультатным ожиданием окончательного освобождения, македонское население немедленно после Берлинского конгресса включилось в акции по осуществлению 23-й статьи.

Реализация этой статьи ожидалась, во-первых, через объединение македонских санджаков трех вилайетов (Салоникского, Монастирского, Ускюбского) в один Македонский вилайет, что было бы равносильно восстановлению провинции Македонии как территориально-самоуправляющейся единицы, и, во-вторых, через предоставление больших прав македонцам как коллективному субъекту. Например, легальные македонские церковно-школьные общины требовали признания языка большинства населения (македонского) в качестве второго официального языка наряду с турецким; самостоятельности в решении конфессиональных вопросов; равных гражданских и политических прав с мусульманами с преимущественным правом в выборах председателей судов и губернаторов территориальных единиц; формирования единого македонского вилайета с губернатором (вали) христианином и т.д.¹⁴

Подобным образом, но еще более радикально, толковали статью 23 и отстаивали необходимость ее претворения в жизнь повстанческие и иные политические субъекты македонского освободительного движения после Берлинского конгресса. В частности, в Уставе Македонского повстанческого комитета, возглавившего Кресненское восстание 1878–1879 гг., статья 23 трактовалась как предоставление Македонии территориально-административной автономии. При этом Комитет боролся за полноценную автономию. Политические организации типа Македонской лиги и Национального собрания Македонии 1880 г. рассматривали статью 23 в качестве основы для введения административной автономии.

Часть македонского населения, зная о вошедшей в поговорку способности турецких властей свести на нет все намечавшиеся реформы, требовала, чтобы Македония в качестве подмандатной территории была передана Австро-Венгрии¹⁵.

Каким бы то ни было реальное значение статьи 23 Берлинского договора, турецкие власти и на этот раз сумели обойти как суть, так и форму предусмотренных реформ. Вместо того чтобы принять Уставы для европейских провинций (для каждой в отдельности) при широком участии местного населения, турецкие власти сами подготовили единый так называемый Органический устав для румелийских вилайетов или Закон о вилайетах европейской Турции (Румелии), принятый Европейской комиссией по реформам в европейской Турции.

¹³ Македонската лига..., с. 335–346.

¹⁴ Меморандум Болгаро-македонской лиги (24 апреля 1880 г.); Манифест Генерального штаба македонских войск (29 апреля 1880 г.); Резолюция Национального собрания Македонии и т.п. – В кн.: Македонската лига..., с. 315–319, 320–327, 335–355.

¹⁵ Кирил, патриарх Български. София, 1969, с. 420–422.

Практически обозначенный закон представлял собой несколько модифицированный вариант законов о реформах вилайетов, принятых по хатт-и-хумаюну, а точнее походил в значительной степени на закон 1867 г., известный как *Vilauter nizamnamesi*¹⁶.

Турецкие власти предложили Органический устав для румелийских вилайетов вместо уставов для каждой провинции в отдельности. Устав, принятый Комиссией европейских государств, созданной для выработки реформ, в сущности позволял османским властям уклоняться от проведения реформ, намеченных великими державами. Представляется, что это не отягощало особенно европейские державы – они воспользовались принятием данного Устава, чтобы игнорировать проекты, выработанные некоторыми легитимными субъектами отдельных национальных коллективов. Были проигнорированы и проекты македонского освободительного движения, как-выми являлись Устав будущего государственного устройства Македонии, принятый Македонской лигой в 1880 г. и требования Национального собрания Македонии и Временного правительства Македонии того же года¹⁷.

В Органическом уставе для румелийских вилайетов 1880 г. вместо понятия "провинция" употреблялось понятие "вилайет", означавшее, по существу, административную единицу, а не географическую, территориальную и национальную единицу и сообщество. Например, Македония как природная географическая и национальная единица и сообщество была разделена на три части и включена в состав трех вилайетов.

Границы вилайетов часто менялись с намерением посредством "динамической территориальной геометрии" постоянно дробить национальную целостность и тем самым сдерживать силу национально-освободительного движения.

Подобным образом удалось уклониться от реализации принципа территориальности, являвшегося одним из существенных принципов статьи 23 Берлинского договора.

Пренебрежение национальным или религиозно-национальным принципом, выступавшим второй существенной частью статьи 23, обеспечивавшей определенную степень статусно-функционального самоуправления национальных коллективов, проявленное турецкими властями, позволило им, используя Органический устав для румелийских вилайетов, уклониться от предусмотренных статьей 23 Берлинского договора реформ, в том числе и в Македонии.

Принятием Органического устава для румелийских вилайетов Турция, по сути, ограничилась выполнением только статьи 62 Берлинского договора.

Квинтэссенция данной линии реформ состояла в улучшении положения представителей различных народов как индивидуумов, но не как коллективных субъектов. По этой причине турецкие власти не осуществили реорганизацию территориального деления и не пошли на создание единой македонской провинции в качестве самоуправляющейся территориальной единицы. Напротив, исходя из государственной необходимости, они продолжали осуществлять территориальные манипуляции, постоянно разбивая при этом взаимосвязанную жизнь македонцев как компактной группы. В этом смысле македонский народ и после Берлинского конгресса по-прежнему не имел возможности осуществить коллективное самоуправление в виде, предусмотренном статьей 23 Берлинского договора.

Можно констатировать, что великим державам с помощью Комиссии по Восточной Румелии не удалось добиться урегулирования своих интересов путем предоставления территориального самоуправления европейским провинциям Турции. Европейские

¹⁶ Арнаудов Х. Пълно събрание на държавните закони, устави, ...на Османската империя. Цариград, 1871.

¹⁷ Данная точка зрения в историографии Республики Македония является традиционной. Но приводимые П.Н. Милюковым в его работе "Из поездки в Македонию" свидетельства дают возможность заключить, что Европейская комиссия, действовавшая в Константинополе в 1880 г., выступала за проведение в Македонии реформ на уровне Восточной Румелии и ни в коем случае ниже его. Но эта Комиссия все же допустила ошибку относительно возможностей проведения реформ посредством т.н. Органического устава для румелийских вилайетов, который, как стало ясно позже, практически ничего не изменил. Со временем, по замечанию П.Н. Милюкова, Европа охладела к Македонии: *Милюков П.Н. Из поездки в Македонию. – Вестник Европы, 1899, № 5–6.*

государства, особенно Россия, Австро-Венгрия, Великобритания, очень поздно, но все же вспомнили о 23-й статье. Это, например, относится к Мюрцштегским реформам 1903 г., предусматривавших "территориальное разграничение административных единиц в целях более регулярного группирования отдельных национальностей" (часть III)¹⁸. Но и тогда они, по сути, выступали за особый вид статусно-функционального самоуправления (особенно в вопросе относительно жандармерии), а не за административную автономию Македонии.

Между тем в 1907 г. на Ревельской встрече и в соглашении между российским императором Николаем II и английским королем Эдуардом VII планировалось введение административного самоуправления в качестве начального этапа политического и государственного конституирования Македонии. Даже тогда для Македонии, в сущности, была предусмотрена форма, примененная к Восточной Румелии еще в 1878 г. Но младотурецкая революция свела на нет и эту акцию великих держав.

Тем не менее статья 23 Берлинского договора означала первый международно-правовой постулат, положивший начало длительному и мучительному пути Македонии к автономии.

---

¹⁸ Документы о борьбе..., с. 459.

ОТ НАРРАТИВА К ТЕОРИИ. АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII в.

В центре внимания автора статьи – характер и значение методологической переориентации английской и американской историографии по такой традиционной для нее проблеме, как "пуританская революция" середины XVII в. При этом не ставится цель дать информативный обзор современной англо-американской литературы по теме. Речь идет о переходе в рамках англо-американской историографии от нарратива к теории, т.е. от повествования к концептуальности. Этот переход происходил в 20–70-х годах XX в., поэтому в основу отбора материала положены исторические концепции того времени.

Видное место уделено общим методологическим соображениям и представителям исторической науки XIX в., классикам нарратива. Переход к теоретической форме историзма рассмотрен на концепциях корифеев не нынешней, а предшествовавшей ей новейшей – после 1918 г. – историографии: Р.Г. Тоуни, Х.Р. Тревора-Ропера, Л. Стоуна, Дж. Хекстера – классиков теоретического подхода, которые пользуются большим уважением в западном научном мире и сегодня.

Потребность в теоретическом осмыслении фактов осознается ныне на Западе как определяющая характеристика современного процесса познания. Однако западные философия и методология науки на протяжении многих десятилетий развивались под знаком совершенно иных идей. Ньютоновский тезис о необходимости "бояться метафизики" был подхвачен и естествознанием, и обществоведением, настойчиво изгонявшими всякую умозрительность из арсенала своих познавательных средств. Жертвами антитеоретического движения, развернувшегося в гуманитарной культуре второй половины XIX в., стали наиболее выдающиеся философские системы. Не только диалог древнегреческого философа Платона, но и диалектический историзм немецкого философа XIX в. Г. Гегеля рассматривались как чистейшая "метафизика" – в первоначальном понимании этот термин означал то же, что теория – и решительно отвергались эмпириками. Так, выдающийся российский историк-позитивист Н.И. Кареев характеризовал гегелевские "Лекции по философии истории" как "плохой роман". Теоретический и эмпирический аспекты науки искусственно расчленились и ставились в неравноправное положение. Со времен О. Конта, французского философа XIX в., различные направления позитивизма без учета специфики естественных и общественных наук отстаивали приоритет описания фактов над их осмыслением. При этом они постоянно наталкивались на сопротивление двоякого рода, входя в противоречие и с жизненными интересами развития науки, и с тенденциями в новейшей философии¹. В последние десятилетия спор позитивистов и антипозитивистов перешел, по видимому, в заключительную стадию. Бесперспективность дальнейшего самоограничения познающего интеллекта со всей четкостью обозначена в статье редактора серии "Бостонские исследования по философии науки" американского философа

¹ См., например: *Соловьев В.С.* Кризис западной философии. Против позитивистов. Собр. соч., в 9 т., т. 1. СПб., [б.г.], 1874; *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903; *Новые направления в социологической теории.* М., 1978 (пер. с англ.).

М. Вартофского, озаглавленной "Эвристическая роль метафизики в науке". Американский исследователь, в частности, пишет: "Я буду ... не просто утверждать, что метафизика исторически была и продолжает быть эвристическим средством для научного исследования и построения теорий, а постараюсь показать, что она необходима и для тех ученых, которые ее признают, и для тех, которые ее отвергают"².

В гуманитарной сфере процесс "возвращения к метафизике" происходит в значительной мере спонтанно и уже привел к весьма существенным результатам. Значительны масштабы философско-исторических обобщений английских исследователей А. Тойнби и Х.Р. Тревора-Ропера, французских историков Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, вкладе таких периодических изданий как "Анналы" и "Паст энд презент". Все эти попытки обновления западного историзма с их сильными и слабыми сторонами оказались возможными именно в результате восстановления "эвристической роли метафизики" в исторической науке.

Начиная с античности фиксируемая память о прошлом отливается в форму повествования, но только в XIX в. следование логике нарратива становится методологическим принципом писания истории. Древнеримский историк Г.Т. Светоний, Видукинд Корвейский или французский просветитель Вольтер не были склонны к возведению собственной практики в абсолют, полагая, что у всякого занимательного рассказа есть своя логика. В несколько ином смысле это можно отнести к любому из сменяющих друг друга на протяжении столетий вариантов нарративной историографии.

Рассказ о событиях (нарратив) всегда отягощен объяснительной схемой, которая, вне зависимости от степени ее научности, объективности или оригинальности, находит оправдание и подтверждение в этом рассказе и только в нем. Отбор и распределение фактов подчинены авторской установке, а в качестве критерия мастерства выступает способность изложить материал, не вступая в противоречие с исходной установкой. В пятитомной "Истории Англии от воцарения Якова II" английский историк Т.Б. Маколей, воспевая Славную революцию 1688–1689 гг., по словам К. Маркса, "фальсифицировал английскую теорию в интересах вигов и буржуазии"³. Сам Маколей свою задачу сформулировал так: написать книгу, которая могла бы вытеснить на несколько дней последний модный роман со столиков молодых леди. Созданный им вариант нарратива, характеризующийся особым блеском литературной формы, имеет как бы двойную мировоззренческую ориентацию, тяготея к романтической школе и в то же время продолжая традицию так называемой вигской интерпретации истории. Параллельно вигская традиция развивалась соотечественниками Маколея Г. Галламом, а позднее С.Р. Гардинером, оказавшими воздействие на интерпретацию истории английской революции не только в XIX, но и в XX веках. Термин "вигская" отражает не столько партийно-политическую, сколько методологическую ориентацию историков, не получившую специальной теоретической разработки в XIX в.

Действительно серьезная попытка такого рода была предпринята в 1931 г. Г. Баттерфилдом. Имея критический характер, она одновременно знаменовала собой разрыв с вигской традицией, т.е. начало идейного перевооружения английской историографии. Баттерфилд разъяснял, что "речь идет о характерной для многих историков тенденции становиться на сторону протестантов и вигов, приукрашивать революции, которые они обеспечили, подчеркивать неизменные принципы прогресса в прошлом и создавать историю, которая является одобрением, если не прославлением, настоящего"⁴.

Наиболее последовательно вигская тенденция реализована в трудах Маколея. Показательно одно из его программных высказываний: "Теперяшняя конституция нашего отечества относится к конституции, при которой оно процветало пятьсот лет

² Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке. – Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978, с. 43–44.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 283, прим. 120.

⁴ Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1951, p. V.

тому назад, как дерево к ростку, как мужчина к мальчику"⁵. Такая объяснительная схема предполагает "фальсифицированный" – пользуясь термином Маркса – нарратив, ибо от историка требовалось быть и адвокатом, и биографом английской конституции, что вполне совместимо с жанром повествования.

Гардинер поставил перед собой задачу создания "нефальсифицированного" нарратива. Прежде всего он отказался и от функции адвоката, и от функции обвинителя. Что же касается миссии биографа, то историк понимал ее по-своему. "Известно, что когда Гардинер работал над источниками, относящимися к 1653 году, то те материалы, которые он параллельно собирал на 1654 год, он откладывал, говоря: "Я еще не готов для их изучения"⁶. Что это – сознательное сужение кругозора, возврат к анналистике? Однако анализируемый вариант нарратива отнюдь не сводится к механическому фиксированию событий. Речь идет, скорее, о техническом приеме, нежели о методологическом принципе. Можно предположить, что историка, напротив, чрезвычайно интересовало развертывание интриги во времени и он не позволял себе "заглядывать в конец книги", желая написать ее заново, как бы по свежим следам.

Ставшее стереотипным представление об истории как о всемирно-исторической драме было исполнено глубокого смысла и для Маколей, и для Гардинера. Драматургический принцип организации документального материала казался им наиболее адекватным. И если Маколей всегда был как бы главным действующим лицом воссоздаваемой им исторической драмы, то Гардинер целиком полагался на своих персонажей. При этом его интересовали не столько результаты конфликтов, сколько намерения сторон.

Каковы же по Гардинеру исходные намерения пуритан и Стюартов, являвшихся выразителями интересов противоборствующих сторон крупнейшего социального конфликта в истории Британии? "Если пуританизм проснулся от своего сна, если он направил свои силы против той самой королевской власти, которую так высоко ставил Иаков, то коренная причина этого явления главным образом заключается в несчастной идее испанского брака, столь излюбленной королем"⁷. Иные ситуации переходного времени первых Стюартов получают аналогичное объяснение. Так, о произволе Бекингема автор писал: "Если бы его возвышение шло постепенно, то он, быть может, и оказал бы еще услуги государству; но такой быстрый успех способен вскружить голову кому угодно"⁸. Что касается коренных вопросов общественной жизни, то их "было бы легко разрешить, если бы между короною и палатою общин существовало бы доброе согласие по наиболее важным делам. Но чувство взаимного раздражения росло между ними с каждым днем. При этом неудовольствие палаты могло найти себе легкий исход"⁹. А вот высказывание о том, почему парламентарии выступили против монополий: "В палате общин господствовал дух недовольства. Ее члены чувствовали, что руководитель их плох, и в то же время не имели сил, чтобы найти другого вождя. В своем раздражении они накинулись на домашние неурядицы"¹⁰, прежде всего подвергнув критике монополии.

Гардинер предельно психологизирует нарратив, апеллируя к душевным движениям, состояниям, мыслям и чувствам как таковым, сцепление которых и образует, по его мнению, изменчивую субстанцию исторического процесса. История, т.е. "деятельность преследующего свои цели человека"¹¹, становится полем приложения психологии, не имея, однако, самостоятельного статуса. Традиционный, "маколеевский", нарратив фигурирует в книге Гардинера лишь как серия эпизодических иллюстративных вкраплений, "оживляющих" основной текст.

⁵ *Маколей Т.Б.* Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1861, с. 25.

⁶ *Виноградов К.Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Ленинград, 1975, с. 60.

⁷ *Гардинер С.Р.* Пуритане и Стюарты. 1603–1660. СПб., 1896, с. 33.

⁸ Там же, с. 29–30.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 102.

Тем не менее, литературные достоинства книги "Пуритане и Стюарты" весьма высоки. Она представляет собой такое сочетание светской хроники и романа приключений, которому позавидовал бы и автор "Трех мушкетеров", ведь история, как говорили в XIX в., – это роман, имевший место в действительности.

Вот узник Тауэра Уолтер Рэли, соблазнив Якова I рассказами о золотых россыпях по берегам реки Ориноко, становится во главе экспедиции, но, не найдя Эльдорадо, восходит на лондонский эшафот... А это Гай Фокс, сидящий на бочке с порохом в подвале под зданием парламента, которое он намерен взорвать во время королевского заседания. Экзотика соседствует с мелодрамой. Однако психологизм и зрелищность не являлись для Гардинера-историка самоцелью. Более того, "одушевление" и "театрализация" нарратива отнюдь не возводились в ипостась английским историком и не осознавались им как подлежащие рассмотрению в отрыве от центральной методологической задачи, всегда находившейся в поле его зрения. Безукоризненная объективность – вот искомый Гардинером идеал, самоцель научных занятий в избранной области. "Писание истории" было окрашено для него в тона, близкие к позитивистской доктрине, сохраняя при этом всю свою религиозно-эстетическую привлекательность, не вызывавшую у Гардинера и мысли о каком бы то ни было критическом восприятии ее основ.

В этой связи уместно провести параллель между распространенными у английских и американских историков установками Гардинера и получившими широкую известность уже в XIX в. методологическими воззрениями одного из крупнейших представителей германской классической историографии Л. фон Ранке. В специальной литературе уже отмечалась близость исходных позиций Гардинера и Ранке¹². Оба не просто стремились показать, "как было на самом деле", но возводили это естественное стремление в кардинальный структурообразующий принцип всякого исторического исследования, желающего быть научным. На практике это означало абсолютизацию историко-ведческого аспекта работы историка в ущерб концептуальному, что не всегда могло привести, во всяком случае само по себе, к достижению объективной исторической истины. Отказ от сознательной интерпретивности оборачивался стихийным подчинением логике общераспространенных или усвоенных в прошлом интерпретаций. Протестантская религиозность Ранке нередко требовала не меньших жертв от его объективности, чем тесные связи с Фридрихом-Вильгельмом IV и Бисмарком. "Метафизика" и политика, изгнанные в одну дверь, триумфально возвращались через другую.

Существует мнение, согласно которому художник, если он хочет быть оригинальным, не должен смотреть на живопись коллег по профессии. Сходным образом Гардинер стремится стать выше политических противоположностей современной ему исторической мысли. Подобно тому, как художник-натуралист полагает, что его дело – воспроизводить жизнь в формах, предлагаемых самой жизнью, "историк-натуралист" в данном случае Гардинер – пишет историческое исследование, используя средства, представленные самой историей, намереваясь добиться значительно большего познавательного эффекта, чем предшествующие ему историки-идеологи Юм, Галлам, Маколей.

Соответствующие достижения Гардинера, как и его объективистский метод изучения прошлого, положительно оцениваются современными специалистами в этой области, проявляющими интерес к его наследию в целом. Так, в пространном обзорном очерке, предваряющем хрестоматию "Эволюция британской историографии", его автор историк Д.Р. Хейл констатирует: "Для Гардинера постижение истины было затруднено вигской или торийской предубежденностью более ранних историков. Не будучи тенденциозен сам, он решил защититься от современной ему тенденциозности фундированием своей работы первоисточниками, прежде всего государственными

¹² См. например: *Лавровский В.М., Барз М.А.* Английская буржуазная революция XVII века. М., 1958, с. 35–36.

бумагами, всюду, где это возможно, а также используя памфлеты и мемуары умеренно и с большой осторожностью. Чтобы противостоять угрозе возникновения любого соблазна подчеркнуть в своем изложении одни аспекты за счет других, он решил работать над материалом по годам, публикуя результаты по мере продвижения вперед, так что его труд должен был демонстрировать то, что действительно произошло, а не его соображения о том, что произошло"¹³. Сказанное Хейлом справедливо, возникает, однако, вопрос: в какой мере установки Гардинера действительно обеспечивают должную объективность его собственных исследований, более того, в какой мере вообще они могут таковую обеспечить? Ответ очевиден – не в большей мере, чем аналогичные установки Ранке.

Не выходя за пределы общепринятых норм английского политического мышления своего времени – второй половины XIX в. – историк видел залог независимости в том, чтобы подняться над поединком основных парламентских партий, персонифицированных тогда в лице их лидеров У. Гладстона и Б. Дизраэли, над непрерывной полемикой вигов и тори, т.е. либералов и консерваторов. Гардинер никогда не терял из виду современной ему политической ситуации, добиваясь по сути дела не преодоления, а примирения "крайностей", во всяком случае, на материале XVII в., предлагая читателю историческое обоснование необходимости межпартийного компромисса: "Мы получили свое умственное и нравственное наследие не от одной только партии из числа тех, которые участвовали в великой междуусобной борьбе семнадцатого столетия. Пример Эллиота может подвигнуть энергичного государственного человека на возвышенные дела. В то же время предостережения Страффорда напоминают нам о том важном значении, какое имеют способные талантливые люди в деле управления. Кто стоит за умеренность, кто не сочувствует применению грубой силы к разрешению религиозных и политических вопросов, – тот может вспомнить о Фалькленде; между тем как высокие идеалы жизни, без которых всякий труд превращается в преследование личных целей, неразрывно связаны с именем Мильтона"¹⁴. Однако Дж. Мильтон был не только выдающимся поэтом и благородным идеалистом, но и весьма радикальным политическим идеологом, отнюдь не находившимся в оппозиции к лидеру английской революции О. Кромвелю и режиму индипендентской республики. Что же касается Дж. Лильберна и других демократов, критиковавших Кромвеля слева, то их имена даже не упомянуты, а движение левеллеров характеризуется единственной фразой: "В рядах армии бродило много крайних идей; произошла даже попытка к мятежу ради их осуществления; но она была подавлена железною рукою Кромвеля"¹⁵. Перед нами не "защита от тенденциозности", а, напротив, ее проявление.

В пределах собственного нарратива Гардинер оказывался таким же "идеологом", как Маколей. Что же касается объяснительной схемы, то утверждения, подобные следующему: "Чувство меры в мышлении, дух обоюдных уступок и соглашения, готовность выслушать всякий полезный совет, – вот та почва, на которой выросла английская конституция"¹⁶, – являются программными и делают Гардинера не меньшим вигом, чем его знаменитый предшественник. Но для вигской интерпретации истории, как и для всякой другой, характерны не только непосредственно политические мотивы, но и решения коренных методологических проблем исторического знания и, прежде всего, проблемы детерминации, т.е. причинности, механизма причинно-следственных связей.

Отмеченная выше психологизация исторических явлений осуществляется у Гардинера главным образом в форме психологического детерминизма, который приобретает в книге "Пуритане и Стюарты" поистине универсальный характер. Так,

¹³ The Evolution of British Historiography. Edited and with an Introduction by J.R. Hale. New York, 1964, p. 60–61.

¹⁴ Гардинер С.Р. Указ. соч., с. 252.

¹⁵ Там же, с. 290.

¹⁶ Там же, с. 252.

чисто психологическое объяснение получает конфликт Кромвеля и командующего парламентской армией графа Э. Манчестера, знаменовавший собой начало размежевания индипендентского джентри и пресвитерианской буржуазии: "Манчестер был добродушный и несколько вялый человек, совсем не подходивший к должности главнокомандующего; но, без сомнения, его ошибки происходили от прирожденной медлительности, а не вследствие желания щадить врага. Для энергичного и быстрого в своих решениях и действиях Кромвеля медлительность Манчестера казалась почти предательством"¹⁷. Однако вопрос о победе над королем даже субъективно не был для Кромвеля и Манчестера только вопросом характера. Не случайно их взаимные инвективы стали хрестоматийными.

Именно потому, что общественное сознание непрерывно подставляется в рассматриваемой модели исторического процесса на место общественного бытия, стремление Гардинера к объективности – его "исторический натурализм" – может реализоваться лишь в форме психологического нарратива, где единственным законом истории становится первичность индивидуальных или коллективных волей, капризами которых эта история и объясняется.

Гардинер не был субъективным идеалистом, что вытекает, казалось бы, из логики его собственных высказываний. Объяснительные схемы вигских историков, идет ли речь об откровенных идеологах или объективистах, всегда представляли собой результат абстрагирования от реального процесса развития конституционного права. Все субъективное и случайное выстраивалось вокруг центрального принципа "роста английской свободы" и – в конечном счете – детерминировалось именно им.

Методологические обоснования вигской традиции, принимавшиеся историками XIX столетия без особых обсуждений, в XX в. неоднократно становились предметом теоретической рефлексии, решительно отвергались или терпеливо реставрировались. При этом не был выработан не только единый взгляд на проблему, но и единый подход к ней. Вигская объяснительная схема рассматривалась Баттерфилдом как основное препятствие на пути к адекватному пониманию прошлого, а философ У. Дрей подчеркивал преимущества вигского психологического нарратива для целей рационального "объяснения действий людей в исторической науке"¹⁸. Можно ли согласовать эти позиции, находящиеся как бы в различных плоскостях?

Обратимся сначала к построениям Баттерфилда, "сделавшим погоду" в своей области. Успех книги "Вигская интерпретация истории" во многом объясняется тонкостью и точностью анализа крупного историко-культурного явления, увиденного на расстоянии, сквозь призму первой мировой войны, покончившей с либерально-буржуазным оптимизмом как преобладающей формой умонастроения западной интеллигенции. Новая историческая наука в лице Баттерфилда рассчитывалась со своей прежней методологической совестью, вскрывая теоретико-познавательные корни вигской апологетики существующих общественных отношений и их конституционного оформления. Соответствующая интерпретация истории рассматривалась как "результат практики абстрагирования вещей от их исторического контекста и суждения о них в отрыве от этого контекста – посредством оценки их и организации исторического повествования при помощи системы прямого соотнесения с настоящим"¹⁹.

Однако, решительно отвергая "прославление настоящего" по вигскому образцу, Баттерфилд апеллировал не к будущему, не к социальному идеалу, а к прошлому, полагая, что "главная задача, стоящая перед историками, заключается в том, чтобы разъяснить несходство между прошлым и настоящим, а его главная функция – быть посредником между другими поколениями и нашим собственным"²⁰. Осуществляя на

¹⁷ Там же. с. 170.

¹⁸ Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке. – В сб.: *Философия и методология истории*. М., 1977.

¹⁹ *Butterfield H. Op. cit.*, p. 30–31.

²⁰ *Ibid.*, p. 10.

практике подобное посредничество, а на деле прочно закрывая к нему дорогу, Баттерфилд предлагает "рассматривать протестантов и католиков XVI в. как далеких и странных людей,.. чьи споры имеют так же мало отношения к нам самим, как партии "голубых" и "зеленых" в древнем Константинополе"²¹.

Таким образом, оказываются отброшенными представления о прогрессе и закономерности в мировой истории, о ее единстве и осмысленности, включая и само понятие причинности, то, что в течение двух столетий питало классическую историческую науку. Позитивная программа Баттерфилда базируется на идеях неоромантического историзма, восходящих к немецкому философу В. Дильтею: "Подлинное понимание истории может быть достигнуто не подчинением прошлого настоящему, но, скорее, превращением прошлого в наше настоящее и попытками увидеть жизнь глазами иного, чем наше собственное, столетия"²².

Вся эта "метафизическая" – в изначальном смысле слова – проблематика игнорировалась Дреем, одним из активных участников дискуссии о природе исторического объяснения, происходившей на Западе. В отличие от ряда своих оппонентов, занятых конструированием идеальных объяснительных схем, Дрей стремился "вычитать" такую сторону между строк либерально-вигских исторических монографий²³. Однако эта односторонняя ориентация лишила наблюдения Дрея какой-либо общезначимости. То, что он называл "логической основой большинства объяснений человеческих поступков в исторической науке"²⁴, явилось лишь достаточно точным воспроизведением методологических установок, лежащих в основе различных вариантов психологического нарратива, как традиционных (Гардинер), так и модифицированных (Тревелиян, Дэвис). По мнению Дрея, "когда историк приступает к объяснению некоторого действия, он обычно сталкивается с целым рядом трудностей, так как он не знает мотивов, лежащих в его основе"²⁵. Почему же столь необходима всесторонняя информация о целях, планах или мотивах? "Понимание действия, – писал Дрей, – возникает у историка только тогда, когда он устанавливает разумность поступков данного человека в свете его собственных предствлений и планов"²⁶.

С этой точки зрения трактовку Гардинером действий Карла I можно признать образцовой. Так, Гардинер, используя имевшуюся в его распоряжении информацию, отмечает, что "необходимость соглашения с общественным мнением Карл не понимал никогда. Он считал общественное мнение или испорченным, или ошибочным... Карл рассчитывал, что раз будут заключены в Тауэр вожак, то всякое сопротивление столь незначительного большинства будет крайне затруднено, если не совсем невозможно"²⁷. Если принимать как должное свойственные этому королю недооценку общественного мнения и переоценку роли репрессивных мер, степень разумности его вооруженного вторжения в парламент 5 января 1642 г. действительно повышается, но исключительно в пределах самосознания амбициозного монарха. Фактически же самосознание политического деятеля выводится не столько из его душевного склада, сколько из социальных и политических коллизий эпохи.

Социальным вопросам посвящена третья глава первого тома "Истории Англии" Маколея, которую до сих пор английские профессора рекомендуют своим студентам в качестве хрестоматийной. Однако хрестоматийный глянec не может скрыть несовершенства, более того, неадекватности используемого Маколеем категориального аппарата. Анализируя проблему джентри, историк утверждает, что "характер английского эсквайра XVII столетия слагался из двух элементов, которых мы не привыкли

²¹ Ibid., p. 37–38.

²² Ibid., p. 16.

²³ См. Кон И.С. История в системе общественных наук. – Философия и методология истории, с. 44.

²⁴ Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке. – Философия и методология истории, с. 41.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Гардинер С.Р. Указ. соч., с. 149.

встречать в связи между собой. Его невежество и неуклюжесть, его низкие вкусы и грубые речи были бы в наше время сочтены признаками совершенно плебейской натуры и такого же воспитания. А между тем он был существенно патриций и в высокой степени обладал теми добродетелями и пороками, которые процветают у людей, с самого рождения занимающих высокое положение и привыкших к авторитету, почету и самоуважению"²⁸. Литературная сторона фрагмента достойна уважения, но понятия, приспособленные для характеристики мотивов и действий, вряд ли могут использоваться там, где предметом исследования становятся сословия и классы.

Прошли десятилетия, прежде чем социологический трактат сменил драматургическое действие в качестве прообраза исторического исследования. Соответствующие перемены в западной историографии английской революции подготавливались исподволь, постепенно, а произошли они почти одновременно. Так, еще в 1937 г. Г. Дэвис в книге "Первые Стюарты, 1603–1660"²⁹ пытался с помощью эмпирических констатаций подвести какую-то базу под безнадежно устаревшую практику династических идеологов, интерпретировавших акты престолонаследия как рубежи исторического процесса. Однако уже в 1941 г. его построения оказались опровергнутыми в результате исследований профессора экономической истории Лондонского университета Р.Г. Тоуни, предложившего социальную интерпретацию тех же событий³⁰.

Богатый фактический материал, сконцентрированный в многотомных исследованиях истории английской революции, принадлежащих Кларендону, Юму, Гизо, Маколею, Ранке, Гардинеру и Ферсу, позволяет с полнотой характеризовать события 1640–1660 гг., да и всего XVII в., поскольку дело касается Англии. Вряд ли случайно то, что после трудов Гардинера и Ферса не появилось ни одной многотомной серии подобного рода. Наступила эпоха пересказов и сокращений, однотомников и переизданий. Кризисные черты в полной мере присущи упомянутой книге Дэвиса, "оксфордского кларендоновца"³¹, как его характеризуют отечественные авторы.

Все это наглядно демонстрировало, что гносеологические и социальные функции либерально-вигского нарратива были исчерпаны. Речь шла, с одной стороны, о стремлении показать, "как было на самом деле", а с другой, о ретроспективном обосновании викторианского политического устройства. Гносеология играла здесь подчиненную роль, уступая определяющему воздействию со стороны идеологии общества, желавшего иметь такую родословную, которая представлялась бы ему безукоризненной. Как можно было разрешить это противоречие? Факты оказались настолько "упрямой вещью", что для дальнейшего воспроизведения ортодоксального подхода к проблеме истолкования английской революции пришлось пожертвовать привычной матрицей нарратива.

Отказ английских и американских авторов от повествовательной формы традиционного схематизма с неизбежностью выдвигал на первый план объяснительные схемы, ранее почти без остатка растворявшиеся в нарративе, а теперь ставшие самоцелью. Начался период естественного отбора наиболее эффективной схемы, период так называемого "спора о джентри" (1941–1969 гг.)³². Участники этой дискуссии: Тоуни, Тревор-Ропер, Стоун, Хекстер, Загорин искали более современную и состоятельную альтернативу марксистской концепции английской революции, чем

²⁸ *Маколей Т.Б.* Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1861, с. 318.

²⁹ *Davies G.* *The Early Stuarts 1603–1660.* Oxford, 1937.

³⁰ *Tawney R.H.* *The Rise of the Gentry 1558–1640.* – *Economic History Review*, 1941, № 1; *Harrington's Interpretation of His Age.* – *Proceedings of the British Academy*, 1941, v. XXVII.

³¹ *Лавровский В.М., Барг М.А.* Указ. соч., с. 42, 44, 45.

³² См. о нем: *Шарифжанов И.И.* Исторические предпосылки английской революции XVII в. в освещении современной английской и американской буржуазной историографии. – *Средние века*, вып. 41. М., 1977; *Бацер М.И.* "Спор о джентри" в современной английской историографии. – *Новая и новейшая история*, вып. 3. Саратов, 1977; *его же.* Социальная природа Английской революции XVII в. в интерпретации участников "спора о джентри". – *Новая и новейшая история*, вып. 6. Саратов, 1980.

вигская. Направление этих поисков было задано обозначившимся в рамках общего обновления исторической мысли в XX в. кризисом нарратива. Этот кризис дал импульс к переходу от повествования к концептуальности.

Пионером теоретического истолкования социальной природы "пуританской революции" в новейшей английской историографии стал Тоуни, специалист по экономической и религиозной истории тюдоровской Англии. Строгий аналитик, Тоуни тщательно взвешивал свои широкие обобщения, не всегда принимавшиеся его коллегами.

В контексте напряженной социально-политической ситуации 30-х годов вигская историческая концепция с ее поверхностным оптимизмом, идеализмом и обоснованием существующих отношений казалась устаревшей и неуместной. Книги Баттерфилда и Дэвиса в равной мере работали против нее. 1 сентября 1939 г. и последующие события активизировали деятельность западных защитников демократии, что проявилось и в теоретической области. Позитивная программа, предложенная Тоуни в 1941 г., имела мало общего с либерально-вигским пониманием английской революции. Может быть, именно это и стимулировало ее превращение в "новую ортодоксию", сплотившую вокруг себя на какое-то время историков, склонных к реформе британской национальной традиции, стремившихся к укреплению "национального духа" в новых условиях и новыми средствами. Такие настроения, характерные, в частности, для А. Роуза³³, оказались временным делом, ибо не подкреплялись реальным содержанием интерпретируемых текстов.

Значительно более глубокое и продолжительное влияние идей Тоуни испытала на себе профессиональная историография английской революции, представленная не только участниками "спора о джентри", возводящими эту дискуссию к статье "Возвышение джентри, 1558–1640", но и так называемой "школой Тоуни, ориентированной аналогичным образом. Не менее важно и то, что работы этого историка соответствуют основным тенденциям развития современного англо-американского историзма, формированию которого они активно содействовали.

Установка на теоретическое осмысление прошлого сама нуждалась в теоретическом обосновании. Так, профессор М. Вартофский в "Бостонских исследованиях по философии науки" резюмирует сложившуюся ситуацию как гносеологическую проблему, прибегая к соответствующей терминологии: "Поскольку я хочу обосновать утверждение, что к пониманию мы приходим только на основе данных концептуальных моделей, постольку метафизика – задавая наиболее общее и абстрактное истолкование условий, при которых что-либо может быть понято, – становится эвристикой для научного понимания"³⁴.

То, что Вартофский склонен рассматривать как возвращение к метафизике является попыткой обновления методологических оснований западной исторической науки. Наиболее теоретически корректна в этом смысле концептуальная схема Тоуни, вполне соответствующая модели Вартофского, особенно если термин "метафизика" в его устаревшем значении заменить на привычное сегодня "методология" – правомерность такой подстановки вытекает из контекста статьи американского философа.

Историками неоднократно подчеркивалось, что методологическую основу концепции Тоуни составляет экономический материализм, сторонники которого прямолинейно и однозначно интерпретируют проблему соотношения собственности и власти, рассматривая власть как функцию собственности, а собственность – как богатство, т.е. как совокупность материальных ценностей.

Переводя проблему в конкретно-исторический план, можно указать на прямую связь между укреплением экономических позиций мелкого феодального землевладения и оформлением его политического представительства, палаты общин. Эти процессы, характерные прежде всего для феодальной Англии XIV в., неоднократно становились

³³ См. об этом: *Сапрыкин Ю.М.* Политическое учение Гаррингтона. М., 1975, с. 6–7.

³⁴ *Вартофский М.* Эвристическая роль метафизики в науке. – Структура и развитие науки. М., 1978. с. 84–85.

предметом изучения и были известны Тоуни, экстраполировавшего их на XVI и XVII вв. Сама гипотеза о "возвышении джентри" воспроизводит реальную логику "возрастания экономического и общественного значения слоя мелких феодалов"³⁵, выступавших относительно единым фронтом на протяжении XII–XV вв. Это связано с тем, что принадлежность к негитулованному дворянству имела тогда не только юридический, но и социально-классовый смысл, еще не затененный развитием буржуазных общественных отношений под той же юридической вывеской. Можно предположить, что именно проекция методологии экономического материализма на историческую реальность XIV в. детерминировала – каковы бы ни был механизм этой детерминации – концептуальные допущения Тоуни. Внутренняя логика научных теорий не всегда соответствует логике их авторского изложения. Каковы же опорные постулаты концепции Тоуни? Результаты предпринятой автором этой статьи реконструкции сводятся к следующему: джентри и аристократия – антагонистические социальные группы; мерой их антагонизма является распределение между ними земельного фонда; мерой этого распределения является манориальная статистика.

Формулировки самого Тоуни не оставляют сомнения, что английский историк предполагал закономерным и естественным обратное движение мысли. Читателя надо было подвести к выводу о том, что "возвышение джентри" – фундаментальная социологическая реальность, выявленная непосредственно в эмпирическом контексте истории Англии со всей статистической четкостью.

Итак, манориальная статистика, которая должна была обеспечить объяснительной схеме Тоуни контакт с исторической реальностью, предоставив эмпирические доказательства действительности этой схемы, оказалась априорной конструкцией. В результате историческое объяснение английской революции на новый лад, заблокированное и "сверху", методологически, и "снизу", методически, выдает свою умозрительную, метафизическую природу. Отрыв теории от эмпирии еще не привел Тоуни к их разрыву. Совершенно иной характер приобретает соотношение теории и эмпирии в концепции Тревора-Ропера.

Политический традиционализм сочетался у этого историка с склонностью к парадоксальным новациям в осмыслении поворотов исторического процесса. Тревор-Ропер писал, что, с его точки зрения, "история Англии после 1660 г. была продолжением ее истории до 1640 г."³⁶. Однако именно эти, как бы "несуществующие", центральные десятилетия XVII в., привлекали пристальное внимание историка и освещались им в работах "Джентри", "Социальные истоки Великого мятежа", "Всеобщий кризис семнадцатого столетия"³⁷. Кажущееся противоречие разрешалось у Тревера-Ропера противопоставлением концепции английской революции как буржуазной по своей классовой природе сложной умозрительной конструкции, ни в коей мере не являющейся результатом тщательного воспроизведения последовательной смены событий в духе "исторического натурализма" Гардинера.

Если продолжить аналогию с категориями современной эстетической мысли, то в лице Тревера-Ропера наука имеет "историка-модерниста", озабоченного конструированием исторической реальности, в корне отличной от той, которую мы знаем по совокупным данным научного опыта. Чистая умозрительность такого "возвращения к метафизике" не мешает Тревору-Роперу заявлять о себе как об интерпретаторе английской революции, впервые раскрывшем ее социальную сущность. В действительности же перед нами не интерпретация, а искусно построенная теоретическая модель революции, взятой в ее социальном, политическом и интеллектуальном аспектах, модель, детерминированная не столько гносеологически, сколько задачами идейной полемики с марксистской концепцией тех же событий. Высокая степень

³⁵ Писарев Ю.И. Магнаты и корона в Англии XIV в. – Средние века, вып. 43. М., 1980, с. 104.

³⁶ Trevor-Roper H.R. The Social Origins of the Great Rebellion. – History Today, June, 1955, p. 382.

³⁷ Trevor-Roper H.R. The Gentry. 1540–1640. – Economic History Review, Supplement I (1953); *idem*. The Social Origins of the Great Rebellion; *idem*. The General Crisis of the Seventeenth Century. – Past and Present, 1959, № 16.

внутренней и взаимной непротиворечивости выдвигаемых тезисов свидетельствует всего лишь о гипотетическом, а отнюдь не о реальном существовании "мира Тревор-Ропера". Этот фантастический мир построен на фундаменте концептуальных допущений, еще более зыбких, чем у Тоуни.

Объяснительная схема Тревор-Ропера имеет почти всецело априорный характер еще и потому, что с самого начала призвана объяснить не крупнейшую социальную революцию, а ее предполагаемую бессмысленность – неблагоприятная задача для историка, вынужденного в этом случае эксплуатировать свое социологическое воображение в гораздо большей мере, чем аналитические способности. Изображая Кромвеля вождем, а Гаррингтона – идеологом "слепого бунта" оскудевших провинциальных дворян, "английских идалго", против "прогрессивного" и "буржуазного" абсолютизма Стюартов, т.е. рисуя происходившее не в естественной, прямой, а в обратной по отношению к реальности перспективе, историк апеллирует для обоснования такой трансформации к разработанной им самим объяснительной схеме. Она представляет собой своего рода экономическую метафизику.

Ее основные постулаты, иначе говоря, концептуальные допущения, выявляемы, немногочисленны и просты, обладают внешней убедительностью. В самом деле, если бы мы могли с уверенностью сказать, что хозяйствование на земле приносило английскому джентльмену в XVI–XVII в. одни убытки в силу фатальной нерентабельности земледелия, возможно, тогда тезис об антагонизме должности и поместья как возведенных в ипостась источников дохода английского джентри получил бы в глазах некоторых коллег Тревор-Ропера определенное оправдание.

Вероятно, что феодальная часть джентри действительно переживала упадок, однако и в этом случае трактовать буржуазную революцию как феодальный мятеж было бы затруднительно. Пожалуй, только один историк солидаризировался с построениями Тревор-Ропера, а именно англичанин Д.С. Моррилл, который в книге "Мятеж провинции" утверждал, что провинциальное джентри накануне революции "оставалось удивительно слабо информированным о важных политических вопросах"³⁸. Политическая же ситуация в стране складывалась прежде всего под влиянием социальной дифференциации провинциального джентри. Что касается основного допущения, то оно идет вразрез с прямо противоположной оценкой экономических возможностей тогдашнего английского земледелия, выработанной в результате долгого и трудного развития исторической мысли. Контраргументация сводится к нескольким эмоциональным цитатам, свободно поддающимся иному толкованию. Иначе говоря, точки соприкосновения теории Тревор-Ропера и эмпирии исторического процесса немногочисленны.

Историк не испытывает в этой связи каких-либо неудобств или сомнений. Наоборот, свободное теоретизирование стало методом его научного мышления. Восприняв идеи Нэмира и Баттерфилда, Тревор-Ропер идет дальше учителей в утверждении принципов неоконсерватизма. "Далекими и странными людьми" выглядят в изображении Тревор-Ропера не только католики и протестанты XVI в. Роялисты и сторонники парламента, к борьбе которых историки всех направлений склонны возводить происхождение современной Англии, трактуются в его работах как люди, чьи ожесточенные столкновения, совершенно чуждые современности, не оказали на ее становление никакого воздействия.

Все это не помешало возникновению неолиберальных, по определению И.И. Шарифжанова, тенденций в англо-американской историографии, представители которой пытаются решить задачу противостояния марксизму, одновременно отвергая объяснительную схему Баттерфилда. Вигская интерпретация истории обретает при этом новую привлекательность, что в значительной мере обусловлено негативной реакцией значительной части специалистов на произвольные обобщения Тревор-Ропера, построенные по принципу "тем хуже для фактов".

³⁸ Hexter J.H. *Reappraisals in History*. London, 1961; *On Historians: Reappraisals of Some of the Makers of Modern History*. Cambridge (Mass.), 1979.

Философское обоснование нарратива гардинеровского толка, предложенное Дреем, не является выходом из сложившейся ситуации, ибо вигский нарратив окончательно утратил свой эвристический потенциал еще в межвоенный период. Иное дело – вигская объяснительная схема, вигская концепция революции. Являясь формой идеологической переработки революционных традиций английского народа, она оказалась более способной к трансформации, чем полагали историки-"ревизионисты" неоконсервативного направления. Ответом на далеко идущие претензии теоретического характера, содержащиеся в работах Баттерфилда и Тревора-Ропера, явилось формирование в рамках "спора о джентри" неолиберальной, социально-вигской, концепции английской революции.

Наиболее крупным представителем неолиберального направления является американский историк Дж. Хекстер. Издательские аннотации аттестуют его как "одного из наиболее выдающихся национальных историков". В целом ряде статей, составивших книги "Переоценки истории" и "Об историках"³⁹, Хекстер выступает как сторонник эмансипации исторического знания, "исторического разума", нетождественного другим разновидностям интеллектуальной деятельности. Американский историк непрерывно сопоставляет сложившийся у него идеал историзма с наличной историографической практикой, корректируя и развивая собственные тезисы, не останавливаясь иной раз перед тем, чтобы признать свое поражение в какой-либо конкретной полемике.

В развернувшихся на Западе спорах о том, какая история нужна современности, – история событий или история структур, повествовательная или количественная (математизированная), – Хекстер не склонен поддерживать какую-либо из сторон. Он избирает свой путь, в равной степени далекий от "сциллы" нарратива и "харибды" квантификации. Не претендуя на лавры "мастера занимательного повествования", Хекстер, тем не менее, владеет искусством драматизирования идейных коллизий. Аргументация собственных объяснительных схем и анализ проблем историографического характера приобретают у него черты интеллектуального детектива, содержанием которого являются поиски истины.

Подобные цели ставит перед собой всякий серьезный исследователь, и результаты упомянутых поисков в решающей мере зависят от надежности познавательных средств, призванных обеспечить достижение этих целей.

Историческая концепция Хекстера в равной мере детерминирована прошлым и настоящим западной историографии, будучи своеобразным синтезом традиционалистских и новаторских тенденций. Работы Хекстера невозможно разделить на "чисто" исторические и "чисто" историографические исследования, ибо они представляют собой единство тех и других, т.е. теоретическую историю. Каждая статья американского автора становится фрагментом умозрительного диалога между англичанином XIX в. Макколеем и французом XX в. Броделем. Эти имена символизируют для Хекстера высшие возможности исторического знания, реализация которых должна привести к восстановлению терапевтической функции истории в условиях современного общества. Добиться решения поставленной им задачи Хекстер намеревается отнюдь не средствами психологизированного нарратива, содержащего поучительные примеры достойного и недостойного поведения, а путем гуманизации прошлого на основе теоретического анализа его ключевых проблем. Иначе говоря, история призвана быть не педагогом, а врачом, возвращающим индивидуальному сознанию веру в осмысленность исторического процесса, веру, которая подтверждается непрерывным испытанием действительности новейшего времени.

Для того, чтобы облегчить индивиду контакты с этой действительностью, Хекстер мобилизует все идеологическое содержание вигской интерпретации истории, излагая его на языке социологических обобщений, столь распространенной ныне в связи с

---

³⁹ Hexter J.R. *Reappraisals in History*, London, 1961; *On Historians: Reappraisals of Some of the Makers of Modern History*.

ускоренным и успешным развитием социальных наук. Хекстер стремится сделать либеральное мировоззрение не только "объясняющим", лежащим в основе английского исторического опыта, но и "объясняемым", выводимым из его глубинных факторов и тенденций. Решение этой задачи мыслится ему как создание "нового каркаса для социальной истории". Результаты исследований Броделя, резюмированные в его труде "Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II", представляются американскому историку превосходным примером такого рода, позволяющим понять историкам и социологам "соотношение истории и социологии"⁴⁰. Хекстер, подобно Броделю, уверен, что необходимо наладить взаимодействие этих наук.

Будучи "метафизиком" – в терминах Вартофского, – т.е. ярким представителем антипозитивистской линии в историографии, Хекстер отвергает и количественные методы, и нарратив как формы обработки эмпирического материала. Одновременно Хекстер идеологизирует и социологизирует историю, наглядно демонстрируя единство ортодоксальной идеологии и ортодоксальной социологии в современном западном обществе. Тем самым вигская интерпретация истории становится не столько интерпретацией политических решений или религиозных доктрин, сколько истолкованием экономических проблем и социальных конфликтов.

Это обусловило выступление Хекстера в рамках "спора о джентри" с далекой идущей попыткой социально-вигской интерпретации английской революции XVII в.⁴¹ В конечном счете – если говорить о периоде, охватывающем вторую половину 60-е и 70-е годы – Хекстер действительно оказался "хозяйном положением", проведя реставрацию традиционных воззрений с мнимой безоговорочностью "счастливой реставрации", осуществленной Монком во имя торжества дела Стюартов. Социологизированный вариант либерального осмысления английской истории, разработанный Хекстером, существенно отличается от классического, нарративного.

Если по мнению либеральных историков XIX в., личная и общественная свобода имманентна историческому развитию Англии, то для Хекстера она является равнодействующей бурных социальных конфликтов. Это различие не может быть интерпретировано в духе противопоставления событийной и структурной историографий, бессодержательность которого убедительно доказал российский историк А.И. Данилов⁴². В рассматриваемом случае речь идет о выборе не столько объектов исследования, сколько методов реализации вигской объяснительной схемы. То, что для Маколея являлось аксиомой, встает перед Хекстером как теорема, требующая доказательств. Эти доказательства, в свою очередь, восходят к некоторым "аксиомам", которые принимаются Хекстером как исходные допущения.

Вероятно, они представляют собой результат искреннего "самовыражения" историка, стремящегося с самого начала исключить какое-либо влияние марксизма на свои дальнейшие построения. Ранее английского исследователя П. Ласлетта, автора получившей широкую известность на Западе книги "Мир, который мы потеряли"⁴³, Хекстер выдвинул тезис о том, что Англия XI–XVIII вв. представляла собой общество одного класса. Американский историк усматривает социальную определенность этих столетий в инициативной роли богатства, т.е. обладавших им привилегированных слоев общества. После того, как из истории устранены классовая борьба и народные массы, на первый план стала выступать общественная оппозиция, использующая социально-политические институты. Главными оппозиционными силами становились аристократия и джентри, контролировавшие в XV в. вооруженные свиты, в XVII в. – парламентскую кафедру, в XVIII в. – избирательную систему. "Новый каркас для

⁴⁰ Hexter J.H. On Historians: Reappraisals of Some of the Makers of Modern History, p. 145.

⁴¹ Hexter J.H. Storm over the Gentry. – Encounter, v. 10, № 5, May 1958; The English Aristocracy, Its Crisis and the English Revolution. – Journal of British Studies, 1968, № 8.

⁴² Данилов А.И. Историческое событие и историческая наука. – Средние века, вып. 43. М., 1980.

⁴³ Laslett P. The World We Have Lost. London, 1965.

социальной истории"⁴⁴, сконструированный Хекстером, допускает лишь вариации на заранее и очень четко определенную тему.

Переход от нарратива к теории во многом явился переходом от одного типа видимости к другому: от привычной видимости эмпирических констатаций к видимости проникновения во внутренние механизмы детерминации исторических фактов. На деле конкретика исторического процесса у Хекстера, как и у Тревоора-Ропера, подменяется объяснительными схемами, находящими опору не столько в анализируемой действительности, сколько в автономной логике современного западного историзма, в его немарксистском идейном потенциале. Сторонники "социологизированной истории" пытаются бороться с марксизмом на его собственной территории, однако демонстрируют подчас узость своей методологической базы.

Можно ли объективно объяснить расстановку классовых сил в предреволюционной Англии, руководствуясь таким определением класса, которое представляется идеальным английскому историку Л. Стоуну, автору монографии "Кризис аристократии, 1558–1641": "Сущность социального класса заключается в том, как человек рассматривается его собратьями – и, соответственно, в том, как он рассматривает их, а не в качествах или собственности, которые вызывают подобные отношения"⁴⁵? Восприняв это определение, восходящее к Т. Маршаллу, Стоун объясняет события 1640–1642 гг. кризисом доверия к титулованному дворянству⁴⁶. Формальный даже для Англии XVII в. критерий сословности, дополненный различными вариантами измерения богатства, является критерием истины для ряда современных интерпретаторов революции, которую они упорно отказываются признать буржуазной.

Таковы основные результаты перехода от нарратива к теории, т.е. от повествования к концептуальности, составившего содержание целого этапа в осмыслении событий середины XVII в. Дальнейшее развитие англо-американской историографии английской революции привело к формированию ответа на вызов, который бросил методологической традиции социально-теоретический историзм Тоуни, Тревоора-Ропера, Стоуна, Хекстера и близких к их позициям авторов. К. Рассел в нетерпеливом стремлении к переориентации западной историографии еще в 1971 г. заявлял, что "пыль осела на "возвышении джентри"⁴⁷. Вскоре после того, как тот же Рассел в 1979 г. издал книгу⁴⁸ о парламентском кризисе в Англии 20-х годов XVII в., стало ясно, что речь идет о формировании новой ортодоксии, которая не исключает, но даже предполагает обращение к новым приемам аргументации, использование новой терминологии в целях обоснования необходимости возврата к жесткому религиозно-политическому детерминизму, социальному консерватизму и методологическому эмпиризму. Методологическая программа новой ортодоксии положена в основу монографии английского историка О. Вулрича "От республики к протекторату"⁴⁹, опубликованной в 1982 г. Работа О. Вулрича изобилует фактами, характеризующими различные стороны деятельности Бербонского парламента – известного также как "парламент святых" – в переломном 1653 г., закончившемся установлением режима протектората. Появились и работы, эклектически объединяющие элементы нередко противоположных интерпретаций. Такова интересная в целом и богатая новым фактическим материалом книга В. Ханта "Пуританский момент"⁵⁰, вышедшая в 1983 г. в США. Важно отметить, что представители новой ортодоксии, которую на Западе обычно называют "ревизионистским" направлением, не только отрицают буржуазный характер английской революции, но и вообще отвергают социальный детерминизм как фактор исторического объяснения. Позиция В. Ханта

⁴⁴ *Nexter J.H.* A New Framework for Social History. – Reappraisals in History. London, 1961.

⁴⁵ *Stone L.* The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. Oxford, 1965, p. 746.

⁴⁶ *Ibid.* p. 746–753.

⁴⁷ *Russell C.* The Crisis of Parliaments. English History 1509–1660. London, 1971, p. 198.

⁴⁸ *Russell C.* Parliaments and English Politics, 1621–1629. Oxford, 1979.

⁴⁹ *Woolrich A.* Commonwealth to Protectorat. Oxford, 1982.

⁵⁰ *Hant W.* The Puritan Moment. Cambridge (Mass.), 1983.

может быть рассмотрена в этом аспекте как своеобразное исключение из общего правила.

Архаический нарратив в духе французского историка XIX в. Ф. Гизо⁵¹ стал той формой, в рамках которой впервые была высказана мысль о буржуазном характере английской революции. Объяснительные схемы французских нарративов эпохи Реставрации содержат больше социологической истины, чем широковещательные теоретические разоблачения "мифа о среднем классе в тюдоровской Англии" (название одной из статей Хекстера). Это объясняется в первую очередь тем, что на завершающем этапе борьбы с Бурбонами масштабность и радикализм социальных задач, осознанных французской историографией, соответствовали значительности интеллектуальных ресурсов последней. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали приоритет французской исторической мысли первой половины XIX в., впервые, хотя и не последовательно, сделавшей классовую борьбу одним из важнейших объектов исследования⁵².

На страницах работ участников "спора о джентри" трудно найти имена французских историков времени Реставрации Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье, и это не случайно. Отвергая материалистическое понимание истории, некоторые английские и американские сторонники "социальной интерпретации английской революции" порывают и с плодотворными тенденциями в развитии классической исторической мысли. Основные участники "спора о джентри" черпают аргументы и вдохновение в трудах современников "великого мятежа", – публициста Дж. Гаррингтона, лидера роялистов графа Э. Кларендона и философа Дж. Локка – создавая историографию в стиле "ретро".

Сопоставление либерально-вигской и "социологизированной" интерпретаций английской революции XVII в. позволяет сделать вывод о том, что нарратив и теория могут быть рассмотрены как различные способы оформления идентичного или сходного историко-философского содержания, независимо от того, деформируют они объект исследования или, напротив, содействуют его изучению. Абсолютизация действительно имеющих место различий неоднократно приводила к утверждениям о существовании двух историй – "философской" и "эмпирической"⁵³. Однако основной водораздел пролегает не здесь, и обобщающие "Переоценки истории" Хекстера сводятся к попыткам реставрации того концептуального содержания, которое излагал на языке нарратива Маколей после поражения революции 1848 г. Правда, маколеевский Мильтон в эссе "Разговор между Абрагамом Коули и Джоном Мильтоном о междуусобной войне" (1824 г.)⁵⁴ проявляет чудеса социологической изобретательности, утверждая правоту "доброе старое дело", но и люди, и времена меняются.

Можно ли в таком случае говорить о концептуальной и методологической нейтральности констатирующих (нарратив, квантификация) и интерпретирующих (теория) форм фиксирования исторической информации? Вряд ли. Либерально-вигский, либерально-викторианский нарратив являлся нарративом "по убеждению", а не только в силу приверженности к многовековой традиции изложения последовательности событий в повествовательной форме. Для Маколея и Гардинера такая организация материала была делом принципа, залогом действенности объяснительной схемы, рафинированным подтверждением лозунга "Правь, Британия!", ибо что могло быть более неопровержимым для англосакса XIX столетия, чем его историческая родословная?

И все-таки именно родословная британского джентльмена стала предметом дискуссии, в ходе которой были предложены теоретические модели исторической роли джентри, каждая из которых предполагает определенную интерпретацию социальной природы английской революции. Как бы ни оценивались эти интерпретации, воспроизвести их на языке нарратива в высшей степени затруднительно. Современная

⁵¹ Гизо Ф. История английской революции, т. 1–3. СПб., 1868.

⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 308; т. 28, с. 321.

⁵³ См. Гулыга А. Искусство истории. М., 1980, с. 106–107.

⁵⁴ Маколей Т.Б. Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1862, с. 333–357.

теоретическая социология восходит к Марксу. Даже ее западные представители, ожесточенно полемизирующие с марксизмом, нередко, хотя порой бессознательно, воспроизводят его логику. Такие тенденции характерны и для теоретической историографии английской революции.

Крупнейшие представители западного историзма XX в. Тоуни, Бродель и другие в значительной мере осознавали марксистские корни многих своих построений, не представляли собственной научной практики без ассимиляции – в той или иной мере – теоретической доктрины исторического материализма. Один из наиболее эрудированных творцов исторической формы общественного сознания в России конца XIX – первой трети XX в. Кареев призывал проводить четкую грань между детерминистской утопией "научного коммунизма" и материалистическим пониманием истории, которое остается одной из базовых ориентаций современной историографии. Сегодняшние теоретико-методологические поиски представляются немислимыми без учета "рациональных зерен", несомненно, присущих марксизму, который являлся стимулятором в процессе перехода от нарратива к теории. Что касается историков, совершивших этот переход, о которых и шла речь выше, то их труды имеют непреходящее значение для всей современной исторической науки.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ РАН

26–27 мая 1997 г. состоялось Общее собрание Отделения истории РАН. С докладом о работе Отделения истории РАН за 1996 г. выступил академик-секретарь отделения академик А.А. Фурсенко.

А.А. Фурсенко отметил несомненные заслуги академика Г.Н. Севостьянова, руководившего Отделением истории большую часть истекшего года.

Докладчик с удовлетворением констатировал, что, несмотря на значительные финансовые трудности, руководство институтов находит пути их преодоления и в целом удовлетворительно решает стоящие перед ними задачи. Институты работают успешно и плодотворно. За некоторыми исключениями своевременно выплачивается зарплата сотрудникам. Базовое финансирование составило 2/3 по сравнению с предыдущим годом. Существенной помощью стали гранты, полученные из государственных фондов. Всего поступило 348 грантов. Была и спонсорская помощь. Институт российской истории очень удачно воспользовался теми возможностями, которые представились в связи с подготовкой к празднованию 850-летия Москвы.

Результаты научной деятельности Отделения истории нашли отражение в 320 опубликованных монографиях и сборниках. Вышел ряд обобщающих трудов, из которых следует выделить трехтомник "История России" (ИРИ РАН), "Власть и реформы" (Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН), труды академиков Г.Г. Литаврина, С.Л. Тихвинского, Г.Н. Севостьянова, В.С. Мясникова, Н.Н. Болховитинова. Важную роль должна сыграть созданная в Институте антропологии и этнологии сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. В Институте славяноведения и балканистики подготовлен первый том фундаментального издания "Славянский мир. История и современность". Институт всеобщей истории завершил проект "Демократия в Западной Европе в XX веке". В Институте востоковедения выполнен ряд монографий по современным проблемам Японии и Южной Кореи. Продолжалась экспедиционная работа археологов. При этом следует выделить Новгородскую экспедицию под руководством академика В.Л. Янина. Успехи, достигнутые исторической наукой в последнее время, в существенной мере были обеспечены расширением источниковой базы. Благодаря открытому доступу к архивам новые работы по истории современности оказались интересными и важными, поскольку в них использовались ранее не известные материалы. Пионером в этой области является Институт всеобщей истории, который успешно сотрудничает с Госкомархивом. Вместе с тем сохраняются ограничения в доступе к архивным материалам, особенно в архиве МИД России.

Огромную роль в функционировании и развитии нашей науки продолжают играть журналы, издаваемые отделением. В истекшем году удалось сохранить их тиражи и периодичность. Продолжали развиваться и упрочиваться связи с высшей школой. Вузы исторического профиля функционируют при Институте всеобщей истории, Институте востоковедения, многие наши ученые преподают в вузах Москвы и Санкт-Петербурга. Вопрос о связях с высшей школой специально обсуждался на Бюро Отделения истории.

В заключение докладчик констатировал, что финансовый кризис не привел к кри-

зису в исторической науке. Мы не только сохраняем основные направления исследований, но и добиваемся, чтобы наука шла в ногу со временем, выходила из тех тупиков, в которых она находилась в течение длительного времени.

По докладу А.А. Фурсенко развернулись прения.

Академик Г.Н. Севостьянов высказал удовлетворение работой, проделанной учеными Отделения истории: с точки зрения публикации исследовательских монографий и источников мы выгодно отличаемся от других гуманитарных отделений. В настоящее время особенно насущной стала потребность в подготовке научно-аналитических обзоров по отдельным направлениям, проблемам и темам исторического исследования. К подготовке таких обзоров желательно привлечь наших крупнейших специалистов с тем, чтобы научная общественность была в курсе того, в каком направлении развивается разработка той или иной проблемы. В истекшем году было проведено множество научных конференций: институтских, общероссийских, международных. Можно констатировать, что их уровень как в организационном, так и в концептуальном отношении повышается. Возрастает международный авторитет проводимых нами научных форумов: в них с удовольствием принимают участие зарубежные ученые. Следует продумать вопрос о публикации материалов научных конференций: они выходят с большими трудностями и значительным опозданием. Определенную роль в преодолении этого разрыва призваны сыграть наши научные журналы. Необходимо выйти за рамки краткой информации, рассматривать состоявшиеся дискуссии в широком контексте исследовательского процесса, показывать их вклад и место в разработке той или иной проблемы.

В последнее время усилилось внимание, даже можно сказать, произошел перелом у историков в их отношении к публикации документов, особенно по всеобщей истории. Следует поддержать предложение академика Н.Н. Покровского о создании при Отделении истории специальной комиссии по публикации документов, и не только с целью координации, но и для сохранения высокого научного уровня публикаций.

Необходимо усилить информирование научной общественности о состоянии академической исторической науки. Нельзя ограничиваться публикацией сводного отчета. Вместе с ним надо публиковать отчеты институтов, Санкт-Петербургского научного центра, других региональных научных центров и филиалов с тем, чтобы у читателя складывалась полная картина развития нашей исторической науки. Необходимо распространять это издание в университетах, на исторических кафедрах, за рубежом.

Продолжает оставаться важнейшей проблема преподавания истории в вузах и школах. Отделению стоило бы выступить инициатором проведения специальной конференции по этой проблеме и дать обстоятельный отчет о ней на страницах наших журналов. Отделению необходимо больше внимания уделять нашим журналам, которые находятся в очень трудных условиях. Очень важно привлекать к участию в их работе научную молодежь, нашу научную смену.

Член-корр. РАН А.А. Искендеров считает, что главная задача Отделения истории – ответственное и реальное содействие прогрессивному развитию исторической науки. Прошло время, когда ее состояние можно было оценивать по количеству изданных книг. Состояние науки сегодня далеко не такое блестящее. Продолжается профанация науки. Публикация трудов по истории определяется не столько их научной ценностью и профессионализмом, сколько финансовыми возможностями автора. Распространяется практика написания книг и диссертаций за других. Мы не успеем оглянуться, как рынок будет завален квазинаучными изданиями. По мнению выступавшего, по-настоящему демократизации исторической науки не произошло. Мы лишь на подступах к этому. Иллюзией является мнение о том, что мы представляем всю российскую историческую науку. К сожалению, разрыв между Отделением истории и российскими историками не сокращается. Это суждение А.А. Искендеров мотивировал тем, что многие известные, крупные историки не выставили своих кандидатур на выборы в члены РАН. Они знают, что у них нет шансов быть

избранными. Вопросы, рассматриваемые формально на Бюро Отделения, решаются якобы вне его, негласно, определенной группой.

Академик Н.Н. Болховитинов призвал возродить на заседаниях Бюро Отделения традиции серьезного обсуждения научных результатов работы институтов, итоги индивидуальной работы членов отделения – подведения итогов и перспектив на будущее. Публикация отчетов ничего не дает. По его мнению, это чисто бюрократические документы. У нас действительно нет полемики вокруг вышедших работ. Отделы рецензий в наших журналах, за исключением, может быть, "Вестника древней истории", самые слабые. Много "захваливающих" рецензий. Нецелесообразно печатать все отчеты о конференциях. Некоторые из них не содержат ничего нового. Проблема не в трудностях опубликования, а в том, что печатают много макулатуры.

По мнению члена-корр. РАН С.А. Арутюнова, со многими важными вопросами, поднятыми в выступлении А.А. Искендерова, можно согласиться. Но угол их рассмотрения должен быть иной. Демократия имеет свои издержки. Нет цензуры, и можно, имея деньги, напечатать любой текст. Но на ответственное научное общество это накладывает дополнительные тяжести и дополнительные обязанности. Невозможно запретить печатать всевозможный бред, лженауку, но можно как-то реагировать. Возможности, правда, для этого есть не всегда. К сожалению, очень много тенденциозных, экстремистских работ публикуется в новых независимых государствах. Зачастую мы не знаем о них, потому что разобщены. Поэтому вопрос заключается не только в том, чтобы реагировать, но и иметь хорошо поставленную информацию как о серьезных научных достижениях, так и антинаучной деятельности, которая происходит на пространстве Российской Федерации и других членов СНГ. Большую работу в этом направлении проводит Институт этнологии и антропологии. В его публикациях ведется серьезная борьба с тенденциозным историческим мифотворчеством, хотя ее нельзя признать вполне достаточной.

В нашем представлении, отметил член-корр. РАН А.Н. Сахаров, отделение должно быть центром научной мысли, всего нового, порой дискуссионного. Частично так оно и есть. Здесь были блестящие доклады, интересные дискуссии. Вместе с тем от того времени, когда академик И.Д. Ковальченко был болен, унаследована практика аппарата. Чем меньше у отделения будет аппаратных структур, чем более оно будет научной и даже дискуссионной структурой, тем лучше для нашего дела. Без аппаратных структур, реагирования на различные бумаги, документы, отчеты, видимо, обойтись нельзя – такова система Президиума РАН. Но акцент должен быть сдвинут в ином направлении: определении актуальности научных новаций, обсуждении исследовательской проблематики институтов, их достижений и вместе с тем тематических просчетов, недостатков. Надо поддержать идею обсуждения, может быть, отдельных монографий (к примеру, трехтомника "История России"). Институтам не всегда достает сил, чтобы определить направления своего развития. В отделении же сосредоточены наиболее яркие, талантливые ученые.

В последнее время у нас проведено немало научных конференций, но недостаточна их координация. Так, последняя конференция по истории Москвы была проведена без участия ИВИ, ИСБ. Тут отделение могло бы сыграть свою координирующую, направляющую научную роль. Отделение должно так же вести работу по сопоставлению уровня западной и российской науки. По мнению выступающего, можно говорить об их равновесии, о параллельном развитии "западных" и "российских" тенденций.

Насущной задачей Отделения должна являться также защита институтов от попыток секвестировать их внебюджетные доходы, которые они могут тратить на повышение эффективности своей научной работы, издание книг, проведение научных конференций и другие мероприятия.

Академик Н.Н. Покровский посвятил выступление проблемам публикации исторических документов. Для укрепления позиций нормальной, настоящей науки их правильная публикация сегодня играет решающую роль. В издательской деятельности

институтов этому необходимо уделять наибольшее внимание. В связи с этим становится актуальным дальнейшее развитие специальных исторических дисциплин. Сейчас огромное значение приобретают стремительно развивающиеся электронные издания, Интернет. Для русистов и славистов важным является вопрос, в каких форматах и в каких редакциях подавать свои публикации. Необходимо договориться о единых форматах для всех славистов.

Академик Б.А. Рыбаков среди важнейших задач, стоящих перед отделением, назвал дальнейшее укрепление взаимодействия, взаимопомощи со смежными науками. У нас это пока недостаточно организовано, но это может дать исключительно положительный результат.

Академик В.Л. Янин разделил тревогу А.А. Искендерова о потоке псевдонаучной литературы, которая только маленькими ручейками доходит до специалистов. Однако отсутствие цензуры не вызывает радости. "Нецензурная" литература будет появляться, поскольку источники нашей истории настолько фрагментарны, что их состояние позволяет строить любые политические вымыслы. И, конечно же, наша задача с этим бороться. Отделение истории должно посылать своих представителей для утверждения учебников, получающих гриф Министерства просвещения. Нельзя допускать, чтобы амбициозные, псевдонаучные труды публиковались издательством "Наука". Серьезную опасность для исторической науки представляют труды академика А.Т. Фоменко, крайне искусственно, на грани абсурда трактующие общечеловеческие исторические факты. Отделение обязано возглавить борьбу против "фоменковщины", вступив для этого в союз с математиками.

Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока д.и.н. В.Л. Ларин обратил внимание на проблему, существенную для региональных научных центров, особенно для Дальневосточного – проблема сохранения единого научного поля, информационного пространства. Корни дальневосточной исторической науки – в Москве и Санкт-Петербурге. Традиционные связи с ними практически оборваны. Проблема важна и для тех, кто работает над проблемами истории Дальнего Востока в центре. Для смягчения остроты возникших проблем выступавший предложил командировать во Владивосток одного-двух специалистов на некоторое время. Важно также ознакомить членов отделения с журналом "Россия", посвященным истории Дальнего Востока; шире использовать систему Интернет.

Общее собрание Отделения истории избрало новых действительных членов и членов-корреспондентов РАН. Помимо основного, выборы впервые проводились и по дополнительному списку, по которому баллотировались: в действительные члены РАН – ученые в возрасте до 55-ти лет и в члены-корреспонденты – до 50-ти лет.

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЯСНИКОВ Владимир Степанович, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, 1931 г. рождения, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, специалист в области истории внешней политики и международных отношений на Дальнем Востоке. Он автор свыше 200 публикаций, в том числе монографий: "Первые русские дипломаты в Китае" (1966), "Русско-китайское территориальное размежевание в конце XVII – начале XVIII века" (1967), "Империя Цин и Русское государство в XVII веке" (1980, 1985, 1987), "Краткий очерк истории дипломатии КНР" (1988); составитель, редактор и автор вступительных статей и комментариев пяти томов документальной публикации "Русско-китайские отношения в XVII–XIX вв." (1969–1995), в которая вводит в научное пользование сотни новых источников. Его работы переведены на девять иностранных языков.

После избрания в 1990 г. в АН СССР в качестве члена-корреспондента В.С. Мясниковым подготовлено около 70 работ, в том числе серии "Русско-китайские отно-

шения в XIX в." (1995) и монография "Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв." (1996), 15 докладов на международных научных конференциях.

На базе изучения особенностей восточноазиатского цивилизационного комплекса В.С. Мясниковым было сделано открытие международного класса: выявлена стратегическая роль как одна из основ традиционной политической культуры Китая, его дипломатии. Ныне это открытие получило широкое признание среди специалистов в нашей стране и за рубежом.

В.С. Мясников – зам. председателя Научного совета Отделения истории РАН "История внешней политики и международных отношений России".

В.С. Мясников избран действительным членом РАН по специальности "всеобщая история, востоковедение".

ПОЛЯКОВ Юрий Александрович – руководитель Центра по изучению истории территории и населения России Института российской истории РАН, г. Москва, 1921 г. рождения, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Он автор более 500 печатных трудов, в том числе 25 индивидуальных монографий. Его основные монографии – "Переход к нэпу и советское крестьянство", "Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население" и другие. – содержащие глубокий объективный анализ огромного фактического материала, выдержали проверку временем, оставаясь в ряду лучших исследований по истории России XX в.

Занимаясь исторической демографией, Ю.А. Поляков разработал методику ретроспективы использования материалов переписей населения на компьютерной основе. Эта методика позволила определить динамику численности населения страны в 20-е, 30-е и последующие годы. Ю.А. Полякову принадлежит заслуга публикации ранее неизвестных науке материалов всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. Анализ переписи 1937 г. осуществлен в монографии «Полвека под грифом "Секретно"» (1996). По инициативе Ю.А. Полякова создан возглавляемый им Научный совет по исторической демографии и исторической географии, который в немалой степени способствует активизации исследовательской деятельности в этих важных отраслях исторической науки.

Ю.А. Поляков во второй половине 80-х и первой половине 90-х годов опубликовал ряд статей, определяющих новые концептуальные подходы к узловым проблемам истории России. Им также опубликована монография "Наше непредсказуемое прошлое" (1995).

Профессор Ю.А. Поляков ведет преподавательскую работу в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Под его руководством подготовлено несколько десятков докторских и кандидатских диссертаций.

Ю.А. Поляков избран действительным членом РАН по специальности "российская история".

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – заместитель директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, 1948 г. рождения, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, специалист в области археологии и первобытной истории Сибири. Автор и соавтор 340 научных работ, в том числе 12 монографий и 5 коллективных монографий, к наиболее значимым относятся: "Бараба в эпоху бронзы" (1985), "Бараба в эпоху позднего средневековья" (1990) (в соавт.), "Денисова пещера" (1994) (в соавт.). В.И. Молодиным открыт и исследован ряд первоклассных археологических памятников, благодаря чему получены принципиально новые данные по древней истории коренных народов Сибири. Ученым разработана концепция этно- и культурогенеза человеческих популяций, обитавших на обширных пространствах юга Западно-Сибирской равнины начиная с периода верхнего палеолита и кончая эпохой позднего средневековья.

В.И. Молодин принимал участие в международных научных экспедициях в Монголии, Японии, Канаде, на Кубе, был соруководителем международной исследо-

вательской программы "Пазырык". В 1996 г. он избран членом-корреспондентом Немецкого Археологического института (Берлин).

В.И. Молодин 10 лет преподавал в Новосибирском государственном педагогическом университете, три последние года заведует кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета.

Он является членом Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Сибирского отделения РАН, членом Координационного совета по проблемам археологии Западной Сибири, членом Научного совета РАН "История мировой культуры", председателем экспертного совета по историческим наукам Российского гуманитарного научного фонда, членом редколлегий ряда отечественных и зарубежных журналов.

В.И. Молодин избран действительным членом РАН по специальности "российская история".

АЛЕКСЕЕВ Вениамин Васильевич – директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, 1934 г. рождения, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, специалист в области российской истории. Он внес фундаментальный вклад в разработку истории регионального, индустриального, социального и демографического развития азиатской части России. Основатель новых научных направлений по изучению роли энергетического фактора в истории общества, индустриального наследия (промышленная археология), использования исторического опыта в современной социальной практике, им начаты исследования процессов модернизации России.

Им опубликовано около 300 научных работ, в том числе 15 монографий и популярных книг на русском и иностранных языках, в том числе "Индустриальное наследие Урала" (1993), "Гибель царской семьи: мифы и реальность" (1993). Под его руководством и с авторским участием подготовлена к изданию "Уральская историческая энциклопедия", являющаяся первым опытом региональных публикаций такого рода.

За последние пять лет он выступал с докладами на 15 зарубежных конгрессах, конференциях и симпозиумах. В.В. Алексеев является национальным представителем России в Международном комитете по сохранению индустриального наследия.

В.В. Алексеев создал в сложных условиях переходного периода (конец 80-х – начало 90-х годов) первый на Урале академический Институт истории и археологии, журнал "Уральский исторический вестник", руководит рядом важных российских и международных научных проектов. Многие годы В.В. Алексеев возглавляет Объединенный ученый совет по гуманитарным наукам Уральского отделения РАН, является заместителем Председателя Уральского отделения РАН.

В.В. Алексеев избран действительным членом РАН по специальности "российская история".

* * *

ДАНДАМАЕВ Магомед Абдул-Кадырович – заведующий сектором Древнего Востока филиала Института востоковедения РАН, 1928 г. рождения, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, специалист по истории Древнего Востока – Месопотамии, Ирана и всего Среднего Востока. Основные научные достижения М.А. Дандамаева относятся к исследованию социально-экономической структуры, роли труда свободных и зависимых слоев общества, аграрных отношений, а также политической истории и клинописной культуры.

М.А. Дандамаев автор более 280 работ, в том числе 11 монографий, 4 из них – "Иран при первых Ахеминидах", "Рабство в Вавилонии", "Культура и экономика Древнего Ирана" (в соавт.), "Политическая история Ахеминидской державы" – изданы в Иране, США, Великобритании, Голландии и Испании. В Италии подготовлен для издания перевод его книги "Вавилонские писцы". Отдельной книгой "Иранцы в ахеминидской Вавилонии" опубликована серия его статей, прочитанных в Колумбийском и других американских университетах.

М.А. Дандамаев является заместителем главного редактора "Вестника древней истории", членом редколлегий 20-томной "Иранской энциклопедии" (США), журнала "Иранские древности" (Бельгия).

Он – почетный член Американского востоковедного общества, член-корреспондент Института Среднего и Дальнего Востока (Рим), Центра клинописной документации (Париж), почетный член Венгерского общества классических древностей. Ему присуждена премия Французской академии надписей и изящной словесности.

М.А. Дандамаев избран членом-корреспондентом РАН по специальности "всеобщая история (включая этнологию)".

МЕДВЕДЕВ Игорь Павлович – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, 1935 г. рождения, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии 1996 г. Он автор более 150 научных трудов, в том числе четырех книг, по важнейшим проблемам истории Византии, западноевропейского средневековья и русско-византийских отношений. Его труды посвящены проблемам истории культуры и права, специальным историческим дисциплинам (дипломатика, палеография, кодикология). В 1978 г. по прохождении курса ему был вручен диплом Международной школы архивистов в Париже. Перу И.П. Медведева принадлежат монографии: "Мистра: очерки истории и культуры поздневизантийского города" (1973) и "Византийский гуманизм XIV–XV вв." (1976).

Широкое признание получили работы И.П. Медведева по истории права. Подготовленное им критическое издание "Византийского Земледельческого закона" (1984) зарегистрировано в качестве "канонического" в новейших зарубежных справочниках по истории византийского права. В монографии "Очерки византийской дипломатики. Частноправовой акт" (1988) им воссоздана система византийского нотариата, история греческого частного акта. Являясь продолжателем традиций петербургской школы византиноведения, он выступил в качестве руководителя проекта по изучению архивов русских византинистов. Он – редактор и составитель фундаментальной публикации "Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге" (1995).

И.П. Медведев является членом Исполкома Международной ассоциации византинистов, был участником многих международных конгрессов и симпозиумов.

И.П. Медведев избран членом-корреспондентом РАН по специальности "всеобщая история (включая этнологию)".

ПИОТРОВСКИЙ Михаил Борисович – директор Государственного Эрмитажа. г. Санкт-Петербург, 1944 г. рождения, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Востока. Он автор более 150 научных публикаций, в том числе пяти монографий по проблемам истории и археологии Ближнего Востока и ислама: "Предание о хийяритском царе Асаде ал-Камиле", "Южная Аравия в раннее средневековье", "Ислам. Энциклопедический словарь", "Коранические сказания", "Эрмитаж: собрания и собиратели" и др. Многократно публиковался за рубежом, в том числе в арабских странах.

М.Б. Пиотровский участвовал в описании и публикации коллекций арабских рукописей, в пионерских полевых исследованиях в Йемене, где руководил экспедицией, внес значительный вклад в возрождение исламоведения в России, ввел в научный обиход доисламский эпос арабов, исследовал древние наскальные надписи Аравии.

Он разработал концепцию исторического единства Аравии как специфической историко-культурной области и концепцию аравийских корней ислама, проследил взаимоотношения религии и политики на протяжении истории ислама, описал язык исламского искусства.

М.Б. Пиотровский – член Совета по культуре при Президенте Российской Федерации, нескольких ученых советов, Президиума Комитета по государственным премиям, член выставочного экспертного совета при Совете Европы, активно проводит в жизнь идею международной роли Эрмитажа как "мирового музея". Под его руководством осуществляется серия выставочных научно-издательских инициатив.

М.Б. Пиотровский избран членом-корреспондентом РАН по специальности "всеобщая история (включая этнологию)".

КОЗЛОВ Владимир Петрович – руководитель Федеральной архивной службы России, г. Москва, 1949 г. рождения, доктор исторических наук. Его основные научные интересы сосредоточены на разработке традиционного круга проблем истории общественной мысли, исторической науки, археографии, источниковедения, архивоведения, связанного с изучением закономерностей взаимодействия развитого общества и происхождения исторических источников.

В его книгах "Колумбы российских древностей", «Кружок А.И. Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве», в цикле статей впервые масштабно показаны механизмы воздействия представителей различных общественных движений России XVIII–XIX вв. на собирание, изучение, описание и издание исторических источников и обратные процессы влияния этих источников на формирование исторических и политических концепций и идеалов.

Две другие его монографии "Тайны фальсификаций", "Обманутая, но торжествующая Клио" (в печати) на основе впервые проведенного анализа подложных источников по российской истории X–XX вв. содержат оригинальную типологию фальсификаций.

В.П. Козлов – инициатор и один из непосредственных участников двух изданий "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина, в частности незавершенного академического.

Серия работ В.П. Козлова посвящена проблемам истории архивного дела и решению стоящих перед ним современных задач.

В.П. Козлов – руководитель подготовки двух справочников, не имеющих аналогов в мировой литературе по методическому решению – "Федеральные архивы России и их научно-справочный аппарат" и "Архивы России".

В.П. Козлов избран членом-корреспондентом РАН по специальности "российская история".

КАШТАНОВ Сергей Михайлович – руководитель Центра истории России в средние века и раннее новое время Института российской истории РАН, г. Москва, 1932 г. рождения, доктор исторических наук, профессор, лауреат премии им. В.О. Ключевского 1994 г., специалист по истории России периода феодализма, историографии, источниковедению, дипломатике, палеографии, кодикологии, филиграноведению, археографии, исторической географии. Он автор около 450 печатных трудов, в том числе монографий: "Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в." (1967), "Очерки русской дипломатики" (1970), "Финансы средневековой Руси" (1988), "Русская дипломатика" (1988). "Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв." (1996).

С.М. Каштанов внес крупный вклад в изучение общетеоретических и методологических проблем, теории феодальной собственности и иммунитета, вопросов социальной и внутривластной истории, истории классов и сословий, иммунитетной политики, методики источниковедческого анализа в конкретно-историческом и сравнительно-историческом планах. Он – ведущий специалист в области дипломатики, участник ряда коллективных трудов ИРИ РАН и таких капитальных изданий источников, как "Полное собрание русских летописей" и "Акты Русского государства".

С.М. Каштанов является членом ученых советов ИРИ РАН, ИАИ Российского государственного гуманитарного университета и других, член Международной комиссии по дипломатике.

Он ведет преподавательскую работу в ИАИ РГГУ, руководит диссертационными исследованиями аспирантов и соискателей в ИРИ РАН, ИАИ РГГУ, МОПУ и др.

С.М. Каштанов избран членом-корреспондентом РАН по специальности "российская история".

СЕДОВ Валентин Васильевич – заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН, г. Москва, 1924 г. рождения, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии и премии имени И.Е. Забелина, специалист в области археологии и истории раннесредневековых славян, их этногенеза, истории и культуры Древней Руси. Им опубликовано свыше 400 научных трудов, в том числе 11 монографий: "Сельские поселения Смоленской земли (VIII–XV вв.)" (1960), "Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья" (1970), "Новгородские сопки" (1970), "Длинные курганы кривичей" (1974), "Происхождение и ранняя история славян" (1979), "Восточные славяне в VI–XIII вв.", "Финно-угры и балты в эпоху средневековья" (1987), "Балты в древности" (1992), "Очерки по археологии славян" (1994), "Славяне в древности" (1994), "Славяне в раннем средневековье" (1995). Его работы изданы в Польше, Германии, Чехословакии, Финляндии, Югославии, Бельгии и других странах. В трудах В.В. Седова содержатся анализ, систематизация и историческое осмысление археологических материалов по славянству в целом, по восточным славянам и их соседям, исследуются раннесредневековые города и культура славян.

В.В. Седов возглавляет Псковскую экспедицию, разрабатывает методы раскопок и разведок.

Он ведет большую преподавательскую работу. Спецкурсы по археологии читались им в ряде университетов и институтов.

В.В. Седов активно выступает с докладами на международных конгрессах, съездах, конференциях и симпозиумах. Он избран членом Бюро и Исполкома Международной унии славянской археологии. За достижения в славистике награжден почетной медалью Брюссельского университета.

В.В. Седов избран членом-корреспондентом РАН по специальности "российская история".

ПИВОВАРОВ Юрий Сергеевич – заведующий отделом Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, 1948 г. рождения, доктор политических наук, профессор, специалист по истории русской общественно-политической мысли XIX–XX столетий, истории государственности и политической культуры дореволюционной России, сравнительно-историческому анализу политической мысли и политической культуры Запада, по вопросам теории и методологии социального и гуманистического знания. Он автор более 160 научных работ, в том числе монографий: "Политическая культура пореформенной России", "Русская мысль: опыт прочтения", "Русская Система", т. 1, "Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия" и др. Под его редакцией увидели свет более 50 научно-информационных сборников.

Ю.С. Пивоваров создал широкое историческое полотно интеллектуальной жизни России XIX – начала XX в. Проблематика истории русской мысли и культуры решается им не только и не столько в традиционном "идеографическом" ключе, но помещается в то пространство, где протекают политические процессы и функционируют политические институты.

Ю.С. Пивоваров является главным редактором реферативного журнала "Государство и право" и подписного периодического издания "Политическая наука", выпускаемого ИНИОН РАН. Он – член Научного совета по политологии при Президиуме РАН. Ю.С. Пивоваров читает несколько лекционных курсов по проблемам российской истории в ИСАА при МГУ, РГГУ и других вузах.

Ю.С. Пивоваров избран членом-корреспондентом РАН по специальности "российская история".

МАКАРОВ Николай Андреевич – начальник отдела истории Российского гуманитарного научного фонда при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва, 1955 г. рождения, доктор исторических наук, специалист в области изучения методами истории и археологии славянских и финно-угорских древностей эпохи средневековья, проблем колонизации северных окраин Древней Руси.

Н.А.Макаров руководил раскопками на территории Архангельской и Вологодской областей, в результате которых были прослежены важнейшие пути колонизации и локализованы главные волоки.

Н.А. Макаров опубликовал около 100 работ, из них 3 монографии: "Население Русского Севера в X–XIII вв.", "Русский Север: таинственное средневековье", "Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв." Он участник ряда международных конференций.

Н.А. Макаров избран членом-корреспондентом РАН по специальности "археология".

© 1997 г.

А.Я. Г У Р Е В И Ч

ДВОЯКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСТОРИКА

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИКОВ

Я принадлежу к историкам страны, у которой непредсказуемо не только будущее, но, как кто-то метко заметил, и прошлое. Она переживает в настоящее время беспрецедентный кризис, глубоко затронувший как материальную и политическую, так и духовную жизнь. Кризис этот, назревавший на протяжении десятилетий, ныне сделал существование граждан почти невыносимым. И вместе с тем историк, подобно философу или социологу, с полным основанием может утверждать, что ему неслыханно повезло: ведь он живет в такое историческое время, когда сейсмические потрясения, выпавшие на долю его страны, обнажили глубинные пласты истории и вывели на поверхность таившиеся в них силы. Такое случается не часто. Россия представляет собой своего рода уникальную гигантскую "лабораторию" для исследователя, который стремится выявить скрытые пружины хода вещей. Конечно, глубоко осознать происходящие катаклизмы, проникнуть в их смысл легче *post factum*, но современник и участник исторических событий едва ли вправе устраниваться от попытки по возможности вдуматься в существо свершающихся перемен.

В течение долгого времени наше общество, стиснутое обручем жесткой идеологии, и не подозревало о том, что помимо официальных идей и догм, государственных планов и законоположений существуют человеческие эмоции и настроения, что в глубинах сознания лежит картина мира, определяющая индивидуальное и коллективное поведение, короче, что под "уровнем выражения" скрывается "уровень содержания" и отношения между этими уровнями в высшей степени сложны и противоречивы. Ментальности, неофициальные системы ценностей, личные убеждения раньше игнорировались, самое их существование отрицалось и было наглухо скрыто за парадным фасадом. Так оформлялась не одна лишь показная жизнь народа и государства, – так мыслили исторический процесс идеологи, и в частности историки.

И вот теперь, когда вся эта таившаяся в глубинах неструктурированная текущая магма внезапно и взрывообразно вырвалась наружу, и политики, и теоретики, и исследователи оказались застигнутыми врасплох.

Одновременно оказалась дискредитированной марксистская историография, тотально подчинявшая себе мысль историков, и образовался философский вакуум, который ныне заполняют чем попало – от мистики и оккультизма до агрессивного национал-шовинизма. Злонамеренное манипулирование исторической памятью переплетается с ностальгией, вызванной развалом империи, и картина прошлого подвергается самым неожиданным и произвольным превращениям. Поверхностно и подчас превратно понятая свобода мысли оборачивается безответственным легкомыслием. Творятся новые и возрождаются старые мифы, в потаенной основе которых скрываются, с одной стороны, коллективный комплекс неполноценности, с другой – уязвленное великодержавие.

На повестке дня сегодня стоит вопрос о создании демократического общества, приобщающегося к мировой цивилизации. Но политики, как и историки, не должны были бы упускать из виду особенности предшествовавшего развития, тот социально-психологический фон (*back-ground*), который доминировал в истории России на протяжении последних столетий и который продолжает незримо, но весомо присутствовать в сознании ныне живущих поколений. Нельзя забывать о том, что всего лишь 136 лет назад Россия была страной деспотизма и рабского повиновения и что вследствие этого такие основополагающие ценности гражданского общества, как частная собственность, право, индивидуальные свободы и уважение к личности, либо отсутствовали вовсе, либо находились на далекой периферии общественного сознания. Нужно помнить, что вскоре после октябрьского переворота 1917 г. крепостничество возвратилось в виде коллективизации и системы ГУЛАГа. Что касается парламентской формы правления, то ее смысл и роль с трудом доступны пониманию даже самих членов парламента, которые нередко склонны воспринимать ее как древнерусское вече или как собрание членов КПСС, каковыми почти все они были еще несколько лет тому назад. "Ментальности, – отмечал Фернан Бродель, – суть темницы, в которые заключено время большой длительности" (*la longue durée*), они изменяются чрезвычайно медленно, и внедрить демократию и парламентаризм в стране, до того с ним незнакомой и неподготовленной к их восприятию, с сегодня на завтра – утопия. Все эти обстоятельства ставят перед властями и политическими деятелями новые проблемы, к решению которых они в свою очередь совершенно не готовы. Из всего этого вовсе не следует, что правы те, кто вообще отрицает возможность демократического пути развития России. Но нужно ясно осознавать неимоверные трудности, поджидающие нас на этом пути, и упорно стремиться к их преодолению.

Могут ли историки, работающие в нынешних условиях разрыва с советским прошлым, оставаться на прежних, привычных для них позициях, использовать научно и морально устаревший набор критериев и оценок, унаследованный от безвозвратно ушедшего коммунистического времени? Общество, стоящее на распутье, дезориентированное, с расшатанной системой ценностей, нуждается в новых мыслителях и историках. Готовы ли мы к тому, чтобы если уж не решать, то хотя бы в предварительном виде сформулировать новые проблемы? Здесь прежде всего нужно мысленно обратиться к сравнительно недавнему прошлому.

ПУСТЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СТОЛЫ ИСТОРИКОВ

Когда с введением так называемой "гласности", т.е. ограниченной свободы слова, во второй половине 80-х годов "толстые" литературные журналы приступили к публикации тех произведений русских поэтов, писателей и философов, которые оставались подзапретными или вовсе неизвестными либо в лучшем случае печаталось за рубежом, контрабандой попадая в Россию, читающая публика была поражена тем духовным и художественным богатством, которое десятилетиями от нее утаивались. Оказывается, русская литература продолжала существовать на протяжении всех послеоктябрьских лет, и такие авторы, как Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Михаил Булгаков, Василий Гроссман, Александр Солженицын, да и многие другие не слагали своего пера и не шли на идейные компромиссы ни во времена сталинского террора, ни в период брежневского застоя. Пульс подпольной интеллектуальной жизни бился, не переставая, несмотря ни на что.

Казалось бы, можно было надеяться и на то, что из письменных столов и тайников отечественных историков тоже будут извлечены рукописи, над которыми они трудились в десятилетия реакции. Увы, этого не произошло – ящики их письменных столов были пусты. В конце 80-х и начале 90-х годов историческая наука в России не была обогащена почти ничем, если не считать публикаций архивных документов и отдельных работ, посвященных стиранию "белых" (на самом деле – грязных) пятен в истории советской России.

Одним из редких исключений явились исследования выдающегося специалиста по русской истории Александра Александровича Зимина. Им была написана серия монографий, в которых по-новому и в тогдашних условиях смело рассматривался ряд проблем истории России XV–XVI вв. Зимин впервые поднял вопрос об альтернативности исторического развития. Эти труды Зимина были опубликованы лишь в последние годы, спустя 10 лет после смерти автора. Но, повторяю, случай Зимина почти уникален.

В условиях "перестройки" историки, вводя в научный оборот новые материалы и избавившись от повинности ссылаться к месту и не к месту на высказывания "классиков марксизма-ленинизма", пребывали, по сути дела, на прежних методологических позициях. Историческая наука в России не совершила качественного сдвига в новых социально-политических и идеологических условиях, не сумела воспользоваться свободой, на которую была обречена. В чем же причины научной робости и теоретической беспомощности многих историков?

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Еще раз поднимаемся по реке времени на два-три десятилетия. Духовный подъем конца 50-х – 60-х годов, последовавший за XX съездом коммунистической партии с его разоблачениями того, что тогда называлось "культом личности" Сталина, ознаменовался оживленными методологическими дискуссиями. Их освобождающее и стимулирующее воздействие на интеллектуальную жизнь было огромно: многое из догматизма сталинской эпохи было отброшено или пересмотрено, выдвигались новые гипотезы и научные предложения. "Шестидесятники" немало сделали для того, чтобы расчистить почву для более свободного анализа исторического процесса. Но "оттепель" длилась недолго, и со второй половины 60-х годов, в особенности после советского вторжения в Чехословакию, сменилась новыми и длительными идеологическими "заморозками". Разумеется, не все достижения начала 60-х были тогда у нас отобраны, но в целом историческая наука вновь оказалась в состоянии летаргии.

"Шестидесятникам" не удалось, на мой взгляд, все же сделать главного. Когда я теперь смотрю на дискуссии 30-летней давности, то обнаруживаю всю их односторонность. Наверное, она была неизбежна и оправдана. Но видеть эту ограниченность необходимо, тем более что она до сих пор не преодолена нашим гуманитарным знанием. Отрицая или подвергая сомнению многие глобальные обобщения вульгаризованной русской версии марксизма, доминантой которой к тому же был тезис "за новое и более глубокое прочтение Маркса", "шестидесятники" не прикасались к латентно заложенной в нем эпистемологии, которая была воспринята Марксом у Гегеля и отвергала проблематику Канта, а впоследствии и неокантианства. Убежденные во всеилии научного познания, марксисты отнюдь не были склонны к анализу его возможностей и применяемого ими понятийного аппарата. Поэтому панлогизм Гегеля и Маркса, игнорировавший всю проблематику и сложность отношений между познающим субъектом и предметом познания, превосходно сочетался у русских историков-марксистов с позитивизмом и обрекал советскую историческую мысль на консервирование позиций науки конца XIX в. Отсталость и застои усугублялись почти полной неосведомленностью относительно того, что было сделано современной исторической мыслью за пределами России. Эта неосведомленность, порождающая духовный провинциализм, не изжита полностью и по сей день.

Между тем опасность самоизоляции от неокантианской гносеологии отчетливо понимали отдельные выдающиеся русские историки более раннего времени. Медиевист Дмитрий Петрушевский в конце 20-х годов предпослал одному из своих трудов теоретическое введение, в котором подчеркивал огромное значение взглядов Генриха Риккерта и Макса Вебера для исторического познания. Но эта смелая демонстрация независимой мысли историка имела результатом лишь то, что Петрушевского немедленно заставили замолчать. Его протест остался гласом вопиющего в пустыне, а в

последующих работах советских философов и методологов неокантианская мысль по-прежнему подвергалась отрицанию и поношению. Никто не брал на себя труда – вплоть до самых последних лет – объективно разобраться в той интерпретации специфики "наук о культуре", которая была выдвинута указанными мыслителями еще в начале нашего столетия. Результат налицо – так называемая марксистская историческая наука представляет собой не что иное, как – подчеркну еще раз – облаченный в марксистскую фразеологию позитивизм.

Итак, в период "гласности" выяснилось, что историки – более робкие и идеологически ручные, нежели часть поэтов и писателей. Чем это объясняется? Возможно, их большей близостью к властям и более всеобъемлющей подконтрольностью господствующей идеологии. Писатели тоже не были свободны, но их хотя бы не принуждали постоянно ссылаться на "отцов" марксистской церкви, между тем как для историков это был обязательный ритуал. Да и сами они в своем большинстве нуждались в подобных идеологических "костылях".

"ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП" И "СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ"

По мнению французского историка Жоржа Дюби, высказанному в 80-е годы, идеи Маркса и Ленина не представляли собой "интеллектуального ошейника" для советских историков, а являлись полезными рекомендациями, которые способствовали их исследованиям. Конечно, марксизм вошел в плоть и кровь современной исторической науки. Но вполне ли был прав уважаемый французский коллега? Марксистская историософия предлагала историкам иллюстрировать сформулированные ею общеполитические законы, но выходить за пределы глобальной схемы прогрессивной смены формаций возбранялось. Самое понятие "формация" интерпретировалось в качестве объективной реальности. Удобство этой схемы заключается, помимо всего прочего, в ее чрезвычайной простоте. Тезис о материально-экономическом "базисе", детерминирующем идеологическую и политическую "надстройку", давал удобную "отмычку" для вульгаризованного объяснения духовной жизни.

Между тем "идеальный тип" Вебера есть не более чем инструмент познания, научная модель ("исследовательская утопия"), с которой историк подходит к изучению исторического феномена. Эта модель не "подминает" под себя конкретный материал, как это происходит в марксистской историографии, а, напротив, модифицируется и даже в случае необходимости отбрасывается историком, если она противоречит этому конкретному материалу. Именно расхождение между наблюдениями и предварительным "идеальным типом" открывает возможность для получения нового знания и новых обобщений. Автор "Протестантской этики и духа капитализма", подчеркнув активное воздействие религии и других духовных структур на общественную жизнь и производство, тем самым поставил в центре исторического исследования мыслящего, чувствующего и деятельного человека. Вместо политико-экономических и социологических абстракций в фокусе исторического анализа оказывается человеческий индивид.

Контраст между реифицированной абстракцией "социально-экономическая формация" ("способ производства") и "идеальным типом" очевиден и непримирим. Подчиняясь навязанной сверху догме, советские историки лишались научной свободы. У некоторых из них эта духовная несвобода иногда сочеталась с цинизмом.

Сотни, если не тысячи историков-марксистов зарабатывали свой хлеб на поприще "критики буржуазной историографии". Одному Богу известно, кто из них действительно верил в "превосходство советской науки", о котором трубили на всех углах, а кто был циником и приспособленцем. Вот суждение, высказанное одним из столпов официальной советской историографии о публикации в Москве в 1973 г. книги Марка Блока: "Перевод "Апологии истории" – политическая ошибка".

Я не раз слышал от своих коллег сетования на то, что им не позволяют писать так, как им хотелось бы – "цензура мешает". Казалось бы, это верно, ибо государственные цензоры и идеологические надсмотрщики неусыпно наблюдали за нашим творчеством.

Но в то же время это – крайнее упрощение действительной ситуации. Ведь в большинстве своем авторы исторических трудов шли на то, чтобы подвергать свои рукописи автоцензуре, так что подаваемые ими для публикации сочинения уже не могли вызвать официального неодобрения. Да и кто принуждал их публиковать работы, которые противоречили их убеждениям? Моральное состояние историков было ужасающим.

Но воздержимся от того, чтобы применять одну и ту же мерку ко всем советским историкам без разбора. Они были очень разными, и важно, чтобы представители молодого поколения это понимали. Несколько лет назад в руководимом мною семинаре выступил с докладом молодой историк, который, подвергнув анализу методологические предпосылки, лежавшие в основе трудов советских историков, полностью отрицал их как научно несостоятельные. Я полагаю, что он и прав, и неправ. Прав, поскольку предпосылки эти были очень ограниченными и односторонними, вследствие чего и полученные историками результаты оказались мало удовлетворительными. В итоге от этой историографии осталось немного действенного – по большей части она мертва. Но этот молодой докладчик не принял во внимание того факта, что драма идей, продемонстрированная в раскритикованных и отвергнутых им трудах, была вместе с тем и драмой людей, исследователей, которые были поставлены в невыносимые условия. В силу этих ненормальных условий советские историки оказались не в состоянии, за редкими исключениями, выполнить функцию посредников между людьми прошлого и современным им обществом.

Так обстояло дело во всем социалистическом лагере, пожалуй, лишь Польша представляла собой отрядное исключение. Позволю себе еще одно личное воспоминание. Когда в середине 70-х в бывшей Германской Демократической Республике был принят перевод моей книги "Категории средневековой культуры", его научным редактором выступил немецкий профессор-медиевист. Он не удовольствовался исправлением всех неточностей перевода (за что я ему, разумеется, благодарен), но внес в книгу многочисленные цитаты из сочинений Маркса и Ленина, равно как и из переведенных с русского учебников исторического материализма. Прочитав в рукописи эти дополнения, я, естественно, решительно воспротивился. Уважаемый профессор аргументировал необходимость этих "новаций" тем, что Германская Демократическая Республика находится на переднем крае идеологической борьбы между лагерем социализма и лагерем капитализма и он не может допустить, чтобы опубликованный под его редакцией труд был политически беззубым. Я тем не менее не уступил, и в конце концов издательство, объяснив бдительному редактору, что автор книги – я, а не он, опубликовало ее в первоначальном виде. Тогда редактор счел необходимым присовокупить к моему тексту свое послесловие, в котором деликатно и вместе с тем решительно отмежевался от строптивного автора.

ИСТОРИК И ОБЩЕСТВО

В годы моей научной молодости сочинения историков имели двух адресатов: либо узкий круг специалистов, либо идеологических надзирателей и цензоров. Общество, в котором живет историк и для которого он, казалось бы, создает свои исследования, по сути дела, не принималось в расчет. Естественная и для обеих сторон необходимая "обратная связь" была нарушена, и это делало историческую науку стерильной и социально неэффективной. Может ли теперешний историк продолжать игнорировать эту связь?

Напомню слова Й. Хейзинги: историческое знание представляет собою одну из форм, в которых общество дает себе самоотчет. Обозревая историю, свою или всемирную, мы вольно или невольно сопоставляем себя с другими обществами и цивилизациями, и только путем подобного со- и противопоставления способны осознать самих себя. основополагающее понятие, имплицитно используемое историками, – "другой". Человек меняется в ходе истории, ныне он не таков, каким был прежде, меняются

мировидение и определяемая им система социального поведения. "Другой", человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк – и в который, к сожалению, очень часто впадают, – состоит в том, что он изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. "Другой" не означает "чужой". Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция "инаковости" – постулат исторического познания.

Между нами и людьми прошлого устанавливается диалог, мы задаем людям, принадлежащим другим культурам и цивилизациям, вопросы, которые волнуют нас, и никаких других вопросов, помимо релевантных нашей культуре, мы задать не в состоянии. Каждая эпоха порождает новые вопросы, и мы неустанно обращаемся с этими вопросами к людям прошлого. Так движется историческое знание. Понятие "диалог" не есть метафора; я полагаю, его нужно понимать буквально. Ибо когда мы спрашиваем людей прошлого и ищем их ответы в оставленных ими памятниках, превращаемых нами в исторические источники, мы неизбежно наталкиваемся в них на феномены, которые не охватываются нашим вопросником. Мы не только задаем им вопросы, но и слышим голос людей прошлого, сообщающих нам нечто, нашими досе не предусмотренное. В этих случаях люди прошлого принимают активное участие в установленном с ними диалоге, побуждая нас формулировать новые вопросы.

Лет 30–40 тому назад, я, наученный своими учителями анализировать средневековые памятники Германии и Англии, касавшиеся социально-экономической проблематики, обратился с этим же вопросником к памятникам скандинавского Севера и попал в трудное положение. Передо мной были многочисленные и многообразные тексты, но они оставались немymi, не давали ответов на вопросы об эксплуатации крестьян, структуре общины и тому подобных сюжетах, традиционных для марксистского анализа. Я пребывал в затруднении до тех пор, пока наконец не расслышал голосов тех людей, которые составили эти тексты и о которых они были сочинены. Они сообщали мне о другом: об их представлениях о социальном и природном мире, о месте в нем человека, о его верованиях, страстях и поведении, о магии и ритуалах, о его воображении, его языческих богах и вере в потусторонний мир. Когда в конце концов я начал понимать смысл содержащихся в источниках посланий, я убедился в том, что мои вопросы о материальной жизни и социальной структуре имеют смысл лишь в рамках этого более универсального контекста. Таков был урок, преподанный мне средневековыми скандинавами, и он имел для меня огромное методологическое значение.

ИСТОРИК – ПОСРЕДНИК МЕЖДУ СОВРЕМЕННОСТЬЮ И ПРОШЛЫМ

Историк – единственный, кто осуществляет функцию посредника между настоящим и прошлым. Для выполнения этой роли он должен ощущать глубинные интеллектуальные потребности общества, к которому принадлежит. Он участвует в формировании исторического сознания своего общества. Это – колоссальная ответственность, и в высшей степени важно, чтобы историк ясно осознавал свою миссию медиатора между культурами.

Картина прошлого, создаваемая историком, определяется тем, под каким углом зрения он его рассматривает. В зависимости от того, ставит ли он в центре своего внимания социальные и классовые противоречия, отношения производства и собственности либо сосредоточивается на способах мировосприятия и формах человеческого поведения, в контексте которых и сами эти социально-экономические структуры получают новое освещение, меняется вся картина прошлого, более того, меняется самый подход к истории. Разные способы познания и изображения истории, складывающиеся в кабинетах исследователей под напором развития, которое происходит за пределами этих кабинетов, определяют характер и содержание исторических знаний, присущих

данному обществу. Приведу такой пример: вплоть до наших дней в советских школах детям преподносилась версия истории, которая рассматривала ее исключительно под углом зрения классовой борьбы, революций, смены форм эксплуатации трудящихся, оттесняя на задний план духовную жизнь и исключая человека как субъекта исторического процесса. Соответствующее обучение проходили и будущие учителя – студенты университетов. Тем самым с детства и на протяжении всей сознательной жизни советский человек воспитывался в духе классовой ненависти. Плоды этого "просвещения" ощущаются до сих пор.

Только сейчас мы получили возможность писать новые школьные учебники по истории, свободные от догматизма, умерщвляющего живую историю. Идейная борьба, которая развертывается в нашем обществе, находит свое продолжение и в борьбе за умы и души детей и юношества. От перспективы, в соответствии с которой общество видит прошлое, зависит и то, как оно рассматривает себя в настоящем и предугадывает свое будущее.

Но ответственностью историка перед современностью дело не исчерпывается. На нем лежит бремя ответственности перед людьми, канувшими в Лету, – теми, кто упоминается на страницах исторических источников. Они безвозвратно ушли в прошлое, и задача историка, по выражению Жюль Мишле, "возродить их". Историк – единственный, кто способен отважиться на эту "операцию", сознавая всю относительность своих усилий.

КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ?

Глубокий кризис исторического знания в России несомненен. Но надо признать, что кризис так или иначе не обошел стороной и мировую историографию, однако, я полагаю, это – свидетельство роста. Видимо, кризис представляет собой нормальное состояние науки. Ибо отсутствие кризиса, споров и сомнений – симптом стагнации науки. "История – это спор без конца", – считал Ян Ромейн. Марк Блок подчеркивал в "Апологии истории", что история как научная дисциплина – это наука молодая, находящаяся в стадии зарождения (*in statu nascendi*). Дело заключается не только в обновлении арсенала технических средств, которыми пользуются историки, но прежде всего в том, что лишь сравнительно недавно историческая наука начала освобождаться от бремени философии истории. Глобальные системы, будь то провиденциальная и символическая теология истории средневековья, либо системы Гегеля, Маркса, Шпенглера, образывали прокрустово ложе, куда историкам предлагалось укладывать свой материал. Ныне, как можно надеяться, историософия любого толка глубоко дискредитирована и историческая наука перестает быть пленницей цельнотянутых априорных метафизических конструкций. Историки провозглашают Декларацию независимости своего ремесла. (Заметим, однако, что было бы нелепо отрицать большую роль философских теорий для интеллектуального развития историка, так как его философское невежество или беспомощный эклектизм обрекли бы его на теоретическую несостоятельность. Но тема "история и философия" не может быть рассмотрена в рамках данной статьи.)

Тем не менее из этого факта с необходимостью вытекает заключение о том, что историческое знание неизбежно должно приобрести новый интеллектуальный статус и разработать собственную гносеологию. В противоположность философии, социологии и политической экономии история – наука не об общих законах, а о конкретном и индивидуальном, уникальном и неповторимом, хотя историки по необходимости применяют общие понятия и категории, которые даны им их культурой и языком. Мы употребляем понятия "общество", "цивилизация", "город", "революция", "хозяйство" и т.п., однако изучаем при этом не общесоциологические и не общеэкономические категории, но город в определенную эпоху, специфическую цивилизацию, данную конкретную революцию... Акцент делается на единичное и неповторимое.

Вот иллюстрирующий этот тезис пример. В советской науке на протяжении долгого

времени была довольно влиятельной тенденция сопоставлять разные культурные регионы для выявления повторяющихся феноменов, которые должны были отражать глобальные исторические законы. Искали Ренессанс в Японии, Средней Азии, в Закавказье и безоглядно "подтягивали" его к Ренессансу в Западной Европе. Поверхностные совпадения заслоняли существенные различия, и при этом не замечалось, как безнадежно выхолащивается смысл исторически конкретного понятия "Ренессанс". Но разве не то же самое делали те историки, которые находили феодализм повсюду – от древних Ассирии, Вавилонии и Китая до Римской империи и Киевской Руси и Африки? Компаративистика может служить прямо противоположным целям. При помощи сравнительного метода объединяют разнородные феномены и в результате обнаруживают сходство в виде бессодержательных общих мест. Но когда Марк Блок сопоставлял феодальное общество во Франции с традиционной японской социальной системой (структуры, несомненно, обладавшие некоторым сходством), то его задача была совершенно иной, а именно – раскрыть при помощи этого сравнения глубокую специфику и неповторимость обоих сопоставляемых объектов. Сравнительный метод обнаруживает свою рабочую эффективность, когда он демонстрирует расхождения и особенности, иначе говоря, когда он, выявляя типическое, вместе с тем – и в первую очередь – служит средством констатации исторической индивидуальности.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

Переосмысление профессии историка и ее познавательных основ неизбежно в эпоху после Эйнштейна и Фрейда. Возникли новые системы отсчета и новые ориентации в мире. Историки не могут далее ограничиваться одними только рационально формализованными идеями и недооценивать не выраженных четко эмоциональных и иррациональных психических феноменов, хотя, должен признаться, я скептически оцениваю возможности применения к изучению прошлого, в особенности отдаленного, процедур и понятий психоанализа. Но это переосмысление происходит также в эпоху после ГУЛАГа, Освенцима и Хиросимы. Идея прогрессивного восхождения человечества рухнула, и вопрос о "придании смысла бессмысленному", как в свое время определил историческое знание Теодор Лессинг, ныне стоит иначе, нежели в XIX и первой половине XX в.

Историческое знание высвобождается из-под груза политико-экономических и социологических абстракций, чтобы сделать наконец тем, чем оно не может не стать в современном мире, – наукой об общественном человеке, который изменяется во времени. Разумеется, в определенном смысле история была наукой о человеке и прежде. Но те, на ком фокусировалось внимание историков, это были люди "первого плана" – правители, политические деятели, полководцы, великие мыслители, поэты. Иначе говоря, героями истории являлись те исторические персонажи, которые оставили на ее ходе свой индивидуальный отпечаток. Масса общества, безымянные участники исторического процесса, продолжали быть его безликим фоном, подобным хору античной трагедии. Такой подход, видимо, отвечал взглядам историков вплоть до середины истекающего XX столетия. Ныне же неадекватность подобных установок делается все более очевидной. Великие люди действуют не в безвоздушном пространстве, и даже для того, чтобы понять их идеи и деяния, необходимо в полной мере принимать в расчет общество в целом, однако общество не в качестве некой отвлеченной величины, а как совокупность больших и малых групп, в которые организованы так называемые "простые люди". Историк может не знать – и, как правило, не знает – ни их имен, ни их биографий, но он не в состоянии не осознавать того факта, что они жили и действовали, что их жизнь и их деятельность строились по определенным сценариям, создаваемым культурой и ментальностями того времени. Их картина мира и формы поведения налагали свой отпечаток и на поступки великих людей, равно как и на их идеи и высказывания.

Следовательно, надобны новые способы изучения истории, позволяющие исследо-

вателю проникнуть в эти анонимные толщи общества. Нужен новый подход к отбору исторических памятников, которые могли бы приблизить историка к постижению сознания и поступков "среднего человека" изучаемой эпохи. По словам Жака Ле Гоффа, историка должны интересовать не только намерения Цезаря, но и настроения солдат его легионов, и не одни лишь планы Колумба, но и надежды моряков на его каравеллах. И то же самое можно было бы сказать о Хлодвиге или Карле Великом: невозможно ограничиваться их жизнеописаниями, оставленными соответственно Григорием Турским и Эйнхардом, – необходимо углубиться в анализ законов варваров (*leges barbarorum*), капитуляриев и картуляриев, археологических остатков, "житий" святых, пенитенциалиев и других материалов, которые могли бы пролить свет на социальные отношения и образ жизни рядовых франков, на их верования и этические установки.

История, изучаемая "сверху", не может быть самодовлеющей, она должна сочетаться с историей, изучаемой "снизу". Проблема состоит не только в исследовании так называемой народной культуры – понятия, столь же необходимого, сколь и неопределенного и даже двусмысленного, – но и прежде всего в обнаружении разных уровней сознания: наряду с эксплицитно, т.е. явно, выраженными мыслями индивидов истории должны научиться проникать в тайны ментальностей, в латентные пласты коллективного сознания.

ИСТОРИЯ, ИЗУЧАЕМАЯ "ИЗНУТРИ"

Таким образом, наиболее существенным для нового этапа развития исторического знания является последовательное введение принципа изучения истории "изнутри", т.е. выявление имманентной позиции самих участников исторического процесса, их отношения к жизни, их ментальностей и систем ценностей. Историк, естественно, не может не налагать на изучаемые данные собственных понятий и не обобщать полученных наблюдений в свете современной теории познания. Но при этом он не вправе отвлекаться от мироотношения людей, историю которых он изучает, ибо в противном случае они превращаются под его пером в безвольных статистов, автоматически подчиняющихся действию абстрактных социально-экономических законов.

Традиционные формы исторического исследования, такие, как политическая история, история идей (*Geistesgeschichte*) или социально-экономический анализ, не должны быть оставлены, но в свете этого нового подхода к истории они неизбежно обретают новый смысл, перестают быть замкнутыми в самих себе. В этой связи особое значение должно быть придано, как мне представляется, понятию "исторический контекст". Поставив перед собой ту или иную проблему, историк по необходимости очерчивает круг изучаемых вопросов, но при этом он должен отдавать себе ясный отчет в том, какие жизненные связи при вычленинии его объекта нарушаются и остаются за рамками анализа. Здесь можно возвратиться к приведенному выше примеру о трудностях, испытанных мною, когда я попытался применить "социально-экономический вопросник" к древнескандинавским источникам и не сумел найти в них искомые ответы до тех пор, пока не сформулировал новые вопросы. Эти новые вопросы были направлены на выяснение системы ценностей скандинавов, их религиозно-магических представлений, их специфической оценки значимости золота и серебра, которые для них были не только формами экономического богатства, но – и даже преимущественно – материализацией человеческих "удач" и "везенья". И только в этом новом, широко раздвинувшемся контексте, социальные связи и отношения собственности обрели свой более глубокий смысл.

В традиционной историографии культура и общество изучались разобщенно, как разные и не связанные между собою предметы, либо же их механически соединяли в рамках модели "базис – надстройка". Пожалуй, наиболее наглядно это раздвоение единого по существу предмета истории демонстрируют учебники, в которых главы по истории культуры, как правило, служат внешним довеском к основному изложению.

Но если историк более глубоко вдумается в содержание понятия "культура" и будет пользоваться им в том смысле, в каком оно интерпретируется культурной антропологией – как способы восприятия и осмысления социального и духовного мира, символические системы, налагаемые сознанием на этот мир и всякий раз по-своему организующие его, определяемые ими формы поведения экономического, политического, религиозного, художественного, – то подход его неизбежно изменится и он увидит внутренние связи между культурными и социальными аспектами человеческой практики. Культура и общество – две стороны одной медали, это мысль историка противопоставляет их друг другу, в реальности же они по своей сути образуют нерасторжимую тотальность. Поэтому вполне закономерно и необходимо вызревание в рамках традиционной исторической науки исторической антропологии (точнее было бы употребить более громоздкий термин – "социально-культурная антропология"), которая оформилась за последние два-три десятилетия и известна под названием "La Nouvelle Histoire".

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ

Историческая антропология не претендует на то, чтобы заменить собой другие направления исторического исследования, но она создает новый и более емкий контекст, в котором надлежит рассматривать прошлое. Она привносит в видение истории принципиально иное измерение, без чего это видение остается лишенным стереоскопичности и убедительности. Историческая антропология ориентирована на исследование картин мира, знаковых систем и основополагающих форм человеческого поведения, по большей части скрытых и не сформулированных четко. Она исходит из понимания того, что любой исторический памятник воплощает в себя языки культуры времени своего создания, а потому требует расшифровки, проникновения в потаенные пласты сознания как его автора, так и его среды.

Следовательно, исторический памятник отнюдь не подобен колодцу, из которого историк свободно черпает факты, или окну, распахнутому в прошлое, куда достаточно высунуть голову – и можно увидеть прошлое, "каким оно было на самом деле". Первейшая задача историка состоит в том, чтобы снова и снова вникать в язык людей изучаемой эпохи (язык в семиотическом смысле слова) и пытаться раскрывать его специфический смысл.

Но вместе с тем историк не может уходить и от другой задачи: подвергать постоянному анализу свою собственную систему понятий. Понятий, которыми он пользуется и которые, будучи отягощены современным смыслом, содержат в себе потенциальную опасность деформирования картины прошлого.

Коммуникация между исследователем и прошлым исключительно противоречива. Историк рассматривает культуру прошлого сквозь сложно преломляющую призму. Она вбирает в себя лучи, идущие от исследователя, и одновременно сигналы, которые "посылают" люди изучаемой эпохи, и своеобразно и каждый раз по-новому синтезирует их. Иными словами, мы налагаем на подлежащую расшифровке фрагментарную и заведомо неполную информацию, таящуюся в исторических источниках, свою понятийную сетку, отвечающую принципам современного гуманитарного знания, причем это последнее несет на себе отпечаток ментальных установок общества, к которому принадлежит историк. Проблемы, поднимаемые им, и его принципы и приемы исследования современны: информация, исторгаемая с их помощью из исторических источников, относится к прошлому (хотя и она уже трансформирована применяемыми историком процедурами). Не означает ли это, что встреча историка с людьми изучаемой эпохи происходит во времени, которое отличается как от настоящего, так и от прошлого? Это особое время, творимое историком.

Высказанные здесь соображения суть, как мне кажется, аргументы в пользу необходимости разработки специальной исторической теории познания. В противоположность дискредитировавшей себя историософии предполагаемая специальная теория

познания истории ни в коей мере не может быть универсально применяемой схемой. Речь идет не о какой-то системе, извне налагаемой на бесконечно многообразный материал истории, а о процедурах толкования, которые вырабатываются в процессе самого исследования, как бы *ad hoc*, т.е. с учетом специфики источников и приемов их анализа.

К НОВОМУ СИНТЕЗУ

Ряд критиков новых направлений историографии, в частности *La Nouvelle Histoire*, пишут о разрушении целостной картины истории на несвязанные фрагменты и "осколки". Справедлива ли эта критика? Если изображение исторического процесса подменяется описанием разрозненных аспектов ментальностей, взятых изолированно от анализа социальных структур и их динамики, то у таких опасений имеются основания. Но если эти социально-психологические аспекты истории включены во всеобъемлющую социокультурную систему и не рассматриваются как независимые от нее, самодовлеющие феномены, то в них следовало бы видеть компоненты исторически конкретной тотальности. В таком случае налицо не "развал" истории (ее *écèlement*), а поиск новых подходов к историческому синтезу; синтез же есть та перспектива, к которой стремится наука. Изучение обособленных ментальностей – не более чем средство для углубленного постижения природы человека, каким он был в те или иные периоды истории, каким его формировали культура и общество его времени. Конкретно-исторический индивид – вот центральный момент социально-культурной антропологии, проецируемой на историю, ментальности же – лишь акциденции этого процесса.

ИДЕАЛЬНЫЙ ИСТОРИК XXI в.

Я попытался выделить две стороны в проблеме "ответственность историка": его ответственность перед обществом, к которому он принадлежит, и его ответственность перед людьми прошлого, историю которых он изучает. Но расчлнить эти два аспекта и рассмотреть обособленно оказалось очень трудно, если вообще не невозможно, ибо они теснейшим образом переплетены между собой. Историк не может не быть честным по отношению к собственному времени, но это означает, что он должен быть честен перед людьми, жизнь которых он пытается "возродить". Само собой разумеется, что, когда мы говорим о "возрождении" поколений, канувших в Лету, мы уже не руководствуемся романтическими вдохновениями времен Мишле и не пытаемся "вжиться", "вчувствоваться" в психологию людей прошлого а ля Дильтей. Такого рода попытки слишком субъективны. Речь идет о выработке проверяемых исследовательских процедур, которые дали бы историку материал для научной реконструкции мировидения, систем ценностей и форм общественного поведения людей изучаемой эпохи.

Образцовый Историк конца XX и начала XXI в. – как некая идеальная модель, как *desideratum* – мыслится мне в качестве исследователя, который, тщательно вдумываясь в изучаемое им прошлое, одновременно неустанно углубляет свой гносеологический аппарат. Его мысль неизменно обращается к самой себе; критическое рассмотрение предпосылок, из которых он исходит, методов анализа и форм обобщения не исчезает из его поля зрения. Это – не "большой окуляр", как называли Леопольда Ранке, не позитивистски настроенный раб исторических "текстов", вроде чудаков-эрудитов, изображенных Анатоном Франсом, и не неразборчивый собиратель всевозможных фактов. Это – мыслитель, сопоставляющий собственную картину мира и, следовательно, картину мира, присущую его среде, с мировидением людей, которые являются предметом его изучения.

Этот Историк безвозвратно расстался с иллюзией, будто прогресс науки все более приближает ее к обладанию истиной, которая останется таковой на все времена. Он отчетливо сознает, что научная истина, обобщая достижения современного знания, обусловлена теми проблемами, которые волнуют наше общество, и поэтому исторически конкретна и будет пересмотрена по мере изменения социально-культурных условий. Историк не выключен из течения исторического времени. Он настроен на диалог культур, и именно в этом смысле его труд приобретает общественную значимость для современников. Такая установка исторического познания может противостоять возникновению новых мифологий и лжеисторических конструкций, которые превращают историю в служанку политики, господствующей идеологии или расхожих вульгарных предрассудков, способных лишь подорвать доверие к ней.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ И КВАНТИТАТИВНОЙ ИСТОРИИ

© 1997 г.

Н.Б. СЕЛУНСКАЯ

ОТ КВАНТИФИКАЦИИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКЕ – ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ К ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

Статья Питера Доорна является убедительным доказательством актуальности как постановки историками на современном этапе развития науки общих вопросов теории и методологии истории, так и вопросов методологии междисциплинарного подхода в связи с теми изменениями и трансформациями, которые связаны с традицией использования количественных методов и компьютерных технологий представителями направления "количественной истории", и возникновением и развитием течений "история и компьютеринг" или "историческая информатика". Их место, роль и значение в историографии в соотношении с "количественной историей" следует оценить как с прагматической точки зрения – что они дают историку, так и с методологической – каково их методологическое кредо в координатах двух существующих конфликтующих тенденций, определяющих на сегодня отношения между различными научными школами, течениями и направлениями. Одной из этих тенденций признается сциентическая, борющаяся за социально-научную историю, другой – культурологическая, связанная прежде всего с развитием и распространением методологии постмодернизма.

В историографии развитие такого течения, как количественная история, имеет длительную традицию существования. Естественно, что за это время произошли кардинальные изменения роста, созревания и трансформаций внутри как национальных школ количественной истории, так и общих тенденций, характерных для направления в целом. Для анализа и оценки, осмысления происшедших изменений, воздействующих на общую модель представления истории как предметной области знаний, целесообразно попытаться провести некоторый сравнительный анализ дискуссий теоретического плана по основным вопросам исторического исследования на примере полемики, имевшей место в 70-е годы, и полемики на современном этапе, в частности на последней международной конференции ассоциации "History and Computing", состоявшейся в Москве в августе 1996 г.

На начальном этапе развития квантификации в исторических исследованиях наиболее контрастными с точки зрения условий развития и решения основных философ-

---

Окончание. Начало см. № 3 за 1997 г.

Наталья Борисовна Селунская – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ.

ско-теоретических вопросов применения количественных методов в исторических исследованиях, роли и места квантификации в истории можно рассматривать процессы развития этого направления в американской и отечественной исторической науке. В американской историографии процесс утверждения квантификации в истории шел под лозунгами борьбы за "новую", "научную" историю, ниспровержения традиционной истории и оценивался как культурная война или компьютерная революция. Отечественная школа "количественной истории", основателем и главой которой был И.Д. Ковальченко, была значительно менее амбициозна и рассматривала применение количественных методов как естественное продолжение развития методологии исторического исследования на основе марксистской теории исторического процесса. Однако даже в те годы, которые характеризовались постоянным поиском и сменой парадигм в западной, в частности американской историографии, явной озабоченностью отсутствием общей теории как основы для исторического объяснения и исторического синтеза, с одной стороны, и напротив, неизменной и единой для советских историков марксистской теорией как основой объяснения исторического процесса, даже тогда, несмотря на отмеченные кардинальные отличия, пространственно и теоретически дистанцированные национальные школы квантификации, каждая по-своему, отмечали и констатировали роль и первостепенный характер вопросов теории и методологии развития квантификации в истории, применения количественных методов в историческом исследовании¹.

Основными вопросами философского диалога между традиционными и новыми историками или теоретических дискуссий внутри сообщества квантификаторов были следующие. Это прежде всего вопрос о месте, роли и воздействии квантификации на историю и историческое исследование. В то время ответ на этот вопрос был в какой-то степени заложен в самом названии или, правильнее сказать, названиях, этого нового направления: "квантификация", "количественная история", "новая история", "научная история". Осознание особой роли этого направления как отличного от традиционной историографии шло через утверждение прежде всего измерения как основы для нового жанра исторического исследования в отличие от описания, характерного для традиционной манеры исторического исследования; массового объекта как основы исследования и генерализации в противовес индивидуализирующему описательному подходу. Однако на современном этапе опыт развития квантификации как направления породил даже в среде клиометристов сомнения относительно ранее высказывавшихся амбициозных претензий с их стороны о возможности открытия новых путей получения исторического знания и привел к известным трансформациям самого направления, по моему мнению, даже к перерождению квантификации в новое по своим теоретико-методологическим основаниям течение – "историческую информатику", или "историю и компьютеринг". Это новое течение, как отмечено в докладе П. Доорна, расценивает себя как антагонистическое по отношению к квантификации – такой, какой она сформировалась в 70–80-е годы и проявляется и в полемике между "проблемно-ориентированным" и "источничко-ориентированным" подходами. Данный этап специализации и дифференциации "квантификации" как историографического направления является естественным и одновременно может быть оценен как болезнь роста.

Сторонники прочтения квантификации как "источничко-ориентированного подхода" к истории ограничивают рамки квантитативного исследования лишь решением задач разработки компьютерных технологий анализа исторической информации. Однако очевидно, что как бы ни были значительны успехи в области разработки новых компьютерных технологий и программного обеспечения для работы с разного рода исторической информацией, что важно и необходимо само по себе, эти успехи никак не могут быть самодостаточны для историографии, сердцевинной которой является раз-

---

¹ См., например, издание материалов советско-американских коллоквиумов: Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

витие исторических концепций разного уровня, прогресс в области исторического объяснения как отдельных сторон исторического процесса, так и процесса в целом. В контексте же заявлений сторонников "источнико-ориентированного подхода" даже источниковедческий аспект присутствует в редуцированном виде и, к сожалению, это редуцирование производится за счет потери исторического подхода в источниковедческом анализе и исторической интерпретации источника. Основная цель состоит "в наиболее полном представлении информации источника в его компьютерной модели". При этом вне внимания остаются источниковедческие характеристики извлекаемой информации, как например, видовые особенности документального материала, которые уже расцениваются как заслуживающие пренебрежения при рассмотрении лишь различий в способе кодирования информации, то есть на уровне типа источника: текст-статистика. Легко себе представить, какое многообразие особенного остается за кадром "источнико-ориентированного подхода" при разработке технологий и программ обработки текста, скажем, делопроизводственной документации России до 1917 г. – заключений Совета Дворянского банка о выдаче ссуды под залог имения, или текста стенографических отчетов заседаний Государственной Думы по аграрному вопросу, или записок А.Н. Энгельгардта и др. Несмотря на то, что все эти источники близки с точки зрения содержательного семантического аспекта информации, каждый из них имеет свою информативную ценность в контексте конкретно-исторической задачи исследования. При обобщенном информационном подходе, замкнутом на информацию источника и "закрытого" для исторического исследования, для решения конкретно-исторической задачи, логично пренебречь этими источниковедческими нюансами. Безусловно допуская различия в методологических подходах к историческому исследованию, я солидаризируюсь с П. Доорном в том, что представление исторических данных в информационной системе – бесполезное занятие, если нет другой, то есть исторической, цели.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КВАНТИФИКАЦИИ. ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ

Для нашей национальной школы, т.е. для развития квантификации в отечественной историографии 70–80-х годов, как раз характерной чертой было воздействие квантификации на развитие конкретной методологии исторического исследования, исторической концепции изучения тех явлений и процессов, которые прежде всего были в фокусе внимания квантификаторов, а именно: изучение характера и особенностей аграрной эволюции России. Это прежде всего работы И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова по изучению аграрного рынка: исследования И.Д. Ковальченко в соавторстве с его учениками и коллегами структуры помещичьего и крестьянского хозяйства, аграрной типологии губерний; изучение прибалтийскими историками Ю. Кахком и Х. Лиги социальных движений, связи социальной активности сельского населения и его социально-экономического положения; наконец, изучение О.Г. Буховцом массового сознания крестьянства России начала XX в. Все эти исследования отличались концепционным характером, предлагали новые теоретические и количественные модели исследуемых процессов и явлений, вносили существенные коррективы в бытовавшие конкретно-исторические представления историков и предлагали новые конкретные методологии исследования аграрной истории, в частности, на основе системного подхода. Разработка методологии изучения действия закона стоимости в условиях России XVIII–XX вв. и его проявления в аграрном секторе российской экономики, поиск индикаторов, эмпирических данных, "чувствительных" методик их анализа позволили создать концепцию рынка, прежде всего аграрного; выявление социальных индикаторов перехода от "связанного" к "свободному" труду в помещичьем хозяйстве и построение модели "сбалансированности" крестьянского хозяйства привели к решению проблемы типов социальной организации сельскохозяйственного производства в крупном, помещичьем, и мелком, крестьянском, хозяйстве. Наконец, весьма интересны

наблюдения о взаимодействии политического поведения и социально-экономических условий, а также выводы о многослойности массового сознания крестьянства, которому долгое время историки отказывали в наличии политического сознания вообще.

Отвечая на вопрос "что дает квантификация как историографическое направление историку", следует отметить также и ее вклад в источниковедение. Здесь важно иметь в виду, что для отечественной историографии характерна сильная и развитая традиция источниковедческих исследований вообще – как в разработке общих проблем источниковедения – его предмета, задач и функций, соотношения с историческим исследованием, проблем классификации исторических источников, эволюции видов и др., – так и в особом внимании к методике обработки и анализа различных типов и видов исторических источников. Заметим, что вопросы источниковедения были не только предметом специальных монографических исследований, но и предметом дискуссий на регулярных источниковедческих всесоюзных конференциях, публиковавшихся с конца 60-х годов, где, в частности, в 1979 г. на конференции в Новороссийске остро дебатировались вопросы статуса источниковедения как особой научной дисциплины: является ли источниковедение прикладной, вспомогательной областью исторической науки или всеобъемлющей междисциплинарной областью научного знания, не ведающей предметных границ. Представители количественной истории всегда концентрировали свое внимание не на онтологических, а на гносеологических аспектах источниковедения и прежде всего на разработке методик анализа массовых исторических данных статистических источников². Вместе с тем ими внесен большой вклад в решение источниковедческих проблем нарративных источников, прежде всего такой из них, как атрибуция, а также интерпретация текстов (работы Л.В. Милова, Л.М. Брагиной и др.)³. Однако все исследования источниковедческого характера отличает внимание к историческому контексту проблемы, который "ведет" исследование на всех его этапах – от постановки задачи до итоговых интерпретаций и выводов. Так, Л.В. Милов в своей статье в книге "От Нестора до Фонвизина", посвященной разработке и приложению методик атрибуции древнерусских текстов, подчеркивает, что "ошибки и заблуждения в определении авторства влекут за собой более серьезные искажения вплоть до искажения картины развития того или иного исторического явления"⁴.

Таким образом, квантификация как направление существенным образом отличается от течения "исторической информатики", в частности от "источнико-ориентированного подхода" как ее разновидности и ее "включенности" в историческую концепцию, и даже в понимании и оценке роли и ведущего места "исторического контекста" в источниковедческом исследовании, а также и в широте понимания источниковедческого аспекта как такового.

Наддисциплинарный уровень понимания "источнико-ориентированного исследования" имеет свое продолжение и в контексте понимания информатики как "автоматизированной переработки информации", и как "научной области, изучающей методы представления, накопления, передачи и обработки информации с помощью ЭВМ", т.е. "Computer Science" или "Informatique"⁵. Целиком согласна с автором доклада в том, что вряд ли историк "нуждается в теории исторического компьютеринга как таковой", так как сама по себе она не является и не может стать основой для исторического объяснения.

² См.: Массовые источники по социально-экономической истории России. М., 1979.

³ От Нестора до Фонвизина (Новые методы определения авторства). М., 1994; Брагина Л.М. Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения. – Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

⁴ От Нестора до Фонвизина. с. 6.

⁵ Историческая информатика. Ред. Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова. М., 1996, с. 8.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД, ОБОГАЩЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ БЕЗ УТРАТЫ ИСТОРИЗМА

Здесь мы должны обратиться к разработке методологии междисциплинарного подхода и его специфики на современном этапе, связанном с формированием области "исторической информатики", хотя, на мой взгляд, воссоединения истории и информатики – "стыка" – еще только следует ожидать, и, в частности, с развитием второго – проблемно-ориентированного подхода внутри этой области. Сразу оговорюсь, что будучи генетически и методологически теснее связанным с квантификацией, этот подход имеет также свою современную специфику, проявившуюся и в нашей отечественной историографии⁶. Признавая единство естественно-научного и социально-гуманитарного исследования, сторонники этого направления недооценивают ведущую роль предметной области истории при развитии междисциплинарного подхода. Так, признавая важность и значительность обогащения теоретического и методологического арсенала истории, следует осознавать крайнюю сложность перенесения и адаптации "заимствованных" теорий из точных наук, ибо "трансплантация" может вызвать и отторжение их организмом исторической науки.

Кроме того, в силу высокой степени генерализации, уровня абстрагирования даже "проблемно-модельно-ориентированное исследование" – которое сегодня ориентировано исключительно на создание математических моделей без эмпирических данных и конкретно-исторического контекста – "уходит" за пределы исторического видения этой самой проблемы. В контексте "исторической информатики" оно связано со "вторым этапом математизации истории – построением математических моделей исторических процессов и явлений", целью которых "может быть реконструкция отсутствующих данных о динамике изучаемого процесса на некотором интервале времени, анализ альтернатив исторического развития, теоретическое исследование возможного поведения изучаемого явления или класса явлений по построенной математической модели. Модели такого типа можно отнести к имитационным и аналитическим"⁷. Значит ли это, что "модельно-ориентированное исследование" нацелено на построение моделей без эмпирических данных, на предпочтение сконструированных альтернатив моделированию реальных исторических процессов, на теоретическое изучение возможного поведения вместо исторического исследования, то есть, в конечном итоге, не является ли это ориентацией на переход из исторической в виртуальную реальность.

Вопросы моделирования в истории уже были предметом специальных дискуссий в 70–80-х годах, в частности, в работах И.Д. Ковальченко, чей подход основывался на оценке адекватности типов моделей с учетом специфики предметной области их применения и имеет непреходящее методологическое значение для историков. Очевидно, эти проблемы требуют нового обсуждения.

Современный этап развития этого жанра исследований сопровождается значительным усложнением математического аппарата, усилением теоретической компоненты за счет привнесения "математических теорий" (теории бифуркаций⁸, хаоса, концепции квантового описания эволюции социально-экономических систем и др.) профессионалами из "точных наук" наряду с вытеснением исторического контекста с поля "абстрактной" истории. Моделирование системы "народ-правительство" или описание социально-экономических систем вообще – это задачи политологического или социологического, но не исторического исследования, которое может обрести свою жизнь

⁶ См. вышедшие в 1996 г. в Москве издания "Историческая информатика", "Математическое моделирование исторических процессов". "Круг идей – модели и технологии исторической информатики" под редакцией Л.И. Бородкина.

⁷ См.: Математическое моделирование..., с. 16–17.

⁸ В математике под бифуркацией понимают изменение числа решений или их устойчивости для модели, описывающей систему при изменении ее параметров. В точке бифуркации система "делает выбор" между ветвями, которые будут описывать ее дальнейшую эволюцию. Обычно этот выбор происходит под воздействием случайных факторов. По существу бифуркация – это математический образ "перехода количественных изменений в качественные". – *Прим. ред.*

лишь в пространственно-временных координатах, через плоть и кровь исторического источника. Предложенный специалистами точных наук набор теорий и схем дает историку новые возможности для выбора и для последующей длительной аналитической работы по адаптации этих теорий "на своем поле" изучения конкретно-исторических процессов и явлений, равно как и неприятия их как неадекватных, неприемлемых в качестве основы для построения моделей исторического объяснения.

Выражая глубокую признательность моему голландскому коллеге за инициирование дискуссии, столь актуальной и значительной для всего сообщества историков, я также хотела бы присоединиться к его призыву к пониманию, прежде всего пониманию между специалистами различных научных областей знания, необходимому при междисциплинарном подходе. Важно также, чтобы в стремлении сохранить статус научной истории не утратить науку историю, не уйти в виртуальную реальность, не расстаться с задачей изучения исторической реальности.

© 1997 г.

Л.И. БОРОДКИН

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ

Развернувшаяся в последние годы полемика двух известных специалистов по исторической информатике – Питера Доорна и Манфреда Таллера, подтверждает справедливость образа науки как деятельности научных сообществ, предложенного американским философом и историком науки Томасом Куном. В течение последнего десятилетия научное сообщество, известное как Международная ассоциация "History and Computing" (АНС), является тем "невидимым колледжем", под крышей которого ведется кропотливая работа по созданию для историков нового профессионального инструментария, соответствующего возможностям компьютерной революции конца XX в. Благодаря усилиям этого сообщества историческая наука занимает сегодня достойное место в ряду других наук, воспринявших вызов времени и идущих по пути овладения новыми информационными методами и технологиями.

Однако только ли технологии являются объектом внимания данного сообщества? Конечно же, нет. Как отмечает английский ученый Питер Денли, один из отцов-основателей АНС, историческая информатика началась с применения количественных методов в исторических исследованиях, и в течение двух десятилетий она развивалась под влиянием этих методов, так что большинство историков-традиционалистов, а также и немалое число историков-квантификаторов, полагают, что историческая информатика идентична квантитативной истории и что единственное занятие, в котором помощь со стороны компьютера может быть существенной, – это квантификация¹. Не случайно все 10 томов трудов ежегодных международных конференций АНС содержат раздел, посвященный квантитативной истории; нередко этот раздел – самый большой в сборнике. Не случайно дискуссии о методологических проблемах квантитативной истории ведутся на конференциях АНС (мне неизвестен другой международный форум историков, обсуждающий эти проблемы).

В то же время квантификация – лишь одна из областей, генетически связанных с исторической информатикой. Бурное развитие технологии баз данных обозначило еще

Леонид Иосифович Бородин – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения отечественной истории, заведующий Лабораторией исторической информатики исторического факультета МГУ.

¹ Denley P. Historical Computing as a New Language for History? – The Art of Communication. Ed. by G. Jaritz, I. Kropac, P. Teibenbacher. Graz, 1995, p. 19.

одно из таких направлений. Сложившиеся здесь два подхода – источник-ориентированный и проблемно-ориентированный – отражают два разных взгляда на цели и задачи создания баз данных. Немного упрощая, можно сказать, что в первом случае ставится задача максимально полно и аккуратно "погрузить" источник в структуру базы данных, не потеряв при этом даже мелких деталей (будь то сведения из актовых материалов или, например, завещаний). Работа при этом оказывается, естественно, весьма объемной, зато будущий исследователь сможет использовать любые пласты источниковой информации; к тому же источник-ориентированная система позволяет производить специфические преобразования данных². Что касается точки зрения М. Таллера, создателя источник-ориентированного подхода, об ограниченных возможностях квантификации в исторических исследованиях, о противоположности двух данных подходов, то мне эта точка зрения не близка. Мне ближе "ранний Таллер", до середины 80-х годов рассматривавший источник-ориентированный подход как предтечу последующего количественного анализа, долженствующего "увенчать" исследование. При этом я рассматриваю алгоритмические разработки Таллера, положенные в основу его системы KLEIO, как одно из важнейших достижений исторической информатики. Ведь это один из редких пока примеров, когда методический инструментарий в компьютеризованном историческом исследовании был создан, исходя из специфики исторических источников. или – шире – из особенностей структуры исторического знания. Основной же арсенал используемых методов в такого рода исследованиях имеет, как известно, универсальный характер, применяется во всех социально-гуманитарных дисциплинах.

Во втором же случае (проблемно-ориентированный подход) из источника извлекается лишь тот слой информации, который необходим для решения поставленной задачи³.

Какой из двух подходов лучше, целесообразнее? Это зависит от исследовательской ситуации. Если на основе некоторого корпуса источников создается архив машиночитаемых данных или осуществляется проект, в котором предполагается многоаспектная комплексная обработка источниковой информации, то выбор надо сделать в пользу первого подхода. Если же исследовательская задача сформулирована таким образом, что ее решение/требует лишь части имеющейся информации, а ресурсы исследователя ограничены, то предпочтение следует второй подход. Таким образом, эти подходы вряд ли стоит рассматривать как противостоящие друг другу. Более того, в последнее время можно наблюдать сближение их позиций. Так, в предисловии к опубликованному только что сборнику работ, выполненных на основе источник-ориентированного подхода, редакторы подчеркивают, что "баланс статей сборника тяготеет к анализу источниковой информации, а не к построению баз данных как "вещи в себе"⁴. В этой связи отмечу с удовлетворением, что наблюдаемая новая тенденция снижает пафос статьи П. Доорна в той ее части, где речь идет о противостоянии источник-ориентированного подхода и квантитативной истории. Что же касается доминирующего в исторической информатике проблемно-ориентированного подхода, то он напрямую связан с квантитативной историей и зачастую с ней просто отождествляется.

Вернемся, однако, к дискуссии о квантитативной истории. Не могу согласиться с мнением П. Доорна будто "утверждение 70-х годов, что квантитативная история откроет новые пути к знанию в новых областях, сейчас подвергается сомнению сами-

---

² Например, система KLEIO переводит встретившиеся в источнике хронологические сведения, денежные единицы, системы мер и весов из средневековых единиц в стандартные или сравнимые; она же позволяет реализовать процедуры связывания записей о том или ином лице, содержащихся в разных источниках и имеющих вариации в написании имен, а также оперировать с оцифрованными имиджами источника.

³ Все традиционные аспекты критики источника рассматриваются в обоих случаях предварительно, как и в "обычном" исследовании.

⁴ The Sorcerer's Apprentice: KLEIO Case Studies. Ed. by M. Woolard and P. Denley. Halbraue Reihe zur historischen Fachinformatik, A29, St. Katharinen, 1996, p. VII.

ми клиометристами". Совсем недавно, в 1993 г. американские клиометристы Р. Фогель и Д. Норт получили Нобелевскую премию; откройте журналы последних лет по экономической или социальной истории, исторической демографии и оцените, какой процент статей в них выполнен в жанре квантитативной истории⁵. Работы квантификаторов, по сути, ввели новые стандарты научного знания, новый уровень требований к аргументации выводов в указанных областях (да и не только в них). Другой вопрос, что "микрокомпьютерная революция" середины 80-х годов кардинально изменила характер работы историков-клиометристов. Появление персональных компьютеров (ПК) и "дружественных" пакетов программ резко облегчило доступ историков к возможностям машинной обработки данных источников; сегодня только в нашей стране эту возможность получила не одна сотня историков. Компьютеризованный анализ становится привычным, иногда даже рутинным занятием. Сегодня мы обучаем студентов-историков использованию с помощью ПК таких сложных методов многомерного анализа, которые в 80-х годах были доступны только наиболее опытным клиометристам. Это привело к заметному росту числа исследований, выполненных с помощью количественных методов. Так, за последние три года только в изданиях нашей ассоциации "История и компьютер" (а это 11 сборников статей) опубликовано около 60 статей, более 70 тезисов докладов авторов из стран СНГ, применяющих количественные методы анализа исторических источников⁶. Что касается приращения знания, полученного в этих клиометрических работах "новой волны", то здесь есть заметные достижения как в области конкретно-исторических исследований, так и в моделировании исторических процессов, но это отдельная тема.

Методологические проблемы квантитативной истории, затронутые в докладе П. Доорна, должны рассматриваться в контексте продолжающегося доминирования в современной историографии постмодернистского нарративизма.

Именно "давлением" атмосферы постмодернизма можно объяснить обращение Доорна к ряду методологических проблем, активно обсуждавшихся 10–20 лет назад. Это действительно "вечные" вопросы. В нашей литературе они в большинстве своем были рассмотрены И.Д. Ковальченко; его выводы актуальны и сегодня. Это относится и к одному из наиболее сложных вопросов – о моделировании в истории, вынесенном в заглавие доклада П. Доорна. Соглашусь с П. Доорном, что именно вокруг этого вопроса накопилось много путаницы и непонимания. Туман непонимания, однако, рассеивается при прочтении методологических работ И.Д. Ковальченко. Иван Дмитриевич, кстати, был первым из наших историков в области разработки подходов к математическому моделированию альтернатив исторического развития. Он понимал необходимость перехода к более "продвинутым", гибким моделям, способным отражать сложный характер динамики социальных процессов⁷. В его работах проводилось четкое различие сущностно-содержательных и математических моделей как последовательных этапов моделирования. Оценивая познавательную ценность различных видов моделирования в истории, И.Д. Ковальченко ранжировал их следующим образом (в восходящем порядке): эмпирическое (индуктивное) моделирование; математическая (статистическая) верификация гипотез; дедуктивное моделирование ("возможное только тогда, когда теоретический уровень познания явлений позволяет сконструировать их абстрактную сущностно-содержательную модель")⁸. Столь высокая оценка математических моделей дедуктивного типа связана с пониманием роли теоретического знания; она соответствует месту этих моделей в методическом арсенале большинства наук (включая социальные), использующих математические модели.

⁵ По подсчетам самого П. Доорна, в журналах по экономической истории эта доля достигает 80–90%. – См. Информационный бюллетень "История и компьютер", № 13, март 1995, с. 76–77.

⁶ Это примерно половина от общего числа публикаций, вышедших под эгидой АИК.

⁷ См., например, работу по альтернативному моделированию последствий столыпинской реформы: Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность). – История СССР, 1991, № 2. В этой работе использовалась достаточно сложная теория марковских цепей.

⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987, с. 362.

Означает ли указанная ранжировка подходов к математическому моделированию второстепенную роль эмпирических моделей? Конечно, нет. У меня нет сомнений в том, что в большинстве исследовательских ситуаций историк-клиометрист будет испытывать потребность именно в них, основанных на применении испытанных статистических методов в задачах обработки данных источника. Однако математические методы оказали добрую услугу развитию социально-гуманитарного знания во многих его областях, вовсе не ограничиваясь математической статистикой; методологи науки уже в течение ряда десятилетий рассматривают эмпирико-статистические модели как первый, начальный этап использования математики в конкретных науках; за ним должны следовать второй и третий⁹. Думается, и в исторических исследованиях будут сделаны шаги "вверх по лестнице", ведущей к следующим этапам моделирования. Это одна из закономерностей развития научного знания. Собственно, важным здесь является вопрос об уровне зрелости той или иной области исторического знания, наличии сложившегося категориального и концептуального аппарата.

Что же касается возможностей использования статистических методов в исторической науке, то, пожалуй, П. Доорн слишком критичен в этом вопросе. Разумеется, существует много ограничений в их применении; использование каждого метода математической статистики связано с различными нюансами и требует от историка известного опыта в корректном его применении. Однако существует немало исследовательских ситуаций, когда у нас просто нет другой альтернативы касательно нужного аналитического инструментария. Вопрос же о выявлении причинно-следственных связей давно прояснен: историк-исследователь строит содержательную модель, исходя из всего комплекса знаний (теоретических и эмпирических) об изучаемом процессе или явлении, а соответствующие статистические методы дают средство для количественных оценок. "Человеку – человеческое, а машине – машинное". Понятно, что в контексте сказанного выше я могу расценивать только как полемически заостренный следующий тезис П. Доорна: "Это неправильное понимание – думать, что статистика вообще может объяснить что-либо существенное". При этом я разделяю точку зрения П. Доорна о том, что всегда будут данные, для анализа которых количественные методы неприменимы или неэффективны. В то же время, и методы развиваются; так, теория нечетких множеств создает в последние годы новые подходы для анализа данных, не поддающихся изучению с помощью стандартных методов математической статистики. Здесь мне близка оценка этой теории как многообещающей, сделанная М. Таллером.

Еще один тезис П. Доорна, с которым я не соглашусь, относится к его оценке "теории компьютеризованного исторического исследования". Теоретическая компонента в таком исследовании неминуемо присутствует – и в том случае, если историческая информатика рассматривается в качестве вспомогательной исторической дисциплины, и когда она воспринимается как особая ветвь информационной науки. Есть ли теоретическая компонента у источниковедения (или у археографии, текстологии, дипломатики)? Вопрос, конечно, риторический. Я вообще не представляю себе исследования – компьютеризованного или нет – в отсутствие той или иной теоретико-методологической разработки.

Впрочем, риторическим мне кажется и последний тезис в обсуждаемом докладе П. Доорна: "представление исторических данных в информационной системе – это бесполезная деятельность, если не преследуется какая-либо иная цель". Ну конечно, бесполезная! Вот только найти хотя бы один пример, когда какой-то историк взялся создавать базу данных, не задумавшись сначала, для чего он это делает.

Зато все другие тезисы, сформулированные П. Доорном в конце его доклада, мне близки и понятны. Остановлюсь в заключение на тех из них, где он говорит о соотношении естественных наук и истории. На современном этапе развития методологии

---

⁹ Так, третий этап И.Д. Ковальченко связывал "с применением математических методов для построения новых и выражения и анализа существующих научных теорий". – Там же, с. 316–317.

социального познания это соотношение проявляется в виде противостояния двух парадигм, двух исследовательских программ – натуралистической, формирующей нормы научности общественности по образцу естественных наук, и культур-центристской, основанной на процедурах индивидуализации¹⁰. То, что историческое исследование не всегда ориентировано на поиск закономерностей с помощью количественных методов – понятно. В то же время очевидно, что история не всегда ориентирована на познание уникального. Гораздо более определенной казалась ситуация с естественными науками которые незыблемо воспринимались как ориентированные на генерализацию, установление законов.

Ситуация, однако, начала меняться в течение последнего десятилетия. Эти изменения затронули и физику – "эталон" естественно-научного знания. Они связаны в основном с научным творчеством Ильи Пригожина, лауреата Нобелевской премии в области химической физики, известного бельгийского ученого¹¹. Изучая физику сильно неравновесных систем, И. Пригожин открыл новые эффекты, перевернувшие представления о статусе физики как чисто номотетичной науки. Об этом говорится и в новой книге И. Пригожина и И. Стенгерс "Время, хаос, квант", переведенной за последние два года на большинство языков мира: "Претензии классической физики на верховенство среди других наук были основаны на достигнутых ею успехах в описании изменяющихся объектов в терминах неизменяющихся законов. О других науках судим по тому, насколько близко им удавалось подойти к такому идеалу. Это привело к тому, что некоторые науки возвели "научную объективность" в норму, т.е. сделали своей высшей целью поиск общих закономерностей, лежащих за событиями или "субъективными" проявления. Другие науки избрали контрмодели, сделав особый акцент на противоположных ценностях"¹². И. Пригожин рассматривает современную физику сильно неравновесных состояний как вызов, требующий расширения сложившихся представлений о научной рациональности. Он ставит задачу – видоизменить само понятие физических законов так, чтобы включить в наше описание природы "необратимость" и "событие". Принятие такой программы влечет за собой основательный пересмотр формулировки законов природы. "Он стал возможен благодаря замечательным успехам, связанным с идеями неустойчивости и хаоса".

Рассматривая новый подход к законам природы, "более не противопоставляемым идее истинной эволюции, включающей в себя инновации", И. Пригожин приходит к необходимости введения понятия "событие", которое, как бы мы его ни трактовали, означает, что происходящее "не обязательно должно происходить", при этом "некоторые события должны изменять ход эволюции". И это – о законах природы!

Подчеркивая роль неустойчивости, И. Пригожин отмечает, что "она привносит в физику некий повествовательный элемент. Вдали от равновесия то, что мы можем идентифицировать как "причину" эволюции, зависит от обстоятельств... А что произошло бы, если бы..? Этот вопрос, – отмечает И. Пригожин, – очевидным образом касается историков. Но теперь он относится и к физикам, исследующим систему, которую они не могут более описывать как контролируруемую. Такой вопрос, позволяющий провести различие между описательной и чисто дедуктивной науками, может быть отнесен не к неполноте знания, а к внутренней специфике поведения сильно неравновесной системы. В точках бифуркации, т.е. в критических пороговых точках, поведение системы становится неустойчивым и может эволюционировать к нескольким альтернативам, соответствующим различным модам (состояниям). В этом случае мы можем иметь дело с вероятностями, и никакое "приращение знания" не позволит детерминистически предсказать, какую именно моду изберет система"¹³.

¹⁰ См. Федотова В.Г. Методология истории сегодня. – Новая и новейшая история, 1996, № 6, с. 60–63.

¹¹ В прошлом году И. Пригожин стал почетным президентом открывшегося в Московском государственном университете Института математических исследований сложных систем, директором которого является ректор МГУ В.А. Садовничий. – См. "Открытия из хаоса". – Московский Университет, 1995, № 10.

¹² Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.

¹³ Там же, с. 70.

Добавим, что общность методологической структуры социального и естественно-научного познания получает еще одно подтверждение; теперь не только социально-гуманитарные науки привлекают математические и естественно-научные методы, но и естественные науки входят в соприкосновение с индивидуализирующими, описательными подходами. Большую роль в этом процессе играет новая междисциплинарная область, получившая название "синергетика", теория самоорганизации (от греческого слова "synergeia" – совместное действие).

Оказалось, что эта теория имеет достаточно общий характер, она дает аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов, хаотизации и альтернатив развития в самых разных науках – естественных и социальных (в последние годы и у нас, и за рубежом делаются попытки применения этой теории в исторических исследованиях). Возможно, количественная история расширит свой арсенал методов за счет синергетики. Что ж, так было, собственно, всегда. Факторный анализ, используемый историками, был создан в недрах психологии, контент-анализ был разработан социологами, хорошо зарекомендовавшие себя методы работы с историческими текстами (алгоритмы атрибуции, генеалогии текстов) уходят корнями в филологию, лингвистику. Коэффициент корреляции придумал вообще биолог – для биометрики. Это уже потом становится очевидным, что тот или иной метод имеет более широкую сферу применения, приобретает междисциплинарный характер. И это нормально. Новые методы количественного анализа появляются в тех областях социальных наук, где сформировалась соответствующая среда, появилась достаточно высокая культура квантификации, математического моделирования. Думается, что и в дальнейшем науки, сохраняя свою специфику, будут обогащать друг друга. На этом пути находится и историческая информатика.

© 1997 г.

А.К. СОКОЛОВ

"МЕДЛЕННАЯ НАУКА"

П. Доорн верно заметил, что вопросы, поднятые в его докладе, во многом перекликаются с затяжными и застарелыми спорами о природе истории как науки, о возможностях и пределах применения в ней математических методов, моделировании исторических явлений и процессов. Каждый раз в этих спорах обозначались своего рода крайности, доходящие до ругательств и взаимных оскорблений. На сей раз "возмутителем спокойствия" стал немецкий ученый М. Таллер.

Новый виток раскручивания старых споров связан с определенным качественным этапом развития так называемого компьютеринга в истории. Если говорить об использовании компьютеров вообще, то вряд ли сегодня найдется какой-либо замшелый историк, который будет оспаривать очевидные преимущества современной компьютерной технологии и связанного с нею процесса всеобщей информатизации, который захватывает и область исторических знаний. Но речь идет о компьютерном моделировании и о том, на что должны направить усилия те, кто, собственно, и занимается разработкой этого вопроса в исторической науке: или моделировать источник, оставая в стороне проблемы реконструкции исторических явлений и процессов, или же главным в содержании "исторического компьютеринга" должно быть как раз последнее. В связи с такой постановкой вопроса был затронут и другой – на каком пути возможно достигнуть большего понимания между "модельерами" и остальными историками. П. Доорн решил откликнуться на эту полемику, попутно выразив свое мнение по целому ряду важнейших методологических проблем и как бы заново прокрутив значи-

---

Андрей Константинович Соколов – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

тельный пласт историографии, посвященный проблемам моделирования и применения количественных методов в истории.

Прежде всего надо констатировать, что ни проблемно-ориентированный, ни источник-ориентированный подходы в "историческом компьютеринге" все-таки не снимают вопроса о непонимании смысла и назначения моделирования в истории. Историки в силу специфики своей профессии будут так же, если не больше, не любить компьютерные модели источников, как и любые другие, им предлагаемые. Значит, по сути остается старый спор о возможностях и пределах применения моделирования в истории, которое почему-то очень часто идентифицируют только с математическими моделями, применением статистических и количественных методов в исторических исследованиях. П. Доорн лишней раз подчеркнул многообразие понятий моделей в процессе научного исследования и, если под моделью понимать редуцированное (в любой форме) отображение действительности, то многие историки будут неприятно удивлены, если их уличить в использовании подобных моделей, а сделать это не составляет труда, ибо имплицитное моделирование – свойство человеческого мышления. Другое дело – осознанное, явно выраженное моделирование. Ладно, если оно будет представлено в виде некоей теоретической конструкции. Но если речь идет о более абстрактных и формализованных вещах, тут-то и возникает большинство проблем, связанных с непониманием и отторжением.

Многие положения и выводы, изложенные П. Доорном, чрезвычайно импонируют, хотя, надо признать, достигаются они путем сложных и изощренных умозаключений. Может быть, благодаря тому, что в нашей исторической науке существовала и существует такая официально признанная научная дисциплина, как источниковедение, ряд спорных вопросов, связанных с проблемами применения разного рода новаций в истории, решался все-таки более просто и органично. Даже если основное сообщество профессиональных историков не было склонно считаться с разработками в этой области, больше полагаясь на формулу: каждый – сам себе источниковед, все же в нашей отечественной историографии был своеобразный культ источника. Подавляющее большинство профессиональных историков разделяет мнение, что без источников истории нет. А раз так, то любая форма источниковедческой работы получала статус научного знания, независимо от того, была она востребована или не востребована историками. Если продолжить эту мысль, то и компьютерное моделирование источника вполне укладывается в развитие этой дисциплины. Даже если есть непонимание, то существует, по крайней мере, уважение. Непонимание возникало всякий раз, когда источниковеды начинали предлагать все более сложные способы реконструкции исторических фактов на базе источников.

Как бы то ни было, капля за каплей они вносили свой вклад в представление о том, как должно строиться историческое исследование. Это правда – историки не любят заниматься познавательным базисом своего предмета, особенно когда эпистемология облекается в форму чисто теоретических конструкций, но это не значит, что они начисто лишены интереса к пониманию смысла и значения своей профессии. Мне не хотелось бы вслед за Питером Доорном углубляться в историографию вопроса, тем более, что к ней пришлось бы добавить длинный шлейф доморощенных взглядов на сей счет. Но все же некоторые позиции следует уточнить.

Верно, что идиографический метод в истории является ведущим, как верно и то, что историк, даже если бы захотел, не может обойтись без определенных правил, процедур, категорий и т.п., т.е. неизбежно использует элементы номотезиса. Каково соотношение того и другого, и насколько выиграет или пострадает история от того, если последние будут занимать в ней больше места? Возможна ли какая-то средняя норма? Думаю, – да.

Здесь необходимо принять во внимание некоторые особенности профессии историка. Историческая профессия консервативна уже в силу своего предмета – обращения к прошлому. В истории велика роль неполного, предположительного знания, интерполяций и экстраполяций, интуиции, озарения, однако вне связи с источниковед-

ческой работой – им грош цена. Настоящее знание достигается путем многолетней, упорной работы с источниками. Аккумуляция знаний в истории играет огромную роль. Крупных молодых историков – единицы. Различные формы обобщения (генерализации) в историческом исследовании имеют специфическую форму. Это и утверждения историка, и "объяснительные наброски", и обобщенные в особую форму, привязанные к месту и времени теории – так называемые теории среднего уровня. Выход историков на более высокие уровни генерализации затруднителен и опасен.

В самом деле, изучив закономерности индустриализации в России в конце XIX – начале XX в., можно ли, не проделав такой же работы, судить об индустриализации, например, в Китае. В то же время проведение историко-сравнительных исследований повышает обоснованность и надежность исторических построений, уровень их генерализации. Чтобы достигнуть этого, полезно использование математических методов и моделей. Лучше, если это будет делаться с учетом специфики исторической науки, с использованием традиционных элементов исторического познания, рассказа, повествования. Думаю, что история в той же мере искусство, как и другие области научного творчества, а, может быть, даже в большей степени. Но лично для меня нет сомнения, что история – наука, ибо она имеет все необходимые для этого признаки, хотя и несколько отличные от других наук.

Верно, что истории свойственна повторяемость (цикличность). Согласен, что история – "медленная наука". Она тащит за собой груз нерешенных до конца проблем и противоречивых объяснений. В силу этого и вопросы, которые поднимает история, кажутся вечными. Этим, скорее всего, объясняется нашествие дилетантов в эту область. История, кроме того, имеет значительно больший общественный интерес и более широкие общественные функции, чем, может быть, другие области научного знания. Но история – наука в силу хотя бы того, что она имеет свой предмет, свои методы исследования, и прогресс истории как науки – очевиден. К четырем доказательствам роста научно-исторического знания, указанным П. Доорном (по М. Финли), следует добавить еще активное вторжение истории в сферы, которые ранее вообще не подвергались изучению, постановка этих вопросов, о которых раньше и не помышляли, принятие на вооружение таких составляющих исторического процесса, которые раньше вообще не принимались во внимание.

Сказанное относится и к вопросу о "хлебе истории" – историческим источникам. Мы часто недооцениваем экспериментальное значение источниковедения, которое лично я рассматриваю как творческую лабораторию исторической науки. Да и факты, которые сообщаются в источниках, – разные. Факты-события могут быть засвидетельствованы с весьма высокой степенью точности и, по меркам истории, не хуже, чем в физике, если они повторяются в источниках неоднократно. Но почему-то, как только нужно продемонстрировать неточность исторического знания, взор сразу обращается в "темные века". Впрочем, устранение противоречий и докапывание до истины – дело профессионального историка. Реконструкция более сложного факта есть более сложная система аргументации, которая страдает от субъективности исследователя. Верно то, что от нее никогда не избавиться, но и стремиться к этому необходимо, не взирая на бесконечные споры по поводу интерпретации сведений того или иного источника. Но мне лично кажется, что сегодня проблема в другом.

Историческая наука, если мы признаем ее таковой, а также признаем прогресс, ею достигаемый, должна ставить раз за разом более сложные проблемы, которые в источниках могут отражаться весьма опосредованно, требуют мобилизации большого количества сведений из разных источников, применения приемов извлечения скрытой, не явно выраженной информации. К примеру, проблема эволюции общины, на сложность изучения которой ссылается М. Таллер. Недавно один из моих друзей, обратившись к этому сюжету, жаловался на отсутствие источников. Думаю, что он не совсем прав. Одновременно хорошо известно, что каждый источник отражает лишь определенные фрагменты или кусочки действительности. Иначе говоря, перед историками все острее встают вопросы источниковедческого синтеза.

В свое время отечественные источниковеды пытались решить его через критерий изоморфизма, т.е. конструирования источниковедческой базы, подобной объекту или предмету исследования, правда, на практике этого никто не продемонстрировал. Думается, что моделирование в данном случае будет как раз к месту.

Кажется, что введение в отечественное источниковедение понятия "массовые источники" оказалось весьма полезным, поскольку довольно отчетливо обнажило несовершенство и неразработанность ряда методологических вопросов исторического исследования. Возможно, что и сам термин нуждается в уточнении, на что указывают споры, которые ведутся сегодня источниковедами. Но в общем стало ясно, что речь идет об изучении исторических систем, их динамики, ориентации на установление исторической закономерности, т.е. принципиально другом подходе в источниковедении. В этом случае легко обнаруживается бесперспективность какого-либо беспредметного источниковедения, которое может превратиться в "века бесконечного сбора данных". Особую роль приобретает постановка задачи и формулирование гипотез, вытекающих из предшествующего опыта исследования.

Само собой разумеющимся считалось, что по отношению к массовым источникам наиболее адекватны статистические методы исследования. Но, как уже было сказано, историк не ограничивается только системными построениями. Для воссоздания полноты исторической реальности ему нужны и любые другие приемы, вплоть до самых изощренных воздействий на читающую публику (не в ущерб истине, разумеется), и любые другие подходы к источникам. Можно ли "впрячь в одну телегу коня и трепетную лань"? Оказывается, что при соблюдении определенных условий – можно.

Не очень понятна та запальчивость, с которой говорится в полемике о возможностях и границах применения статистических методов. Тут, надо согласиться, многое связано с преувеличенными ожиданиями того, что они могут дать. Спрашивается, а с какой стати возникли эти ожидания у историков? Почему в других науках, которые постоянно пользуются статистическими методами, этот процесс идет не так болезненно? Разочарование М. Таллера, которое привело его даже к отрицанию точности обычной статистики, П. Доорн назвал слишком сильной реакцией, правда, и его вывод о том, что статистика помогает историку очень ограниченно, особым оптимизмом не отличается.

Между тем историки, как известно, очень часто пользуются методами описательной статистики, и это не только не создает особых проблем, а рассматривается как достоинство исторических сочинений. То, что переход на уровень продвинутой статистики, которая, собственно, и связана с математическим моделированием, действительно сопряжен с большими трудностями для историков, в общем-то известно. П. Доорн, демонстрируя немалую пользу обращения к такому моделированию, одновременно как бы советует квантификаторам быть скромнее. Но я все же полагаю, что вызовы, смелые суждения, широкие обобщения и т.п. в равной степени могут быть свойственны и не свойственны как квантитативной, так и квалитативной истории. Это зависит от общей культуры историка. В ней более совершенные приемы, средства и методы всегда должны занимать достойное место. Но надо их применять, повторю я вслед за автором, и кто знает, какие еще новые горизонты в связи с этим могут открыться.

СТАРАЯ ОПЕРА О ГЛАВНОМ

Питер Доорн в докладе поднял очень важные – для развития как науки истории в целом, так и исторической информатики, в частности, – вопросы. Я бы выделил три основных уровня вопросов:

1-й, философский. Является ли история наукой? В каком соотношении находятся гуманитарные и точные науки?

2-й, методологический. Как соотносятся количественные и "качественные" подходы в исторической науке?

3-й, источниковедческий. Как соотносятся "источнико-ориентированный" и "проблемно-ориентированный" подходы?

Именно содержание третьего вопроса вызвало у П. Доорна поток ассоциаций, сравнений и выходов на более высокие уровни. И именно оно представляется наиболее важным в нынешнем контексте.

И здесь, опираясь на уже сложившуюся под влиянием исторической информатики и клиометрии привычку структурировать все, я выделил бы предмет исследования, цели и задачи трех разных уровней: исторической информатики как научной дисциплины; любого специалиста-историка, так или иначе применяющего компьютерные методы; научного сообщества, объединяющего этих историков.

В принципе термины "историческая информатика" и "компьютерное источниковедение" являются синонимами. Историческая информатика возникла как отражение процесса появления и накопления исторических источников нового типа – машиночитаемых, и в этом смысле ее можно считать разделом источниковедения, связанным с изучением формирования, представления, хранения и использования исторических источников в машиночитаемой форме. В таком понимании любой тип источника – письменный, изобразительный, фотодокумент, – представленный в памяти компьютера, автоматически становится объектом изучения для исторической информатики.

Что касается "аналитической компоненты", то она действует не в рамках исторической информатики как научной дисциплины, а на уровне конкретного исследователя либо конкретного научного сообщества. История пишется историками, которые являясь личностями, обладающими свободой воли. И никто не в состоянии заставить исследователя оставаться на уровне критики источника, равно как и обязательно переходить на уровень исторической интерпретации. Это дело самого специалиста, который может остаться "чистым источниковедом", полностью сосредоточившись на этапе критики источников и их полноценного представления в памяти компьютера. Но большинство историков, безусловно, пойдет дальше, раскрывая суть поставленных проблем и рисуя то или иное историческое полотно.

Вспомним предложенное Л.И. Бородкиным разделение научного сообщества в области исторической информатики на три группы: разработчики новых подходов, алгоритмов, программ и технологий; квалифицированные пользователи; историки, просто осознавшие необходимость применения компьютера. Первая состоит из профессионалов в области исторической информатики как специфического компьютерного источниковедения, т.е. исследователей, работающих в области собственно источниковедческой научной дисциплины. Вторая и третья группы могут совмещать (но совсем не обязательно!) в себе компьютерных источниковедов, может быть менее профессиональных, чем представители первой группы, и историков в обычном понимании этого термина.

Все сказанное об исследователях полностью относится и к целям и задачам научного сообщества. Оно совсем не обязано включать в себя только "компьютерных источниковедов" и замыкаться исключительно на источниковедческих проблемах. Но только вопросы, например, преподавания с использованием компьютера надо включать в цели и задачи научного сообщества, а не исторической информатики как научной дисциплины – ведь эти вопросы относятся уже даже не к истории, а к методике преподавания как частной дидактике.

Вывод, следующий из этого: "Историческая информатика" и "История и компьютер" – далеко не синонимы, более того, первое понятие неизмеримо уже второго. И большинство членов нашего сообщества, даже преподающих предмет "историческая информатика", на самом деле имеют к "исторической информатике" опосредованное отношение, преимущественно через то направление, которое мы называем "История и компьютер"¹.

Соответственно, представители разработчиков как раз и связаны в первую очередь с тем, что мы называем "источнико-ориентированным подходом". Не удивительно, что именно они иногда выражают определенные сомнения в возможности той отдачи от источника, которую подчас требуют представители второй и третьей групп; эти последние, не будучи глубокими специалистами в вопросах информатики, как раз и являют собой то, что получило название "проблемно-ориентированный подход".

Относя себя к этой последней части исследователей, я согласен с очень многими вещами, о которых пишет П. Доорн. Наверное, многие из нас прошли через безграничную веру в возможности статистики и остались в итоге если не разочарованными, то, по крайней мере, отрезвленными и сомневающимися. "Если применение статистики и учит чему-нибудь, так это то, что действительность всегда намного сложнее, чем мы ее представляем", – слова П. Доорна, но под ними, как мне кажется, подписался бы и любой "источнико-ориентированный" специалист.

Если рассматривать оба подхода с точки зрения предмета исследования истории и исторической информатики, то оба они являются стадиями исторического исследования; точно так же источниковедческая работа предшествует собственно исторической интерпретации информации, содержащейся в источнике. Оба подхода могут существовать параллельно. Таким образом, если снять подмену одних терминов (история, историческая информатика) другими (историки, специалисты в области исторической информатики), то вроде бы все встает на свои места.

Нужно не бросать вызов друг другу, а идти рука об руку той дорогой, которая ведет к истине. Да, все мы разные, на одном фланге в центре внимания находится исторический источник как таковой и способы его представления, а на другом речь ведется только о концепциях и теориях, но никто из нас не может существовать без остальных. И представление исторических данных в информационной системе – это такая же реальная цель исторического исследования для части всемирного исторического сообщества, как историческое объяснение и создание новой концепции или теории для другой.

---

¹ Отметим, что в публикациях международной ассоциации "History and Computing" эти термины рассматриваются как идентичные. – *Прим. ред.*

Д Ж . М . В Е Л Л И Н Г

КОМПЬЮТЕР И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

"Как гуманитарий, я вынужден ответить, что почти все важные вопросы важны именно потому, что не допускают количественных ответов", – писал Артур Шлезингер в 1962 г.¹ Пожалуй, большинство историков до сих пор согласно с этим заявлением.

Применение информационных технологий в гуманитарных науках не было гладким процессом. Хотя после появления микрокомпьютеров обработка текстов быстро стала наиболее распространенной сферой их применения, историки не спешили раскрыть для себя возможности нового средства. Когда же информационные технологии неминуемо вторглись на гуманитарные факультеты, то лингвисты, а не историки, оказались в авангарде новых пользователей. Чем это можно объяснить? Тем, что компьютер меньше подходит для исторического исследования, чем для лингвистического, или причины следует искать в традиции, менталитете и навыках? Какие факторы помешали быстрому введению компьютеринга в исторической науке?

Компьютеринг развивался, исходя из потребностей точных наук, а связи между гуманитарными и точными науками не всегда были столь прочными, какими они становятся в наше время. В течение некоторого времени историки рассматривали компьютер как еще одну научную игрушку, такую же, как телескопы, радары, рентгеновские лучи, калькуляторы и прочие инструменты, которые были им непонятны. Точные науки всегда полностью доверяли эмпиризму: тесты и эксперименты являлись способом доказательства правильности теорий. Эти тесты требовали применения все более сложного оборудования. Компьютер не внес в науку нового способа мышления. Формализация теорий с целью создания возможности их экспериментальной проверки и применение статистики для измерения результатов тестов были научной практикой в течение долгого времени. Истории же не испытывали надобности в сложном оборудовании для своих исследований: острый карандаш, бумага, да хорошо подобранная библиотека были их единственными необходимыми условиями. Путешествие во времени – тема для научной фантастики, а не для серьезной истории, историки не могут проверить свои теории так, как это могут сделать социологи.

В отличие от социолога у историка нет возможности вернуться к автору источника и попросить у него разъяснения некоторых вопросов. Используя свое знание периода, собранное из разных источников, историк может создать интерпретацию прошлого. Он может сформулировать вероятную причинную связь между историческими фактами. Я согласен с П. Доорном: причинная связь в истории – всегда итог исторической интерпретации и является возможностью, а не доказанным несомненным фактом.

Исторические дисциплины не имеют традиции тестирования, они, скорее, собирают и интерпретируют. Существует иерархия этих видов деятельности: интерпретация ценится значительно больше, чем собирательство. Сбор фактической информации имеет очень невысокий престиж. Им занимается "мелкая сошка" среди профессиональных историков. "Высшая лига" историков читает их труды и использует содержащиеся в них данные для синтеза общей картины. Таким образом, сейчас, когда компьютеринг наконец-то нашел дорогу в историческое исследование, утверждение тех, кто его практикует, что они хотят быть "источником-ориентированными", бесполезно для их репутации. Недавно это привело к внутренне противоречивой тенденции в развитии исторической информатики – сместить акцент исследования с "источниковой

Д-р Джордж М. Веллинг – преподаватель кафедры информатики факультета гуманитарных наук Гронингенского университета, Нидерланды.

¹ Schlesinger A., Jr. The Humanist Looks at Empirical Social Research. – American Sociological Review, XXXVII (Dec., 1962), 770. Quoted in: Quantification in American History. Theory and Research. Ed. by R.P. Swierenga. New York, 1970, p. XI.

ориентации" на "предметную ориентацию" подчеркивая в то же время необходимость получения осязаемых результатов, предпочтительно в статистической форме. Эта тенденция пока объединяет группу историков, занимающихся компьютерингом, с "квантификаторами", которые также обитают на периферии исторического ремесла.

Думаю, что мы не с того конца рассматриваем процесс создания исторического знания. Применение компьютера может дать интересные результаты не на этапе аналитической работы (если только вы не имеете дела с количественными данными), а на этапе репрезентации исторического знания, где разнообразные возможности компьютера будут оказывать значительное воздействие на профессию историка. Представление исторического знания нелинейным путем в форме гипертекста – внове для историка, но оно обладает замечательной возможностью показа интерпретации истории вместе с тем рядом данных, на котором эта интерпретация основана. Это наконец-то придаст истории одну из тех черт научности, которых ей до сих пор не хватало: исследование может быть повторено, если представлены данные и методы.

© 1997 г.

М.В. АСТАХОВ

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Дискуссия П. Доорна и М. Таллера вновь поднимает принципиальные вопросы научно-исторического познания. П. Доорн сравнивает эволюцию методов исторического познания с "мыльной оперой", заиклившейся в рамках недоразумений и взаимных непониманий. Повод для таких оценок ему дали иллюзии, порожденные в зарубежной историографии абсолютизацией квантитативного подхода в 70-е годы. Эти иллюзии исчерпали себя к концу 80-х годов. И опять перед большинством историков встали методологические вопросы, на которые они так и не получают приемлемые для всех ответы.

В советской и российской исторической школе в целом не было абсолютизации количественных методов, а если и была, то лишь у отдельных исследователей. Однако и у нее была своя "мыльная опера", даже две. Одна строилась на "серийном" переписывании истории вслед за колебанием политического курса коммунистической партии. Другая – вяло протекала от одной теоретической дискуссии до другой, каждая из которых регулярно обнаруживала: сколько историков, столько и пониманий теоретических вопросов.

Первый "сериал" породил тип советского историка, лишенного, по сути, собственного мнения. Он до сих пор, к сожалению, представляет, как мне кажется, большинство. Меньшинство же имело свое мнение и участвовало во втором "сериале". Дискуссии о социальной сущности или причинах тех или иных исторических явлений, событий и процессов, однако, сводились к обмену мнениями или приведению новых фактов и завершались ими же. Попытки решить теоретические вопросы эмпирическими методами успеха дать не могли. А дискуссионные рассуждения – даже, если в них использовалась понятийная терминология – по своей логике, по своим методам не достигали уровня теории, оставаясь в русле обыденного сознания. Самостоятельные же теоретические исследования в советской исторической науке считались выходящими за рамки ее предмета и задач.

Астахов Михаил Викторович – кандидат исторических наук, доцент Самарской государственной экономической академии.

В условиях кризиса марксистской философии истории – исторического материализма и формационной концепции, а также полученной свободы научного мышления под вопрос оказались поставленными все методологические вопросы историко-научного познания. В российской исторической науке в условиях методологического кризиса наметился переход от рационализма к интуитивизму, фактически – к отказу истории в статусе науки. Это делает актуальной для нас полемику П. Доорна с М. Таллером.

Современное конкретно-историческое исследование решает одновременно различные задачи: восстановление цепи исторических фактов; объяснение событий – выявление социальной сущности и причин исторических событий; формирование воспитательной исторической картины, исходя из патриотических или политических интересов, путем поиска, анализа и систематизации необходимых для этого исторических фактов и "правильного" сочетания позитивного и негативного исторического материала.

В рамках одного исследования эти задачи принципиально не могут быть решены одновременно. Каждая из них требует особого самостоятельного вида историко-познавательной деятельности и самостоятельного исследования. Эти три разных вида исторического познания имеют различные предметы познания и разные методы, порождают три типа исследований, три типа историков, связанных с фактологической историей, аналитической историей и политико-воспитательной историей. Причем лишь первые два вида познания являются научными по своим целям и методам.

В конкретно-исторических исследованиях они объединены, но, как правило, одно из направлений является доминирующим. Поэтому ни одно из первых двух научных направлений не решает качественно свои научно-исследовательские задачи.

Историки не владеют в должной мере теоретическими методами исследования. Большинство историков убеждены, что самостоятельное теоретическое исследование исторических проблем не является собственно историческим исследованием, выходит за рамки исторической науки. Многие историки наивно надеются, что теоретические проблемы исторической науки будут решать специалисты других наук, а у них, как всегда, достаточно своих проблем. Именно поэтому будущих историков в вузах не обучают владеть теоретическими методами исследования, потому что, как правило, некому обучать, да считается, что и незачем.

Общество или общественная жизнь, в настоящем или прошлом, представляет из себя наиболее сложную реальность, которая может быть объяснена только с помощью наиболее сложной теории. Последнее, в свою очередь, требует владения самыми сложными методами и формами теоретического мышления. Острое противоречие между антипатией большинства историков к теоретическим исследованиям и объективной потребностью владения наиболее сложными формами теоретического мышления может быть разрешено только путем практического разделения и специализации в рамках исторической науки фактологических и теоретических исследований, признания их взаимной необходимости и взаимной дополняемости, как это давно уже произошло в естественных науках.

"НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ" В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И РАЗНОГЛАСИЯ В ПОЗНАНИИ

"Непонимание" – это провал попытки полного понимания, ведущий в результате к неправильному пониманию или осознанию и, следовательно, к недостаточному усвоению, восприятию и использованию. Эта проблема отличается от проблемы неправильной интерпретации; последняя часто следует за первой. "Непонимание" может возникнуть за счет сложности предмета, за счет ограниченности лектора, писателя, преподавателя или слушателя, читателя, ученика, проблем коммуникации при создании или восприятии чего-либо, в процессе передачи, а также в зависимости от точности или неточности средств передачи. Но подлинное различие во мнениях хорошо информированных людей, которое ведет к поляризации позиций (например, конфликт противоположных целей, который должен быть разрешен политически) или разница в точках зрения, коренящаяся в полученном образовании, индивидуальной психологии, положении в обществе или имеющемся опыте – это не просто непонимание, а существенное, решающее различие. П. Доорн отмечает, что различия, которые мы считаем существенными в подходах к собственно предмету, а также в практической деятельности историков, их предпочтениях относительно методов анализа, а также способов коммуникации в процессе создания и передачи исторической информации, по сути являются просто непониманием. Хотя, на первый взгляд, его примирительное эссе можно интерпретировать как попытку дипломатического и методологического экуменизма, замечания Доорна не очень-то лестны для историков. Его тезис на уровне современных дебатов относительно противопоставления в историческом исследовании модельно- и источник-ориентированных подходов, используя термины М. Таллера, является продолжением давних непониманий, появившихся отнюдь не с пришествием компьютеринга в историю в 1960-х, но гораздо раньше, когда дисциплины стали делить на "точные" и "неточные". Выступление Доорна лишь усиливает это противопоставление: нарративная или описательная история в противоположность эмпирической и аналитической истории, уникальность в противоположность генерализации.

П. Доорн борется с принципом абсолютной и точной предсказуемости как критерием классификации дисциплины в качестве науки, выносит обвинительный приговор идеалу точной науки, отличающейся от оперирования данными с позиций вероятности или возможности, как это приходится делать историкам в силу специфики своих несовершенных или "размытых" данных. Из рассуждений П. Доорна следует, хотя он явно и не высказывает этого, что можно выявлять тенденции или общие направления развития, вероятные статистически, а часто интуитивно, но нельзя с той же долей вероятности получить какие-то более конкретные результаты.

Почему именно моделирование вызывает такие разногласия, ведь под разными другими названиями – сценарий, генерализация, контекстуальный подход, широкая интерпретация – историки всегда использовали этот метод? Источник-ориентированный подход, могут возразить мне, является попыткой сохранить данные в их историческом соответствии, а не трансформируя их в соответствии с сегодняшними представлениями. Это, в сущности, позиция архивистов, отражающая их *respect du fonds*¹ и принципиальный интерес к происхождению памятников, часто совершенно от-

---

Д-р Лоренс МакКранк – декан библиотечно-информационного факультета университета Феррис, штат Массачусетс, США.

¹ С уважением к фондам. – *фр.*

сутствующий у исследователей, занимающихся социальными науками. Вопрос не о том, использовать ли модели, а о том – какие? В базах данных, создаваемых историками, то есть в развитии электронных архивов, предпочтительно сохранять данные в контексте, связывать их с метаданными, хранить сведения о трансформации данных и структуре информации, поскольку современные технологии приспособлены к комплексной обработке распределенных наборов данных и даже позволяют работать с ними в компьютерных сетях. Если же речь не идет о собственно использовании моделей или самой идее моделирования, то исходит ли разница во мнениях из самого процесса, метода и способа представления данных? Является ли разрыв между аналитической и описательной историей выражением противоречия между математическим или формализованным описанием и естественным языком? Являются ли расхождения исторических школ отражением более глубоких методологических расхождений?

Я подозреваю, что существует нечто более глубокое, чем простое непонимание, проявляющееся в спорах о количественных моделях и компьютеринге, которые можно описать как разногласия профессионального познания. Это могло бы объяснить некоторые из шумных и эмоциональных дебатов, происходящих в США и других странах, а также обилие грязи первых энтузиастов компьютера, атаки на личности и профессиональный остракизм. Как можно рационально объяснить неджентельменские высказывания, хотя история в общем-то является наукой джентльменской, президента Американской ассоциации историков, публично бичевавшего "Богиню Болтовни" за то, что она "путается" с компьютером и квантитативными данными?

В более современных терминах деконструктивизма и постмодернизма это может быть описано в противопоставлениях: история или научная фантастика или, выражаясь техническим жаргоном, реальная или виртуальная история. Это законное беспокойство об истории как науке и разумная осторожность, присущая всем историкам. На карту поставлен вопрос о реальности и иллюзии ее воссоздания.

© 1997 г.

В.Л. Н О С Е В И Ч

ИСТОЧНИК ИЛИ АНАЛИЗ?

Историки, как, наверное, и другие ученые, проводят основную часть своей профессиональной деятельности в одном из двух состояний: они либо узнают что-то новое в процессе исследования, либо ожесточенно спорят и философствуют о смысле своей науки, формулируют и критикуют критерии разных подходов и порождают прочие непонимания, которые П. Доорн называет "мыльной оперой". В этой связи вспоминается притча о Сократе, советовавшем молодому человеку обязательно жениться: "Если тебе попадетсЯ хорошая жена, ты будешь счастлив, если плохая – станешь философом".

Не хотелось бы придавать этой притче универсальный смысл. Иногда игра в "мыльную оперу" ведется для разрядки, ради удовольствия. Но все же обычно тяга к дискуссиям свидетельствует о том, что процесс узнавания нового затруднен или перестал почему-то приносить удовлетворение. Когда ученый увлечен исследованием, вопрос о том, занимается он наукой или искусством, обычно не возникает. Болезненный кризис начинается, когда убеждаешься, что приращение суммы фактов по

Носевич Вячеслав Леонидович – кандидат исторических наук, руководитель отдела Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь.

сути ничего уже не добавляет к сформировавшемуся общему представлению. Тогда-то и начинается поиск новых подходов и спор о том, какой из них лучше. Если один из этих подходов начинает эффективно работать и исследование снова становится творчеством – проблема снимается сама собой. Затянувшийся спор об источнико-ориентированном и проблемно-ориентированном подходах свидетельствует, что ни один из них еще не проявил себя как следует.

П. Доорн категорично утверждает: "Мой единственный призыв – чтобы в центре внимания был анализ, а не источник". Эта ветряная мельница столь вызывающе машет крыльями, что возникает подозрение: искренне ли П. Доорн так считает, или его категоричность диктуется правилами той игры в "мыльную оперу", в которую он с удовольствием играет. Я целиком солидарен с ним в том, что деятельность историка теряет смысл, если не воплощается в модель изучаемого явления, в идеале – в наглядную, действующую компьютерную модель.

Ни анализ, ни источник, ни что-либо еще не должно застревать в центре внимания навсегда. Конечная цель одна – чтобы процесс исследования был творческим и приносил радость, сколь бы вопиющим субъективизмом или эгоизмом это ни показалось. Я не верю, что кому-либо может быть интересно то, что не интересно самому исследователю. Если узнавание нового затрудняется качеством источников или отсутствием эффективных методов работы с ними, тогда источник помещается в центр внимания. Его изучение должно вестись всеми научными методами, которые можно применить. И здесь история ничем не отличается от минералогии или криминалистики.

Когда с источником все более или менее ясно, в центр внимания перемещается анализ, то есть в конечном счете создание модели, при этом источник не исчезает из поля зрения, а смещается на периферию. Как минимум, ученый должен восстановить, насколько позволяют сохранившиеся свидетельства, реальный ход и последовательность событий, а по возможности – и мотивы их участников. В этом он абсолютно тождествен следователю и участникам судебного разбирательства, хотя цель у него и иная – не осудить или оправдать, а просто выяснить, как было дело.

© 1997 г.

О. Б О О Н С Т Р А

ПИТЕР ДООРН И АРХИВ НЕПОНИМАНИЙ

В царстве исторической науки живут историки и архивисты. И те, и другие имеют дело с историческими данными, но обращаются они с ними совершенно по-разному.

В докладе П. Доорн приходит к такому заключению: "Если окончательный ответ источнико-ориентированного подхода состоит в том, что кодирование недопустимо, так как интерпретация всегда может быть оспорена, то это в действительности означает конец любого анализа – и количественного, и качественного". Это абсурдное утверждение. При источнико-ориентированном подходе вовсе не утверждается, что кодирование недопустимо; в действительности принцип такого подхода имеет двойную природу. Прежде всего, мы должны точно знать, где и когда к данным добавляется интерпретация и в чем она состоит. И второе – безусловное требование источнико-ориентированного подхода состоит в том, чтобы в любой момент и в любом фрагменте данных можно было снова отделить интерпретированные данные от ори-

---

Д-р *Онно Боонстра* – преподаватель кафедры истории Неймегенского католического университета. Нидерланды.

гинальных. Такое хранение исходных и интерпретированных данных позволит другим исследователям, не довольствующимся чужими интерпретациями, иметь возможность самостоятельно использовать данные, добавляя к ним по желанию собственную интерпретацию.

В повседневной жизни П. Доорн является директором голландского Архива исторических данных. Но по его работе не скажешь, что он архивист. И, по моему мнению, из его выступления видно, что он также и не историк. Он говорит, что его призыв – чтобы в центре внимания был анализ, а не источник. Я думаю, что историк бы сказал, что, конечно, анализ должен быть в центре внимания, но именно поэтому – также и источник.

© 1997 г.

В.Н. СИДОРЦОВ

СЦИЕНТИЗМ ИЛИ ПОСТМОДЕРНИЗМ?

Это замечательно, что в нашей области есть такие крупные специалисты, как П. Доорн и М. Таллер. Завидной для нас является та корректность, с которой они ведут между собой научный спор. Это говорит, во-первых, о том, что каждый из них глубоко убежден в своей правоте, и, во-вторых, что каждый из них прав по-своему. А общая польза для всех очевидна: все более проникаешься осознанием сущности и возможной сферы применения как проблемно-ориентированного, так и источниково-ориентированного подходов в историческом исследовании.

В этом споре находят отражение основные подходы, которые прослеживаются в истории мировой исторической науки – объективизм и релятивизм. М. Таллер, искренне веривший в возможность "полного" отражения источниковой информации в базе данных, столкнулся с проблемой относительности такого отражения. Аналогией могло бы послужить критическое рассмотрение исторического факта как чего-то реального при становлении "новой исторической науки" в начале XX в. Ч. Беккер, президент Американской исторической ассоциации, заявлял, что сами исторические факты ни о чем не говорят, они представляют собой продукт воображения историка, причем принципы их отбора задает современность, она же определяет способ их понимания.

То же самое можно сказать и по отношению к историческому источнику. Постоянно совершенствующиеся методы познания определяют степень "полноты" их раскрытия, но не по отношению к самому источнику, а по отношению к нашим прежним знаниям о нем.

Сидорцов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета, Минск.

МОДЕЛИ ПИТЕРА ДООРНА И ИСТОРИКИ

Дискуссия вокруг доклада П. Доорна показывает, что часть спорных моментов коренится в самой природе истории. Поскольку предмет истории не ограничивается только человеческим обществом, но включает в себя и окружающую его природную среду, а также его представления о ней, проблемы, рассматриваемые в истории, неоднородны. Для меня является само собой разумеющимся, что не существует одного стандартизированного подхода к решению исторических проблем. Именно по этой причине число вспомогательных исторических дисциплин очень велико, начиная от антропологии и кончая исторической информатикой. Все они имеют свои специфические подходы, помогающие отвечать на вопросы и разрешать проблемы. И специфика этих подходов отнюдь не исчезает, когда они используются в историческом исследовании.

Трудно определить, является ли история наукой или искусством. Скорее это открытая территория, где каждый может искать ответ на вопрос, не разрешимый удовлетворительно в других областях знания. По-видимому, существует одно и только одно правило, по которому можно отличить "плохую" историю от "хорошей" – это желание и способность историка сравнивать свою работу с работами других исследователей в этой области и отстаивать свое мнение в дискуссиях. То есть, работа исследователя должна иметь смысл для других; индивидуальность подхода – вот что имеет значение, а не правильное использование некоторых стандартных процедур. Различные методы дают различные, но априори равноценные и интересные ответы.

Предмет нашей дискуссии удачно сформулировал М. Таллер, приравняв создание "источничко-ориентированной" модели данных к "изданию" источника. Выбор между "источничко-ориентированным" и "проблемно-ориентированным" подходами напрямую зависит от функции, которую должна выполнять база данных, или, повторяя слова П. Доорна, задачей проблемно-ориентированного подхода является ответ на исторический вопрос на идейном уровне, тогда как источничко-ориентированный подход имеет целью представить "полный объем информации, содержащейся в историческом источнике, в ее компьютерной версии, без какого-либо предварительного анализа; последний проводится только после создания базы".

Большинство историков предпочли бы начинать свое исследование с источничко-ориентированных баз данных, чтобы быть уверенными в том, что никакая важная информация из источника не ускользнула от их внимания. Тем не менее историческое исследование, как правило, базируется на содержании множества источников, и искусство, или профессионализм, историка состоит в том, чтобы соединить эти источники логичным и разумным образом. Именно в момент соединения источников происходит замещение или переход от источничко-ориентированной к проблемно-ориентированной базе данных. Не вся информация из источничко-ориентированной базы данных используется, что-то историк узнает в процессе "мозгового штурма" в ходе исследования. Многие из историков знают точно, какого рода сведения им необходимы для ответа на специфические вопросы. Именно поэтому на практике они, как правило, начинают с проблемно-ориентированных баз данных, и это справедливо, поскольку экономит время. Мы не должны забывать, что база данных для исторического исследования – точно так же, как и историческая информатика – это средство, а не цель!

А.Н. НЕЧУХРИН

К ВОПРОСУ О "ПРАВИЛЬНОМ" ПОНИМАНИИ ИСТОРИИ

В докладе Питера Доорна, по существу, продолжается старый спор о том, обладает ли история как наука своей спецификой в сравнении с науками о природе. Сегодня дискуссия ведется на качественно ином уровне, чем век назад, когда она возникла. Если в позитивизме второй половины XIX в. вопрос о качественном своеобразии исторического познания снимался, то в неокантианстве и "философии жизни" наблюдалось противопоставление наук о природе и наук о культуре. Со второй половины XX в. в методологии истории очевидна тенденция сближения естественных и общественных наук, широкое внедрение в последние, и, в частности, в историю, количественных методов исследования и компьютера. П. Доорн прав, указывая, что изменилось само понимание того, что считать наукой. Изменились требования к научному объяснению и трактовке истинности научных теорий. Пришло осознание, что наука – это движение интеллекта, процесс возрастания знаний, где нет гарантированных результатов, вечных истин, а лучшим орудием в споре является критическая аргументация, наконец, что неправильно определять все естественные науки как "точные" и тем самым противопоставлять им историю. Все это создало почву для диалога на равных между историками и естествоиспытателями, хотя никто и не пытается оспорить тезиса об известном отставании общественных наук.

Ученый дает целую систему аргументов, часто остроумных, разрушающих комплекс "непонимания" в среде историков по вопросу о соотношении исторического и естественнонаучного познания и границах внедрения квантитативных методов в историческом исследовании. Однако, на наш взгляд, в пылу полемики он заходит слишком далеко, оставляя вне поля зрения наличие реальных качественных отличий истории и наук о природе. Так, по существу П. Доорн обходит вопрос о качественном своеобразии объекта исторических наук.

Целесообразно ли вообще снимать вопрос о специфике познания в истории? При всей зависимости развития естествознания от современности качественная связь истории и современности иная. Историк как познающий субъект включен в исторический процесс и понимание в нашей науке базируется на том, что я сам являюсь историческим существом, что познает и творит историю один субъект-объект. Стоит ли игнорировать качественное своеобразие исторических источников? В конечном счете именно оно, а не количественная сторона дела, накладывает ограничения на компьютерную обработку источниковых данных в историографии. Нельзя забывать о том, что история – наука не только об обществе, но и для общества. Поэтому повествование в истории – это вопрос не "упаковки", а ее природы. В этом случае образец естественных наук вообще не применим.

Полемика П. Доорна с М. Таллером далеко выходит за рамки спора о проблемно-ориентированном и источник-ориентированном подходах в использовании компьютера при решении исторической проблемы, чему, собственно, посвящается доклад уважаемого автора. Если сводить дискуссию между ними исключительно к названным методам исследования, оставляя в стороне невидимую часть айсберга, то возникает вопрос: можно ли эти подходы вообще противопоставлять? Не служат ли они общей цели – решению исторической проблемы?

ТОЧКА ПОВОРОТА?

Отправным пунктом дискуссии является общее ощущение, что что-то идет не так, как должно идти. Некоторые полагают, что историческая информатика на пути к точной формализации, квантификации и теоретически-ориентированным исследованиям не выполнила задач, которые на нее возлагались, и поэтому она потеряла то значение, которое имела раньше. Надеюсь, что не дополню перечень непониманий, если причислю П. Доорна к этим "некоторым". Остальные думают, что это направление испытывает определенные трудности из-за недостатка теоретических разработок, формализации и т.д., так что они, напротив, требуют продолжать движение более активно.

Думаю, что будет не слишком интересно просто одобрить или не одобрить те или иные положения очень искреннего и одновременно потрясающего основы доклада Питера Доорна. Поэтому я хочу обозначить собственную точку зрения, сравнивая его взгляды со своими и комментируя обрисованную выше ситуацию.

Общий вопрос: является ли деятельность историков научной или нет?

Я сам воспринимаю эту проблему очень спокойно, потому что когда меня спрашивают о моей профессии, я всегда отвечаю, что я историк, но никогда не говорю, что я ученый... Конечно, стоит думать о законах и системах, но в истории это осложняется тем, что область приложения усилий историков – до сих пор – это то, что уже произошло. Есть множество историй – например, история медицины, история городов, социальных групп и т.д., но все они имеют дело с историческим измерением изучаемых явлений. Основной довод, что деятельность историков не научна, опирается на то, что, в отличие от истории, существуют так называемые эмпирические науки, которые изучают явления существующие или даже непосредственно наблюдаемые только в настоящем. Но в сравнении с физикой является ли, например, эмпирическая социология наукой того же типа? Или же мы должны сказать – нет, эмпирическая социология тоже не является точной наукой? Почему существует так много интерпретаций, моделей и теорий для феноменов современности (например ксенофобии)? Или почему социологи-эмпирики используют вопросы типа: "Чувствуете ли вы себя полностью интегрированным в общество?", хотя ответ никогда не будет эмпирически доказуем в том смысле, что в процессе изучения социального окружения и даже внутреннего мира респондента он не может быть рассмотрен как недвусмысленный. Методы социологов-эмпириков в действительности базируются на использовании приблизительных, а не точных понятий и категорий. И историки должны поступать так же.

Проблемы историков, в сравнении с естественниками, состоят не в том, что они в основном имеют дело с органическими субъектами, которые изменяются часто, быстро и кардинально – ведь это справедливо и в отношении бактерий, – а в том, что до сих пор в истории невозможно дать точные определения изучаемым феноменам, разбить их на категории, привести их в какую-то систему, что является, например, составной частью социологических теорий. Я также думаю, что центральная проблема состоит не в том, что историки не могут производить эксперименты, как, скажем, физики. Почему мы не можем рассматривать работы отдельных историков на однотипных источниках и с использованием сходных методов как эксперименты? Когда полученные результаты различаются, мы можем констатировать, что в чем-то различаются и сравниваемые исследования, и можем выявить эти различия. Может ли историк составить свою "таблицу Менделеева"? Я думаю, что это и есть центральный вопрос. Создание такого рода системы и должно стать частью теории истории.

Итак, заключая, скажем, что историк должен скорее изучать опыт социальных наук – включая психологию и т.д., чем опыт естественных, поскольку социальные науки уже научились использовать и с успехом используют естественно-научные методы и теории для своих нужд.

© 1997 г.

И.М. ГАРСКОВА

СУТЬ НЕПОНИМАНИЯ

Иногда полезно довести какую-то идею до абсурда, чтобы понять пределы ее применимости. Таким доведением до абсурда является утверждение М. Таллера, что историк может заниматься созданием электронных копий документов, отказываясь от малейших попыток их анализа (но я верю, что на самом деле М. Таллер так не думает); безусловно, доведением до абсурда является и утверждение, что анализ – все, а источник – ничто (но я уверена, что и П. Доорн не думает так). Такая поляризация высказываний есть не что иное, как полемический прием. Если же обратиться к практике исторических исследований, становится очевидным: авторы работ, которые могли бы отнести себя к сторонникам источник-ориентированного подхода, все-таки анализируют свои данные для получения конкретных исследовательских результатов, а те, кто явно или неявно являются сторонниками проблемно-ориентированного подхода – вовсе не пренебрегают спецификой и источниковедческой критикой тех источников, на основе которых создают свои базы данных.

Поддерживая проблемно-ориентированный подход в компьютеризованном историческом исследовании, я считаю, тем не менее, что важные достоинства источник-ориентированного компьютеринга (по терминологии М. Таллера) часто недооцениваются. Кстати, не вполне адекватное представление части членов сообщества о сущности источник-ориентированного подхода связано с неверной расстановкой акцентов (неправильным пониманием?), ведь основным принципом источник-ориентированного подхода является не отказ от анализа вообще – но принцип раздельного хранения собственно данных и их интерпретации или формализации – принцип, который очевидно и неизбежно нарушается в т.н. исследовательских базах данных. В этом смысле источник-ориентированный подход отражает очень важное условие подготовки электронных документов, которые могут быть востребованы широким кругом исследователей без опасения, условие, с которым неразумно спорить.

Спор о том, какие базы данных – проблемно- или источник-ориентированные – лучше, напоминают войну тупоконечников с остроконечниками, описанную Свифтом, и мог бы показаться совершенно бессмысленным, если не поставить вопрос несколько иначе: для каких типов исторических источников предпочтителен тот или иной подход?

М. Таллер говорит, и справедливо, о стиле квантификации 70-х годов, когда появились системы баз данных, которые не были строго источник-ориентированными, но тем не менее позволили достичь некоторых важных целей. Возникновение чувства неудовлетворенности стандартными, жесткими решениями относительно структурных данных, которые предлагались коммерческим программным обеспечением, и побудили историков к поискам специального программного обеспечения, ориентированного на специфику исторических источников, с их нерегулярностями и размытостью данных. Квантификация 60–70-х годов была, как известно, ориентирована на проблемы со-

---

Гарскова Ирина Марковна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической информатики кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

циально-экономической истории и, соответственно, на источники статистического характера, тогда как источник-ориентированная обработка данных с самого начала нацелена на слабоструктурированные в основном текстовые источники. Утверждения о специфической сложности исторических источников, таким образом, являются не столь непоколебимыми, поскольку уровень этой сложности существенно зависит от типа используемых источников.

Кроме того, не только и не столько сложность источников (ибо с точки зрения, например, лингвиста, его источники столь же сложны как по уровню структурированности данных, так и по степени размытости информации), сколько их опосредованное отношение к исторической реальности составляет специфику исторической дисциплины и исторического познания. Не структуры данных или их размытый нечеткий характер доказывают уникальность работы историка, а то, что анализ источников – это еще не анализ собственно исторической реальности. Даже традиционный бумажный источник отчужден от реальности, так как включает интерпретацию этой реальности, которая привносится его создателем. То же самое верно вдвойне, если речь идет о машиночитаемых источниках, созданных исследователями (проблемно-ориентированных базах данных): такой источник дважды отчужден от реальности: как сам исходный источник и как его вторичная копия, включающая новый уровень привнесенной исследователем интерпретации. Поэтому одним из достоинств источник-ориентированного подхода к созданию баз данных является именно попытка снять проблему вторичной интерпретации источника, сохраняя, по возможности, его полную копию.

Впрочем, спор о том, какие базы данных лучше – проблемно- или источник-ориентированные – потеряет остроту, в особенности для новейшей истории, в значительной степени благодаря тому, что все большую роль начнут играть источники, не требующие работы по переводу данных в машиночитаемый вид – электронные по своему происхождению.

Нужна ли исторической информатике теория и в чем ее особенность? Как любая научная дисциплина, имеющая свой предмет (историческая информация), историческая информатика должна иметь и теорию, методы изучения этого предмета. Возникнув на стыке истории и информатики, она, и это естественно для междисциплинарного подхода, включает в свой теоретический и методологический арсенал идеи и методы, специфические для обеих научных дисциплин. История как интегрирующая наука давно и часто эффективно пользуется арсеналом многих других наук, в первую очередь, общественных (но не только их – вспомним о моделировании), в том числе социологии, экономики и др. Теперь – в области исторической информатики – происходит обогащение исторической науки теориями и методами науки информационной. Например, к теоретическим основаниям исторической информатики относятся теория баз данных, теория информации. Поэтому бесполезными являются попытки "приписать" исторической информатику либо к исторической науке, либо к информационной. Она всегда будет нести в себе "гены" обоих своих "родителей", не только обладать унаследованными от них достоинствами, но и развивать их.

Какова же польза от нашей дискуссии? Споры о дефинициях в бурно развивающейся научной дисциплине помогают исследователям лучше понять друг друга, найти наиболее перспективные направления развития, перестать бороться с ветряными мельницами и не давать повода недоброжелателям говорить о кризисе. Ведь не секрет, что привнесение в историческое исследование компьютерной компоненты вместе с соответствующими теоретическими концепциями, которые развиваются не только "изнутри" исторической науки, но и заимствуются у других наук, в частности, информационной, порой вызывает упреки в выхолащивании духа истории. Это тем более странно со стороны "традиционных квантификаторов", видимо уже успешных забыть о том, что подобные обвинения постоянно сыпались в их адрес в то время, когда квантификация только завоевывала право на существование в историческом исследовании.

© 1997 г.

**Генерал-полковник Ю.А. ГОРЬКОВ,
полковник Ю.Н. СЕМИН**

О ХАРАКТЕРЕ ВОЕННО-ОПЕРАТИВНЫХ ПЛАНОВ СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

XX век круто изменил геополитическую обстановку в мире. Впервые в истории человечества войны стали вестись в мировом масштабе с использованием всех наличных средств и ресурсов. Война перестала быть занятием ограниченного числа профессиональных военных и превратилась в колоссальное предприятие, затрагивающее все население не только конфликтующих государств, но и сочувствующих им стран, а жертвы среди мирного населения превысили количество погибших на фронте.

Особое место для народов России, а также бывших советских республик занимает Великая Отечественная война. О ней написано множество исследовательских монографий и книг, но до сих пор правда об этом событии в истории нашего Отечества раскрыта не до конца. По-прежнему остаются "белые пятна", во множестве распространяются ошибочные толкования и домыслы, а на страницах современной прессы и в ряде изданных массовыми тиражами книг читателям предлагаются лживые сведения о реалиях того времени и, в частности, о роли Советского Союза в развязывании войны Германией.

Причиной тому может быть как сознательное стремление снять ответственность с агрессоров за содеянные ими преступления перед человечеством, так и использование в исследованиях недостоверных и недостаточно основательных источников. Поиск истины возможен только на основе привлечения глубокой источниковой базы с использованием документов, подлинность которых подтверждена.

Мы полагаем, что выхватывание отдельных "фактиков", игра в примеры без проведения основательного исследования, легкость, с которой ставятся на одну доску агрессор и его жертва, не могут и не должны стать императивом современной историографии. Крайне необходимо подтверждать исследование подлинными архивными документами, чтобы читатель сам ознакомился с источниками и имел собственное мнение о проблеме, отличал правду от лжи. С этой целью нами в 1993–1996 гг. опубликованы подлинные оперативные документы Генерального штаба и западных приграничных военных округов¹.

В предлагаемой публикации печатаются директивы Генерального штаба, которые были направлены в мае 1941 г. командующим Западных военных округов, оперативные документы, директивы штабов этих округов подчиненным им армиям, а

---

¹ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. – Новая и новейшая история, 1993, № 3, с. 29–46; Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. Конец глобальной лжи о вероломстве СССР. – Военно-исторический журнал, 1996, № 2, с. 2–15; № 3, с. 4–17; № 4, с. 2–17, № 6, с. 2–7.

также боевые приказы командующих армий командирам корпусов и дивизий непосредственного подчинения.

В ходе исследования характера планов войны важны следующие принципиальные вопросы: наличие и характер политических решений, определяющих внешнюю политику государства и способы их реализации (мирным или военным путем); содержание и направленность военных доктрин; направленность и характер планов войны, включая стратегический и оперативный планы западных приграничных округов; состояние боевой и мобилизационной готовности вооруженных сил; подготовка театров военных действий в оперативном отношении; соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил и степень их реализации; возможности государства по переводу всех его структур и, прежде всего, военной экономики на военное положение, а также обеспечению потребностей действующей армии и жизнеспособности страны.

Остановимся на решениях политического руководства СССР и Германии накануне и в ходе второй мировой войны по военной политике, ибо они являются основой для разработки плана войны в целом и стратегического, в частности.

В предвоенное время в Советском Союзе такое решение мог принимать только И.В. Сталин, хотя формально в этом участвовали В.М. Молотов, как глава правительства, другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), а также нарком обороны СССР и начальник Генштаба РККА.

За время продолжительной работы по исследованию этого вопроса в Архиве Президента РФ мы не обнаружили каких-либо документов о подготовке Советского Союза к нападению на Германию. Попытки некоторых исследователей приписать такое решение Сталину являются домыслом или откровенной ложью. С тем, чтобы подтвердить наши выводы, мы изучили все стратегические планы войны, начиная с 1924 г. и до самого начала Великой Отечественной войны.

Анализ всех 15 разработанных за это время планов свидетельствуют о том, что в них не предусматривалось нападение не только на Германию, но и на другие государства вообще. До 1938 г. стратегические и оперативные планы утверждались наркомом обороны СССР маршалом Советского Союза К.В. Ворошиловым и содержали вопросы распределения сил РККА по направлениям и обороны страны на период от нескольких месяцев до двух лет. Позднее планы стратегического развертывания – подчеркнем, что именно развертывания, а не нападения – представлялись Сталину и Молотову, которые не утверждали план в официальном порядке, а одобрили его устно или делали некоторые замечания.

Разумеется, как любой план войны в любом государстве, он предусматривал и наступательные боевые действия, и оборону. В СССР одобренный с поправками стратегический план войны 1940 г. предусматривал наступление через 30 суток после нападения противника и причем только при благоприятных условиях. В нем не шла речь о нападении на Германию и другие государства. Свидетельством тому является даже само название последнего официально одобренного плана: "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 годы"².

Этот план был разработан 18 сентября 1940 г. и скреплен подписями наркома обороны маршала СССР С.К. Тимошенко и начальником Генштаба генералом армии К.А. Мерецковым и направлен политическому руководству. Он был рассмотрен 5 октября 1940 г. Сталиным и Молотовым, которые дали устное указание по усилению Юго-Западного фронта. После учета этого замечания план 14 октября был одобрен и вступил в силу.

Главной задачей, поставленной перед западными приграничными округами, была прочная оборона наших границ в период сосредоточения и развертывания войск, который составлял по расчетам 25–30 суток. В последующем на всех участках фронта

² Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), оп. 2951, д. 239, л. 197–244.

предполагалась упорная оборона в сочетании с активными действиями и лишь на некоторых направлениях – проведение наступательных операций в фронтовом масштабе.

В первом разделе плана был сделан следующий вывод: "Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией и на Востоке – против Японии... как противника... всегда могущего перейти в открытое столкновение"³. Такой вывод предполагал, что СССР придется обороняться, а не нападать.

Исходя из возможной группировки противника, предлагалось развернуть Вооруженные Силы СССР на Западе по двум вариантам к югу или северу от Брест-Литовска. По обоим вариантам на время стратегического развертывания предусматривалась прочная оборона наших границ, после чего намечалось нанесение поражения по первому варианту Люблинско-Сандомирской группировке вермахта, с целью отрезать Германию от балканских стран, а по второму варианту – нанести поражение Восточно-Прусской группировке. То есть имелось в виду проведение наступательных операций в фронтовых рамках с ограниченными целями. Полоса фронта наступления составляла по первому варианту – до 350 км и до 200 км по глубине, а по второму варианту и того меньше, а это составляет до 10% всего стратегического фронта на Западе.

Таким образом стратегический план 1940 г. предусматривал не кампанию или стратегические наступательные операции, а сосредоточение войск на Западе и возможные активные действия в рамках фронтовых операций по двум вариантам.

В СССР, как и в любом другом государстве, военные планы в зависимости от складывающейся обстановки непрерывно уточнялись или перерабатывались вновь. Необходимость в этом особенно остро назрела с весны 1941 г. из-за нарастающей угрозы безопасности СССР со стороны Германии и ее союзников в условиях разгоравшейся второй мировой войны, вследствие существенного совершенствования структуры вооруженных сил и мобилизационной готовности, предусмотренных мобилизационным планом от 12 февраля 1941 г., в котором предусматривался резкий рост механизированных и танковых войск, авиации и ПВО⁴, а также в виду формирования трех общевойсковых армий в Ленинградском, Прибалтийском и Западном особом военных округах.

Придя в феврале 1941 г. на должность начальника Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков приказал генералу Г.К. Маландину уже в марте завершить уточнение плана. Рабочий вариант плана был подготовлен, но по неизвестным причинам не был воспринят руководством Генштаба и даже не подписан исполнителем. Были подготовлены оперативные директивы в войска, но они также не были скреплены подписями наркома обороны и начальника Генштаба и остались в архиве, как черновые рабочие документы.

Анализируя нарастающую угрозу нападения на Советский Союз со стороны Германии, Генштаб продолжал уточнять план войны в целом, включая оперативные планы западных приграничных военных округов, а также разработку по принятию экстренных мер по подготовке страны к обороне. Уточненный вариант стратегического плана под названием "Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками" был составлен в Генштабе по состоянию на 15 мая 1941 г. Данный вариант плана существенно отличался от предшествовавших планов добавлением фрагмента, ссылка на который и стала основой для многочисленных утверждений о подготовке Сталиным упреждающего удара по расположенным у западных границ СССР вооруженным силам "миролюбивой Германии".

На самом деле в тексте варианта – не подписанном ни наркомом обороны, ни начальником Генерального штаба – причем не в приказной, а в оценочной части по определению противника – имеются следующие два абзаца:

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 15А, оп. 2154, д. 4, л. 128–170.

"Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмотобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск"⁵.

Подчеркнем, что в приведенном тексте говорится об атаке уже изготовившегося к нападению на Советский Союз агрессора, когда у границ уже стояло около 90 пехотных и охранных дивизий.

По вопросу о нанесении упреждающего удара Жуков направил докладную записку Сталину. На другой же день начальник Генштаба получил ответ через личного секретаря Сталина А.И. Поскребышева: "Передай Жукову, чтобы не писал мне записки для прокурора"⁶.

Иными словами, Сталин не одобрил инициативу Генерального штаба, хотя с военной точки зрения сам замысел был довольно заманчив и сулил большие результаты, если учесть, что к тому времени в Польше у наших границ находились только пехотные дивизии и ни одной танковой и моторизованной дивизии, а также всего летного эшелона боевой авиации.

По оборонительным аспектам уточненного варианта нарком и начальник Генштаба встречались со Сталиным в апреле – 7, в мае – 6 и в июне – 5 раз⁷. Им с трудом удалось убедить его одобрить проведение неотложных мер по подготовке страны к отпору агрессии и уточнению плана 1940 г., в то время как вариант упреждающих действий против немецкой армии был исключен совершенно. В целом политические решения советского руководства не носили агрессивного характера и преследовали цель обороны страны.

В порядке сравнения политических решений обратимся к решениям Гитлера, которые им принимались накануне второй мировой войны и в ее ходе. Начнем с плана нападения на Польшу ("План Вейс"). Гитлер принял решение и утвердил его в апреле 1939 г., заметим – за четыре с половиной месяца до подписания пакта "Молотов – Риббентроп", определив время нападения не позднее 1 сентября этого года⁸.

Аналогичное решение о нападении на Норвегию и Данию ("План Везерюбунг") было принято 1 марта 1940 г., а 1 апреля 1940 г. при уточнении плана время вторжения было назначено на 4 час. 15 мин. 9 апреля 1940 г.⁹.

"План Гельб" нападения на Францию, Бельгию и Голландию был утвержден в октябре 1939 г., в нем время нападения было определено: апрель–май 1940 г., а впоследствии названа точная дата – 10 мая того же года. И наконец политическое решение о нападении на СССР Гитлер принял в Берхгофе 31 июля 1940 г., т.е. почти за год до начала агрессии. На совещании руководства вермахта им были даны следующие установки: "Начало – май 1941 г., продолжительность кампании – пять месяцев, цель – уничтожение жизненной силы России"¹⁰.

18 декабря 1940 г. после рассмотрения альтернативных планов, разработанных группой крупных военачальников, и проведения стратегических игр под руководством оберквартирмейстера генштаба генерал-майора Ф. Паулюса, Гитлер утвердил директиву № 21 – "План Барбаросса"¹¹. Была определена общая задача и порядок проведения операции вплоть до захвата Москвы и выхода на рубеж: Астрахань, Волга, Архангельск. Впоследствии план нападения несколько раз уточнялся.

⁵ Там же. ф. 16А, оп. 2951, д. 237, л. 3.

⁶ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка, Генштаб. Тверь, 1995, с. 253–257.

⁷ История второй мировой войны 1939–1945, т. 3. М., 1974, с. 16.

⁸ Там же, с. 68–69.

⁹ Там же, с. 91.

¹⁰ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2. М., 1969, с. 80, 81.

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга первая. М., 1995, с. 75.

14 июня, когда было опубликовано заявление ТАСС с опровержением слухов об агрессивных намерениях Германии, на совещании у Гитлера в Берлине во время докладов командующих групп армий, армий и танковых групп о готовности к вторжению было окончательно назначено время начала вторжения – на 3 час. по средневропейскому времени, вместо ранее предлагавшегося – 3 час. 30 мин.¹²

Как видим, счет шел уже не на часы, а на минуты, в то время как советское правительство убеждало общественность, что пакт о ненападении СССР и Германии выполняется неукоснительно, а эшелоны с грузами непрерывно двигались в Германию.

Таким образом, сопоставление политических решений Сталина и Гитлера показывают их диаметрально противоположность. Говоря словами немецкого полковника и военного теоретика Х.К. Мольтке-старшего, один готовил свою страну к обороне, ибо "даже мирный житель не может спать спокойно, если злой сосед этого не желает"¹³, а второй имел целью "уничтожение жизненных сил России"¹⁴, порабощение народа СССР. В апреле 1941 г. в ведомстве Г. Гимmlера и центральном бюро во главе с А. Розенбергом составлялись планы расчленения СССР на протектораты с целью колонизации восточных земель, так называемый Генеральный план "Ост". Вопросы экономического использования подлежащих по расчетам гитлеровцев оккупации восточных частей Советского Союза разрабатывал экономический штаб с кодовым названием "Ольденбург". Планы германского руководства в отношении советской промышленности были изложены в так называемой "зеленой папке" Геринга.

К сожалению, даже зная об этом, некоторые историки все мероприятия военного характера, имевшие цель обороны страны, трактуют не как ответную реакцию на действия подготовившегося к нападению противника, сосредоточившего в Польше около сотни только германских дивизий, а как целенаправленные действия Кремля с целью нападения якобы на "миролюбивую Германию".

Теперь рассмотрим планы видения войны через призму конкретизации политических решений высшего советского руководства в содержании оперативных планов западных военных округов.

В уточненном стратегическом плане по состоянию на 15 мая 1941 г., из содержания которого был изъят раздел о нанесении упреждающего удара, а оборонные мероприятия сохранены Сталиным лишь по настоянию наркома обороны и начальника Генштаба, в VI разделе предлагалось следующее.

"Для того, чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрыть госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на Западе;

2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО"¹⁵.

Впервые ставился вопрос об оборудовании трех стратегических рубежей обороны: по государственной границе; по линии Нарва – Сольцы – Порхов – Великие Луки – Витебск – Валдай – Гомель – Конотоп; по линии Осташков – Сычевка – Ельня – Почеп – Рославль – Трубчевск¹⁶.

¹² Расчет времени к "плану Барбаросса" – ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12450, д. 271.

¹³ Мольтке Х.К. Военные поучения фельдмаршала Мольтке. СПб., 1913, с. 13.

¹⁴ Гальдер Ф. Указ. соч., с. 81.

¹⁵ Вариант "Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и ее союзниками". По состоянию на 15.5.41. – ЦАМО РФ, ф. 16А, оп. 2951, д. 237, л. 1–15.

¹⁶ Схема развертывания войск на карте 1:1 000 000 и стратегическими рубежами обороны. Исполнитель А.М. Василевский 15.5.41. – ЦАМО РФ, ф. 16А, оп. 2951, д. 245/12 (приложение к варианту стратегического развертывания с подписью А.М. Василевского).

Все это отражено в директивах Генштаба. Каждому командующему войсками западных военных округов, где были поставлены конкретные задачи и сроки их разработки оперативных планов. В частности, оперативные директивы Генштаба были отработаны: в Ленинградский военный округ (ЛВО) – 14.5.41, Прибалтийский военный округ (ПриБВО) – 14.5.41, Западный особый военный округ (ЗАПОВО) – 5.5.41, Киевский особый военный округ (КОВО – см. Документ № 1), Одесский военный округ (ОдВО) – 6.5.41 г.¹⁷. Этими директивами сроки разработки оперативных документов в округах были установлены: 25.5.41, 30.5.41, 25.5.41 и 25 мая соответственно.

Ввод в действие уточненных планов округов предусматривался шифртелеграммой за подписями наркома обороны, члена Главного Военного Совета и начальника Генерального штаба: "Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года".

Подчеркнем, что все названные выше директивы подписаны наркомом обороны Тимошенко и начальником Генерального штаба Жуковым. Все первые экземпляры были направлены в штабы округов. Их подписи заверены заместителями начальника оперативного управления Генштаба генерал-майорами А.М. Василевским и Ф.И. Анисовым.

Обратимся к главным оперативно-стратегическим задачам и общим указаниям, которые были поставлены в директивах.

"Задачи обороны

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа"¹⁸.

Кроме того, войскам ПВО была поставлена задача по обеспечению нормальной работы железных дорог и сосредоточению войск округа, авиации – завоевать господство в воздухе и ударами по железнодорожным узлам, мостам и группировкам войск задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

Даны также основные указания по организации обороны, определены районы обороны, число армий прикрытия и сформулированы их задачи на указанном в директивах фронте: "При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий быть готовым по указанию Главного командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей"¹⁹.

Впервые ставились задачи по рекогносцировке и оборудованию фронтовых рубежей обороны, начиная с первого дня мобилизации на всю оперативную глубину округов. Например, в ПриБВО планировалось оборудовать три рубежа до старой государственной границы с Литвой, Латвией и Эстонией; в ЗАПОВО – четыре до р. Березины; в КОВО – пять до р. Днепр и ОдВО – три рубежа до р. Днестр. Всего для строительства и оборудования рубежей обороны выделялось более 500 инженерно-саперных, строительных и около 100 инженерно-аэродромных батальонов, три железнодорожных бригады и свыше 500 тыс. гражданского населения.

В пункте 2 раздела IX дано очень важное указание: "Первый перелет и переход государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования"²⁰.

В отличие от всех ранее разработанных планов до начала Великой Отечественной войны предусматривались задачи по эвакуации важных государственных и военных

¹⁷ ЛВО № 503912 от 14.5.41. – Там же, ф. 16А, оп. 2951, д. 241, л. 56–74. ПриБВО № 503920 от 14.5.41. – Там же, д. 237, л. 33–47; ЗапВО № 503859 от 5.5.41. – Там же, л. 65–81; КОВО № 503862. – Там же, д. 259, л. 1–17; ОдВО № 503874. – Там же, д. 258, л. 1–11.

¹⁸ Задачи обороны КОВО. – Там же, д. 259.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Там же, л. 14.

объектов, а также минирование и подрыв объектов, которые не могли быть вывезены.

Для выполнения задач обороны армиям прикрытия на первые 15 дней было разрешено израсходовать: для наземных войск прикрытия: боеприпасов – 3 боекомплекта, горючего для боевых машин – 5 заправок, для транспортных – 8 заправок; для ВВС – истребителям – 15 вылетов, ближним бомбардировщикам – 10 вылетов, дальним бомбардировщикам – 7 вылетов и разведчикам – 10 вылетов; для всех войск прикрытия – 15 сутокац продфуража²¹.

Логическим продолжением стратегического плана войск являются оперативные планы западных приграничных округов (Директива № 004 – Штаб КОВО. 14 мая 1941 г. командующему 12 армией – см. Документ № 2). Ценность их заключается в том, что в них до деталей раскрывается суть военной политики советского государства. Они явились воплощением плана обороны страны в конкретные дела.

Поэтому при анализе их содержания необходимо тщательно рассматривать каждый пункт, каждую фразу и отдельные слова, не упуская из вида ни одну из мелочей. Невнимание к деталям приводит порой к неверным выводам. Так некоторые историки делают вывод, что планы западных округов будто бы не были утверждены наркомом обороны, при этом не обращая внимание на короткое слово "экземпляр № 2", в то время как по существовавшему в наркомате обороны порядку первые экземпляры вместе с приложениями пересылались в штабы округов. Это подтверждается подписями заместителей начальника оперативного управления Генштаба и начальниками оперативных управлений штабов округов.

Оперативные планы военных округов представляют собой объемные документы, состоящие из оперативной части, в которой в большинстве округов дается оценка противостоявшего противника, формулируются общие задачи войск округа, задачи армий прикрытия и резервов, а также авиации и ПВО. Задачи инженерного оборудования театра военных действий (ТВД) в некоторых планах ставились непосредственно каждой армии, а в плане КОВО ставились в разделе инженерной подготовки ТВД.

Кроме этого, в каждом плане имелось до 16 приложений, в том числе планы действий ВВС, ПВО, инженерного обеспечения, связи, материально-технического обеспечения, разрушения железных дорог и другие документы. Все приложения с экземплярами № 1 направлялись в штабы округов.

Общие задачи войск округов по обороне были поставлены в соответствии с формализованными документами Генштаба, но по содержанию увязаны с конкретной обстановкой, местностью, рубежами обороны, указывался порядок использования механизированных округов для нанесения контрударов, а также использования их и противотанковой артиллерии при организации противотанковой обороны.

Конкретно определены задачи по завоеванию господства в воздухе и ударам по железнодорожным объектам с целью задержания сосредоточения и развертывания войск противника.

Задачи армиям прикрытия поставлены в общем виде: район прикрытия, соседи, участки прикрытия и их состав, а также задачи прикрытия и устройства заграждений, противотанковых рубежей; предусматривалось и многое другое. Зато в директивах командующим армий задачи изложены подробно, по всем вопросам рекогносцировки и оборудованию рубежей обороны с указанием сил и средств.

Командующие войсками округов и армий с подчиненными командирами реально проводили рекогносцировку, выявляя танкоопасные направления, участки возможных переправ через водные преграды, а также уточнения рубежей обороны и контрударов на местности.

В оперативных директивах округов были поставлены задачи по эвакуации. Это было предусмотрено еще до начала войны и не случайно уже с 24 июня 1941 г. начал

---

²¹ Там же, л. 13.

работать Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником, под руководством которого было эвакуировано и размещено на Урале, в Сибири, Средней Азии до 10 млн. человек, 1523 крупных промышленных предприятий, 2,5 млн. голов крупного рогатого скота, около 800 тыс. лошадей. Для этого потребовалось 25 тыс. вагонов, не считая другого подвижного состава. Было эвакуировано около 80% предприятий оборонной промышленности. Министр авиационной промышленности Н.И. Шахурин отметил: "Более 100 предприятий авиационной промышленности и более 1000 заводов других отраслей подлежали перемещению в Заволжье, на Урал, Сибирь и Среднюю Азию. А ведь только один крупный завод – это 25–30 тыс. работающих, 50–60 тыс. членов семей, от 5 до 10 тыс. единиц оборудования. А на их снятие и демонтаж давалось всего 10 суток времени"²².

Задачи по минированию и подрыву важных объектов были поставлены в приграничной полосе командующим армий прикрытия – особенно по объектам железных дорог идущих в глубь страны, а по объектам в оперативной глубине их выполнение было возложено на штабы округов военного времени, а также на начальников гарнизонов и объектов.

Для ускорения разработки боевых документов в войсках оперативные директивы округов направлялись в штабы армий с 5 по 20 мая 1941 г., еще до завершения разработки своих окружных планов.

Командующие армиями передавали в корпуса и дивизии непосредственного подчинения боевые приказы, в которых ставились задачи по упорной обороне на определенном им фронте (Частный боевой приказ командиру 13 ск. № 001. ШТАРМ 12 от 6.6.41. – см. Документ № 3). Кроме того, указывались задачи армейской авиации и войскам ПВО. Определялись участки минирования и разрушения железных дорог, а также частичной их эвакуации с оставлением пропускной способности от одной до трех пар поездов в сутки.

В приказах также категорически предписывалось, что первый переход и перелет государственной границы советскими вооруженными силами возможен только с разрешения Военного совета округа (армии). Однако в приказе корпусам не упоминалось требование о готовности перехода в стремительное наступление и переноса боевых действий на территорию противника.

Все вышеизложенное позволяет сделать однозначный вывод: Советский Союз и его Вооруженные Силы не готовились к нападению на Германию.

Все обвинения Советского Союза в развязывании войны против Германии напрочь опровергаются подлинными оперативными планами, начиная со стратегического звена и кончая тактическими звеньями корпусов и дивизий.

Особенно убедительными являются документы низового звена, ибо войну начинают командиры и солдаты из первого эшелона. Им первым становятся известными не только дата, но и час, и минута нападения, а возможно и какой-то специальный сигнал для начала атаки. Ни один из советских солдат, кто начал воевать с самого начала войны, этого не знал, ибо задачи о переходе в наступление никто ему не ставил. О войне он узнал по разрывам немецких авиабомб и артиллерийских снарядов. Так может случиться, если страна готовится к обороне, а не к наступлению.

Анализ всех приведенных оперативных документов Генштаба и западных приграничных военных округов, в том числе датированных маем 1941 г., показывает, что никаких задач наступательного порядка войскам западных военных округов не ставилось.

В то же время впервые предусматривалась оборона на всю оперативную глубину округов, а в стратегическом масштабе – до дальних подступов к Москве. Для этого определялись задачи по подготовке тыловых фронтовых рубежей до старой государственной границы в Прибалтике и далее на юг до рубежей рек Березина, Днепр, Днестр и двух государственных рубежей обороны.

---

²² Шахурин А.И. Авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны. – Вопросы истории, 1975, № 3, с. 139.

Особое значение имеют указанные в директивах мероприятия, связанные с эвакуацией, минированием и подрывом части важных объектов, что свидетельствует о наличии у военно-политического руководства предположения о возможном отходе войск в глубь страны.

Огромные капиталовложения для оборудования главной полосы обороны, затраченные государством начиная с 1940 г., также показывают абсурдность утверждения о подготовке СССР к нападению на Германию. Если бы это было так, то вкладываемые средства были бы брошены на производство новых модификаций танков и самолетов, реактивной артиллерии и других вооружений.

К сожалению, не все задуманное в планах было реализовано, так как их разработка закончилась лишь за считанные дни до нападения Германии на нашу Родину. Если бы была своевременно проявлена воля политического руководства и планирование было бы закончено гораздо раньше, и практические мероприятия были бы проведены заблаговременно, тогда бы и начало войны, а возможно и итог ее могли бы быть иными.

И наконец, во всех планах от Генштаба до дивизий и корпусов проходит требование о запрещении не только упреждающего удара со стороны СССР, но даже перехода и перелета государственной границы без разрешения советского Главного командования.

Впервые публикуемые ниже оперативные документы Генштаба и западных приграничных военных округов начисто опровергают утверждения ряда современных историков о том, что Советский Союз настойчиво готовился к вооруженной агрессии против Германии.

Документ № I

ГЛАВНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНШТАБА
ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГШКА

1941 год

ДЕЛО № 7/И

Директива № 503862 Ком. войсками К.О.В.О. по прикрытию, мобилизации, сосредоточения и развертывания войск

Начато 5 мая 1941 г.

Окончено 5 мая 1941 г.

На 17 листах и 2-х картах
в конвертах в конце папки

Верно: ст. лейтенант а/с (подпись)

Экз. № 2

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
" 5 " мая 1941 г.

№ 503862

Командующему войсками
Киевского особого военного округа

Карта 1.000.000.

Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

1. Детальный план обороны государственной границы от оз. Свитязкое до Липканы,

2. Детальный план противовоздушной обороны.

I. Задачи обороны

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа.

3. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа.

4. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

5. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам и группировкам войск, нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

6. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

[II.] Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями:

1. В основу обороны положить упорную оборону укрепленных районов и полевых укреплений, построенных по линии госграницы, с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего и всестороннего их развития. Обороне придать характер активных действий. Всякие попытки противника прорвать нашу оборону немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов.

2. Особое внимание уделить противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника, борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным распоряжением командования округа, для чего массированно использовать механизированные корпуса, противотанковые артиллерийские бригады и авиацию. Задача противотанковых артиллерийских бригад – на подготовленных рубежах встретить танки противника мощным артиллерийским огнем и, совместно с авиацией, задержать их продвижение до подхода и контрудара наших мехкорпусов. Задача мехкорпусов – развертываясь под прикрытием противотанковых артиллерийских бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами, совместно с авиацией, нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв.

3. Особо ответственными направлениями считать:

а) Холм, Ковель, Ровно;

б) с фронта Грубешов, Крыстынополь на Броды, Тернополь;

в) Томашув, Львов;

г) Ярослав, Львов;

д) с фронта Перемышль, Лиско на Самбор, Дрогобыч;

е) Ст. Ужок, Самбор.

ж) Мукачево, Стрый.

з) Керешмезе, Станислав.

и) С фронта Рэдэуци, Дорохой на Черновицы, Коломыя.

к) Дарабани, Каменец-Подольск.

4. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовым, по указанию Главного Командования, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

III. Правее – Западный особый военный округ. Штаб с 3 дня мобилизации Барановичи. Его левофланговая 4 армия организует оборону на фронте Кобрин.

Граница с Запово – р. Припять, Пинск, Влодава; Демблин, Радом. Все пункты для Запово включительно.

Левее – Одесский военный округ. Штаб с 3 дня мобилизации Тирасполь. Его право-фланговый 35 стр. корпус обороняет фронт Коржеуцы, иск. Леово.

Граница с Одво-Худяки, Умань, Вапнярка, иск. Джурич, Калюс, иск. Коржеуцы, Пашкани.

IV. Вся приграничную полосу Ково, для организации обороны в начальный период от мобилизации и сосредоточения, разбить на четыре района прикрытия.

1. Район прикрытия № 1. Начальник района прикрытия – Командующий 5 армией.

Состав войск: управление 5 армии, 15 стр. корпус (45, 62 ед.), 27 стр. корпус (87, 124, 135 ед.); 22 мех. корпус (19, 41 жд., 215 мд.); гарнизоны Ковельского, Владимир-Волынского и северной части Струмиловского укрепленных районов; 39 истребительная, 14 смешанная и 62 бомбардировочная авиационные дивизии; пограничные части НКВД.

Задача – оборонять госграницу на фронте иск. Владова, Устилуг, Крыстынополь, не допустив вторжения противника на нашу территорию.

Штаб ФП – Штаб 5 армии Ковель.

Граница слева – Кременец, Холоев, Крыстынополь, Рахане. Все пункты для РП № 1 включительно.

2. Район прикрытия № 2. Начальник района прикрытия – Командующий 6 армией.

Состав войск: управление 6 армией; 6 стр. корпус (41, 97, 159 сд.); 4 мех. корпус (8, 32 тд., 81 мд.); 3 кав. дивизия; гарнизоны Рава-Русского и западной части Струмиловского укрепления районов; 15 и 16 смешанные авиационные дивизии; пограничные части НКВД.

Задача – оборонять госграницу на фронте иск. Крыстынополь, Махнов, Сенява, Радымно, не допустив прорыва противника на нашу территорию.

Штаб ФП – Штаб 6 армии Львов.

Граница слева – Тарнополь, Бобрка, Городок, Радымно, Жешув. Все пункты включительно для РП № 2.

3. Район прикрытия № 3. Начальник района прикрытия – Командующий 26 армией.

Состав войск: управление 26 армии; 8 стр. корпус (72, 99, 173 сд.); 8 мехкорпус (12, 34 тд., 7 мд.); гарнизоны Перемышльского укрепленного района; 63 истребительная, 46 см. авиационные дивизии; пограничные части НКВД.

Задача – оборонять госграницу на фронте иск. Радымно, Перемышль, иск. Лютовиска, не допустив вторжения противника на нашу территорию.

Штаб ФП – Штаб 26 армии Самбор.

Граница слева – Трёмбовля, Стрый, Дрогобыч, Ст. Самбор, Лютовиска. Все пункты, кроме Ст. Самбор, исключительно для РП № 3.

4. Район прикрытия № 4. Начальник района прикрытия – Командующий 12 армией.

Состав войск: управление 12 армии; 13 стр. корпус (192, 44 гсд.); 17 стр. корпус (58, 60, 96 гсд., 164 сд.); 16 мехкорпус (15, 32 тд., 240 мд.); гарнизоны Каменец-Подольского укрепленного района, 44, 64 истребительные авиационные дивизии; пограничные части НКВД.

Задача – оборонять госграницу на фронте Лютовиска, Ужод, Ворохта, Волчинец, Липканы, не допустив вторжения противника на нашу территорию.

Штаб ФП – Штаб 12 армии Станислав.

Граница слева – граница с Одво.

V. В непосредственном распоряжении Командования округа, с первых же дней мобилизации, иметь:

а) 9 мех. корпус (20, 35 тд., 131 мд.), 5 противотанковую артиллерийскую бригаду в районе Рожище, Торчин, Луцк, Киверцы;

б) 19 мехкорпус (40, 43 тд., 213 мд.) в районе Ровно, Варковичи, Здолбуново;

в) 15 мехкорпус (10, 37 тд., 212 мд.), 1 противотанковую артиллерийскую бригаду в районе Броды, Золочев;

г) 24 мехкорпус (45, 49 тд., 215 мд.) в районе Волочиск, Проскуров, Староконстантинов;

д) 36 истребительная, 17, 18 и 19 бомбардировочные авиационные дивизии.

Дополнительно в распоряжение Командования округа в первые три дня мобилизации придут 2, 47, 49, 68, 75 и 77 смешанные и 23 бомбардировочная авиационные дивизии.

Кроме того, в период с 4 до 15 дня мобилизации сосредоточить.

31 стр. корпус (193, 195, 200 сд.) в районе Ковель, Сокуль, Трояновка.

36 стр. корпус (140, 146, 228 сд.) в районе Дубно, Червоноармейск, Кременец;

5 кав. корпус (14, 32 кд.); 37 стр. корпус (80, 139, 141 сд.) и 2 противотанковую артиллерийскую бригаду в район Львов;

7 стр. корпус (147, 196, 206 сд. – придут по жел. дороге) и 4 противотанковую артиллерийскую бригаду в район Комарно, Дорожев, иск. Стрый, Николаев;

55 стр. корпус (130, 169, 189) и 3 противотанковую артиллерийскую бригаду в район Ярмолинцы, Балин, Нв. Ушица.

Задачи резерва командования Ково:

1. Подготовить противотанковые районы и тыловые оборонительные рубежи:

а) 31 ск – на фронте Нв. Выжва, Турийск, Гуличев;

б) 36 ск – по р. Стоход на фронте Луцк, Станисловчик, Топоров;

в) 37 ск на фронте Каменка, Магерув, Яворов;

г) 7 ск на фронте Мосциска, Ст. Самбор, Турка и по р. Стрый на фронте Турка, Болевых для прикрытия отдельных направлений;

д) 55 ск по р. Днестр на фронте Жванец, Калюс.

2. В случае прорыва крупных мехсоединений противника, на подготовленных рубежах обороны и в противотанковых районах, задержать и дезорганизовать его дальнейшее продвижение и концентрическими ударами мехкорпусов, совместно с авиацией, разгромить противника и ликвидировать прорыв.

3. При благоприятных условиях быть готовым, по указанию Главного командования, нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

VI. Задачи авиации округа

1. Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам, а также действиями в воздухе уничтожить авиацию противника и с первых же дней войны завоевать господство в воздухе.

2. Истребительной авиацией, в тесном взаимодействии со всей системой ПВО округа, прочно прикрыть от мобилизации и сосредоточения войск округа, нормальную работу железных дорог и не допустить пролета авиации противника через территорию округа в глубь страны.

3. Во взаимодействии с наземными войсками уничтожать наступающего противника и не допустить прорыва его крупных механизированных сил.

4. Разрушением железнодорожных мостов, узлов Катовице, Кельце, Ченстохов, Краков, а также действиями по группировкам противника, нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск.

5. Усечь, что на территории Ково будет базироваться авиация Главного Командования в составе:

1 авиационный корпус (40, 51 дбад и 56 над ДД);

2 авиакорпус (35, 48 дбад, 67 над ДД).

Задача авиации Главного командования:

а) разрушение жел. дор. узлов Бреслау, Крайцбург, Оппельн;

б) систематические налеты на основные военно-промышленные объекты.

VII. Распоряжением командования округа:

1. Обрекогносцировать и подготовить тыловые оборонительные рубежи на всю глубину обороны до р. Днепр включительно.

Разработать план приведения в боевую готовность Коростеньского, Новоград-Вольнского, Летичевского и Киевского укрепленных районов, а также всех укрепленных районов строительства 1939 года.

На случай вынужденного отхода разработать план создания противотанковых заграждений на всю глубину и план минирования мостов, жел. др. узлов и пунктов возможного сосредоточения противника (войск, штабов, госпиталей и т.д.).

2. При разработке плана ВО округа предусмотреть ПВО войск и ПВО территории Киевской зоны ПВО. Особо детально отработать:

а) организацию службы ВНОС и немедленное оповещение как с ротных и батальонных, так и с линейных постов ВНОС, аэродромов авиации, особенно истребительной, пунктов и объектов ПВО, управлений бригадных районов и зоны ПВО.

б) Использование и действия истребительной авиации, установив районы истребления авиации противника для отдельных авиачастей.

в) Тщательное прикрытие постоянных пунктов и объектов ПВО, выгрузочных районов и районов сосредоточения наземными средствами ПВО и авиаций.

г) Вопросы связи и управления средствами ПВО.

3. Разработать:

а) план подъема войск по тревоге и выделения отрядов поддержки пограничных частей.

б) План охраны и обороны важнейших промышленных предприятий, сооружений и объектов.

4. На случай вынужденного отхода разработать, согласно особых указаний, план эвакуации фабрик, заводов, банков и других хозяйственных предприятий, правительственных учреждений, складов, военного и государственного имущества, военно-обязанных, средств транспорта и прочего.

VIII. Указания по тылу.

До 15 дня мобилизации разрешается израсходовать:

а) Для наземных войск прикрытия – боеприпасов 3 боекомплекта; горючего – для боевых машин 5 заправок, для транспортных – 8 заправок.

б) Для ВВС: истребителям 15 вылетов; ближним бомбардировщикам 10 вылетов; дальним бомбардировщикам 7 вылетов; разведчикам – 10 вылетов.

в) Для всех войск прикрытия – 15 суточных дач продфуража.

Обеспечение войск всеми видами снабжения, ремонтом и восстановлением техники производить за счет запасов и ремонтной базы округа.

Эвакуацию больных и раненых людей и лошадей производить в пределах Ково, используя в первую очередь стационарную сеть лечебных заведений.

IX. Общие указания.

1. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей члена Главного военного Совета и начальника Генерального Штаба Красной Армии подписями следующего содержания: "Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года".

2. Первый перелет и переход государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования.

3. План прикрытия должен состоять из следующих документов:

а) Записки по плану действий войск в прикрытии с приложенной к ней картой решения и группировки войск до полка и отдельной части включительно.

б) Ведомости боевого состава.

в) Таблицы выхода и сосредоточения частей прикрытия к госгранице.

г) Плана использования ВВС с приложенной ему картой базирования и оперативного использования.

д) Плана ПВО с картами дислокации постов ВНОС и активных средств ПВО.

е) Плана инженерного обеспечения с расчетами и картой.

ж) Плана устройства связи с расчетами и схемами.

з) Плана устройства тыла и материального обеспечения наземных войск и ВВС с приложением к ним карты устройства тыла наземных войск и авиации.

и) Плана санитарной и ветеринарной эвакуации.

к) Указаний по подъему частей прикрытия по тревоге и выделению отрядов поддержки пограничных частей.

л) Перечня объектов и сооружений, подлежащих охране полевыми войсками и войсками НКВД.

м) Исполнительных документов (директив, приказов и приказаний).

4. План разработать в двух экземплярах. Один экземпляр представить мне, через начальника Генерального Штаба Красной Арм.; на утверждение, а второй экземпляр хранить в личном сейфе начальника штаба округа в папке, опечатанной печатью военного совета округа.

Планы районов прикрытия разработать в двух экземплярах и хранить: первые экземпляры в сейфах начальников штабов районов прикрытия, а вторые экземпляры в сейфе начальника штаба округа в папках, опечатанных печатью военного совета округа.

Исполнительные документы для соединений хранить в пакетах, опечатанных печатью военного совета армии, при мобпланах соединений.

Папки в армиях и пакеты в соединениях вскрываются по письменному или телеграфному распоряжению военного совета округа и армии соответственно.

Документы плана пишутся от руки или печатаются на машинке лично командирами, допущенными к разработке плана.

5. К разработке плана допускаются:

а) В штабе округа –

в полном объеме – командующий войсками, член военного совета, начальник штаба и начальник оперативного отдела штаба Ково;

в части разработки плана действий ВВС – командующий ВВС Ково;

в части плана военных сообщений – начальник отдела военных сообщений штаба Ково;

в части плана устройства тыла, санитарной и ветеринарной эвакуации – зам. начальника штаба Ково по тылу;

в части плана связи – начальник связи округа.

Прочим начальникам родов войск и служб давать персональные задания по специальности, но без сообщения плана прикрытия.

б) В штабах армий –

командующий, член военного совета, начальник штаба и начальник оперативного отдела штаба армии.

Приложения: 1. Схема прикрытия Ково и Одво на карте 1.000.000 – 1;

2. Схема базирования ВВС Ково и Одво на карте 1.000.000 – 1.

п.п. Народный Комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального Штаба КА

Генерал армии Жуков

Верно: Зам. нач. Опер. Упр. Ген. Шт.
генерал-майор (Анисов)

Написано в двух экз.

Экз. № 1 – Комвойсками Ково

Экз. № 2 – В Опер. Упр. Ген. Шт.

Исполнил Зам. нач. Опер. Упр.

генерал-майор (Анисов)²³

²³ ЦАМО РФ, ф. 16А, оп. 2951, д. 259, л. 1–17. Без карт и приложений.

Документ № 2

Командующему 12 армией

ЭКЗ. № 2

Директива № 004 Штаб КОВО Киев 1 мая 1941 г.

Карта 500.000.

1. Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск Юго-Западного фронта, войскам КОВО поставлена задача, упорной обороной укреплений по линии государственной границы от оз. СВИТЯЗСКОЕ до ЛИПКАНЫ и противо-воздушной обороной, не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

Вся приграничная полоса КОВО разбита на четыре района прикрытия.

2. Войска 12 армии (боевой состав приложение № 1) входят в состав войск Район прикрытия № 4 (РП № 4).

Начальником РП № 4 назначаю ВАС.

Штаб РП – штаб 12 армии СТАНИСЛАВ.

Схема прикрытия 12 армии (приложение № 2).

3. Правее 26 армия (РП № 3) обороняет госграницу на фронте – иск. РАДЫМНО, ПЕРЕМЫШЛЬ, ЛЮТОВИСКА.

Штаб 26 армии – САМБОР.

Граница с 26 армией – ТРЕМБОВЛЯ, СТРИЙ, ДРОГОВЫЧ, Ст. САБОР, ЛЮТОВИСКА. Все пункты, кроме Ст. САМБОР включительно для 12 армии.

Левее – Одесский военный округ. Штаб с № 3 – ТИРАСПОЛЬ. Его правофланговый 35 ск обороняет фронт – КОРЖЕУЦЫ, иск. ЛЕОВО. Граница с ОДВО – ХУДЯКИ, УМАНЬ, ВАПНЯРКА, иск. ДЖУРИН, КАЛЮС, иск. КОЖЕУЦЫ, ПАШКАНЫ.

4. Задача 12 армии (РП № 4):

а) Оборонять госграницу на фронте ЛЮТОВИСКА, УЖОК, ВОРОХТА, ВОЛЧИНЕЦ, ЛИПКАНЫ, не допустить вторжения пр-ка на нашу территорию.

В основу обороны положить упорную оборону полевых укреплений, возведенных в приграничной полосе (приложение № 3) с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего и всестороннего их развития.

Обороне придать характер активных действий. Всякие попытки пр-ка прорывать оборону немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов.

Особое внимание уделить противотанковой обороне.

Особо ответственные направления:

Ст. УЖОК, САМБОР;

МУКАЧЕВО, СТРИЙ;

ГУСТЕ, ДОЛИНА;

КЕРЕШМЕЗЕ, СТАНИСЛАВ;

с фронта РЕДЕУЦЫ, ДОРОХОЙ на ЧЕРНОВИЦЫ, КОЛОМЫЯ; ДОРОБАНИ, КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК.

б) Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск армии. (Выписка из плана ПВО КОВО приложение №№ 4 и 5).

Не допустить сбрасывания и высадки воздушных десантов и диверсионных групп пр-ка на территорию армии.

Для отдельных частей истребительной авиации установить районы истребления авиации пр-ка.

в) Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и ударами по основным группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение пр-ка. Глубина действий боевой авиации армии до линии ВРАНОВ, УЖГОРОД, МУКАЧЕВО, БЫСТРИЦА, ПАШКАНЫ.

г) Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск пр-ка.

Воздушную разведку до линии – ПРЕШУВ, САТУ-МАРЕ, КЛУЖ, НЯТРА.

5. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армии быть готовым, по указанию ВОЕННОГО СОВЕТА округа, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок пр-ка, перенесения действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

6. Учесть, что на территории армии располагаются:

а) Фронтной (окружной) резерв 55 ск (130, 169, 189 сд, 4 ПТА бригада) в районе – ЯРМОЛИНЦЫ, БАЛИН, НВ. УШИЦА, куда прибывает с М-4 по М-11.

Штакор – ДУНАЕВЦЫ.

55 ск подготавливает противотанковые районы и тыловой оборонительный рубеж по р. ДНЕСТР на фронте ЖВАНЕЦ, КАЛЮС.

б) Авиация фронта (округа)

19 сад – на аэродромах в районе БУЧАЧ, УСЕЧКО, ЕВЕРЖАНЫ, ЧЕРТКОВ

17 сад – на аэродромах в районе ПОДГАЙЦЫ, ТРЕМБОВЛЯ.

Базирование авиации согласно приложения № 6.

7. Подготовить к разрушению и заграждению все грунтовые дороги и вероятные направления для действия бронетанковых войск пр-ка в полосе армии от госграницы до линии СТАРЫ-САМБОР, ДОЛИНА, КОЛОМЫЯ, ХОТИН.

8. Заграждения на железных дорогах:

а) с началом боевых действий произвести полное разрушение и минирование:

– на дороге САМБОР, СПАНКИ – участка от госграницы до разрушенного виадука (произвести минирование). От виадука до ст. ЯБЛОНКА НИЖНА произвести эвакуацию;

– на дороге СТРЫЙ, БЕСКИД – участка от госграницы до ст. ЛАВОЧНЕ (тоннель не разрушать);

– на дороге ВОРОХТА, ДЕЛЯТЫН – участка госграница, иск. ст. ВОРОХТА;

на дороге ЧЕРНОВИЦЫ, ВАДУЛЬ на СЕРЕТЕ – от участков: госграница, ВАДУЛЬ на СЕРЕТЕ, ПЕТРИЧЕНЫ и госграница, ТЕРЕБЛЮШИ, ПЕТРИЧЕНЫ;

– на дороге ЧЕРНОВИЦЫ, ЛАРГА, ОКНИЦА – участков: ЛИПКАНЫ, ВАНШКАУЦЫ и ЛИПКАНЫ, МЕДВЕЖЕ.

б) Подготовить к разрушению, произведя предварительно эвакуацию следующих ж.-д. участков:

– от ст. ЛАВОЧНЕ до ст. ТУХЛЯ;

– от ст. ВОРОХТА до ст. ТАРТАРУВ;

– от ст. ВАНШКАУЦЫ до ст. НОВОСЕЛИЦА и

– от ст. МЕДВЕЖЕ до ст. ЛАРГА.

Разрушение произвести только в случае вынужденного отхода.

в) произвести предварительную эвакуацию следующих жел.-дор. участков (подготовить все необходимые средства для разрушения).

– ст. ЯБЛОНКА НИЖНА до ст. ТУРКА, оставив пропускную способность на 3 пары поездов в сутки;

– ст. до ст. СКОЛЕ, оставив пропускную способность на пары поездов в сутки;

– ст. ТАРТАРУВ до ст. ДЕЛЯТЫН, оставив 3 пары поездов в сутки;

– ст. БЕРГЕМЕТ до ст. ГЛЫБОКА оставить 2 пары поездов в сутки;

– ст. КОШУН до ст. КАКРА оставить 1 пару поездов в сутки;

– ст. ГЛЫБОКА до ст. ГРАДИНА ПУБЛИКА оставить 4 пары поездов в сутки;

– ст. НОВОСЕЛИЦА до ст. МАХАЛА оставить 3 пары поездов в сутки;

– ст. ЛАРГА до р. ДНЕСТР оставить 4 пары поездов в сутки;

– ст. ЛАРГА до ст. ОКНИЦА оставить 2 пары поездов в сутки.

г) Мероприятия по заграждению жел-дорог производить железнодорожными войсками, а до их прибытия выполнение указанных задач возложить на войсковые части прикрытия и погранвойска НКВД.

Схема и план заграждений (приложение №7).

9. Организация тыла и материального обеспечения:

а) Тыловая граница армейского района: ТРЕМБОВЛЯ, ЯРМОЛИНЦЫ, МУРОВАНО-КУРИЛОВЦЫ.

б) До М-15 разрешается израсходовать:

– для наземных войск прикрытия боеприпасов 3 боекомплекта, горючего для боевых машин 5 заправок и для транспортных машин 8 заправок;

– для ВВС – истребителям 15 вылетов, ближним бомбардировщикам и разведчикам 10 вылетов и дальним бомбардировщикам 7 вылетов;

– подфуража 15 суточных дач, до М = 1 по нормам мирного времени, в дальнейшем в пределах норм фронтового пайка.

в) В первую очередь расходовать переходящие запасы войсковых соединений, в последующем базироваться на окружные склады:

Артсклад № 831 – СТАНИСЛАВ,

"_" № 441 – ГРЕЧАНЫ,

Склад ГОМ № 936 – ЯБЛОНКА НИЖНА,

"_" № 938 – СКОЛЕ,

"_" № 824 – СТРИЙ,

"_" № 939 – КОЛОМЫЯ,

"_" № 828 – ЧЕРНОВИЦЫ,

"_" № 777 – КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК,

Продсклад № 145 – СТАНИСЛАВ,

"_" № 995 – ЧЕРНОВИЦЫ и передаваемые мобфонды.

Запасы складов даны в приложении № 8.

Продсклад № 799 подчинен Командующему 26 армии.

г) Больных и раненых людей размещать в стационарных военных госпиталях № 2223 – ЧЕРНОВИЦЫ, № 2347 – СТАНИСЛАВ и СТРИЙСКИЙ военный госпиталь, подчиненный Командующему 26 армией.

Для размещения легко раненных использовать военный санаторий МОРШИНО. Военный санаторий ВОРОХТА эвакуировать в СТАНИСЛАВ.

д) 192 гсд с началом военных действий приписать на довольствие к 26 армии при станции снабжения САМБОР.

е) Прибывающие в резерв фронта части 7 ск приписать на довольствие к ст. снабжения СТРИЙ.

ж) Дополнительно к стационарным учреждениям с 4 дня мобилизации развернуть станции снабжения: СТРИЙ, КОЛОМЫЯ, КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК;

материальные средства, недостающие в продовольственных складах до указанных норм расхода, будут поданы распоряжением округа (фронта) на ст. ЯРМОЛИНЦЫ, где будет развернута распорядительная станция.

з) Следующие тыловые учреждения, расположенные в районе 12 армии, остаются в распоряжении округа (фронта):

Склад ГСМ № 827, 1043 – ПЕЛАГИЧИ,

"_" № 1059, 837 – ВЫГНАНКА,

ППГ м/т № 597, 598 – КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК;

Эпидгоспиталь № 834 – ЧЕРТКОВ,

ЭКС и батальон обслуживания С/С № 49 – ЧЕРТКОВ.

и) Эвакуация из армии будет проводиться средствами и распоряжением фронта по заявкам армии. Приданные два кадра использовать для эвакуации раненых в пределах армии (прибывают в СТАНИСЛАВ на М = 4).

к) Для ремонта машин использовать 30 подвижную мастерскую и ЧЕРНОВИЦКУЮ гарнизонную АВТ мастерскую.

24 рембаза – СТРЫЙ подчинена 26 армии.

л) Для подвоза от головных и стационарных складов к войскам широко использовать жел.-дор. летучки (вертушки).

10. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена военного совета и начальника штаба округа подписями следующего содержания: "Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 г."

11. Первый перелет и переход госграницы нашими частями может быть произведен только с разрешения ВОЕННОГО СОВЕТА округа.

12. Штаб КОВО к исходу 2 дня действий – ТАРНОПОЛЬ.

Донесения присылать немедленно телеграфом:

а) О выступлении соединений (отдельных частей) из районов расквартирования;

б) о занятии позиций (районов) каждым соединением согласно плану (или в отсутствие от него с указанием причин);

в) о нарушении госграницы пр-ком и о первых столкновениях с ним;

г) об обнаружении группировок пр-ка, особенно его мехсоединений;

д) о переходе и перелете госграницы нашими частями (подразделениями).

Сводки представлять:

Оперативные ежедневно к 8, 15 и 22 часам; разведывательные на час раньше телеграфом, делегатом одновременно с оперативными; тыловую – телеграфом к 23 часам, делегатом одновременно с оперативной к 22 часам ежедневно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Ведомость боевого и тылового состава 12 армии на 5 листах.

2. Схема прикрытия 12 армии на карте 500.000 (только адресату).

3. Схема оборонительного строительства Карпатского направления, Черновицкого и Каменец-Подольского УР-ов на карте 200.000 (только адресату).

4. Выписка из схемы дислокации частей ПВО КОВО (только адресату).

5. Выписка из схемы дислокации постов ВНОС на кальке (только адресату).

6. Пояснительная записка о частях ВВС приданных 12 армии на ТРЕХ листах и карта с базированием ВВС. (Только адресату)

7. План заграждений на железных дорогах 12 армии на листах (только адресату).

8. Запасы продовольствия, фуража, горюче-смазочного материала и боевых припасов, дров, передаваемых 12 армии. На 11 листах.

9. Записка по связи на листах " ". Только адресату.

Командующий войсками
КОВО

генерал-полковник
(КИРПОНОС)

Начальник штаба КОВО
Генерал-лейтенант
(ПУРКАЕВ)

Отпеч. 3 экз.

Экз. № 1 Адресату

" – " № 2 Генштаб КА.

" – " № 3 В Оперотд. штаба КОВО

Член военного совета
корпусный комиссар

(ВАШУГИН)

Исполнил полковник
БАГРАМЯН
Отпечатал полковник
ЛЕВИН²⁴

²⁴ Там же, л. 21–25.

Командиру 13 СК.

Частный боевой приказ № 001 ШТАРМ 12 СТАНИСЛАВОВ
6 июня 194

карта 200.000

1. Для прикрытия мобилизации и сосредоточения войск на территории КОВО из состава войск 12 армии создается район прикрытия приграничной полосы № 4 (РП № 4).

2. 13 ск (192, 44 гсд) с 5 комендатурой 93 погранотряда, 94 погранотрядом и 1 комендатурой 95 погранотряда, опираясь на заранее подготовленный оборонительный рубеж, оборонять госграницу на участке ЛЮТОВИСКА, выс. 1272 (зап. ДЕЛЯТЫН 40 км). Особо прочно прикрыть направления:

а) УЖОК, САМБОР; б) МУНКАЧ, СКОЛЕ, СТРЫЙ; в) ХУСТ, ДОЛИНА, не допуская прорыва пр-ка на территорию СССР.

Обороне придать характер активных действий. Всякие попытки пр-ка прорывать оборону немедленно ликвидировать силами полковых и дивизионных резервов.

Особое внимание уделить противотанковой обороне.

Штаб 13 ск – СЫНОВУЦКО ВЫЖНЕ

3. Справа – части прикрытия РП № 3 – штаб САМБОР.

Граница с ним: СТРЫЙ, ДРОГОБЫЧ, иск. Ст. САМБОР, ЛЮТОВИСКА.

Слева – 58 гсд. Штадив – ДЕЛЯТЫН.

Граница с ней: БЕДНАРУВ, выс. 1808, выс. 1272.

4. Оборону построить следующим образом:

а) 192 гсд с 283 кап, 5 комендатурой 93 погранотряда, 1 и 2 комендатурами 94 погранотряда, прочно оборонять полосу ЛЮТОВИСКА, Г. (выс. 891), РОСОХАЧ, Г. РОЗЛУЧ, ХВАЩУВ, особо прочно прикрыть направление УЖОК, САМБОР.

Штадив – ТУРКА.

Граница слева – КРУШЕЛЬНИЦА, выс. 836 (у надписи РОСОХАЧ) Г. (выс. 891).

1) 618 гсп с 1/298 лап, с 5 комендатурой 93 погранотряда и 1 комендатурой 94 погранотряда оборонять участок ЛЮТОВИСКА, иск. СОКОЛИКИ, ПИШЛУЙ, ХВАЩУВ.

Штаполк 618 – БОБЕРКА.

Граница слева – все иск. выс. 753, 745, иск. СОКОЛИКИ.

2) 753 гсп с 2/298 лап и 1/579 гап 176 опт батареей, 2 комендатурой (без двух застав) 94 погранотряда оборонять участок СОКОЛИКИ, выс. 1012, БОРЫНЯ, ЯБЛОНКА.

Штаполк 753 – ЯБЛОНКА.

Граница слева – РАПАВСКО, выс. 834, выс. 1012.

3) 676 гсп с 2/579 гап, с 6 и 7 заставами 2 комендатуры и 9 заставой 3 комендатуры 94 погранотряда оборонять участок Г. БЕСКИД (выс. Г. ПИСМО (891), Г. ГРЕТОВА-ГУРА, БУТЕЛЬКА НИЖНЯ.

Штаполк 676 – БУТЛЯ (сев.-восточная).

Граница слева – граница дивизии (выс. 836, Г. ПИСМО).

4) 427 гсп с 164 окэ в ударной группе дивизии в районе ТУРКА; готовить контратаки в направлениях – 1) ТУРКА, ЖУРАВИН; 2) ТУРКА, УЖОК; 3) ТУРКА, ЯБЛОНУВ, ВЫСОЦКО-ВЫЖНЕ.

Штаполк 427 – ТУРКА.

Б) 44 гсд с 468 ткап, 3, 4 и 5 комендатурами и маневренной группой 94 погранотряда и 1 комендатурой 95 погранотряда, опираясь на заранее подготовленный оборонительный рубеж вдоль границы, оборонять полосу Г. ЯЩЕНОВА (выс. 861,

выс. 1272, ОСМОЛОДА, ЛЮДВИКУВКА, ТУХЛЯ, особо прочно прикрыть направления: МУНКАЧ, СКОЛЕ, СТРЫЙ, ХУСТ, ДОЛИНА.

Штадив 44 – ТУХЛЯ.

Граница слева – БЕДНАРУВ, выс. 1808, выс. 1272.

1) 146 гсп с 179 гап без 2 288 опт батареей, 3 комендатурой 94 погранотряда оборонять участок Г. ЯЩЕНОВА (выс. 861), иск. ВЫДЛУВ, РЫКУВ.

Штаполк 146 – ФЕЛИЦИЕНТАЛЬ.

Граница слева – ПЛАВЕ, иск. ВЫДЛУВ.

2) 25 гсп с 1/122 лап, 2/179 гап, 4 коменд. 94 погранотряда оборонять участок ВЫДЛУВ, иск. СЕНЕЦУВ, СЛАВСКО.

Штаполк 25 – СЛАВСКО.

Граница слева – выс. 1136, иск. СЕНЕЦУВ.

3) 319 гсп с 2/122 лап, 5 коменд. 94 ПО и 1 коменд. 95 ПО оборонять участок СЕНЕЦУВ, выс. 1611, КУЖМЕНЕЦ, ЛЮДВИКУВКА.

Штаполк 319 – ЛЮДВИКУВКА.

Граница слева – выс. 1808, 1272.

4) 305 нсп с 4 окэ – ударная группа дивизии, располагаясь в районе ТУХЛЯ, подготовить контратаки в направлениях: 1) ТУХЛЯ, КРИВЕ, НАТЕ; 2) ТУХЛЯ, КЛИМЕЦ; 3) ТУХЛЯ, ст. БЕСКИД; 4) ТУХЛЯ, ВЫШКУВ.

Штаполк 305 – ТУХЛЯ.

В) С выходом войск прикрытия на госграницу все погранчасти НКВД, расположенные в полосе корпуса, поступают в оперативное подчинение соответствующих общевойсковых начальников и продолжают оставаться на своих местах, усиливая заставы, наблюдение и охрану госграницы.

По специальной службе погранвойска продолжают выполнять указания УПВО НКВД.

С началом боевых действий погранчасти действуют согласно плана обороны полков и батальонов, на участках которых они находятся.

Г) 149 иап аэродром СТРЫЙ, прикрывает район ДРОГОБЫЧ, БОРИСЛАВ.

Таблица взаимодействия с авиацией в приложении № (только адресату).

Д) ПВО – для прикрытия ударных групп дивизий и артиллерии ДД, использовать зенитные части войск корпуса. Для прикрытия ДРОГОБЫЧ, БОРИСЛАВ – 738 и 18 зенартполки. Для прикрытия СТРЫЙ – 146 озад.

Е) Связь:

а) Со штабом РП № 4 – СЫНОВУЦКО ВЫЖНЕ по телефонной цепи № 1056 скрещенный с № 1147 КАЛУШ, с № 1061 – СТРЫЙ.

Со штабами 192 гсд – ТУРКА по телефонному проводу 1062, скрещенный с № 9126 – ТУХЛЯ; с 44 гсд – ТУХЛЯ по телефонной цепи № 1064.

в) Связь с соседом справа – 8 ск через штаб РП;

г) со станцией снабжения – СТРЫЙ по телефонной цепи 1058.

д) с погранотрядом СКОЛЕ – по телефонной цепи № 9576;

е) с коменд. 4/93 ПО ЛЮТОВИСКА через штадив 192 по телефонной цепи №№ 9247, 9571;

ж) с коменд. 1/95 ПО – ОСМОЛОДА через СТРЫЙ, цепь № 9576, до ДОЛИНА 9585, до РОЖНЯТУВ 9347, до ПЕРЕЧИНСК № 9496, до ОСМОЛОДА № 9495.

Е) УСТРОЙСТВО ТЫЛА –

а) Части корпуса до М-4 базируются на свои войсковые склады, с М-4 – на станцию снабжения – СТРЫЙ и на стационарные склады:

артсклад № 831 – СТАНИСЛАВОВ;

склад горючего № 936 – ЯБЛОНКА НИЖНА, № 938 – СКОЛЕ, № 824 – СТРЫЙ

склад продфуража № 145 – СТАНИСЛАВОВ.

Отпуск средств со стационарных складов производится по заявкам штакора через довольствующие отделы штаба РП № 4.

192 гсд с началом боевых действий приписывается на довольствие на ст. снабжения – САМБОР.

б) Подвоз всех видов снабжения и эвакуация – транспортными средствами войсковых частей и ж-д. лётчиками (последние распоряжением штаба);

в) С М-1 до М-15 расход материальных ресурсов устанавливается:

боеприпасов – 3 бк;

горючего для боевых машин 5 заправок, для остальных машин 8 заправок;

продфураж – по норме.

г) Эвакуацию раненых и больных людей производить в стационарный госпиталь № 2346 – СТРИЙ. Инфекционных больных – в инфекционное отделение больницы – СТРИЙ. Легко раненных направлять в военный санаторий – МОРИШАНУ.

Дальнейшая эвакуация людей особым распоряжением санитарного отдела РП № 4.

д) Эвакуацию раненых и больных лошадей до М = 4 производить в ветлазарет № 264 – СТАНИСЛАВОВ.

е) Аварийную матчасть направлять в 30 подвижную мастерскую – СТАНИСЛАВОВ.

ж) Охрана объектов государственного значения и поддержания революционного порядка в войсковом районе осуществляется местными органами, войсками НКВД и полевыми войсками Вашим распоряжением.

з) С введением в действие плана прикрытия немедленно приступить к инженерному усилению оборонительных районов.

ЗАДАЧИ: а) силами войск усилить оборонительное состояние рубежа госграницы. В первую очередь дополнить противотанковые и противопехотные препятствия на основных направлениях;

б) силами стройучастков и местного населения подготовить тыловой оборонительный рубеж по линии Ст. САМБОР, ТУРКА, ТУХЛЯ, НЯГРЫН, ЯСЕН;

в) силами войск и местного населения исправить дороги и мосты, для обеспечения маневра и питания частей.

г) Подготовить к разрушению и заграждению все грунтовые дороги и вероятные направления для действия бронетанковых войск пр-ка в полосе корпуса от госграницы до линии СТАРЫ-САМБОР, ДОЛИНА.

д) С началом боевых действий произвести полное разрушение и минирование: на ж-д. САМБОР, СИАНКИ от госграницы до разрушенного виадука (здесь дорога разрушена, произвести только минирование), на ж-д. СТРИЙ, БЕСКИД – участка от госграницы до ст. ЛАВОЧНЕ (тоннель не разрушать).

е) Подготовить к разрушению, произведя предварительную эвакуацию следующих ж-д. участков:

От виадука до ст. ЯБЛОНКА; от ст. ЛАВОЧНЕ до ст. ТУХЛЯ. Разрушение этих участков производить только в случае вынужденного отхода.

з) Произвести предварительную эвакуацию и подготовить все необходимые средства для разрушения следующих ж-д. участков:

Ст. ЯБЛОНКА до ст. ТУРКА, оставив пропускную способность на ТРИ пары поездов в сутки; ст. ТУХЛЯ до ст. СКОЛЕ, оставив пропускную способность на ТРИ пары поездов в сутки.

Мероприятия по заграждению жел-дорог производить силами желдорчастей, прибывающих к исходу дня М-1, а до их прибытия выполнение задач, указанных в пункте "д" возложить на войсковые части и погранвойска НКВД.

И) Не допустить сбрасывания и высадки воздушных десантов и диверсионных групп пр-ка в полосе действий корпуса.

К) Всеми видами разведки своевременно установить характер сосредоточения и группировку войск пр-ка перед фронтом корпуса.

Воздушную разведку вести до линии ПРЕШУВ, САТУ МАРЕ, КЛУЖ.

Л) Первый перелет и переход границы только с особого разрешения Военного Совета Армии.

М) Донесения присылать немедленно телеграфом:

а) о выступлении соединений (отдельных частей) из района расквартирования; б) о занятии позиции (районов) каждым соединением согласно плана (или в отступлении от него с указанием причин); в) о нарушении госграницы пр-ком и о первых столкновениях с ним; г) об обнаружении группировок пр-ка особенно его мехсоединений; д) о переходе и перелете госграницы нашими частями (подразделениями).

Сводки представлять:

Оперативные ежедневно к 6, 13, 20 часам; разведывательные телеграфом на час раньше, делегатом одновременно с оперативными; тыловую телеграфно к 19 часам, делегатом одновременно с оперативной к 20 часам.

Приложение.

1. Карта масштаба 100.000. на листах. Только адресату.
2. Таблица взаимодействия наземных войск с авиацией на листах.
3. Указания по связи на листах. Только адресату.
4. Выписка из плана инженерного обеспечения на листах. Все приложения только адресату.

Командующий 12 армией
генерал-майор
(ПОНЕДЕЛИН)

За член[а] Военного Совета
бригадный комиссар
(АВЕРИН)

Начальник штаба 12 армии
Генерал-майор (АРУШАНЯН)

Отпеч. 4 экз.

Экз. № 2. Штаб КОВО

" – " № 3 К-ру 13 ск

" – " № 4 в делах штарма 12.

Исполнил генерал-майор – АРУШАНЯН

Печатал полковник – Левин²⁵

---

²⁵ Там же, л. 92–95.

© 1997 г.

А.Б. ДАВИДСОН

**В ПОИСКАХ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА...
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О НИКОЛАЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ
ЕРОФЕЕВЕ (1907–1996)**

Как путник, препоясав чресла,
Идет к неведомой стране,
Так ты, усевшись глубже в кресло,
Поправишь на носу пенсне.

Н. Гумилев

Конец 1953 года. На Волхонке в секторе новой истории Института истории АН СССР идет обсуждение доклада Альберта Захаровича Манфреда. Это был один из ряда докладов для готовившегося тогда сборника о влиянии революции 1905–1907 гг. на другие страны. Обсуждение шло спокойно, как сказали бы теперь, рутинно.

Оживление наступило после выступления медиевиста Виктора Федоровича Семенова. Не особенно критикуя статью по существу, он назвал ее язык недостаточно академичным, слишком популярным. Замечание это он сделал без нажима и без какого-либо оттенка недоброжелательства. Но Альберта Захаровича оно задело за живое. Это было за много-много лет до выхода его наиболее ярко написанных книг: "Наполеона Бонапарта" и "Трех портретов". Но, очевидно, в нем что-то уже давно протестовало против той сухой манеры исторических работ, которая многим казалась единственно научной, "академической". И реагировал он бурно. Говорил о праве историка на свой собственный, а не какой-то безликий, широко утвердившийся тогда стиль. А если к тому же пишешь об истории Франции, то как избежать влияния великих французских писателей – Гюстава Флобера, Оноре Бальзака, Анатоля Франса. "Я, – сказал он, – учусь языку у Анатоля Франса".

Существо статьи Манфреда, наверно, интересовало не всех. Но манера и стиль исторических работ – это было близко каждому. И дискуссия повернулась в это русло. Историки Франции – Борис Федорович Поршнев, Федор Васильевич Потемкин, Александр Иванович Молок, Энна Адольфовна Желубовская, приехавший из Одессы Вадим Сергеевич Алексеев-Попов – все высказались не только о проблемах стиля вообще, но и о языке Анатоля Франса. И почти у каждого, меня это поразило тогда, нашлось, что сказать. В дискуссию включились Владимир Михайлович Лавровский, Евгения Ильинична Рубенштейн, Михаил Иванович Михайлов, Владимир Михайлович Турок, пришедший из сектора новейшей истории, Зинаида Карловна Эггерт, заместитель директора "фундаменталки" – Фундаментальной библиотеки общественных наук. Не помню выступления Алексея Леонтьевича Нарочницкого, он тоже присутствовал, работал в этом секторе на полставки. Не помню, был ли Аркадий Самсонович Ерусалимский – его тогда временно перевели в сектор всемирной истории. Но помню, что поддержали Манфреда все, даже те, кто не очень умел писать сколько-нибудь самостоятельно. Отмолчался, кажется, только выпускник

Академии общественных наук Павел Васильевич Жогов, хотя проблема стиля как раз его должна была бы тогда занимать: он готовил статью для журнала "Преподавание истории в школе" на модную тогда тему: "О широком размахе бактериологической войны американцев в Корее".

Это было одно из первых таких искренних и оживленных обсуждений в Институте истории АН СССР. Можно ли было всего лишь несколькими месяцами раньше, при жизни Сталина, в годы борьбы против "низкопоклонства перед Западом", публично сказать такое: "Я учусь стилю у Анатоля Франса"? А тут почувствовалась оттепель – после многих лет дежурных слов или осторожного молчания.

Обсуждение приобрело такой страстный характер, наверно, и потому, что участники были тогда далеко еще не старыми людьми. Манфред, Поршневу, Нарочницкий, да и большинство остальных еще не приблизились к своему 50-летнему рубежу.

Почему я пишу об этом здесь, в связи с Николаем Александровичем Ерофеевым? Хотя и обсуждалась не его статья, но ведь это был сектор, в котором он работал, люди, которые его окружали, обстановка, в которой он находился. И то заседание завершилось как раз его выступлением. Он сказал, что историкам хорошо бы всегда помнить слова Анатоля Франса: "Ласкайте вашу фразу, и она будет улыбаться вам".

Начал я с того памятного мне дня еще и потому, что именно на том заседании я впервые услышал выступление Николая Александровича. Встречались мы еще раньше, в сентябре 1953 г., он был членом экзаменационной комиссии по приему в аспирантуру. Потом, из приказа по Институту истории АН СССР, присланного мне в Ленинград, узнал, что он будет моим научным руководителем. В Москве увидел его как раз на том заседании.

Конечно, я был наслышан о нем еще в Ленинграде – надо же было узнать, что собой представляет твой будущий научный руководитель. Мне говорили, что он всегда подтянут, по-английски сдержан, ежедневно бывает в библиотеках, тщательно следит за поступлениями новой литературы. Очень дорожит своим временем. Заботится о здоровье, и во время тогдашних бесконечных заседаний, не стесняясь, вытаскивает из портфеля приготовленный женой бутерброд. И еще: его жена, Ольга Васильевна Беликова, заведует спецхраном в Фундаментальной библиотеке общественных наук.

О его научной работе я слышал, что он знаток истории Великобритании, но в последние годы ничего не публиковал. Почему? Он оказался одним из первых специалистов по всеобщей истории, попавших под паровой каток послевоенного витка "идеологической борьбы". Писателей, начиная с Ахматовой и Зощенко, с журнала "Звезда" и "Ленинград", громили еще в 1946-м, затем удар пришелся по киноискусству, музыке, репертуару театров, а среди историков первыми оказались под огнем специалисты по отечественному прошлому. Но вскоре дошла очередь и до остальных. Сперва отдельные книги и статьи, а в 1948-м – уже в целом историческая наука и ее головное учреждение, Институт истории АН СССР. В "Литературной газете", которая очень усердствовала в этих погромах, появилась статья об институте. В ней досталось многим историкам. Было даже такое обвинение: "Пропагандирует антинаучные взгляды буржуазных, в том числе и фашистских историков"¹. Вскоре вышла вторая статья, еще более грозная².

Николай Александрович в 1948-м опубликовал статью "Соединенные Штаты Америки и Англия в период войны 1914–1917 гг." Она была добротной, базировалась на кандидатской диссертации "Американский нейтралитет и союзная блокада в 1914–1917 гг.", которую Ерофеев защитил в 1946 г. Появилась статья в сборнике "Труды по новой и новейшей истории". Институт истории АН СССР собирался издавать сборники под этим названием более или менее регулярно, поэтому на переплете стояло: "Том 1". Но не тут-то было. На этот том немедленно набросилось самое страшное

¹ Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность. – Литературная газета, 8.IX.1948.

² Эрдэ Д. Академия наук не занимается историей СССР. – Литературная газета, 2.X.1948.

тогда издание – газета "Культура и жизнь". Она была создана специально для разгромов, и в просторечии ее называли "братская могила". Упоминание на ее страницах считали уже приговором. Называли эту газету и "александровским централом": редактором ее был академик Г.Ф. Александров.

21 сентября 1948 г. там появилась статья "Объективистские экскурсы в историю" с подзаголовком: «О первом томе "Трудов по новой и новейшей истории"». Знакомые с этой газетой читатели могли сразу понять, что второго тома "Трудов" уже не будет, а авторам первого надо готовиться к серьезным неприятностям. Из авторов первым принял удар Николай Александрович – разнос начался с его статьи. "Н. Ерофеев пространно рассказывает о миролюбивом и посредническом характере политики Вильсона... Такая концепция автора совпадает с известной легендой о Вильсоне-миротворце, легендой, прикрывающей откровенно экспансионистские устремления американского империализма в годы первой мировой войны". Ф.И. Нотовичу, Л.И. Зубоку, С.И. Ленчнер досталось не меньше, а о статье З.К. Эггерт говорилось, что она стала «венцом столь далеко зашедшей теоретической путаницы авторов "Трудов"». В целом же сборник проникнут "духом аполитичности и буржуазного объективизма"³.

Даже многим из нас, тогдашних зеленых первокурсников, было ясно, что статьи "Культуры и жизни" и "Литературной газеты" состояли из передержек и прямой клеветы. И от старших мы слышали печальную шутку, родившуюся в 1948 г. после лысенковского разгрома генетики: "Кто ничего не пишет, тот навсегда останется мичуринцем". Но такие разговоры велись только между друзьями, сугубо доверительно. В официальной обстановке это было немыслимо.

"В институте проведены заседания секторов и расширенное заседание Ученого совета с активом, на которых обсуждались поставленные газетами "Культура и жизнь" и "Литературная газета" вопросы. Коллективы секторов и Ученый совет института единодушно признали справедливость и своевременность критических указаний". Так писал директор института академик Б.Д. Греков, отвечая на критику "Литературной газеты". Среди изданных институтом работ, "являющихся порочными в методологическом отношении и содержащих грубые политические ошибки", он назвал и ряд статей в "Трудах по новой и новейшей истории"⁴.

"Труды" больше не выходили. Первый том так и остался единственным. Ерофеева из института не изгнали, но он замолк. Годами ничего не мог публиковать: в редакциях на его имя смотрели с опаской. В 1948 г. он закончил рукопись: "Англо-американские империалистические противоречия в 1914–1917 гг." (300 страниц). Она так и не увидела свет, как и его кандидатская диссертация.

В ту пору его выручила жизненная мудрость, умение сравнительно спокойно относиться к неприятностям. Ведь он переносил и куда худшие невзгоды. В 1941 г., когда он, несмотря на плохое зрение, пошел в ополчение, в боях на Западном фронте его сильно контузило. Но он выжил, только зрение ухудшилось еще больше. А еще до войны его исключили из партии. Он работал в "Известиях", и, когда решил поступить в аспирантуру, рекомендацию ему подписали Бухарин, тогдашний редактор "Известий", и Радек.

О самой процедуре исключения Николай Александрович рассказывал так. В райком в тот день вызвали множество, как говорили тогда, партийцев. В кабинете секретаря у каждого отнимали партбилет. Выходили они в другую дверь и, выйдя, каждый считал, что ночью за ним придут. Николай Александрович думал, на что же потратить эти последние оставшиеся часы. Семьи у него тогда не было, родители давно умерли, друзей-известинцев уже "взяли". Вспомнил, что на этот день у него абонемент в плавательный бассейн. Туда и пошел.

Ему повезло. За ним не пришли. Из "Известий", конечно, уволили. Работал школь-

³ Павлов С. Объективистские экскурсы в историю. О первом томе "Трудов по новой и новейшей истории". – Культура и жизнь, 21.IX.1948.

⁴ Литературная газета, 3.XI.1948.

ным учителем, затем библиотекарем. В 1940 г. восстановили в партии, но с прерванным стажем. Потом – фронт, контузия. Тогда-то, после госпиталя и демобилизации, и исполнилось давнее желание: стал наконец аспирантом Института истории АН СССР.

То ли характер, то ли приобретенный опыт привели к тому, что он был очень организованным человеком. Умел не только работать, но и отдыхать, а это, кажется, считается у нас еще более редким даром.

Главное в жизненных передерягах – сберечь здоровье, считал он. До войны увлекался долгими загородными прогулками и плаванием. С конца 40-х к этому прибавилась яхта, а с начала 50-х – и байдарка.

Вряд ли в институте кто-либо знал, что Николай Александрович – яхт-капитан. Да и я узнал случайно, когда, увлекшись яхтой, в 1955 г. пошел в клуб "Водники" на Клязьминском водохранилище. Спина человека, который энергично циклевал днище большой краснодеревой яхты перед спуском ее на воду, показалась мне знакомой. Присмотрелся – он. Он и был командиром этой яхты. А сдать экзамены на яхт-капитана было непросто.

С 1950 по 1954 г. он не опубликовал ни одной статьи (кроме статей для Большой советской энциклопедии). Но трудился упорно. Добирал те знания, которые не удалось приобрести прежде. В молодости он долгие годы работал переплетчиком, рабочим типографии. Высшее образование получил заочно: за первые четыре курса истфака МГУ экзамены сдал экстерном, учился лишь на последнем курсе. Научную жизнь начал поздно, в аспирантуру поступил в 36 лет. Да и занимался темой, которая не вызывала восторга у начальства. Готовил книгу об эмиграции из Великобритании во второй четверти прошлого столетия, когда миллионы англичан, шотландцев, ирландцев вынуждены были покинуть родные очаги и навсегда эмигрировать. Это переселение дало мощный стимул развитию ряда стран Британской империи, прежде всего Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки. Ерофеев считал тему важной, но ему нелегко было отстаивать ее перед руководством института. Она не вписывалась в проблему классовой борьбы, которая считалась тогда главенствующей. И хотя он всячески подчеркивал, что эмиграция – форма социального протеста, это звучало в те годы не очень убедительно. Социальный протест виделся обычно в других, более активных формах: в политической борьбе, революциях, стачках. Так что даже в конце 50-х годов на Бюро Отделения истории об этой теме говорили, как о неактуальной.

Он смотрел на это без нервозности, работал скрупулезно и надеялся, что в конце концов тему признают. Тщеславием и честолюбием он не страдал, с защитой докторской диссертации не торопился.

С 1959 по 1967 г. одна за другой выходят книги, которые он подготовил за годы молчания: "Очерки по истории Англии, 1815–1917", "Чартистское движение в Англии", "Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг.", "Промышленная революция в Англии", "Империя создавалась так...", "Закат Британской империи"⁵. К тому же он опубликовал много статей. Некоторые из них он в дальнейшем объединил в книгу "Английский колониализм в середине XIX в."

Лучшей из этих книг, несомненно, была "Народная эмиграция". Он защитил ее как докторскую диссертацию в 1963 г., когда ему было 56 лет. Его первый оппонент, академик Иван Михайлович Майский, свой отзыв на защите начал со слов: "Я поразился, узнав, что Николай Александрович еще не доктор".

Академик Евгений Михайлович Жуков когда-то выразил сомнение в актуальности темы "Народная эмиграция". Наверное сейчас, через три с лишним десятилетия после

---

⁵ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии, 1815–1917. М., 1959; *его же*. Чартистское движение в Англии. М., 1960; *его же*. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг. М., 1962; *его же*. Промышленная революция в Англии. М., 1963; *его же*. Империя создавалась так... М., 1964; *его же*. Закат Британской империи. М., 1967.

выхода книги, вряд ли кто-нибудь бы так сказал. Ее актуальность теперь должна быть совершенно очевидной даже для тех, кого не интересует история Великобритании и ее владений. В последнее десятилетие скачок эмиграции из СССР, а затем из России и СНГ делает особо важным изучение причин и характера крупных эмиграций, а, значит, и изученного Ерофеевым массового переселения с Британских островов в Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку.

Промышленный переворот, происходящий сейчас во многих странах "третьего мира", заставляет обратиться к книге Ерофеева "Промышленная революция в Англии".

С концом Российской империи и Советского Союза новое звучание приобрели работы Николая Александровича по истории Британской империи, ее возвышения и распада. Это были две крупнейшие империи в истории человечества и, несмотря на очевидные различия, в их становлении и распаде есть черты сходства. В этом убеждаешься, читая книги "Империя создавалась так...", "Закат Британской империи" и "Английский колониализм в середине XIX в." История России как империи нашими отечественными авторами изучена мало, поэтому так важно знание опыта Британской империи и выросшего на ее месте британского Содружества.

Как удалось все же сохранить это Содружество, какую роль сыграли при этом возникшие во времена Британской империи экономические, культурные и языковые связи, как удалось смягчить процессы отторжения различных частей империи и метрополии? Знание этого опыта, во всяком случае многих его элементов, было бы полезно сейчас для нас. Николай Александрович задумывался об этом еще в 1960-х годах. Он не решился поставить эту проблему в полном объеме – очень уж всеобщей была тогда эйфория в связи с распадом зарубежных империй. Но все же некоторые непривычные для того времени мысли о британском Содружестве высказал в печати:

"Расплывчатость этого объединения, неопределенность его юридического статуса, неясность отношений между его участниками порождают у многих наблюдателей тенденцию вообще игнорировать его, как некую фикцию.

Подобный взгляд на Содружество сильно преувеличивает действительные процессы внутри этой организации. Несмотря на непрерывное ослабление уз, которые связывают его участников, Содружество представляет собой вполне реальную систему взаимных связей. Эта система, строившаяся на протяжении многих десятилетий, охватывает широкий круг различных вопросов...

В ходе длительных экономических связей, облегченных общностью языка, торговых обычаев и юридических правил, между различными участниками Содружества возникла разветвленная система предпринимательских, торговых, банковских, страховых и прочих объединений и союзов...

Эти связи непрерывно поддерживаются и обновляются. Для их укрепления время от времени собираются специальные совещания, как региональные, так и носящие общеимперский характер. Сохранению связей способствует общность мер, делопроизводства и пр. В рамках Содружества постоянно действуют единое бюро стандартов, различные статистические комиссии и агентства, а также многочисленные институты и учреждения научного характера"⁶.

Как известно, недавно в Содружество вернулась Южно-Африканская Республика. Мозамбик, который никогда не был английским владением, также попросил о приеме в Содружество и был принят.

Две последних книги Николая Александровича стоят особняком. Они – не об истории Англии. В основу первой – "Что такое история"⁷ – положен курс лекций, которые он несколько лет читал на истфаке МГУ – не только студентам, но и аспирантам и преподавателям. К сожалению, издание этой книги повергло его в

⁶ Ерофеев Н.А. ЮАР и Англия. – Против расизма и неоколониализма, за освобождение Юга Африки. Материалы международной научной конференции, состоявшейся 22–25 мая 1968 г. в Берлине. М., 1968, с. 280–281.

⁷ Ерофеев Н.А. Что такое история. М., 1976.

глубокое разочарование. Он стремился показать в ней свой многолетний опыт историка – сложный, многообразный, хотел познакомить читателей с наиболее интересным из опыта зарубежных ученых, с различной методикой работы. Но в ходе редактирования в издательстве самое интересное, самое новое, было, как считал Николай Александрович, выхолощено, сведено к прописным истинам тех лет. Он воспринимал это как личную трагедию. Мне он подарил экземпляр рукописи. Сличая ее с изданной книгой, приходится, к сожалению, согласиться с его сетованиями.

Зато вторая – "Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853"⁸, стала, наверно, одной из лучших книг, выпущенных отечественными историками за последнюю четверть века. Его лебединая песня. Он издал ее, когда ему было уже 75 лет. В нее-то и вложил опыт историка, накопленный за всю жизнь.

Англию того времени он знал досконально. Именно тому времени была посвящена его докторская диссертация, книги, множество статей. Теперь предстояло изучить отношение русского общества к Англии. Это была для англоведа новая сфера: отечественная история.

Он провел титаническую работу. Досконально изучил как отношение официальных кругов России к Англии, так и взгляды различных общественных групп и оценки печати. Просмотрел 34 русских журнала того времени, вплоть до "Дамского журнала" и газеты "мод и новостей", которая называлась "Молва". Большинство из них – за многие годы. При работе над периодикой использовал метод контент-анализа⁹. А уж изученным им запискам, дневникам и мемуарам того времени – несть числа.

Он стремился понять взгляды официальных лиц и оппозиционеров, представителей разных социальных слоев и общественных течений, путешественников. А также тех, кто никогда не видел Англию своими глазами, но все же имел свое твердое мнение и с жаром его отстаивал. Рассматривая эти разноречивые и противоречивые мнения, он вывел главную тенденцию: убедительно показал, как в течение этой четверти века в России усиливалось негативное отношение к Великобритании. Как понятие "туманный Альбион" постепенно вытеснялось "дряхлым Альбионом" и "коварным Альбионом". Причины он видел в росте англо-русских политических противоречий и английской русофобии.

Правда, и то, и другое еще не достигло того уровня, что в последнюю четверть XIX столетия. В 1878 г., во время русско-турецкой войны, с подмостков лондонского мюзик-холла гремела песенка, от слов которой "русским не видать Константинополя" публика приходила в неистовство, а особенно от припева:

Нам хватит людей
и кораблей,
И денег,
чтоб воевать.

Во второй четверти столетия русофобия в Англии была еще далека от такого накала. Но Ерофеев показал, как постепенно шел рост этих настроений.

Однако цель книги – не отношение Англии к России, а, напротив, отношение России к Англии. И внимание уделено тому непониманию Англии, ее традиций, ее общественно-политических институтов, которое бытовало и в официальных кругах России и во взглядах общественности. Как известно, в 1844 г. Николай I решил взяться за устранение англо-русских разногласий и сам поехал в Англию с официальным визитом. Он вел переговоры с супругом королевы Виктории принцем Альбертом и с виднейшими политическими деятелями Англии: Пилем, Эбердином, Пальмерстоном. "Впрочем, – писал Ерофеев, – переговорами назвать их можно лишь условно: в сущности, говорил один Николай I. Он вообще не умел слушать собеседника: атмосфера полного единовластия и придворного подобострастия приучила

⁸ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982.

⁹ Он настолько увлекся методом контент-анализа, что даже написал о нем статью: Ерофеев Н.А., Лоцаков Г.С. Контент-анализ восточных текстов. – Народы Азии и Африки, 1978, № 1.

его только приказывать. Мнение собеседника его интересовало меньше всего. Поэтому его разговоры с английскими политиками обычно выливались в пространные монологи. Его задачей было как можно полнее изложить свои взгляды. В том, что собеседники их примут, он, видимо, не сомневался"¹⁰.

В конце октября 1853 г., уже накануне Крымской войны, царь отправил письмо королеве Виктории с просьбой рассудить его спор с английскими министрами. "В этом акте, – писал Ерофеев, – проявилось полное непонимание английской политической системы"¹¹.

Накануне Крымской войны в России высказывались мнения, что война окажется для Англии "гибельной". Этому заблуждению способствовала позиция официальных кругов России. Ерофеев писал: "Николай I разделял мысль о безусловном превосходстве России над Западом". Он привел слова Николая: "Посмотришь, порассудишь и убедишься, что если там что и лучше, то оно у нас выкупается другим словом, что такое *несовершенство* во многом лучше их *совершенства*". Естественно, что императору втерили высшие сановники. Бенкендорф, начальник третьего отделения и шеф жандармов, правая рука царя, утверждал: "Прошлое России удивительно, настоящее великолепно, а будущее замечательно"¹².

Разумеется, образ Англии и англичан был в России неоднозначным. Многие виделись объективно. Существовала и уродливая англоманья, высмеянная Пушкиным (помещик Муромский). И все же очень многое в английской жизни понималось превратно. "Ошибочными и искаженными были представления о самых элементарных вещах. Так, богатство Англии видели не в том, в чем оно действительно заключалось, т.е. не в фабриках и заводах, не в могучих производительных силах, а в обилии золота и звонкой монеты, которых в Англии было как раз мало. Бурное развитие английского капитализма воспринимали как назревание кризиса, предвещавшего близкую катастрофу. Неверны были и некоторые оценки политической системы. За властью аристократии не замечали новую реальную силу – буржуазию, которая на деле диктовала свою волю аристократии. Отдельные черты политического строя вызывали недоумение, например, как верховная твердая власть мирится с волнениями масс и постоянными "смутами", почему не решается применить силу?"¹³.

В книге приводятся многочисленные высказывания тех десятилетий. В.Ф. Одоевский считал, что Англия – урок народам, "продающим свою душу за деньги". М.П. Погодин назвал Английский банк золотым сердцем Англии, "а другое едва ли есть у нее". По мнению С.П. Шевырева, Англия за все это "когда-нибудь" даст ответ правосудию небесному"¹⁴.

В Англии и англичанах многие видели средоточие всего худшего, что приписывалось Западу. "Англичане, французы и немцы, – утверждал славянофил А.С. Хомяков, – не имеют ничего хорошего за собой"¹⁵. В. Сологуб в повести "Лев" обвинял англичан в "горделивом эгоизме", а в "Тарантасе" призывал "остерегаться надменности германской, английского эгоизма, французского разврата и итальянской лени"¹⁶.

Почему-то Николай Александрович обошел вниманием наблюдения И.А. Гончарова. А ведь Гончаров на фрегате "Паллада" побывал в Англии за считанные месяцы до Крымской войны. И его рассуждения явно подытоживают как раз ту тенденцию тогдашнего российского отношения к англичанам, которую Ерофеев считал преобладающей.

Готовя свою книгу, Николай Александрович не мог читать мемуары писателя Василия Янковского о жизни русской эмиграции на Западе после Октябрьской рево-

¹⁰ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион, с. 286.

¹¹ Там же, с. 299.

¹² Там же, с. 83.

¹³ Там же, с. 304.

¹⁴ Там же, с. 161.

¹⁵ Там же, с. 80.

¹⁶ Там же, с. 290.

люции: эти мемуары были изданы эмигрантским издательством "Серебряный век" уже после выхода книги Ерофеева. Но мысли Янковского поразительно перекликаются с его выводами.

"Прискорбно, что даже Герцен, проживший всю зрелую жизнь на Западе, все же ругал европейцев за мещанскую скупость, узкую методичность, за умеренность и расчетливость. В самом Герцене было много ямщичьего удалства, как, впрочем, и в жандармах, увозивших его на тройке в Пермь или Вятку...

Несомненно, что лучшие русские западники во главе с Герценом единодушно отгаликвалились от мнимой европейской скупости. И это доказывает, что они не поняли многого на чужой стороне, проживая там знатными иностранцами. "Широта и размах" в аграрной, нищей, крепостной России вселяли радость в сердца изгнанников; даже противники славянофилов начинали верить, что православный Восток еще скажет этим "лавочникам" последнее спасительное, христианское слово, которое прозвучит убедительно, несмотря или вопреки свисту вдохновенных отечественных кнутов и шпицрутен¹⁷".

Янковский подчеркнул живучесть таких настроений. "Когда в Англии я впервые услышал от джентльмена, покупавшего в лавке трубку: "Нет, это слишком дорого для меня. I can't afford it..." – я вздрогнул и покраснел от стыда: подумайте, при даме сознался в своей неполноценности! Нам с детства внушали, что порядочный кавалер может себе позволить все! Деньги не помеха, если нужно – украдет, убьет"¹⁷.

...Если магистральной темой творческой жизни Ерофеева было стремление понять Великобританию XIX в., пробиться через все британские туманы к Альбиону королевы Виктории и Пальмерстона, то этот последний труд привел его и к обобщениям, выходящим за рамки британской истории. И, прежде всего, к истории России. В "Туманном Альбионе" он пробивался уже не через лондонский, а через петербургский туман. Эта книга – о России, о ее духовной жизни. Такой тщательный и неприкрашенный разбор взглядов русских на чужую страну помогает что-то лучше понять и в самой России.

Наверно, какими бы странами и народами ни занимался историк, его работы всегда будут, прямо или косвенно, выходить на историю его родины. Николай Александрович к концу жизни все больше занимался историей России – даже не косвенно, а напрямую. Выйдя на пенсию, он работал над книгой "Диккенс в России". Это была бы тоже книга о России. Увы, ей не суждено было состояться.

Но "Туманный Альбион" – это книга и не только о России. Ее значение далеко выходит за рамки заголовка и подзаголовка: "Англия и англичане глазами русских". Он писал: "Ведь русский образ англичанина – это частный случай этнических представлений, и, следовательно, изучая процесс его возникновения, мы приближаемся к пониманию того, как вообще формируются этнические представления. Этот процесс мы попытались отобразить в данной книге... Изучением этнических представлений занимается ряд наук, в том числе этнография, социальная и общая психология, социология и др. Специфика данной работы состоит в попытке конкретно-исторического подхода к этому явлению"¹⁸.

Николай Александрович в этой книге сделал очень много для разработки методики конкретно-исторического подхода к изучению этнических представлений, образа другого народа. В этом, я уверен, и состоит главное значение книги.

Как идет становление таких образов? Из чего они складываются? Что на это влияет? Ответам на эти вопросы он посвятил немало статей. Одна из лучших была опубликована в коллективной монографии "Источниковедение африканской истории"¹⁹ и была озаглавлена: "Африка в королевстве кривых зеркал (свидетельства английских путешественников)".

¹⁷ Янковский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983, с. 175–176.

¹⁸ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион, с. 306, 310.

¹⁹ Источниковедение африканской истории. М., 1977.

В "Туманном Альбионе" он обобщил результаты этого направления своих исследований. Первая глава книги – вообще не об Англии и не о России. Называется она "Этнические представления". Он дал тут выношенные им подходы к изучению этнических представлений.

Да простит мне читатель обилие цитат из этой книги. Очень хотелось бы привлечь к ней внимание тех, кто с ней еще не знаком. Уверен, для каждого, кто решит изучать взаимные представления народов друг о друге, эта книга принесет неоценимую пользу.

Моим официальным руководителем он был три года. Старшим другом – еще 40 лет. Разве можно коротко, в небольшом очерке передать впечатления о человеке, с которым ты был связан почти столетия? Эти впечатления многообразны, противоречивы. Очень трудно видеть, что в них самое-самое главное.

Мне кажется, что за все это время характер Николая Александровича не претерпел серьезных изменений. И как человека и как ученого его всегда отличало отсутствие суетливости. Он не принимал скороспелых решений. В науке его интересовали фундаментальные темы, и он всячески избегал конъюнктурных – тех, на которых многие как раз и строили свою карьеру.

С недоумением, а то и с раздражением он говорил и об авторах, нередко наших коллегам, которые старались писать нарочито-усложненно, заумно, считая, вероятно, что это и есть подлинный академизм. В своих книгах стремился к ясности. С возрастом это стремление усиливалось. Любил повторять слова Пастернака:

Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но другим, в частности и подопечным, он своих взглядов не навязывал. Лишь давал советы – и только тогда, когда их просили.

Очень берег свое время. Когда я жаловался, что ничего не успеваю, он говорил: "А вы запишите по часам и минутам, на что потратили время сегодня или вчера, и сразу поймете, что резервы у вас есть".

Требовал от других, чтобы они с уважением относились к его времени. Когда я, в бытность его аспирантом, давал ему разделы своей диссертации, он всегда спрашивал: "А вы сами уже сделали все, что могли?". Эту требовательность он облекал в шутку; говоря: "Никогда не давай дураку половину работы".

Но когда было действительно нужно, помогал, не считаясь со временем. И даже не только в тех формах, которые привычно ждать от научного руководителя. Как-то, уже много лет позднее, я пожаловался, что никак не могу перевести несколько маленьких стихотворных отрывков, а они были необходимы для одной из моих книг. Он улыбнулся: "Дайте мне, я ведь когда-то баловался стихами". Назавтра он дал мне переводы. Включив их в книгу, я попросил разрешения назвать его имя. Он засмеялся: "Не хватало мне еще только ампула поэта-переводчика". Так они и пошли безымянными.

Избегал административных постов. В конце 60-х годов в Институте всеобщей истории АН СССР были созданы страноведческие секторы, в том числе и сектор Великобритании. Николай Александрович согласился заведовать им. Но это его тяготило, и в 1974 г. он подал в дирекцию просьбу освободить его от заведования. Это послужило одним из поводов для новой реорганизации института. Страноведческие секторы прекратили существование.

Старался не участвовать в официальных идеологических и пропагандистских кампаниях, а это было нелегко, особенно в 40–50-х годах, да подчас и позднее. В 1966 г., когда многим казалось, что руководство СССР склоняется к реабилитации Сталина, и когда симптомы эти становились явными, он вместе с еще несколькими историками послал письмо протеста в ЦК КПСС. В 1967 г., вместе с еще 17 историками, написал письмо протеста против травли Александра Моисеевича Некрича. Оно было

направлено в редакцию журнала "Вопросы истории КПСС", где появилась разгромная рецензия на книгу "1941. 22 июня", а также в Президиум Академии наук СССР, в издательство "Наука", в Институт истории АН СССР и в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС²⁰.

Позднее, в бытность заведующим сектором Великобритании, его дважды вызывали "наверх" и, то обиняками, а то и прямо настаивали, чтобы он представил материал на увольнение Некрича, который был сотрудником этого сектора. Избавиться от него хотели руками Николая Александровича. Но он категорически отказался. Больше того, сказал, что даже не понимает, как можно так ставить вопрос о квалифицированном специалисте. Начальство, наверно, решило, что он придуривается, делает вид будто не понимает, в чем дело. А Николай Александрович сделал свой вывод. Он всегда избегал близости с начальством, говорил, что до добра это не доводит. И тут, в этих встречах, неприятных для обеих сторон, чисто формальный характер отношений с начальством дал возможность ему занять позицию глухого непонимания. Во всяком случае так считал он сам.

Многие на его месте были бы озлоблены на жизнь и на всех окружающих и находили бы оправдание этому. Ведь в довершение к невзгодам, о которых уже говорилось выше, на его долю выпало немало и других. Они с женой не имели своего угла и скитались, снимая комнаты. Долгие годы жили мечтой о своей квартире, о собственной крыше над головой. Добились этого только в 1959 г., когда Ерофееву было уже 52 года, купив кооперативную квартиру. Да и в сфере научной работы путь не был усыпан розами. Всю жизнь занимаясь историей Великобритании, он так и не получил возможности работать там в архивах и библиотеках. Не смог даже толком повидать эту страну. Был там 12 дней в 1965 г. с туристической группой и еще 7 дней в 1969 г. на научной конференции.

Казалось, есть основания быть недовольным, сетовать на жизнь, брюзжать, завидовать. А главной чертой его характера было жизнелюбие. Редко встретишь человека, который бы так умел радоваться жизни. Он считал это куда более важным, чем успехи в карьере. О его квартире можно было сказать словами Гумилева:

Мудрые, старые книги
Знающих тихие речи...

В его доме встречались люди самых разных профессий: географ и писатель Яков Михайлович Свет, физик Яков Борисович Фридман, историк Владимир Михайлович Турок, математик Нинель Тихоновна Пащенко, химик Феликс Закирович Сабиров, металлург Борис Иванович Береснев.

Бывал у него и Евгений Александрович Гнедин, видный работник довоенного Наркоминдела, который прошел все круги ГУЛАГа, а, выйдя, опубликовал прекрасные статьи у Твардовского в том "безумном" "Новом мире" и книгу "Катастрофа и второе рождение". Гнедин был сыном Парвуса, что, конечно, немало портило ему жизнь.

Праздником для Николая Александровича были походы на байдарках. Обычно его избирали "начальником" или "командором" и он издавал шуточные приказы. Вот один из них:

"Приказ № 1, от 3 августа 1958 г. 1. Научную экспедицию на р. Псел в связи с проведением международного географического года считать начавшейся. Ее задачей является изучение водно-воздушного режима в районе р. Псел и состояния прилегающих садов, огородов и бахчей. 2. Командовать парадом буду я. 3. Утвердить личный состав экспедиции: Ерофеев Н.А. – начальник, Давидсон А.Б. – замполит; Маслова Т.Н. – зам. по научной части, Сабирова Р.Д. – культуртрегер, Береснев Б.И. – адм.хоз., Пащенко Н.Т. – штурман-навигатор, Сабиров Ф.З. – главный механик и старший бомбардир, Береснева Н.И. – медсанчасть.

²⁰ Письмо воспроизведено в книге: Отрешившийся от страха. Памяти А.М. Некрича. М., Институт всеобщей истории, 1996, с. 184–198.

Указанных лиц приказываю зачислить на довольствие и приобщить к котлу. 4. Всем составу экспедиции приказываю 3 августа погрузиться на поезд и направиться в г. Сумы через Конотоп на предмет получения дальнейших руководящих указаний. Начальник экспедиции".

Шутки, розыгрыши, эпиграммы – и в походах и дома. Помню стихи историка Льва Никитовича Пушкарева на 60-летие Николая Александровича:

Эта дата такая,
Что с вершиною схожа:
Уже многое знаешь–
Еще многое можешь.

Как-то я прочитал ему стародавнее четверостишие, которое тоже услышал от Пушкарева:

Не живи уныло,
Не жалей, что было,
Не гадай, что будет,
Береги, что есть.

"Таким и должен быть жизненный девиз, – сказал он. – Ну, не смолоду, конечно. Но главное, и это в любом возрасте – не живи уныло". И, улыбнувшись, добавил: "Если ты еще можешь, как старый кот, жмуриться на солнышке, это уже радость".

Увы, в конце жизни он совсем ослеп и не мог видеть солнце. И все же сколько надо было жизненных сил, чтобы уже ослепшим еще несколько лет ухаживать за тяжело больной, умирающей женой.

Его не стало на 90-м году жизни, 30 апреля 1996 г. 18 апреля 1997 г. ему бы исполнилось 90.

Как много интересного и важного он мог бы рассказать! Он знал почти всех наиболее интересных московских историков. А в 30-х годах – редакцию "Известий", самой интересной тогда газеты.

Сколько я его уговаривал написать книгу воспоминаний "Волхонка, 14" о гуманитарных академических институтах: истории, философии, экономики, которые поселились в советское время в старинном голицыном дворце. Ведь он там, на Волхонке, был с января 1943 г. Отнекиваясь, он вместе со мной уговаривал нашего общего друга Владимира Михайловича Турока. Турок после долгих уговоров наконец сказал: "Нет, о Волхонке писать не буду. Не так уж много лет прошло. Многие живы, напишут и без меня. А я, пожалуй, напишу книгу "Улица Коминтерна", о 20–30-х годах. Теперь ведь мало кто вообще помнит, что была такая улица. Знают ее как Калининский проспект, а совсем уж по-старому – Воздвиженка. И не помнят, что там находился Коминтерн – как к нему ни относиться, это ведь часть нашей истории. А в здании, где теперь аппарат Дома дружбы, был Международный аграрный институт. Там Имре Надь работал. Да кто там только ни работал!". Но Турок не сделал и такой книги. Начал, написал несколько маленьких очерков, и все.

Увы, это характерно для поколения Ерофеева и Турока. Вкус к мемуаристике был в сталинские времена отбит. Боялись даже записи для памяти делать. А теперь нет тех людей, пропало то бесценное, что хранила их память.

Возможно, в этом очерке я несколько идеализировал Николая Александровича. Совершил ту ошибку, против которой недавно предупреждал Николай Николаевич Болховитинов, говоря о воспоминаниях, публикуемых в последнее время о наших историках. Но, еще раз оценив трудности, которые вставали на пути моего научного руководителя, и его достижения, я все же думаю, что идеализация, если она и есть, все же невелика.

© 1997 г.

Х. В А Й Н У

МНОГОЛИКИЙ МАННЕРГЕЙМ

Маршал Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) прошел путь от офицера лейб-гвардии императора России Николая II до главнокомандующего вооруженными силами Финляндской Республики. В этом качестве он дважды возглавлял армию Финляндии в войне против СССР в течение второй мировой войны, а после ее окончания, уже будучи главой государства, составил первый проект договора о дружбе и взаимопомощи между двумя странами. Высокий пост президента Финляндской Республики Маннергейм занимал дважды – в 1919 и в 1944 г. Он был лично знаком и с коронованными особами – царем Николаем II, германским кайзером Вильгельмом II, английским королем Эдуардом VIII, и с политическими деятелями – премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, фюрером нацистского рейха А. Гитлером, секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым.

Маннергейму посвящено много публикаций. Их можно разделить на несколько групп. Во-первых, документы. Кроме опубликованных официальных финляндских, советских, германских, английских, американских, шведских и т.д. сюда относится написанное, одобренное и опубликованное самим Маннергеймом: приказы главнокомандующего вооруженными силами Финляндии, дневники 1904–1905 гг. (японская война), 1900–1908 гг. (экспедиция в Китай), сборник писем¹.

Во-вторых, биографии Маннергейма и сборники статей о нем. Вышедшие во время жизни Маннергейма и непосредственно после его смерти эти книги носят апологетический характер и, как правило, неудовлетворительно документированы². Шагом вперед явился двухтомник ближайшего сотрудника маршала – начальника генштаба Финляндии 1942–1944 г., ставшего в 1945 г. на короткое время преемником Маннергейма на посту командующего войсками, а затем помощником при написании мемуаров генерала Э. Хейнрикса³.

По объему и документальности все труды превосходит восьмитомная биография маршала, написанная его родственником Стигом Ягершэльдом – плод более чем 20-летней работы⁴. Хотя это исследование имеет также апологетические черты, оно остается наиболее полной биографией Маннергейма.

¹ *Mannerheim G. Ritten genom Asien. Helsingfors, 1941; idem. Kirjeita seitseman vuosikymmenen ajalta. Val. S. Jägerskiöld. Helsinki, 1983; idem. Paivakirja Japanin sodasta 1904–1905 sekä rintamakirjeita omaksille. Keuru, 1983; Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäsyt vuosilta 1918–1944. Helsinki, 1970.*

² *Donner K. Sotamarsalkka Vapaaherra Mannerheim. Porvoo, 1934; Voipio A. Suomen sotamarsalkka. Helsinki, 1942; Suomen Marsalkka. vapaaherra Carl Gustav Emil Mannerheim. Helsinki, 1953.*

³ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. I–II. Helsinki, 1957, 1959.*

⁴ *Jägerskiöld S. Nuori Mannerheim. Helsinki, 1965; idem. Gustav Mannerheim 1906–1917. Helsinki, 1965; idem. Mannerheim, 1918. Helsinki, 1967; idem. Valtionhoitaja Mannerheim. Helsinki, 1969; idem. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Keuru, 1973; idem. Talvisotat ylöpäällikkö. Keuru. 1976; idem. Suomen marsalkka. Keuru, 1981; idem. Viimeiset vuodet. Mannerheim 1944–1951. Keuru. 1982.*

С. Ягершэльд написал свои произведения на шведском языке, шведские подлинники были опубликованы до переводов на финский язык.

В 1989 г. были опубликованы две однотомные биографии Маннергейма – С. Виркунена из серии "Президенты Финляндии" и В. Мери⁵. Они содержат много новых данных, почерпнутых из других источников, включая взятые их авторами интервью. В конце этих биографий помещен список источников, но в самом тексте ссылки отсутствуют, что, конечно, обесценивает их в глазах историка. Этим обусловлено умеренное использование автором данного очерка этих новейших биографий Маннергейма.

В-третьих, финляндские и зарубежные исследования по политической и военной истории первых десятилетий Финляндской Республики.

В-четвертых, мемуары военных и политических деятелей тех лет, как финляндских (включая самого Маннергейма), так и зарубежных, жизнь которых так или иначе была связана с Финляндией. Таких публикаций тысячи. Почти во всех, по меньшей мере, упоминают Маннергейма в связи с его выдающейся ролью в истории Финляндии. Гораздо меньше мемуарной и научной литературы о молодости Маннергейма и его деятельности в царской армии. Из них выделяется основательностью и широко цитируется Ягершёльдом книга "Действия 12-й квалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества Ген.-Майора барона Маннергейма", изданная в Ревеле (ныне – Таллинн) в 1925 г.

Для написания краткого очерка о Маннергейме вряд ли целесообразно, да и невозможно объять необъятное – ознакомиться со всеми имеющимися публикациями. При написании очерка главным образом использовалась монументальная биография Ягершёльда и мемуары Маннергейма⁶. Исключение составляет в основном внешняя политика Финляндии в 1933–1947 гг. – предмет специальных исследований автора.

Думается, что в этом смысле наш очерк отличается от некоторых публикаций о Маннергейме, изданных в России в последние годы⁷.

Мы попытаемся ограничиться изложением фактов и воздержимся от обобщений. Пусть читатель, заинтересовавшийся личностью Маннергейма, делает выводы сам.

БЕДНЫЙ БАРОН ПРИ ДВОРЕ НИКОЛАЯ II

Шведский барон Карл Густав Эмиль Маннергейм родился 130 лет назад – 4 июня 1867 г. в имении Лоухисаари, на юго-западе Финляндии, недалеко от Турку. Маннергеймы (изначально Маргеймы) были родом из Голландии, но уже в XVII в. переселились в Швецию и затем частично в ее провинцию Финляндию и в 1693 г. были причислены к дворянскому сословию.

Род Маннергеймов дал много полководцев, государственных деятелей и ученых Швеции и Финляндии. Прадедушка будущего маршала – Карл Эрик – возглавлял финляндскую делегацию, ведущую в 1807 г. переговоры в Петербурге об условиях перехода Финляндии от Швеции к России; его заслуга в том, что Финляндия получила в империи автономию и имела сословный парламент. Это он купил имение Лоухисаари с трехэтажным жилым домом. Сейчас – это архитектурный памятник, после реставрации 1961–1967 гг. там разместился музей Карла Густава Эмиля Маннергейма.

Отец будущего маршала – барон Карл Роберт Маннергейм изменил семейным традициям и стал предпринимателем. Он женился на Элен фон Юлин – дочери промышленника, купившего себе дворянский титул. Карл Густав Эмиль был третьим из семерых детей. Родной язык в семье был шведский, но французское воспитание матери и англофильство отца обеспечили детям разностороннее образование, отсюда и

⁵ Meri V. Suomen marsalkka Mannerheim. Porvoo–Helsinki–Juva. 1989; Virkkunen S. Marsalkka ja presidentti. Helsinki, 1989. Судя по тексту, Е. Каменская в своем очерке "Маршал Маннергейм" (Новое время, 1992, № 32–33) во многом основывается на биографии В. Мери. См. также: Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997.

⁶ Mannerheim K. Muistelmat, I, II. Helsinki, 1951.

⁷ См., например, Вирмаврита Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм. – Вопросы истории, 1994, № 1.

совершенное владение тремя языками – шведским, французским и английским. В дальнейшем он выучил русский, финский и немецкий.

Но импульсивный Карл Роберт Маннергейм в 1879 г. разорился, бросил семью и уехал в Париж. Имение пришлось продать. В довершение всех бед в январе 1881 г. умерла мать. Заботу о детях взяли на себя родственники⁸.

Карл Густав Эмиль большей частью был предоставлен сам себе и вместе со сверстниками развлекался тем, что бил камнями окна, за что его на год исключили из школы⁹. Родственникам пришлось задуматься о его специальном образовании, которое не потребовало бы больших денег. Выбор пал на военное училище в Хамина, основанное Николаем I, хотя особой склонности к военной службе мальчик не испытывал.

Тем не менее Карл Густав Эмиль учился с увлечением, но из-за своенравного характера его недолюбливало руководство училища. Ночной самовольный уход юного барона в город буквально накануне выпуска переполнил чашу терпения начальства, и незадачливый кадет был исключен из училища. Тщеславный и самоуверенный юноша, расставаясь со своими однокашниками, пообещал, что он закончит образование в привилегированном Николаевском кавалерийском училище и станет гвардейским офицером¹⁰.

И он сдержал слово: поступил в училище в 1887 г., затратив год на усовершенствование своего русского языка у родственников, живших близ Харькова, образование в Гельсингфорсском университете и поиски покровителей в Петербурге. Хотя Маннергейм окончил Николаевское кавалерийское училище в 1889 г. среди лучших, попасть в гвардейский полк, а значит служить при дворе и получать большое жалование, что было для бедного барона немаловажно, сразу не удалось. Сперва пришлось два года тянуть армейскую лямку в Польше в 15-м Александрийском драгунском полку.

Отличная служба, связи и покровители помогли Маннергейму в 1891 г. вернуться в Петербург и попасть в лейб-гвардейский полк, шефом которого была царица Александра Федоровна. Офицеры этого полка несли службу в покоях императрицы. Финляндский барон с головой окунулся в светскую жизнь: новые знакомые среди политиков, дипломатов, военных. Однако, чтобы поддерживать связи в высшем обществе, нужны были большие деньги. Маннергейм наделал долгов. Блестящий гвардейский офицер, он мог рассчитывать на выгодный брак. Женившись в 1892 г. на Анастасии Александровне Араповой, богатой, но некрасивой и капризной дочери русского генерала, Карл Густав Эмиль поправил свое финансовое положение: он не только уплатил долги, но и купил имение Аппринен в Латвии. Через год у молодоженов родилась дочь, которую в честь матери назвали Анастасией (умерла в 1978 г.), а в 1895 г. – София (умерла в 1963 г.). Брак по расчету не был счастливым, а рождение мертвого сына еще больше осложнило отношения между супругами. Анастасия Александровна в 1901 г. уехала в Хабаровск сестрой милосердия, оставив детей на отца. Когда через год она вернулась, семейная жизнь Маннергеймов не пошла на лад. Супруги решили расстаться. Анастасия Александровна, взяв с собой дочерей, уехала за границу. После долгих скитаний она вместе с младшей дочерью обосновалась наконец в Париже, а старшая – перебралась в Англию. Официальный развод Маннергеймов состоялся лишь в 1919 г., когда печатать заинтересовалась личной жизнью кандидата на пост президента Финляндии¹¹.

Карл Густав Эмиль Маннергейм благодаря высокому росту и элегантной манере держаться в седле участвовал во многих дворцовых торжественных церемониях. На фотографии коронации Николая II в 1896 г. в Москве он запечатлен верхом во главе торжественной процессии¹².

⁸ *Jägerskiöld S. Nuori Mannerheim*, s. 46–58.

⁹ *Ibid.*, s. 41.

¹⁰ *Ibid.*, s. 59–94; *Mannerheim K. Muistelmat I*. s. 14–16.

¹¹ *Jägerskiöld S. Nuori Mannerheim*, s. 221, 227, 231, 236, 237.

¹² *Ibid.*, s. 188–191.

Страсть к лошадям – барон несколько раз успешно выступал на скачках – помогла Маннергейму в следующем году стать высоким чиновником в управлении царскими конюшнями и получить жалование полковника: он отбирал для покупки породистых лошадей. Частые командировки за границу, новые знакомства расширили кругозор 30-летнего кавалериста, он стал проявлять интерес к политическим делам. Даже германскому кайзеру Вильгельму II он был представлен из-за случая с лошадью. Во время очередной поездки в Берлин, когда Маннергейм лично проверял отобранных для царской конюшни лошадей, одна из них сильно повредила ему колено. Он был вынужден два месяца лечиться в больнице. Вильгельм II, большой знаток и ценитель породистых лошадей, заинтересовавшись инцидентом, перед отъездом Маннергейма в Россию принял его в своем дворце.

В 1903 г., продвигаясь по служебной лестнице, Маннергейм стал командиром образцового эскадрона в кавалерийском офицерском училище. Эту почетную должность он получил по рекомендации генерала А.А. Брусилова и Великого Князя Николая Николаевича.

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ ПОГОНЫ

Когда вспыхнула русско-японская война 1904–1905 гг., Маннергейм вызвался отправиться добровольцем на фронт. Он хотел подкрепить свою дальнейшую карьеру опытом боевого офицера. Братья и сестры, а также вернувшийся к тому времени в Финляндию отец не одобрили его намерений. Если поступление молодого Маннергейма на службу в русскую армию не вызвало особого возражения у его родственников и знакомых – царю и раньше служили многие скандинавские дворяне, – то добровольное желание воевать за царскую Россию следовало расценивать как полную солидарность с политикой самодержавия в Финляндии. Карл Густав Эмиль понимал и в какой-то степени разделял доводы родственников, но своему решению не изменил: совестно было вести светскую жизнь, когда коллеги-офицеры проливали кровь на войне¹³.

Так петербургский лейб-гвардии ротмистр стал подполковником 52-го драгунского Нежинского полка. Он получил под свое командование два эскадрона и показал себя храбрым и грамотным офицером. В начале 1905 г. Маннергейм проводил разведывательные операции в окрестностях Мукдена, которые дали высшему командованию ценную информацию о планах японцев, а их исполнителю – чин полковника. В конце войны аналогичные операции он проводил в Монголии¹⁴.

Разведывательные способности Маннергейма заметили в Петербурге. В 1906 г. Генеральный штаб предложил ему секретное задание: выяснить военно-политическое положение на китайской территории, прилегающей к границам России. Маннергейм, как подданный Великого княжества Финляндии, как никто подходил для такой цели. Для маскировки он должен был заниматься этнографическими и другими научными исследованиями. Кроме того, финляндский исследователь, путешествовавший под покровительством царского правительства, был включен в экспедицию французского сиолога, профессора Сорбонны П. Пэллю¹⁵. Готовясь к исполнению своей миссии, Маннергейм ознакомился с результатами путешествий по Китаю других европейских исследователей. Научная сторона экспедиции, возможность побывать в местах, которые никогда раньше не посещали европейцы, так увлекли, что ни срок путешествия – примерно два года, ни то, что отмечать свое 40-летие ему придется в неведомых краях, не помешали ему принять предложение.

11 августа 1906 г. Маннергейм в сопровождении 40 казаков-добровольцев и проводников пересек в районе Ошы российско-китайскую границу и вскоре отделился от французской экспедиции. Полковник Маннергейм, по инструкции Генштаба, должен

¹³ Ibid, s. 298–306.

¹⁴ *Mannerheim G. Paivakirja Japanin sodasta 1904–1905 sekä rintamakirjeita omaksille*, s. 40–44.

¹⁵ *Jägerskiöld S. Gustav Mannerheim 1906–1917*, s. 20, 30–31.

был уточнить, насколько можно рассчитывать на поддержку местного населения в случае вторжения русских войск во Внутреннюю Монголию. Он предпринял поездку к границам Индии, исследовал положение в соседних с Внутренней Монголией китайских провинциях Синьцзян и Шаньси, нанес визит жившему и изгнанию на южной границе Гобийской пустыни тибетскому далай-ламе, в котором царское правительство видело своего союзника в возможном будущем столкновении с Китаем. Одновременно Маннергейм проводил антропологические, этнографические, лингвистические и другие исследования, усердно вел дневник, слал письма своим родным и знакомым, в которых рассказывал о всевозможных приключениях в экзотической стране. Через два года он, побывав на обратном пути в Японии, вернулся через Пекин и Харбин в Петербург¹⁶.

По возвращении полковник написал секретный доклад для Генерального штаба и опубликовал этнографическую статью в научном журнале, долго редактировал свой дневник и письма. Они были опубликованы только в 1940 г. и переведены на многие языки.

Маннергейм считал эти два года самыми интересными в своей жизни, любил рассказывать о приключениях в Китае. В его "Воспоминаниях" глава "Верхом через Азию" – одна из самых длинных и живо написанных. Его приключения заинтересовали также Николая II. В октябре 1908 г. аудиенция Маннергейма у царя вместо запланированных 20 длилась 80 минут и продолжалась бы больше, если бы барон, как он пишет, не посмотрел на часы¹⁷.

Во время аудиенции Маннергейм попросил царя дать под его команду полк. В 1909 г. он его получил. 13-й Владимирский уланский полк разместился в маленьком городе Новоминске (ныне – Минск-Гродзинск), в 44 км восточнее Варшавы. Учитывая опыт русско-японской войны, Маннергейм заставил лихих улан в учении отдавать предпочтение не шашке, а винтовке, действовать не только верхом, но и в пешем порядке. Полковник сумел сломить недовольство кавалерийских офицеров и доказать начальству целесообразность нововведений. В 1912 г. его назначили командиром элитарного лейб-гвардии его величества уланского полка, размещенного в Варшаве. Благодаря новому назначению Маннергейм получил очередное звание генерал-майора и свободный доступ к царю, так как эта должность делала его придворным¹⁸.

Непосредственно перед первой мировой войной последовало новое повышение: генерал-майор Маннергейм был назначен командиром особой лейб-гвардии его величества Варшавской кавалерийской бригады, в которую, кроме его полка, вошли еще Гродненский гусарский полк и артиллерийская батарея¹⁹.

Почти шесть лет до начала первой мировой войны Маннергейм, не порывая тесных отношений с Финляндией, служил в Польше. Он легко нашел общий язык с польской аристократией, которая не отличалась русофильством²⁰. Генерал увлекался верховой ездой, стал членом элитарных охотничьих, спортивных и жокей-клубов²¹.

Перед началом первой мировой войны бригада Маннергейма была перебросена на юг Польши в район Люблина. Уже 15–17 августа 1914 г. она вела кровопролитные бои в окрестностях Ополе с главными силами наступавших австро-венгерских войск. Маннергейм применял тактику активной обороны, которая в дальнейшем была для него характерна и приносила успех: послал третью часть своих войск в тыл противника и тем самым заставил его остановить наступление и перейти к обороне. Это была одна из немногих успешных операций русской армии в начале войны. Маннергейм получил боевую награду – орден Святого Георгия на эфес шашки. Впоследствии его бригада была вынуждена отступить, но ей удалось сохранить порядок и избежать больших потерь.

¹⁶ Ibid., s. 13–81.

¹⁷ *Mannerheim K. Muistelmat I*, s. 51–146.

¹⁸ Ibid., s. 143–144.

¹⁹ Ibid., s. 150–152.

²⁰ Ibid., s. 153–156.

²¹ Ibid., s. 164–172.

В марте 1915 г. командующий армией генерал Брусилов, бывший начальник Маннергейма с петербургских времен, передал в его подчинение 12-ю кавалерийскую дивизию. В 1915–1916 гг. он в качестве командира дивизии – а по сути дела корпуса, так как ему, как правило, были подчинены другие части численностью до 40 тыс. человек – участвовал с переменным успехом во многих операциях. Войска под командованием Маннергейма в 1916 г. освободили Румынию от вторгшихся туда австро-венгерских войск.

За успешно проведенную операцию Маннергейм в начале 1917 г. получил отпуск и провел его в Финляндии. Возвращаясь в свою дивизию через Петроград в дни Февральской революции, барон едва не стал жертвой толпы. Генералу пришлось, переодевшись в штатское платье, бежать через черный ход из гостиницы "Европейская" и потом прятаться от патрулей, пока не удалось покинуть Петроград и вернуться на службу в Румынию²². Там его фактическое положение командующего корпусом было оформлено юридически: он получил чин генерал-лейтенанта. Его корпус участвовал в неудавшемся летнем наступлении. Одной из причин поражения была продолжавшаяся деморализация русской армии из-за усиления власти солдатских советов, в которых все большую роль играли большевики. Когда комиссар армии, вопреки договоренности, отказался санкционировать строгое наказание солдат, арестовавших офицера за промонархическое высказывание, Маннергейм понял, что продолжать командовать корпусом бессмысленно. В это время он как раз получил легкую травму ноги. Пользуясь случаем, он поехал лечиться в Одессу. После безуспешных попыток побудить находившихся в городе офицеров предпринять хоть что-нибудь против разложения армии²³, генерал фактически самоустранился от командования войсками.

9 сентября 1917 г. Маннергейм был официально освобожден от обязанностей командира корпуса и зачислен в резерв²⁴.

После того, как большевики захватили власть, Маннергейм решил вернуться на родину. 6 декабря 1917 г. Финляндия была провозглашена самостоятельным государством, что было признано главой советского правительства В.И. Лениным 31 декабря. Но вернуться туда в середине декабря 1917 г. и с финским паспортом было трудно – пришедшие к власти большевики требовали брать разрешение на въезд в Смольном, но идти туда у генерала не было желания. Маннергейму тайно все же удалось прибыть в Финляндию 8 декабря. Он еще надеялся спасти царизм в России с помощью армии. Поэтому через неделю генерал вернулся в Петроград, но убедившись, что сторонников свержения советской власти с помощью армии мало, он в конце декабря 1917 г. окончательно уехал из России, в армии которой прослужил 30 лет.

Летом 1917 г. Маннергейму исполнилось 50 лет. Самые трудные дни и ответственные задачи были впереди. В книге "Воспоминания" Маннергейм писал, что гадалка в 1917 г. в Одессе почти точно предсказала дальнейшие его взлеты и падения²⁵.

В "Воспоминаниях" он изложил причины, почему, на его взгляд, русская армия потерпела поражение в японской и первой мировой войнах. Отметив многие объективные причины – прежде всего отсталость промышленности, особенно оборонной, – Маннергейм выдвинул и субъективные. По его мнению, в 1915 г. Николай II совершил большую ошибку, когда снял с поста главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, умелого военачальника, имевшего большой авторитет в армии, и занял это место сам. Царь был посредственной личностью с мягким характером и не имел полководческих способностей. Маннергейм встречался с ним несколько раз и делал выводы на основе собственных наблюдений. Кроме того, Николай II отдался таким образом от народа, от политического руководства, и неудачи армии народ стал ассоциировать с царем и его режимом²⁶.

²² Ibid., s. 217–224.

²³ Ibid., s. 229–231.

²⁴ *Jägerskiöld S. Gustav Mannerheim 1906–1917*, s. 329.

²⁵ *Mannerheim K. Muistemat I*, s. 232.

²⁶ Ibid., s. 193–194, 242–243.

Маннергейм также охарактеризовал – частично на основе личных наблюдений – некоторых видных генералов царской армии. Он высоко оценил генералов А.А. Брусилова и А.Г. Корнилова, а также военного министра генерала В.А. Сухомлинова, а относительно генералов А.М. Крылова и А.И. Деникина, с которыми имел дело, высказался весьма критично. Например, когда Маннергейм в 1916 г. на основе разведанных доложил своему соседу по фронту дивизионному командиру Деникину, что немцы направляют в бой резервы, тот не вынул этому предостережению и последствия оказались плачевными. Маннергейм писал: "Русские самонадеянно недооценивают те факты, которые по той или иной причине не вписываются в их планы"²⁷.

В 1916 г. Маннергейм воевал вместе с Крыловым на румынском фронте. Маннергейму были подчинены ряд русских и румынских частей. Крылов, занимавший левый фланг, самовольно отступил, поставив Маннергейма в трудное положение. Как позже выяснилось, свои действия он обосновал отсутствием доверия к румынской армии. Маннергейм негодовал также по поводу того, что генерал А.Ф. Рагоза в присутствии румынского офицера связи оскорбительно отозвался о румынах как солдатах. Маннергейм возразил ему, сославшись на храбрость бригады румынского полковника Стурдза. Когда он впоследствии узнал, что Стурдза со своей бригадой перешел к австрийцам, он не удивился, так как сам мало рассчитывал на преданность румын, но считал, что нельзя оскорблять союзников даже тогда, когда ты невысокого мнения о них²⁸.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИИ ФИНЛЯНДИИ

Молодое финляндское государство занималось формированием своих структур, нужно было подумать о его защите – так возник комитет обороны. Прибыв в Хельсинки, барон стал его членом. Комитет состоял в основном из таких же, как Маннергейм, финляндских офицеров и генералов, которые служили в царской армии и после ее развала оказались безработными; были и вернувшиеся из немецкого плена.

В Финляндии стал формироваться корпус самообороны – шюцкор – вооруженная организация из зажиточных людей, в том числе из офицеров, получивших во время первой мировой войны военную подготовку в 20-м егерском батальоне в Германии. Корпус самообороны был слабо связан с комитетом, имевшим весьма неопределенные функции. Он напоминал скорее кружок интеллигентов, которые вели беспорядочный спор о том, что следовало бы делать, и не принимали никаких решений.

Но внутриполитическая обстановка все более накалялась. В противовес шюцкору стала формироваться красная гвардия, между ними начались стычки, предпринимались террористические акции. Красная гвардия получала оружие и поддержку от частей русской армии, находившихся в Финляндии и в большой степени большевизировавшихся. Красную гвардию поддерживала индустриально развитая южная часть Финляндии. Им противостоял крестьянский Южносеверный лен (провинция).

14 января 1918 г. в конце третьего заседания комитета обороны, проходившего в манере салонного разговора, Маннергейм заявил, что удручен бездеятельностью комитета и выходит из него. На резонный вопрос о его предложениях в сложившейся ситуации, Маннергейм выдвинул идею в ту же ночь уехать из Хельсинки на север и создать там штаб будущей армии. Этот план получил одобрение премьер-министра П.Э. Свинхувуда.

На следующий день Маннергейм стал председателем комитета, это означало, что Маннергейм станет главнокомандующим армии, которой еще не было.

В ночь на 19 января 1918 г. барон отправился на восточное побережье Ботнического залива в город Вааза с фальшивым паспортом на имя купца Мальмберге. Проверяющим поезд красногвардейцам показались подозрительными военная выправка и прекрасный русский язык одетого в штатское человека, и они хотели его арестовать. Но финский железнодорожный служащий, к которому Маннергейм обратился по-шведски, убедил солдат, что у "купца" документы в порядке, и барона отпустили.

²⁷ Ibid., s. 201.

²⁸ Ibid., s. 210–212.

В Ваазу уехали многие офицеры, в частности члены комитета обороны. Быстро была налажена связь с местным шюцкором, начал складываться костяк армии, в возможности создания которой в стране, где не было военной обязанности, Свинхувуд сомневался. Маннергейм и его сподвижники видели главную опасность самостоятельности и порядку в Финляндии в большевизированных частях бывшей царской армии и поставили цель разоружить их. По приказу Маннергейма акция должна была состояться в ночь на 23 января, но по совету из Хельсинки дата была перенесена на ночь 28 января. Следующий по старшинству офицер в штабе Маннергейма, генерал-майор Эрнст Лёфстрём, был против этой акции: бесперспективно воевать против воинских частей, по численности и вооружению превосходивших финляндский шюцкор на севере. 27 января Свинхувуд прислал телеграмму с требованием в очередной раз отложить выступление. Маннергейм, никому не сказав о телеграмме, стал действовать по намеченному плану. Операция удалась, хотя имели место столкновения, что затянуло ее выполнение на несколько дней. В течение четырех суток в Северной Финляндии было интернировано примерно 5 тыс. военнослужащих бывшей царской армии, захвачено большое количество военного снаряжения, в том числе 37 орудий²⁹.

В ту же ночь, когда Маннергейм начал свою акцию на севере, красная гвардия на юге страны свергла правительство. Было образовано красное правительство – Совет народных уполномоченных, куда вошли левые социал-демократы во главе с К. Маннером. В результате 4/5 территории Финляндии оставались под властью прежнего правительства (большинству его членов удалось, некоторым через Берлин, попасть в Ваазу), а густонаселенные районы с наиболее крупными городами Хельсинки, Тампере, Турку, Вийнури контролировались красной гвардией. Обе стороны готовились к решительным сражениям. Велись бои местного характера.

Маннергейм позаботился о том, чтобы из шюцкоровских отрядов создать боеспособную армию. Он перегруппировал силы, перестроил штаб-квартиру, переведя ее из Ваазы несколько восточнее в Сейнайски, пополнил офицерский и унтер-офицерский состав. В войсках постоянно проводились учения, шла работа по организации коммуникаций и тыла, была объявлена всеобщая мобилизация – довольно рискованный шаг, потому что более бедные слои на севере также симпатизировали красным.

С приехавшими из Швеции добровольцами проблем не было. Сложнее обстояло дело с вернувшимся из Германии на родину егерским батальоном. Маннергейм хотел его расформировать, использовать его бойцов в качестве младшего и среднего командного состава в разных воинских частях и подразделениях. Но егеря желали воевать вместе, отказывались подчиняться ранее служившим в царской армии финляндским, главным образом, как и Маннергейм, шведскоязычным генералам. Маннергейму пришлось использовать весь свой авторитет, такт и умение убеждать, чтобы в основном провести свой курс в формировании армии, хотя с некоторыми элементами компромисса³⁰.

Выдающегося художника А. Галлен-Каллелу, пришедшего добровольцем в правительственную армию, Маннергейм приписал к штабу, поручив ему разработать эскизы финляндских орденов. Приятельские отношения между ними сохранились до конца жизни художника, умершего в 1931 г.³¹

В марте 1918 г. между Германией и Россией был заключен Брест-Литовский мирный договор, содержащий пункт о выводе российских войск из Финляндии. В начале марта Маннергейм был против того, чтобы правительство Финляндии просило Германию о военной помощи³². Однако такая просьба состоялась.

²⁹ Ibid., s. 358–264.

³⁰ *Jägerskiöld S. Mannerheim 1918*, s. 110–116.

³¹ *Mannerheim K. Muistelmat I*, s. 284.

³² Просьба была передана в декабре 1917 г. Финляндские историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, соответствует ли действительности утверждение Маннергейма, что во время его первого свидания со Свинхувудом он настаивал на том, чтобы Свинхувуд не просил Германию и Швецию о помощи регулярными войсками, но Свинхувуд его в отношении Германии обманул. – Ibid., s. 253–297.

Настроенный проантантовски главнокомандующий решил до прихода немцев своими силами занять промышленный центр – город Тампере (Таммерфорс). Используя свои обширные военные знания и опыт, он по всем правилам военного искусства провел начавшуюся 15 марта наступательную боевую операцию. Сражения были кровопролитные. Красногвардейцы оказывали упорное сопротивление, иногда переходили в контрнаступление, но они уступали армии Маннергейма как в стратегическом плане, так и в тактическом. Тампере пал, правда через три дня после высадки немецкого десанта под командованием генерала Р. фон дер Гольца в Ханко. Зато белофинскому командованию удалось перебросить основной контингент своих войск на юго-восток в район Лахти-Вийнури (Выборг), на Карельский перешеек и к концу апреля, разбив отряды красной гвардии, дойти до границы с Россией³³. Определенное содействие успеху этой операции оказывал десант германских соединений в районе Ловийса, которые до этого без боя заняли западную и среднюю часть северного побережья Финского залива с городами Турку и Хельсинки.

Пресса разрекламировала совместные действия армий Маннергейма и фон дер Гольца, назвав их "братьями по оружию". Но все было не так просто. С одной стороны, немцев не устраивало, что по договоренности дивизия фон дер Гольца была подчинена Маннергейму. С другой стороны, в самой Финляндии многим не нравилась либо блистательная карьера главнокомандующего в русской армии, либо его шведское происхождение и симпатии к Швеции; кое-кто подозревал Маннергейма в диктаторских замашках³⁴.

Чтобы укрепить свое влияние и престиж армии, Маннергейм 16 мая – всего лишь месяц спустя после прихода немцев – парадным маршем ввел армию в столицу. Впереди войск верхом ехал генерал кавалерии Маннергейм – этот чин правительство присвоило ему в феврале. На приветствие председателя парламента генерал ответил на финском языке, которым владел еще не достаточно свободно, и даже дал "наставления" нерешительному правительству. Казалось бы, триумф полный. Но уже 30 мая 1918 г. Маннергейм сложил с себя полномочия главнокомандующего, а через день уехал из Финляндии. Что случилось, почему дважды, 20 и 27 мая, главнокомандующий подавал прошения об отставке? Историки почти единогласны в том, что основной мотив поведения Маннергейма изложен в его воспоминаниях: он не мог смириться с планами правительства на волне прогерманизма реорганизовать финляндские вооруженные силы по германскому образцу и тем самым обречь себя на роль "свадебного генерала". Но в военных кругах Маннергейма ценили. И вслед за ним в Швецию, куда уехал отставной главнокомандующий, пришло сообщение, что генерал К. Энкель, который в 1887 г. исключил его из хаминского военного училища, являясь заведующим клубом выпускников училища, присвоил ему звание почетного члена клуба³⁵.

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА

После отъезда из Финляндии Маннергейм некоторое время жил в Швеции, установил дружеские отношения с посланниками стран Антанты в этой стране, иногда выезжал в Финляндию. Когда успех в мировой войне стал сопутствовать Антанте, генерал согласился в качестве полуофициального представителя финляндского правительства поехать в Англию и Францию. В Эбердин (Шотландия) он прибыл 11 ноября 1918 г., в день подписания Компьенского перемирия.

В праздновавших победу странах Антанты отношение к Финляндии, примкнувшей к Германии (шурин кайзера Вильгельма – Фридрих Карл Гессенский – был даже избран королем Финляндии) было прохладным, но Маннергейму удалось встретиться с руководителями внешнеполитических ведомств Англии и Франции – с министрами

³³ *Jägerskiöld S. Mannerheim 1918, s. 212.*

³⁴ *Mannerheim K. Muistelmat I, s. 353–355.*

³⁵ *Ibid., s. 18.*

иностранных дел А. Балфуром и С. Пишоном и добиться их благосклонности. Помогли и старые связи: как в Лондоне, так и в Париже его давние знакомые стали влиятельными людьми. Спецэmissар финляндского правительства смог получить и американскую продовольственную помощь. 12 декабря парламент заочно избрал его регентом вместо ушедшего в отставку, скомпрометировавшего себя тесным сотрудничеством с Германией Свинхувуда. Маннергейм так успешно вел дела, что в конце своего турне уже официально представлял высшую власть Финляндии. 22 декабря 1918 г. барон вернулся на родину. Тогда же пришла и первая партия иностранной продовольственной помощи, которой он добился за рубежом.

В марте 1919 г. был избран новый парламент Финляндии. Из состава избранного в 1917 г. осталось немногим более половины: социал-демократы не участвовали в выборах, многие из них погибли в гражданской войне или бежали из Финляндии после поражения красновардейцев. К маю парламентом была выработана и утверждена новая конституция. Финляндия стала республикой. Однако в угоду монархистам, которые были в парламенте в меньшинстве, но по процедурным правилам смогли повлиять на принятие конституции, президенту предоставлялись широкие полномочия, особенно в сфере внешней политики.

Регенту эти демократические преобразования были неприятны. Выборы дали перевес центристам и умеренным левым. Социал-демократы восстановили свои позиции: они получили в парламенте 80 мандатов из 200. Хотя радикальное крыло партии отделилось и из его представителей в эмиграции в августе–сентябре 1918 г. образовалась коммунистическая партия Финляндии, которая была сразу же запрещена и находилась в оппозиции с социал-демократами, умеренные социал-демократы также не ладили с белым генералом. В левых кругах победителей называли мясниками (лахтари) за последовавший террор: массовые расстрелы, большая смертность в лагерях пленных вследствие недоедания, истязаний, эпидемий. Хотя вина в этом Маннергейма, покинувшего пост главнокомандующего вскоре после окончания войны, была спорна, его также ненавидели³⁶.

Консерватор Маннергейм был сторонником монархии и сильной власти. Однако после некоторого сомнения он не только утвердил новую конституцию, но и согласился стать кандидатом в президенты. По конституции президента Финляндии избирают выборщики. Но первого президента избирал парламент. Маннергейм собрал лишь 50 голосов. 143 голосами центристов и левых первым президентом Финляндии был избран центрист – видный юрист, один из составителей республиканской конституции К.Ю. Стольберг. Маннергейм сумел взять реванш лишь в 1944 г., в трудное для Финляндии время, и это будет скорее бременем, чем победой.

БЕЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОСТОВ

Малым утешением Маннергейму было то, что в конце мая 1919 г. он получил титул почетного доктора философии Хельсинкского университета. В этом, конечно, была большая доля подхалимства, хотя формально повод имелся – выход в свет обобщенных совместно с финляндскими учеными этнографических исследований генерала времен его тибетско-китайского путешествия. Большим утешением для генерала стали собранные в его фонд деньги – 7,5 млн. марок после того, как он был освобожден от должности регента. Этого хватило на многие годы зажиточной жизни в фешенебельном районе Хельсинки³⁷.

³⁶ Отношение Маннергейма к белому террору в Финляндии впоследствии досконально изучено, хотя это и не привело к полной ясности. Документы в основном свидетельствуют о том, что Маннергейм требовал соблюдения международных норм обращения с военнопленными и индивидуального подхода, строгого наказания лишь тех, кто участвовал в уголовных преступлениях. Подробно об этом см.: *Jägerskiöld S. Mannerheim, 1918, s. 253–267; Meri V. Op. cit. s. 50–53.*

³⁷ *Jägerskiöld S. Valtichoitaja Mannerheim. Helsinki, 1969, s.282.*

Летом 1919 г. ему предложили стать послом в Париже³⁸. Маннергейм посчитал этот пост для себя слишком незначительным: он не собирался покидать политической арены Финляндии. В течение августа 1919 г. велись переговоры о его назначении командующим армии Финляндии, не давшие, однако, позитивного результата, так как Маннергейм, по мнению президента, требовал слишком много. Назначения в вооруженных силах, введение военного положения, провозглашение состояния войны между Финляндией и Советской Россией – все это должно было находиться в ведении командующего.

Агрессивные планы в отношении ряда территорий Советской России (захват Петрограда, Карелии) Маннергейм вынашивал еще со времени гражданской войны³⁹. В 1918 г. бывший в 1916 г. премьер-министром России А.Ф. Трепов и Вильгельм II высказывались за свержение большевистского режима в Петрограде с помощью войск под командованием финляндского генерала⁴⁰. Во время регентства Маннергейма шли интенсивные переговоры с участием представителей Антанты о совместном походе армии генерала Н.Н. Юденича и вооруженных сил Финляндии против Петрограда.

Эту возможность серьезно учитывало военное командование Советской России. Начав после краха Германии наступление южнее Финского залива, оно оставило крупный контингент войск на границе с Финляндией, прежде всего на Карельском перешейке.

Однако агрессивные планы белогвардейцев не осуществились по разным причинам. Среди них на первом месте было нежелание белых русских генералов признать независимость Финляндии. Когда выяснилось, что белые не в состоянии справиться с большевиками, Маннергейм вернулся к плану похода против Петрограда одной финляндской армии под его командованием.

Хотя центристское финляндское руководство не поддержало Маннергейма, он нашел единомышленников во Франции в лице Ж. Клемансо и Ф. Фоша. В то время последнее наступление Юденича на Петроград было в разгаре, а войска Деникина двигались на Москву. Представители адмирала А.В. Колчака и образованного в августе 1918 г. в Таллине северо-западного правительства С.А. Лианозова, дабы ликвидировать противоречия между правительством Эстонии и белыми во главе с Юденичем, под нажимом англичан попросили у Финляндии помощи. По имевшимся у Маннергейма данным Франция поддержала это обращение. В конце октября 1919 г. Маннергейм отправил из Франции открытое письмо президенту Финляндии Стольбергу с призывом участвовать во взятии Петрограда. По его словам, это имело бы мировое значение, содействовав падению большевизма⁴¹. Но в Хельсинки не отреагировали на это обращение: белогвардейцы по-прежнему не признавали независимость Финляндии, а войска Юденича и Деникина уже начали терпеть поражение.

Из Франции Маннергейм поехал в Польшу. Финляндскому генералу был оказан пышный прием, он встречался с премьер-министром Й. Пилсудским. Представители обоих бывших великих княжеств Российской империи были единодушны в том, что большевизм в России нужно свергнуть. Маннергейм и Пилсудский пришли к выводу, что им следует сотрудничать с российскими либеральными кругами, которые готовы не только признать самостоятельность Финляндии и Польши, но построить Россию на новой демократической и федеративной основе.

Пилсудский собирался начать в 1920 г. антибольшевистский поход и пытался втянуть в него других. Маннергейму эта идея понравилась, и он пропагандировал ее на обратном пути на родину в Англии и Франции.

Но наступление польских войск в 1920 г. против Советской России не нашло отклика в Финляндии. Да и сам Маннергейм не проявил должной активности.

³⁸ Ibid., s. 285.

³⁹ Jägerskiöld S. Mannerheim 1918, s. 130–133, 323–342, 380–381, 417–418; *idem*. Valtionhoitaja Mannerheim, 152–235; *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. М., 1975, с. 21–122.

⁴⁰ Jägerskiöld S. Mannerheim 1918, s. 342, 357–358.

⁴¹ Jägerskiöld S. Valtionhoitaja Mannerheim, s. 329–332; *Холодковский В.М.* Указ. соч., с. 144–145. Полный текст открытого письма см.: *Mannerheim K.* Muistelmät I, s. 451–452.

Отметим, что белый генерал, занимавший высшие посты в политической и военной иерархии страны в первые годы существования независимой Финляндии, вплоть до 1931 г. не имел государственного поста. Любопытно, что когда в 1921 г. руководство шюцкора избрало своего почетного начальника Маннергейма действующим председателем, президент Стольберг не утвердил это решение. Все это не нравилось влиятельным правым силам страны. В дни особой натянутости отношений между Стольбергом и Маннергеймом поклонники последнего даже предлагали ему устроить военный переворот, Маннергейм отказался. Он считал возможным отстаивать свои взгляды только конституционными методами⁴².

Освободившись от государственной службы, генерал не вел праздную жизнь. Его приглашали на разные армейские торжественные церемонии, он выступал с докладами. Маннергейма избрали председателем совета правления банка – вначале Объединенного банка, после слияния – Хельсинкского акционерного банка. Но финансовые дела его мало интересовали, и в 1936 г. он окончательно отказался от поста главы одного из влиятельнейших банков страны.

Особое внимание Маннергейм уделял деятельности, как правило, не свойственной военным – благотворительности и медицине. В 1920 г. он основал "Союз защиты детей" с целью содействовать физическому и духовному развитию подрастающего поколения. Добиваясь национального примирения, этот союз особенно заботился о детях бедного населения Финляндии, в частности о детях бывших красногвардейцев. Не веря в искренность генерала, социал-демократическая партия отказалась от сотрудничества с "Союзом защиты детей"⁴³.

Стараниями старшей сестры генерала Софии (умерла в 1928 г.), имевшей медицинское образование и ставшей к этому времени заметной фигурой на поприще медицинской благотворительности, Маннергейма в 1922 г. избрали председателем Красного Креста. Под его руководством Красный Крест Финляндии много внимания уделял подготовке медицинского персонала на случай войны. По делам этой организации генерал побывал в ряде стран Западной Европы.

Эти посты не были обременительны для Маннергейма. Он много путешествовал, встречался с дочерьми (одна из них какое-то время была монахиней), помирился с бывшей женой. Раз в году охотился в Тирольских Альпах, а в конце 1927 г. поехал в Индию для охоты на тигров; ее результат – шкуры трех тигров. Эта поездка имела и политическую подоплеку. Приближалось 10-летие победы белой армии в Финляндии. Отношения у барона с правящими кругами были натянутыми, и Маннергейм, не желая чтобы его участие в мероприятиях по случаю этой даты стало объектом политической полемики, отправился за охотничьими трофеями в Индию. Но его настойчиво приглашали вернуться на родину, и в мае 1928 г. он все-таки присутствовал на этих мероприятиях.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг., который в Финляндии дал о себе знать уже в 1928 г., привел к власти в стране более правые силы: в результате первый глава финляндского государства в 1917–1918 гг. Свинхувуд в июне 1930 г. стал премьер-министром и в феврале 1931 г. был избран президентом Финляндии. На следующий день после вступления на этот пост – 2 марта 1931 г. – он предложил Маннергейму пост командующего вооруженными силами и конфиденциально главнокомандующего в случае войны. Главнокомандующим по конституции Финляндии был президент. От поста командующего Маннергейм отказался – слишком много рутинной работы, – но согласился стать председателем комитета обороны⁴⁴. Так 64-летний генерал вновь оказался на государственной службе. В 1933 г. в связи с 15-летием окончания гражданской войны ему присвоили звание маршала⁴⁵.

⁴² *Холодковский В.М.* Указ. соч., с. 170; *Jägerskiöld S.* Valtionhoitaja Mannerheim, s. 333.

⁴³ *Mannerheim K.* Muistelmat I, s. 477.

⁴⁴ *Jägerskiöld S.* Mannerheim han vuosina 1920–1939, s. 153–154.

⁴⁵ *Ibid.*, s. 164–165.

ОСТОРОЖНЫЙ ПОЛИТИК УКРЕПЛЯЕТ АРМИЮ

В сложной системе военного руководства Финляндии – главнокомандующий, командующий вооруженными силами, начальник генерального штаба, министр обороны – комитет обороны был почетным, но маловлиятельным органом: он мог давать только рекомендации. Своим авторитетом Маннергейм добился повышения значения комитета, в частности в 1933 г. юридического права давать командованию распоряжения в вопросах военной подготовки страны⁴⁶.

Маннергейм начал активную деятельность в этом направлении. По его инициативе были реорганизованы по территориальному принципу сухопутные войска Финляндии. Таким образом была обеспечена высокая мобилизационная готовность и хорошее взаимодействие с шюцкором. Строительство укреплений на границе и перевооружение требовали денег, а политики не особенно верили в вероятность войны. Все же после окончания экономического кризиса были увеличены бюджетные расходы на военные нужды. По инициативе Маннергейма интенсифицировалось строительство укреплений на Карельском перешейке, которые в Финляндии и за рубежом стали называться "линией Маннергейма". Старый кавалерист, он заинтересовался новейшими видами вооружений – танками и самолетами.

Стремление познакомиться с новинками военной техники побуждало Маннергейма предпринимать частые заграничные командировки во Францию, Англию, Швецию. В Германии, будучи гостем премьер-министра Пруссии и "главного лесничего рейха" Г. Геринга, он вместе с ним охотился. Аристократические манеры Маннергейма как нельзя лучше подходили для официальных представительских миссий, тем более что на Западе он, бывший царский генерал, слыл почти легендарной личностью. Во время своих поездок Маннергейм предупреждал западных политиков об опасности коммунизма, призывал к созданию совместного фронта против СССР. Но в условиях обострения отношений между гитлеровской Германией и западными демократиями его призывы не имели успеха. По предложению Маннергейма, военные заказы Финляндии были размещены в основном в Англии и Швеции.

Оживилась политическая деятельность маршала. Курс на национальное примирение, проявленный в акциях "Союза защиты детей", нашел четкое политическое выражение в речи 16 мая 1933 г. на торжествах по поводу 15-летия вступления белой армии в Хельсинки. Постепенно наладились отношения с лидером социал-демократов В. Таннером. Это имело тем большее значение, что с 1936 г. социал-демократическая партия стала правящей, образовав вместе с аграриями "красно-зеленый" кабинет.

Большую активность Маннергейм проявлял и во внешнеполитической области. Сближение СССР с Францией и вступление его в Лигу наций озадачило финляндских руководителей. По их мнению, Лига наций уже не могла быть гарантом против Советского Союза. Их насторожило также заявление в 1935 г. советского полпреда Э.А. Асмуса о том, что если Германия начнет войну, то Красная Армия вступит на территорию Финляндии. Эти предупреждения советские руководители повторяли и в 1936–1937 гг. В итоге по инициативе маршала и его сподвижников Финляндия перестала ориентироваться на Лигу наций и стала приверженицей проскандинавского нейтралитета, о чем и было заявлено в парламенте 5 декабря 1935 г.⁴⁷

Во второй половине 30-х годов Финляндия стремилась занять нейтральную позицию между гитлеровской Германией и западными демократиями, обеспечить коммуникации для помощи со стороны обеих соперничавших групп западных держав, если Финляндия окажется в войне с СССР. В первую очередь Финляндия надеялась получить военную помощь от Швеции, с которой конфиденциальные переговоры по этому вопросу шли уже с 1923 г.⁴⁸

Маннергейм всегда выступал за тесные отношения Финляндии и Швеции. Правда,

⁴⁶ Ibid., s. 188–192.

⁴⁷ Korhonen K. Turvallisuuden pettaessa. Helsinki, 1971, s. 123–124, 135–143.

⁴⁸ Turtola M. Tornionjoelta Rajajoelle. Porvoo–Helsinki–Juva. 1984, s. 37–54.

Карл Густав Эмиль Маннергейм

в 1918–1919 гг., когда Швеция претендовала на Аландские острова и послала туда свои войска, а Маннергейм категорически выступал против этого, отношения с некоторыми шведскими министрами у него обострились, но король Швеции Густав V всегда радушно принимал Маннергейма. Как только Аландский конфликт был улажен, Маннергейм стал активным сторонником финляндско-шведского сближения вообще и военного сотрудничества в частности. Но этому мешали внутренние осложнения – обострились отношения между финнами и шведами в самой Финляндии. Камнем преткновения стал вопрос, на каком языке вести обучение в вузах? Маннергейм вместе с двумя генералами-единомышленниками – Р. Вальденом и Х. Игнатиусом опубликовал заявление, в котором настаивал на разрешении конфликта, подчеркивая, что его продолжение может влиять негативно на обороноспособность государства. Сам маршал, продолжая совершенствовать свой финский язык, придерживался правила, что официальный язык в вооруженных силах Финляндии – финский, и в официальных случаях всегда говорил по-фински. Даже с теми офицерами, которые, как и он, были по национальности шведы⁴⁹.

Маннергейм приветствовал приход в 1933 г. к власти гитлеровцев в Германии, считая, что они энергичнее станут бороться против коммунизма, чем вялые западные демократы⁵⁰. Но к 1939 г. его взгляды изменились: агрессивно-люмпенское поведение Гитлера во внутренней и внешней политике претило аристократу Маннергейму. Но он полагал, что Финляндии не следовало ссориться с Берлином. Маршал считал реальной

⁴⁹ Jägerskiöld S. Mannerheim 1920–1939, s. 187.

⁵⁰ Ibid., s. 248–250.

угрозу войны с СССР и готовился к ней. И в то же время советовал вести в отношении СССР осторожную политику, особенно после подписания в 1939 г. пакта Молотова–Риббентропа.

Маннергейм спешил с перевооружением армии, строительством укреплений, настойчиво требовал для этого денег. Не получив их в достаточном количестве, он дважды в 1939 г. – 16 июня и 27 ноября – подавал заявления об отставке⁵¹. В то же время настаивал на том, чтобы в переговорах с Москвой руководители Финляндии проявляли бóльшую гибкость. Он советовал правительству пойти навстречу предложениям Москвы о передаче Советскому Союзу демилитаризованных финляндских островов в Финском заливе, которые, по его словам, не имели особого значения для Финляндии, но зато были важны для безопасности Ленинграда и Кронштадта. Даже в вопросе главного противостояния в переговорах – советского требования о передаче в аренду полуострова Ханко для строительства там военной базы – Маннергейм искал компромисс. Он рекомендовал отдать СССР остров Юссарё у полуострова Ханко.

Большинство финляндских политиков недооценивали военно-стратегические и политические намерения тогдашнего советского руководства. Реалист Маннергейм осознавал всю серьезность ситуации, как бывший царский генерал знал стратегические интересы России, был политически гибким, а в военных вопросах решительным. Кроме того, в начале ноября Маннергейм получил от Геринга письмо о том, что Германия в это время Финляндию поддержать не сможет. Большинство же руководителей Финляндии, в частности министр иностранных дел Э. Эркко, продолжали рассчитывать на Германию.

Маршал не был застигнут врасплох началом войны с СССР 30 ноября 1939 г. Встретившись в тот же день с президентом Каллио, Маннергейм сказал, что в новых обстоятельствах считает своим долгом взять обратно только что поданное заявление об отставке и готов занять пост главнокомандующего вооруженными силами Финляндии⁵².

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ В "ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ"

При активном участии Маннергейма 1 декабря 1939 г. было сформировано новое правительство с целью устранить от власти лиц, ответственных за проводившуюся внешнюю политику, ликвидировать преграды на пути политического решения конфликта с Советским Союзом. Свои портфели потеряли министр иностранных дел Эркко – он получил назначение в Стокгольм в качестве временного поверенного в делах – и премьер-министр Каяндер, но политическая база правительства осталась прежней. Многие министры сохранили свои посты.

Вскоре выяснилось, что возможность политических переговоров блокирована находившимися в Советском Союзе финляндскими коммунистами из "народного правительства Финляндской Демократической Республики" во главе с О.В. Куусиненом, более того, советские руководители заключали с ними договор о дружбе и сотрудничестве. Попытки Хельсинки связаться с Москвой через Стокгольм были отклонены под предлогом, что Советский Союз признает в качестве финляндского руководства правительство Куусинена, а не хельсинкское. Стремление Финляндии привлечь, хотя бы косвенно, Швецию в качестве союзника в войне против СССР – ей предложили занять Аландские острова – потерпели, как и на переговорах перед войной, неудачу.

В начале декабря Маннергейм уехал в заранее подготовленную штаб-квартиру в городе Миккелли (восточная Финляндия) и оставался там в течение всей "зимней войны". Командование войсками не мешало ему следить и за политическими собы-

⁵¹ *Mannerheim K. Muistelmat II, s. 103–104, 129–133.*

⁵² Уже 17 октября 1939 г. Маннергейм стал командующим вооруженными силами Финляндии, а занимавший раньше этот пост генерал Х. Эстерманн был назначен командующим Карельской армией. 30 ноября президент Каллио делегировал Маннергейму пост верховного главнокомандующего, по конституции принадлежащий президенту. См.: *Jägerskiöld S. Mannerheim 1920–1939, s. 365.*

тиями. Через своего представителя при правительстве генерала Р. Вальдена, а также в ходе ежедневных телефонных разговоров Маннергейму удавалось влиять на политическое руководство страны. В трудные моменты политики приезжали к нему за советом. Маршал много общался с влиятельными иностранцами, использовал свои обширные личные связи. Иногда руководители западных стран обращались прямо к нему, минуя политическое руководство Финляндии.

Маршала удручало, что заблаговременно мобилизованная финляндская армия легко сдала позиции перед линией укреплений на Карельском перешейке и что советские войска развивали наступление севернее Ладожского озера в направлении финляндско-шведской границы. В финляндских военных планах, учитывая бездорожье, это не предвиделось. Но советские строители сумели проложить новые дороги. Маннергейм быстро сориентировался, направил туда уступавшие советским войскам по численности и по вооружению, но превосходившие по мобильности (на лыжах) дополнительные части, применяя свою тактику окружения и дробления на части войск противника. Финляндские войска остановили советские дивизии. Первые успехи армии Маннергейма были достигнуты в середине декабря северо-западнее Ладоги в окрестности Толваярви и на севере в районе Суомуссалми, потом и на некоторых других направлениях. Советское наступление было остановлено на севере, а также у первой линии укреплений на Карельском перешейке. Такое положение сохранялось до середины февраля 1940 г.

Успехи, достигнутые на первом этапе "зимней войны", взбодрили финляндских политиков. Обсуждались планы создания в противовес правительству Куусинена антисталинского правительства во главе с А.Ф. Керенским и Л.Д. Троцким, которое руководило бы свержением сталинизма в России. Предлагалось также западным странам организовать наступление с севера через советскую Карелию на Ленинград⁵³.

На Западе, особенно во Франции, осуждали действия СССР. Особенно стояла Германия, которая, отдав по пакту Молотова–Риббентропа Финляндию в качестве сферы влияния Советскому Союзу, не присоединилась к хору осуждения, но втайне также симпатизировала Финляндии. Когда стало ясно, что молниеносная война в Финляндии Сталину не удалась, интерес к Финляндии на западе увеличился. После исключения 14 декабря 1939 г. Советского Союза из Лиги наций Верховный союзнический совет 21 декабря принял в довольно расплывчатой форме решение о помощи Финляндии. В конце декабря Франция и Англия направили Швеции и Норвегии ноту с требованием пропустить их войска и вооружения через территорию последних для помощи Финляндии. Но в Швеции и Норвегии разгадали замысел союзников, о котором премьер-министр Англии Н. Чемберлен сказал: одним ударом убить двух зайцев⁵⁴, – а именно помочь Финляндии, но по пути туда оккупировать также Северную Швецию, откуда железная руда через норвежский порт Нарвик вывозилась в Германию. Последняя, конечно, вмешалась бы, и вся Скандинавия стала бы ареной военных действий. На ноты Англии и Франции был дан отрицательный ответ.

Учитывая это, Финляндия перестроила свои планы. Особенно активно действовал Маннергейм. В ответном письме французскому премьер-министру Э. Даладьё в начале 1940 г. он настаивал на англо-французских операциях на Белом море и уточнял, что высадка войск должна состояться в районе Архангельска, чтобы Германия не имела причин для вмешательства. Он также предложил совершить нападение на СССР в районе Баку⁵⁵. Маннергейм настаивал также на том, чтобы бойцы регулярных армий разных западных стран – приблизительно 30 тыс. человек – прибыли в Финляндию в качестве добровольцев, примерно так, как германские и итальянские войска направлялись для участия в гражданской войне в Испании. Он несколько раз ставил этот вопрос перед официальными представителями как западных союзников, так и Швеции.

⁵³ Tanner V. The Winter War. Stanford, 1957; Paasonen A. Marselkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen esimiehenä. Helsinki, 1974, s. 87–88; Bartel H. Frankreich und Sowjetunion 1938–1940. Stuttgart, 1988, S. 302.

⁵⁴ Батлер А. Большая стратегия. Сентябрь 1939–июнь 1940. М., 1959, с. 115.

⁵⁵ Jägerskiöld S. Talvisodan ylipäällikkö, s. 90.

26 декабря Маннергейм распорядился создать специальную группу офицеров по приему "добровольцев". Но "добровольцы" приехали в основном из Швеции. Большинство из них не имели военной подготовки. Их нужно было еще обучать. На фронт часть, сформированная из "добровольцев", попала лишь в конце войны⁵⁶. Вооружения с Запада также поступало мало и с опозданием.

В конце января 1940 г. Москва сообщила руководству Финляндии через Таллинн и Стокгольм, что готова вести переговоры с хельсинкским правительством на условиях, выдвинутых советской стороной осенью 1939 г. Не проконсультировавшись с Маннергеймом, правительство Финляндии подготовило негативный ответ, но, по совету Швеции, он был передан СССР в сдержанной форме. Отношения с Москвой стали еще жестче, когда в Хельсинки узнали о решении Верховного Союзнического Совета, т.е. политического и военного руководства Англии и Франции, от 5 февраля 1940 г. послать в Финляндию экспедиционный корпус. Но убедить шведское правительство пропустить его не удалось.

10 февраля премьер-министр Р. Рюти и министр иностранных дел В. Таннер прибыли на совещание в штаб-квартиру главнокомандующего. Маннергейм, проконсультировавшись с генералами, предпочел заключение мира, но особенно категоричен не был⁵⁷. По крайней мере на позицию министра иностранных дел Таннера он не повлиял – тот опубликовал на следующий день официальное заявление в печати о том, что Финляндия ведет успешные операции, помощь с Запада прибывает и переговоров о мире с СССР не ведется⁵⁸.

После перегруппировки сил Красная Армия возобновила наступление, 13 февраля 1940 г. вклинилась в первую полосу "линии Маннергейма" у поселка Ляхте и в последующие дни расширила там плацдарм. Во избежание окружения финляндское военное руководство решило отступить. Началось сражение за город Вийпури (Выборг). Резервы Маннергейма таяли.

По мере успехов Красной Армии ужесточались советские требования: восстановить границы времен Петра I, т.е. занять весь Карельский перешеек с городом Вийпури, а также земли севернее и северо-западнее Ладоги с городами Сортавала и Какисалми, лишив тем самым Финляндию выхода к Ладоге. На этой территории жила примерно одна десятая часть населения Финляндии, и она давала такую же часть национального дохода страны. Финляндское руководство к концу февраля 1940 г. склонно было уступить требованиям СССР. Это встревожило союзников, особенно Францию, которая обещала ускорить посылку большого экспедиционного корпуса в Финляндию. Союзники требовали, чтобы Финляндия обратилась к ним с официальной просьбой о посылке войск. Финляндские руководители, включая Маннергейма, несколько дней размышляли – не отвечали Москве и не обращались с официальной просьбой к Западу о посылке войск.

Все же 6 марта 1940 г. финляндская делегация во главе с Рюти направилась в Москву на переговоры. Выяснилось, что советское руководство снова увеличило свои территориальные претензии к Финляндии за счет северных земель. Глава советского правительства и нарком иностранных дел В.М. Молотов выступал очень жестко. Политическое руководство Финляндии запросило мнение главнокомандующего. 9 марта Маннергейм, посоветовавшись с генералами, дал ответ подписать мир, так как усталая армия могла бы удерживать фронт против превосходящих сил противника не больше недели⁵⁹. 13 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор на продиктованных советской стороной условиях.

⁵⁶ Во время "зимней войны" в Финляндию прибыло 11370 добровольцев, из них шведских 8482. Небольшое количество из них попало на фронт. – Talvisodan historia, 1980, № 1, s. 40–58.

⁵⁷ Jägerskiöld S. Talvisodan ylipäälikkö, s. 124–126. Протокол совещания не опубликован и, по всей вероятности, не составлялся. Имеются лишь в основном совпадающие описания его хода в воспоминаниях участников – Маннергейма, Таннера и др.

⁵⁸ Passikivi J.K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–1941. Porvoo–Helsinki, 1959, s. 118.

⁵⁹ Jägerski S. Talvisodan ylipäälikkö, s. 195–196.

РАЗОЧАРОВАНИЕ ЛОНДОНОМ И ПАРИЖЕМ

Обе стороны не были удовлетворены временным и компромиссным московским мирным договором. Руководители Советского Союза хотели подчинить Финляндию, правящие круги Финляндии – уничтожить большевизм и создать Великую Финляндию.

После "зимней войны" 1939–1940 гг. популярность Маннергейма в стране сильно возросла. Отошла на задний план ненависть к нему бедных слоев населения, возникшая еще во время гражданской войны и сохранявшаяся долгие годы. Этому способствовало и предложение Маннергейма отменить "белый праздник" 16 мая – в этот день 1918 г. победившая белая армия Маннергейма вступила в Хельсинки – и переименовать его в день памяти всех финнов, погибших в войнах.

Усиливалось и политическое влияние Маннергейма в стране. В реформированном после войны правительстве Р. Рюти военным министром стал доверенный человек Маннергейма – генерал Вальден. Он и сам Маннергейм вошли в так называемое "внутреннее кольцо", в которое входили еще премьер-министр и министр иностранных дел. "Внутреннее кольцо" решало важнейшие проблемы страны, мало консультируясь при этом с остальными министрами и парламентом.

Военное положение не было отменено и Маннергейм остался главнокомандующим. Парламент теперь давал ему столько денег, сколько он требовал для вооруженных сил. Сразу после войны началось строительство укреплений на новой государственной границе, был продлен срок службы в вооруженных силах в мирное время. Их численность увеличилась.

Но с перевооружением возникли трудности. После оккупации Норвегии Германией в апреле 1940 г. в руки последней попало доставленное туда для Финляндии вооружение из западных стран, а запрет Гитлера на поставку германского вооружения в Финляндию остался в силе⁶⁰.

Летом 1940 г. политическое положение страны осложнилось: вермахт разгромил Францию, а к Советскому Союзу были присоединены балтийские страны. В Хельсинки поступала противоречивая информация о концентрации советских войск на границе с Финляндией. В то же время СССР предъявил Финляндии ряд дополнительных требований, которые в Хельсинки трактовались как угрожающие независимости: транзитное движение по железной дороге между СССР и советской базой в Ханко, создание совместной советско-финляндской компании для эксплуатации финляндских никелевых рудников.

Летом 1940 г. нацистский рейх начал активные подготовительные мероприятия по реализации плана нападения на СССР. Гитлер полагал, что Финляндия заинтересована в участии в его восточном походе. 18 августа 1940 г. в Хельсинки прибыл эмиссар Геринга Й. Фельтъенс со сверхсекретным письмом своего шефа "старому компаньону по охоте" Маннергейму. В нем сообщалось, что Гитлер решил снабдить финляндскую армию оружием и попросил Финляндию разрешить транзит германских войск в Северную Норвегию через свою территорию. Маннергейм сказал, что он вооружением примет, а по второму вопросу порекомендовал Фельтъенсу связаться с политическим руководством страны, которое впоследствии удовлетворило просьбу Гитлера⁶¹. В сентябре 1940 г. транзитная операция началась. После визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Геринг через шведского посредника барона К. Розена, а также Фельтъенса сообщил Маннергейму, что "фюрер" отклонил пожелание СССР включить Финляндию в свою сферу интересов и взял ее "под свой зонтик"⁶².

⁶⁰ *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Helsinki, 1927, s. 77–105.

⁶¹ В 1946 г. во время суда над финляндскими виновниками войны, премьер 1940 г. Рюти отрицал, что он встречался с Фельтъенсом, но обнаруженные потом в германских архивах документы показывают правильность версии Маннергейма. – *Mannerheim K.* Muistelmat II, s. 289–290; *Expansionsrichtung Nordeuropa.* Berlin, 1987, S. 82.

⁶² *Krosby H.P.* Suomen valinta. Helsinki, 1964, s. 278–279; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Helsinki, 1987, s. 143–147.

С этого началось германо-финляндское военное сотрудничество по подготовке к нападению на СССР. Позже были достигнуты конкретные договоренности во время взаимных визитов высокопоставленных офицеров: в январе 1941 г. начальника генштаба Финляндии Э. Хейнрика в Германию, в феврале оберквартирмейстера штаба военно-воздушных сил Германии Х.-Г. Зайделя и начальника штаба армии "Норвегия" Э. Бушенхагена в Финляндию, в марте начальника финляндской военной разведки Л. Меландера в Германию и начальника отдела "Иностранные армии Востока" Э. Кинцеля в Финляндию, а также через военных атташе – Х. Рёсинга в Финляндию, В. Хорна в Германию⁶³. Обе стороны были осторожны, говорили о координации действий в случае возникновения новой угрозы с востока, в конфиденциальных беседах обсуждался вопрос о нападении на СССР. В конце мая–начале июня 1941 г. в результате нового раунда взаимных визитов была достигнута договоренность о размещении германских сухопутных войск на севере Финляндии и переходе находившихся там финляндских войск под германское командование, о базировании германских авиации и флота на юге страны.

Маннергейм дал указание своим подчиненным действовать, но предупредил, чтобы доклады об этих действиях давались только в устной форме. Сам он держался на втором плане, но в письме Герингу, которое его эмиссар генерал П. Талвела передал адресату в декабре 1940 г., говорилось о совместных операциях в северо-западной части СССР⁶⁴. В мае 1941 г. Маннергейм, находясь под впечатлением германских побед на Балканах, сказал школьным товарищам, что он разочарован своей старой англо-французской ориентацией и предпочитает Германию⁶⁵.

Но все же маршал сохранял осторожность. Он, как и политическое руководство страны, избегал подписывать любые письменные соглашения с Германией. В Хельсинки не исключали возможность того, что победителем в мировой войне будет англо-французская коалиция, и пытались как по внешне-, так и по внутривнутриполитическим соображениям создать впечатление, что Финляндия будет втянута в войну на стороне Германии против своей воли. 14 июня 1941 г., в день публикации заявления советского телеграфного агентства ТАСС о том, что Германия якобы не имеет агрессивных намерений в отношении СССР, Маннергейм получил из Берлина телеграмму за подписью Кейтеля о том, что 22 июня начнется германо-советская война. 17 июня, на день позже, чем было запланировано, Маннергейм объявил всеобщую мобилизацию⁶⁶.

СОВМЕСТНО С ГЕРМАНИЕЙ ПРОТИВ СССР

После того, как советская авиация 25 июня 1941 г. совершила налет на те объекты в Финляндии, где располагались германские вооруженные силы, Финляндия объявила, что она находится в состоянии войны с СССР. Маннергейм со своим штабом опять переместился в Миккелю, но остался членом "внутреннего кольца". Перед принятием любого важного политического решения руководство страны консультировалось с ним. Иногда Маннергейм предпринимал самостоятельные политические действия. Тенденция к образованию двух центров власти, наметившаяся уже в "зимней войне", усиливалась.

В вооруженных силах Финляндии, включая вспомогательные части, насчитывалось 648–660 тыс. человек, что составляло 16% всего населения и 33% мужчин. Это было в процентном отношении больше, чем в любой другой стране. Огневая мощь армии была в 2,5–3 раза больше, чем в "зимней войне". Главнокомандующий Маннергейм, судя по его воинственным приказам в начале войны, собирался "участвовать во всемирно-историческом крестовом походе против большевизма", навеки ликвидировать "русскую угрозу Северу Европы", создать "Беликую Финляндию и включить туда

⁶³ Jokipii M. Jatkosodan synty, s. 157–161, 223–232.

⁶⁴ Talvela P. Muistelmat I. Helsinki, 1976, s. 258.

⁶⁵ Crosby H.P. Op. cit., s. 328–329.

⁶⁶ Upton A.F. Finland in Crisis 1940–1941. London, 1961, p. 273–274.

советскую Карелию"⁶⁷. Правительство сочло нужным отмежеваться от некоторых положений этих приказов, особенно о создании Великой Финляндии.

Маршал очень увлекался, но, как всегда, он умел быстрее, чем политическое руководство, трезво оценить меняющуюся ситуацию, когда видел, что события развиваются не так, как он ожидал. Уже в августе 1941 г. в беседах с немцами он говорил, что разочарован тем, как развиваются военные действия на советско-германском фронте. В точности выполнив в первые дни войны все пожелания германского командования, Маннергейм в конце июля 1941 г. сказал прикомандированному к его штабу германскому офицеру связи В. Эрфурту, когда между ними возникли разногласия, что финляндскими войсками командует не Эрфурт, а он, Маннергейм⁶⁸.

Первый военно-политический кризис наступил в конце августа – начале сентября 1941 г., когда финляндские войска достигли старой границы не только севернее Ладоги, но и на Карельском перешейке, овладев Выборгом. Кейтель обратился тогда к Маннергейму с письмом, в котором предложил помимо первоначального плана совместного окружения Ленинграда и встречи на реке Свирь, продолжить наступление на Карельском перешейке на Ленинград. В то же время СССР при посредничестве США предложил Финляндии мир в границах 1939 г.⁶⁹ Было о чем подумать.

Маннергейм давно мечтал взять город на Неве. Но ситуация была неподходящей. Первые успехи в начале новой войны достались финляндской армии большой кровью и можно было ожидать под Ленинградом особенно стойкого сопротивления, а овладение территорией Карело-Финской ССР и дальнейшее ее включение в состав Великой Финляндии могло задержаться. Маннергейм решил ограничиться лишь имитацией наступления на Ленинград, но выйти на реку Свирь с дальнейшим поворотом на север, в советскую Карелию. В сентябре 1941 г., когда эта задача была выполнена, гитлеровцы потребовали дальнейшего наступления на юг, хотя сами они на запланированное соединение с финнами на реке Свирь не сумели пробиться. Маннергейм же предложил Кейтелю свой план: совместными усилиями атаковать на севере Беломорск и отрезать Мурманск и Архангельск от центра России⁷⁰.

Финляндские войска двинулись в этом направлении, овладев в начале октября 1941 г. Петрозаводском. Но это привело к очередному политическому кризису в конце октября–начале ноября 1941 г. Англия и США направили в Хельсинки ноты протеста, так как в опасности оказался их северный путь коммуникаций с СССР. Англия, угрожавшая Финляндии объявлением войны, в декабре 1941 г. сделала это. В то же время осложнялось внутривнутриполитическое и экономическое положение Финляндии – стране угрожал голод, без частичной демобилизации трудно было обеспечить функционирование экономики. Солдаты неохотно вели изнурительную войну на чужой земле.

Маннергейм колебался. С одной стороны, нежелательно было обострять отношения с Англией и США, с другой – хотелось содействовать поражению СССР, перерезав его коммуникации с внешним миром. Он уклончиво ответил на письмо Черчилля о немедленном приостановлении наступления войск. Маннергейму и раньше из Берлина намекали, что он мог бы взять на себя командование всем финляндско-советским фронтом, включая немецкие войска на севере. В этот раз он был настолько рассержен неуклюжими действиями командующего армией "Норвегия" немецкого генерала Н. фон Фалькенхорста, что сам выразил Эрфурту пожелание взять командование всем фронтом на себя⁷¹. Конец колебаниям Маннергейма положило советское контр-

⁶⁷ Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyt vuosilta 1918–44. Helsinki, 1970, s. 116–120; *Jägerskiöld S. Suomen marsalkka*, s. 139–147.

⁶⁸ *Jägerskiöld S. Suomen marsalkka*, s. 164–165.

⁶⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в 2-х т., 2-е изд. М., 1976, т. 1, с. 9, 281.

⁷⁰ *Jägerskiöld S. Suomen marsalkka*, s. 218–219.

⁷¹ *Erfurth W. Problemet Murmanbanan under Finlands senaste krig*. Helsingfors, 1952, s. 16; *Jägerskiöld S. Suomen marsalkka*, s. 225.

наступление на тихвинско-волховском фронте в ноябре–декабре 1941 г. Когда войска Финляндии в декабре вышли на Масельгский перешеек между Онегой и Сегозером на севере Карело-Финской ССР, Маннергейм приказал им остановиться и перейти к обороне. Обсуждение с германским командованием вопроса о походе к Беломорску продолжалось. Если вначале Маннергейм был сильно заинтересован в этой операции, то в феврале 1942 г. он переменил свое мнение: "Я не буду больше наступать", – заявил он⁷². Советско-финляндский фронт застыл до ранней весны 1944 г. Иногда германское командование выдвигало предложения об активизации боевых действий, но обычно Маннергейм отклонял их под предлогом, что финнам не хватает сил, поскольку немцы не сумели захватить Ленинград и тем самым у Финляндии нет резервов, так как она должна также держать свои войска под Ленинградом.

Об отношении Маннергейма к городу на Неве, городу его молодости, ведутся споры. Имеется много свидетельств, что Маннергейм в 1941 г., как и в 1919 г., хотел участвовать во взятии этого города, считая это важным делом в освобождении России от большевизма. Но ввиду упорного сопротивления советских войск он предпочитал, чтобы основную тяжесть в операции по захвату Ленинграда взяли на себя гитлеровцы. Финляндские войска участвовали в блокаде Ленинграда, но по городу не стреляли⁷³. Согласно дневниковой записи адъютанта Гитлера майора Энгеля, именно Маннергейм предложил Гитлеру "стереть Ленинград с лица земли"⁷⁴. Но достоверность этого свидетельства вызывает сомнение. Дальнейшее исследование показало, что скорее всего только однажды Маннергейм выразился именно так⁷⁵. Но гораздо чаще он высказывал противоположное мнение. Уже 30 августа 1941 г. он говорил Эрфурту, что если немцы разрушат Ленинград, русские построят его заново. Если сопоставить позицию разных руководителей Финляндии того времени о судьбе города на Неве, то Маннергейм выглядит на их фоне наиболее умеренным.

БУРЯ ПОСЛЕ ЗАТИШЬЯ

1942 г. прошел относительно спокойно для Маннергейма. На фронте бои почти не велись и главнокомандующий не был занят долговременным планированием боевых действий. Но это было не в его характере. Он, как всегда, много работал, строго спрашивал со своих подчиненных, старался держать данное им слово и недолюбливал тех, кто так не поступал. Он вел почти домашний образ жизни: излюбленная верховая езда, плавание, за обедом – забавные истории из своей жизни для генералов.

4 июня 1942 г. Маннергейму исполнилось 75 лет. Его юбилейные даты в Финляндии отмечались пышными торжествами. Но в военное время место празднования держали в секрете. Приглашенных было мало. Рюти, ставший президентом в 1940 г., присвоил главнокомандующему военный чин "маршала Финляндии" вместо "простого" маршала. Сенсацией стал приезд Гитлера со своей свитой. В разговоре один на один оба главнокомандующих констатировали, что упорное сопротивление советских войск было для них сюрпризом, в дальнейшем монологе Гитлер извинился, что он не смог помочь Финляндии в "зимней войне"⁷⁶.

Визит Гитлера привлек внимание мировой общественности. Предполагалось, что "фюрер" вынудит Маннергейма предпринять новое наступление на финляндско-советском фронте, и поэтому США по дипломатической линии предложили Хельсинки не подчиняться давлению Берлина⁷⁷. Однако Гитлер не требовал от Финляндии активизи-

⁷² *Jägerskiöld S. Suomen marsalkka*, s. 227–243.

⁷³ Подробнее см. *Вайну Х.М. Блокада Ленинграда и Финляндия. – Скандинавский сборник XVII. Таллин, 1972, с. 161–163.*

⁷⁴ *Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Stuttgart, 1974, S. 108, 111–112.*

⁷⁵ *Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Helsinki, 1980, s. 250.*

⁷⁶ *Jägerskiöld S. Suomen marsalkka*, s. 310–318; *Lehmus K. Tuntematton Mannerheim. Helsinki, 1967, s. 89.*

⁷⁷ *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1942, v. II, p. 63–65, 71; Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Helsinki, 1960, s. 403–410.*

зации боевых действий, так как германское командование в 1942 г. вело наступление на Сталинград и Кавказ.

Через месяц последовал ответный визит вежливости Маннергейма в Германию. Гитлер и его генералы говорили о своих военных планах во всем мире. На Маннергейма это подействовало угнетающе. Обсуждая результаты визита, Маннергейм и его приближенные пришли к заключению, что такая глобальная стратегия обречена на провал. Германская армия была остановлена у Сталинграда, и когда нацисты осенью 1942 г. еще раз подняли вопрос о штурме Ленинграда, Маннергейм отнесся к этому весьма сдержанно, хотя кое-какие подготовительные мероприятия с финляндской стороны и проводились.

Тогда же Маннергейм содействовал тому, чтобы финляндские власти перестали выдавать еврейских беженцев Германии⁷⁸.

В 1942 г. все финляндское военное руководство во главе с Маннергеймом активизировало курс на выведение отдельных финляндских частей из подчинения германского командования на севере Финляндии. На занятых территориях на Карельском перешейке, прежде всего севернее Ладоги, включая Маселькский перешеек, началось строительство укреплений. Лелеялась надежда, что на этих позициях Финляндия закрепится, пока вооруженные силы великих держав, в первую очередь Германии и СССР, изнурят друг друга в кровопролитных боях.

Спокойными были в штаб-квартире Маннергейма также 1943 и первые месяцы 1944 г. Политическое руководство Финляндии, консультируясь с Маннергеймом, искало, главным образом через США, пути выхода Финляндии из войны на благоприятных для нее условиях. В конце 1943 г. установились конфиденциальные контакты с СССР. Умудренный опытом Маннергейм был в этой связи более пессимистичен, чем большинство политиков его страны. Он сказал, что "от победителя войны нельзя требовать лучшие условия, чем те, которые существовали в начале войны"⁷⁹.

Это относилось, в первую очередь, к границам 1940 г., что вызывало особое неприятие в Финляндии. По чисто военным соображениям именно Маннергейм сорвал заключение мира уже в первые месяцы 1944 г. Первым пунктом советских условий мира было интернирование финляндскими войсками находившихся в Финляндии германских вооруженных сил. Маннергейм полагал, что без вооруженных столкновений это вряд ли удастся осуществить, а тем временем Красная Армия попытается оккупировать Финляндию. Одновременно воевать против немецких и советских вооруженных сил финляндская армия была не в состоянии. Трудно было предположить, что такая аргументация сможет убедить западные страны – союзницы Советского Союза. При окончательном отклонении советских предложений в апреле 1944 г. финляндские власти выдвинули другой довод, тоже рекомендованный Маннергеймом: требуемые Советским Союзом военные репарации непосильны для Финляндии⁸⁰.

Гитлер решил наказать Финляндию за то, что она вступила в переговоры с Москвой: прекратил поставки вооружения, Маннергейм, однако, сумел добиться их возобновления, хотя и не в полной мере.

10 июня 1944 г. началась Выборгско-Петрозаводская наступательная операция Красной Армии. В первые дни наступление войск Ленинградского фронта под командованием Л.А. Говорова и Петрозаводского фронта под командованием К.А. Мерецкова развивалось успешно, передняя полоса финляндских укреплений на Карельском перешейке была сломлена, а потом взят Выборг. Но Маннергейму удалось организовать упорное сопротивление, перебросив на Карельский перешеек часть своих войск из советской Карелии. Там тоже отступление проходило организованно и финляндские войска сумели избежать окружения. К середине июля фронт стабилизировался несколько восточнее советско-финляндской границы 1940 г.

⁷⁸ *Mannerheim K. Muistelmat II, s. 388–389; Torvinen T. Pakolaiset Suomessa Hitlerin valtakaudella. Helsinki, 1984, s. 181–223.*

⁷⁹ *Skyttä K. Ei muuta kunniaa. Helsinki, 1971, s. 207.*

⁸⁰ *Heinrichs E. Op. cit., s. 384; Tanner V. Op. cit., s. 233–234.*

Определенную роль в таком исходе сыграла переброска частей германской армии из Эстонии на помощь финнам. Маннергейм очень энергично добивался этой поддержки. В ночь на 22 июня 1944 г. он послал письмо Гитлеру, в котором сообщал, ссылаясь на свой разговор с политическим руководством страны, что Финляндия готова "крепче примкнуть к рейху"⁸¹. Германское руководство, которое уже с весны 1943 г. после первых признаков желания Финляндии заключить сепаратный мир безуспешно добивалось политического договора с ней, решило быстро использовать удобный момент⁸². 22 июня 1944 г. Риббентроп приехал в Хельсинки и начались многодневные трудные переговоры с Рюти, закончившиеся компромиссом. Сославшись на то, что парламент договор не утвердит, Рюти добился его замены своим личным публичным письмом о том, что Финляндия ведет переговоры с Советским Союзом и заключит мир с ним только во взаимопонимании с Германией⁸³.

МАРШАЛ-ПРЕЗИДЕНТ ВЫХОДИТ ИЗ ВОЙНЫ

Дальнейшие поражения Германии на советско-германском фронте и открытие западными союзниками СССР второго фронта в Европе обусловили вывод переброшенных в Финляндию германских войск и обострили вопрос о заключении Финляндией сепаратного мира с СССР. Для этого нужно было сосредоточить политическую и военную власть в стране в одних руках. Считалось, что этим человеком мог быть только Маннергейм. Его кандидатуру поддерживала так называемая мирная оппозиция: представители разных партий, которые с 1943 г. выступали за скорейший выход Финляндии из войны. Из Стокгольма поступили сообщения, что СССР требует замены президента и правительства, но не имеет ничего против маршала Финляндии: полагали, что Маннергейм в состоянии вывести Финляндию из войны. Такого же мнения придерживалось правительство Швеции. 28 июля Рюти, Вальден и Таннер поехали в Микели.

Вопрос об избрании Маннергейма главой государства поднимался почти перед всеми президентскими выборами, убеждаясь, что победа на выборах не обеспечена, Маннергейм всякий раз отказывался выставлять свою кандидатуру. Летом 1944 г. 77-летний главнокомандующий после некоторого колебания и ссылки на старость и слабое здоровье согласился. 4 августа 1944 г. парламент специальным законом без голосования утвердил маршала Финляндии Маннергейма президентом страны⁸⁴. Это был его реванш за поражение на президентских выборах в 1919 г.

Прежде всего Маннергейм сформировал новое правительство. Ушли со своих постов премьер-министр Э. Линкомиес и министр иностранных дел Х. Рамзай, место которого занял хорошо владевший русским языком Карл Энкель, сын того генерала, который исключил в молодости Маннергейма из Хаминского военного училища. В целом же быстро сменившие друг друга два правительства Маннергейма, в формировании которых деятельно участвовали ушедшие со своих постов прежние руководители Финляндии, состояли из проводников прежнего политического курса и личных друзей президента.

Затем Маннергейм начал подготавливать выход Финляндии из войны. Он делал это неторопливо. 17 августа президент-маршал сказал прибывшему в Финляндию

⁸¹ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht, Bd. IV. Frankfurt a. M., 1964, S. 881.

⁸² Такого политического договора, как с другими своими союзниками, у Германии с Финляндией не было. Финляндия также не была членом заключенного осенью 1940 г. Тройственного союза Германии с Японией и Италией, к которому присоединились его преемник и балканские союзники. В ноябре 1941 г. Финляндия лишь стала членом Антикоминтерновского пакта.

⁸³ Suomen historiaan dokumentteja, № 2, dok. 569. Некоторые финляндские политики, включая Маннергейма, посоветовали Рюти оформить договоренность с Германией именно так и по другим соображениям: в случае ухода Рюти с поста президента и балканские союзники не будет юридически связан с его обещанием.

⁸⁴ *Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet. Mannerheim 1944–1951, s. 14.*

Кейтелю, что он как новый президент не связан письмом Рюти Гитлеру о заключении Финляндией мира только с согласия Германии⁸⁵.

25 августа 1944 г. Маннергейм обратился через Швецию к советскому правительству с письменным запросом, согласна ли Москва принять делегацию Финляндии для заключения мира или перемирия. 29 августа был получен положительный ответ при двух условиях: Финляндия открыто объявит о разрыве отношений с Германией и потребует вывода немецких вооруженных сил не позднее, чем к 15 сентября. Если немцы не уйдут, их необходимо разоружить и передать в качестве военнопленных союзникам⁸⁶.

Маннергейм пытался маневрировать между СССР и Германией, добиться выхода Финляндии из войны без осложнения отношений с Берлином. В Москву 2 сентября он сообщил, что финляндские войска сами могут обеспечить добровольную эвакуацию войск Германии или интернировать их по линии реки Оулуйски – озеро Оулуярви – Соткамо, т.е. до линии, севернее которой в основном размещались войска Германии. В тот же день он направил письмо Гитлеру, сообщив, что Финляндия вынуждена выйти из войны, и пообещав полученное от Германии оружие никогда не обращать против немцев⁸⁷.

3–4 сентября 1944 г. окончились военные действия на советско-финляндском фронте⁸⁸. 19 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии, продиктованное, как и в конце "зимней войны", советской стороной, но в этот раз согласованное с Англией. Советская сторона ужесточила свои первоначальные условия: потребовала – и добилась – создания военно-морской базы вместо Ханко в Порккала, лишь в 17 км от Хельсинки⁸⁹. Во время переговоров советская сторона в резкой форме поставила вопрос об изгнании с территории Финляндии немецких войск, предварительный срок которого уже прошел.

Маннергейму не удалось сдержать слово, данное Гитлеру. Представитель генштаба Финляндии договорился со штабом немецкой группировки войск на севере Финляндии (примерно 200 тыс. человек) о ее медленном отступлении и мнимом преследовании финнами.

21 сентября 1944 г. в Хельсинки прибыли первые представители Союзной (советской) Контрольной Комиссии, которые заинтересовались финляндским планом интернирования немецких войск, но его не было. В то же время гитлеровские войска вели себя вызывающе: попытались 15 сентября захватить финляндский остров Сур-Сари, начали взрывать мосты. Президент-главнокомандующий решил действовать энергично. 22 сентября он дал приказ генералу-лейтенанту Х. Сийлосу, который со второй половины 1941 г. был подчинен германскому командованию на севере Финляндии, переместиться на север и готовиться к интернированию немецких войск. 1 октября войска Сийлосу высадили десант в финляндском городе Торнио на берегу Ботнического залива, в тылу отступающих германских войск; завязался бой с немецким гарнизоном. Корреспонденты иностранных газет сообщили подробности боя всеми миру, что способствовало улучшению отношения мировой общественности к Финляндии.

Так началась третья война Финляндии в течение второй мировой войны, так называемая Лапландская война в финляндской Лапландии, на этот раз против Германии. Она продолжалась до весны 1945 г. – полного изгнания немецких войск с территории Финляндии. Первые бои были самыми кровопролитными. Поздней осенью и зимой финляндским войскам было трудно продвигаться – отступавшие немецкие части основательно разрушили дороги, мосты, переправы. Совместными усилиями финляндских и шведских властей население было заблаговременно эвакуировано в Швецию.

⁸⁵ *Mannerheim K.* Muistelmat II, s. 471–472. Среди финляндских историков идет дискуссия о том, не был ли такой шаг, предусмотренный уже во время переговоров Рюти с Риббентропом, подсказан самим Маннергеймом. Конечно, это был один из возможных, но не единственный вариант планирования политики.

⁸⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III. М., 1946, с. 177–178.

⁸⁷ *Erfurth W.* Der finnische Krieg 1941–1944. Wiesbaden, 1950, S. 275.

⁸⁸ С финляндской стороны – 3 сентября, советские войска прекратили огонь на день позже.

⁸⁹ *Palm Th.* The Finnisch-Soviet Armistice Negotiations. Stockholm, 1971, p. 111.

В ноябре 1944 г. парламентские круги вынудили Маннергейма отказаться от права правительства, не ладившего с Союзной (советской) Контрольной Комиссией, и назначить премьер-министром духовного лидера "мирной оппозиции" Ю.К. Паасикиви. С большой неохотой Маннергейм согласился с намерениями Паасикиви включить в правительство левые силы, в частности коммунистов. Последние после вступления в силу соглашения о перемирии с СССР пользовались популярностью среди населения. По соглашению о перемирии в Финляндии должны были быть запрещены фашистские организации. Союзная (советская) Контрольная Комиссия определила их список, включавший также и шюцкор – старый оплот Маннергейма. Маннергейм одобрил мысль о передаче имущества шюцкора близкому ему Красному Кресту.

Велись дискуссии о толковании пункта о демилитаризации в соглашении о перемирии. Советская сторона потребовала, чтобы были уничтожены батареи береговой обороны. Маннергейм на это идти не хотел. Он подхватил подсказанную ему идею о заключении договора о взаимопомощи между Финляндией и СССР в случае нападения на них в районе Балтийского бассейна и составил в начале 1945 г. его проект. Документ был обсужден с Паасикиви и новым командующим вооруженных сил Финляндии Хейнриком, и одобрен председателем Союзной (советской) Контрольной Комиссии А.А. Ждановым. Решено было отложить проект до заключения мирного договора. Но береговые батареи таким образом Маннергейм сохранил⁹⁰.

В марте 1945 г. в Финляндии состоялись парламентские выборы, в которых левые силы укрепили свои позиции. Это отразилось также на составе нового правительства Паасикиви. Власть концентрировалась в руках премьер-министра. Маннергейм ушел на задний план: ухудшилось здоровье престарелого президента. Влиять на правительство, как отмечал сам Маннергейм, у него не было возможности, так как вследствие парламентских выборов там доминировали чуждые ему партии⁹¹.

После заключения перемирия многие финляндские офицеры опасались, что Советский Союз попытается оккупировать страну. Для ведения в таком случае партизанской войны по всей стране было спрятано оружие. Весной 1945 г. эти склады удалось обнаружить. Их создание было опасной затеей для развития советско-финляндских отношений и тем самым для страны. В письме Маннергейму начальник оперативного отдела генштаба сухопутных войск подполковник У. Хааhti взял всю вину на себя. Президент сказал, что верит ему, однако руководство вооруженных сил было заменено против воли президента.

Острая политическая борьба развернулась в Финляндии в 1945 г. по вопросу о выполнении 13-й статьи соглашения о перемирии – наказание виновников войны. С существовавшим законодательством эта статья не согласовывалась, и в сентябре был принят специальный закон о ее выполнении. Прежние политические руководители страны стали подсудимыми. Отношение к ним в стране было двойственное: с одной стороны, их оправдывали, поскольку участие Финляндии в войне Гитлера против СССР считали следствием "зимней войны" 1939–1940 гг. С другой стороны, союзнические отношения с Гитлером не делали чести Финляндии. Расследование механизма германо-финляндского сближения с лета 1940 г. показало, что в нем немалую роль играл и Маннергейм. Ему в ходе следствия также задавали вопросы. Некоторые члены правительства подняли вопрос о длительной поездке президента на лечение за рубежом или его отставке, чтобы он не оказался на скамье подсудимых. Находившийся с язвой желудка в больнице Маннергейм уехал на лечение в Португалию в конце октября, когда процесс над виновниками войны уже начался. Жданов пытался препятствовать отъезду Маннергейма, но, получив новые инструкции из Москвы, дезавуировал свое вето на эту поездку⁹².

⁹⁰ Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet, s. 122–133; Virkkunen S. Op. cit., s. 369–384.

⁹¹ Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet, s. 262.

⁹² Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet, s. 210–227, 243; Virkkunen S. Op. cit., s. 488–494.

Вернувшись в начале 1946 г. в Хельсинки, Маннергейм оказался опять в больнице. Представитель Союзной (советской) Контрольной Комиссии нанес ему визит и сообщил, что у советского правительства нет к нему претензий, несмотря на факты, выявленные на процессе над виновниками войны⁹³. Члены правительства во главе с премьер-министром, также посещавшие больного, предложили ему уйти в отставку, ссылаясь главным образом на плохое состояние здоровья. Маннергейм обещал уйти, но после окончания процесса.

Свое слово он сдержал. Процесс окончился 21 февраля. 3 марта Маннергейм выписался из больницы, написал в качестве президента последнее сердитое письмо исполнявшему обязанности командующего вооруженными силами генералу Я. Лундквисту, в котором осудил намерения последнего уволить из армии нескольких генералов, и на следующий день подал заявление об отставке. Свое решение он обосновал кроме слабого здоровья тем, что с окончанием процесса над виновниками войны выполнены все задачи по выведению Финляндии из войны и выполнению соглашения о перемирии, ради которых он, Маннергейм, занимал по всеобщей просьбе такой ответственный пост⁹⁴.

Маннергейм был прав – он свой долг выполнил. Но хотя все политики Финляндии благодарили Маннергейма, и в частности хвалебные слова в его честь произнес его преемник на посту президента – Паасикиви, фактом остается то, что в течение полуторалетнего президентства Маннергейма политическая обстановка в Финляндии настолько изменилась, что заслуженный маршал оказался лишним человеком на политическом Олимпе.

УСПЕТЬ ЗАКОНЧИТЬ МЕМУАРЫ

Освободившись от государственных обязанностей, Маннергейм смог больше внимания уделять своему здоровью. В сентябре 1947 г. ему сделали в Стокгольме операцию. Когда болезнь ослабевала, Маннергейм держался бодро. Часто встречался с близкими ему людьми, поражая собеседников своими познаниями в разных областях. Он много путешествовал, жил, по советам врачей, главным образом в солнечных краях – в Швейцарии, во Франции, в Италии, заботился о своих незамужних и бездетных дочерях. Маннергейму доставляло удовольствие общаться с молодыми женщинами, он даже влюбился. Всерьез увлекся княгиней Гертруд Арко, сестрой шведских банкиров Валленбергов⁹⁵.

Со временем Маннергейм становился все скромнее – свое 80-летие он встретил в деревне среди друзей, обойдись без лишних торжеств. Углублялся политический пессимизм маршала. Представители СССР пытались вести себя корректно и выдвигали требования, не противоречившие соглашению о перемирии. Но некоторые из этих требований были жестко сформулированы и финны толковали их как вмешательство в свои внутренние дела. С лета 1946 г. резко усилилась активность финляндских коммунистов. Маннергейм часто повторял: они нас подомнут. Однажды, когда он со своими пессимистическими прогнозами надоел Паасикиви, тот не удержался и сказал: "Если это так, то нам обоим придется пойти в лес и пустить себе пулю в лоб"⁹⁶.

Осенью 1947 г., после ратификации мирного договора, с советской стороны был опять поднят вопрос о заключении договора о взаимопомощи, первый проект которого был подготовлен Маннергеймом еще в начале 1945 г. В условиях "холодной войны" президент Паасикиви вместе с Маннергеймом, с которым он совещался, колебались. Но в феврале 1948 г. договор был все же заключен.

Отойдя от активной политической деятельности, Маннергейм приступил к выполнению своей последней большой работы – написанию мемуаров. Подготовка к этому

⁹³ *Polvinen T. Jaitasta Pariisiin*, s. 157–158.

⁹⁴ *Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet*, s. 269–271.

⁹⁵ *Ibid.*, s. 292, 318, 356.

⁹⁶ *Virkkunen S. Op. cit.*, s. 389–390.

началась после освобождения от обязанностей президента. Но за письменный стол он сел лишь осенью 1948 г. в Вал-Монте в Швейцарии. К сожалению, большую часть своего архива осенью 1945 г. и в феврале 1948 г. Маннергейм сжег⁹⁷. И ему пришлось прибегнуть к помощи ближайших сотрудников. Но главную работу, иногда прерываемую поездками и приступами болезни, он сделал сам. К началу 1951 г. монументальный двухтомник был в основном готов к опубликованию.

В Финляндии в 1948 г., т.е. почти одновременно с началом написания мемуаров Маннергеймом, коммунисты были выведены из правительства и потерпели поражение на парламентских выборах. Началось, хотя и робкое, контрнаступление правых. Действия армии Маннергейма против угрозы большевизации Севера стали опять в почете. Это стало лейтмотивом его воспоминаний. При этом он просто замолчал некоторые сомнительные дела, например, свои прогитлеровские и отнюдь не оборонительные приказы в первые недели войны против СССР в 1941 г. Маннергейм пошел еще дальше – во введении к мемуарам он обвинял СССР в развязывании второй мировой войны в связи с договором с Гитлером в августе 1939 г., в планах покорения всего мира и выразил свои антикоммунистические убеждения в весьма крепких словах. Его коллеги, включая Паасикиви, в принципе не возражали против его точки зрения, но рекомендовали эти строки не публиковать. Они опасались, что это может вызвать обострение финляндско-советских отношений. Маннергейм частично, но неохотно пошел им навстречу. В напечатанном после его смерти варианте введение сокращено намного больше, чем на это готов был сам автор⁹⁸.

19 января 1951 г. 83-летний маршал, оттачивавший воспоминания, тяжело заболел. Обострилась язва желудка. Его срочно поместили в больницу в Лозанне. Слабо улыбаясь, он сказал врачу: "Во многих войнах я воевал... но теперь, думаю, я проиграю эту последнюю битву"⁹⁹.

После очередной операции Маннергейму на несколько дней стало лучше, но затем последовало резкое ухудшение и 27 января 1951 г. он скончался.

Его тело было доставлено в Финляндию. Даже после смерти Маннергейма продолжались связанные с ним политические баталии. В правительстве боялись, что похороны могут вылиться в крупную националистическую демонстрацию, что повлечет внешнеполитические осложнения. Долго спорили. Большинством в один голос решили, что члены правительства не будут участвовать в похоронах. Но ряд из них, в том числе премьер-министр У.К. Кекконен, отношения которого с Маннергеймом при его жизни были весьма сложными, все же пошли¹⁰⁰.

Похороны состоялись 4 февраля при большом стечении народа. Привели последнюю лошадь когда-то лихого кавалериста. Спикер парламента К.-А. Фагергольм в прощальном слове показал выдающееся значение Маннергейма как политического и военного деятеля Финляндии. Маннергейма похоронили на кладбище Хиэтаниemi рядом с его бывшими соратниками, солдатами, павшими в войнах.

---

⁹⁷ *Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet*, s. 323, 339–344; *Virkkunen S. Op. cit.*, s. 498.

⁹⁸ *Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet*, s. 327–337.

⁹⁹ *Ibid.*, s. 357.

¹⁰⁰ *Ibid.*, s. 360–361.

ФРИДРИХ II, РОССИЯ И ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

На своем историческом пути Бранденбургско-Прусское государство, расположенное между другими германскими государствами Священной Римской империи и Речью Посполитой, оказывало решающее влияние на судьбы двух больших европейских народов – немцев и поляков и на характер германо-польских отношений. Разделы Польши, осуществленные Пруссией, Россией и Австрией, стали одной из центральных проблем не только истории Польши, но и всей Восточной Европы. Деятельность Фридриха II, включая его роль в первом разделе Речи Посполитой, не обходили своим вниманием ни прежде, ни теперь многие известные и притом очень разные немецкие историки, такие, как Г. Риттер, Т. Шидер, К.О. фон Аретин и другие¹. Значительный вклад в исследование прусско-польских и германо-польских отношений сделал немецкий историк К. Цернак, сосредоточивший свои изыскания на времени, непосредственно предшествовавшем первому разделу Польши². Важные стороны взаимодействия России с Пруссией в польском вопросе анализируются в фундаментальной монографии К. Шарфа "Екатерина II, Германия и немцы" (1995)³, а также в недавно изданной книге М. Шульце Весселя⁴.

В польской исторической науке и в историческом сознании поляков воздействие прусской политики на Речь Посполитую длительное время трактовалось как угроза самому существованию государства. Вплоть до недавних пор восприятие поляками прусского влияния на историю Польши носило исключительно негативный характер. В польской историографии принципиальные разногласия в оценке причин и движущих сил разделов Польши шли по линии их "пессимистического" или "оптимистического" истолкования. Так, к "пессимистам" относились историки консервативной краковской школы XIX в., которые видели причины разделов страны в кризисе, военной, политической и дипломатической слабости Речи Посполитой. "Оптимисты" же считали основной причиной разделов Польши не ее внутреннюю слабость, а неблагоприятное для нее соотношение сил европейских держав и противоречия Польши с Россией и Пруссией.

Польский историк Е. Скворонек отмечал уже в наши дни наличие такого специфического фактора, приведшего к разделам Польши, как ее фактический отказ

---

¹ Ritter G. Friedrich der Grosse. Ein historisches Profil. Heidelberg, 1954; *Schieder Th.* Friedrich der Grosse. Ein Königtum der Widersprüche. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1983; *Arerin K.O., Freiherr von.* Tausch, Teilung und Länderschacher als Folgen des Gleichgewichtssystems der europäischen Grossmächte. Die polnischen Teilungen als europäisches Schicksal. – Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands, Bd. 30, 1981, S. 53–68; *Idem.* Friedrich der Grosse. Grösse und Grenzen des Preussenkönigs. Bilder und Gegenbilder. Freiburg – Basel – Wien, 1985. См. также: *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952; *Strihny W.* Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen 1764–1786. Würzburg, 1966; *Broszat M.* Zweihundert Jahre deutscher Polenpolitik. Frankfurt a.M., 1972; *Mittenzwei I.* Friedrich II. von Preussen. Eine Biographie. Köln, 1980.

² *Zernack K.* Preussen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. Hrsg. von W. Fischer und M.G. Müller. Berlin, 1991.

³ *Scharf C.* Katharina II., Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995.

⁴ *Schulze Wessel M.* Russlands Blick auf Preussen: die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart, 1995.

от полноправного участия во внешней политике европейских держав. Поэтому, считает он, ее быстрое падение не вызвало никаких международных потрясений. "В результате ликвидации прежней "черной дыры", грозившей постоянными осложнениями обстановки на большой ничейной территории, – писал Е. Сковронек, – произошло гармоничное увеличение за счет ее земель трех держав Центральной и Восточной Европы"⁵.

Общее представление о современных исторических оценках разделов Польши дают публикации немецких и польских авторов, вышедшие в связи с 200-летием первого раздела Речи Посполитой и посвященные польской и непопольской историографии разделов⁶. Это послужило поводом к широкой научной дискуссии.

После восстановления Польши, еще в 20-е и 30-е годы, как и после второй мировой войны, негативные суждения польских историков о Пруссии достигли своего апогея, когда прусско-польские отношения трактовались как принципиальный и непрерывный антагонизм, носителем которого выступал "вечный" германский "Дранг нах Остен" – "натиск на Восток". Сообразно с этим, из обоих государственных образований, создавших позднее Прусское государство, Бранденбургской марки, с одной стороны, и государства Немецкого (Тевтонского) ордена, с другой, на Польшу исходили два потока экспансии, воплощая в себе германский "Дранг нах Остен"⁷.

Польские историки утверждают, что Речь Посполитая, отягощенная многообразными прегрешениями, закономерно предстала "перед судом истории". Однако державы, произведшие ее раздел, как и вся система европейских государств, не оставили Польше никакой возможности к возрождению, что, согласно польской оценке, явилось "ударом по международному праву", выражением "извращенного государственного разума", опасным примером насильственного, хотя и "мирного" по форме, урегулирования международных осложнений и, наконец, "актом отрицания Европы как целого"⁸.

"Негативная политика в отношении Польши" в общих чертах подготавливалась со времени утверждения абсолютизма в Бранденбурге-Пруссии, т.е. истоки ее восходят к Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму. Однако доминантой внешней политики Пруссии она стала только после ее сближения с Россией, этим новым фактором силы на востоке Европы. В статье немецкого историка Г. Роде, опубликованной в связи с 200-летием первого раздела Польши, отмечалось, что для понимания событий 1772–1773 гг. нужно их рассматривать "под углом зрения европейской политики в эпоху позднего абсолютизма, а не только под лозунговой рубрикой "Польша между Пруссией и Россией" или даже в историко-теологических категориях вины и искупления"⁹. Такая постановка вопроса историком вполне логична. Однако при этом нельзя упускать из виду господствовавшую в сознании просвещенных монархов той эпохи аксиому, что использование выгодных обстоятельств для "округления" территории своих государств и приведение в движение механизма компенсаций за счет слабейшей стороны стоят выше любых моральных упреков в отношении рациональной политики "государственного разума".

⁵ Сковронек Е. Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795). – Родина. 1994, № 12, с. 36.

⁶ Langer D. Die Beurteilung der Teilung Polens in der polnischen Geschichtswissenschaft. – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 22, NF. 1974, S. 580–592; Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970; Michalski J. Historiografia polska wobec problematyki pierwszego rozbiory. – Przegląd Historyczny, t. 63, 1972.

⁷ См.: Labuda G. Historiograficzna analiza tzw. niemieckiego "naporu na wschód". – Wschodnia ekspansja Niemiec w Europie środkowej. Zbiór studiów nad tzw. niemieckim "Drang nach Osten". Poznań, 1963, s. 14–56.

⁸ Serejski M.H. Op. cit., S. 29, etc.

⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.VIII.1972. Цит. по: Zernack K. Negative Polenpolitik als Crundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtropolitik des 18. Jahrhunderts. – Idem. Preussen – Deutschland – Polen, S. 238.

Возвышение Бранденбурга-Пруссии до положения великой европейской державы явилось результатом восточной политики Гогенцоллернов. Еще в 1618 г., после смерти последнего прусского Гогенцоллерна герцога Альбрехта Фридриха, Восточная Пруссия была объединена с курфюршеством Бранденбург, а бранденбургский Гогенцоллерн стал одновременно герцогом Пруссим, оставаясь в этом качестве вассалом Польши. Однако уже Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму удалось в соответствии с мирными договорами 1657 и 1660 гг. покончить с ленной зависимостью от Польши. Коронация бранденбургского курфюрста Фридриха III в Кёнигсберге в 1701 г. и обретение им королевского титула под именем Фридриха I, короля в Пруссии, наконец-то принесли Пруссии полную независимость от Польши. Однако Западная Пруссия оставалась под польским суверенитетом, отделя Восточную Пруссию от Восточной Померании, с 1648 г. принадлежавшей Бранденбургу. Эти события предопределили стремление Гогенцоллернов любыми средствами соединить территории Бранденбурга и Восточной Пруссии¹⁰.

Все восточные германские государства добивались увеличения своих владений путем захвата территорий соседних славянских народов. Если саксонскому курфюрсту удалось стать королем Польши, то курфюрст бранденбургский Фридрих, завладев королевской короной, неоднократно предлагал произвести раздел Речи Посполитой между соседними странами с целью приобрести, главным образом, так называемую королевскую, или польскую, Западную Пруссию.

Предложения о разделе Польши ее соседями или отчуждении части ее территории в пользу какой-то одной державы, особенно Бранденбурга-Пруссии, стали с начала XVIII в. обычным явлением. При каждом осложнении польского вопроса вновь и вновь возникала идея раздела этой страны.

После разгрома шведов под Полтавой свергнутый Карлом XII польский король Август II из династии Веттинов¹¹ обратился в Берлин с просьбой оказать ему содействие в восстановлении на польском престоле. В ответ Фридрих I показал посланцам Августа план раздела Польши и Швеции, в соответствии с которым Лифляндия передавалась Станиславу Лещинскому, Польская Пруссия и Вармия (Эрmland) отходили к Пруссии, которая становилась также покровительницей Курляндии, территория Польши, расположенная вокруг Варшавы, и Литва доставались Августу II, Петербург сохранялся за Россией. Однако Петр I, прибывший для встречи с Фридрихом и заключения союза с Пруссией, обещал прусскому королю только Эльбинг с округом в случае, если он не пропустит шведов из Померании в Польшу¹².

Вскоре Фридрих вместе с Августом II предложил Петру новый вариант раздела Польши. Россия должна была получить шведскую Ливонию и часть Литвы, Пруссия – Польскую Пруссию, Самогитию и Курляндию, Август же приобретал в наследственное владение остальные польские территории. Однако Петр отверг этот проект, считая условием его осуществления заключение наступательного союза между Пруссией и Россией, направленного против Швеции¹³.

Система государств в восточной части Европы претерпела коренные изменения в результате Северной войны 1700–1721 гг. Вопрос о господстве над Балтийским

¹⁰ *Туполев Б.М.* Династия Гогенцоллернов. – Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996, с. 307, 308, 312; *Frey L. u. M.* Friedrich I. Preussens erster König. Graz – Wien – Köln, 1984, S. 18–20; *Berney A.* König Friedrich I. und das Haus Habsburg. München, 1927.

¹¹ *Веттины* – саксонский курфюршеский род. Альбертинская линия Веттинов вернулась в католичество в 1697 г., когда курфюрст Фридрих Август I (1694–1733) стал королем Польши под именем Августа II Сильного. Польский король, разумеется, не мог быть протестантом. Являясь союзником России в Северной войне, Август II боролся за польскую корону со ставленником Карла XII Станиславом Лещинским, утратил престол и вернул его после Полтавского сражения. При поддержке России королем Польши стал и его сын Фридрих Август II (1733–1763; в Польше – Август III). – Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996, с. 20–21.

¹² *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен, т. 28. М., 1994, с. 374–375.

¹³ Там же, с. 375.

регионом принял европейские масштабы, и Северная война, учитывая ее государственно-дипломатическую связь с борьбой за испанское наследство и с турецкими войнами, может рассматриваться как первая общеевропейская война. Эпохальные изменения в Восточной Европе были предопределены военной и политической недееспособностью Речи Посполитой перед неожиданной мощью и динамикой военного противоборства за господство в восточной части континента. Стремление Англии к сохранению равновесия сил оказало значительное влияние на поворот внешнеполитических амбиций России от "морской" политики в Северной Европе к восточноевропейской континентальной политике в Польше. Историческим рубежом при этом стал "безмолвный" сейм в Гродно 1717 г., признавший Россию гарантом нерушимости политического устройства Речи Посполитой, что позволило Петру I установить политический и военный контроль над обширной территорией этого государства¹⁴.

Объективно Россия служила тогда опорой территориального единства Польши, о чем свидетельствует отрицательное отношение Петра I к чрезвычайно серьезной попытке раздела этой страны, предпринятой при заключении в 1721 г. Ништадтского мира. Ее инициатором выступил Август II, который путем преобразования существовавшей в Речи Посполитой системы избрания монарха в наследственное право саксонского курфюрста на польский престол собирался присоединить значительную ее часть к Саксонии. Согласно России, Пруссии и Австрии он рассчитывал добиться передачи им некоторых областей Речи Посполитой. Для осуществления этого замысла решено было использовать банкиров Лемана и Мейера, давно оказывавших помощь Августу II в финансовых махинациях. В соответствии с этим замыслом Пруссия получала Польскую Пруссию и Вармию (Эрmland), император (Австрия) – польские земли на границах с Венгрией и Силезией, а Россия – всю Литву вместе с Белоруссией. Фридрих Вильгельм I сообщил Петру I о плане, якобы предложенном Леманом и Мейером, сделав вид, что сам он не имеет к нему никакого отношения.

Однако эта инициатива встретила резкий отпор со стороны Петра I, который сразу понял, что она исходит от Августа. Он посоветовал Фридриху Вильгельму не поддерживать "эти планы польского короля" и заявил, что "не только никогда не вступит в подобные планы, но и будет помогать Речи Посполитой против всех, кто войдет в виды короля Августа". Поднявшись над соображениями несомненной выгоды приобретения "мирными" средствами огромных территорий, Петр I учитывал, что раздел Польши повлек бы за собой значительное расширение немецких государств в восточном направлении¹⁵.

В ходе Северной войны и особенно после заключения Ништадтского мира политический вес европейских государств по существу определялся состоянием их казны и армии. Преуспевший в укреплении того и другого, прусский король Фридрих Вильгельм I с нескрываемой насмешкой и презрением воспринимал отчаянные усилия Речи Посполитой привести в должное состояние "скарб и войско"¹⁶. Трезво оценив установление политического контроля России над Польшей и в то же время не позволяя втянуть себя в Северную войну, прусский король сумел завладеть устьем Одера и вступил в 1720 г. в соглашение с Россией о совместной политике в отношении Речи Посполитой. Она заключалась в сохранении единства Польши и царившей в ней "золотой свободы", что должно было гарантировать ее управляемость "извне". Таким образом, Россия приобрела в Берлине партнера в обеспечении своего "предполя", а Пруссия, участвуя в установленной Россией системе господства над Речью Посполитой, отказывалась от своих притязаний на ее раздел. С помощью России

¹⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986, с. 306; см.: Адамов Е. Польша между Пруссией и Россией. – Исторический журнал. 1941, № 9; Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. 2 Bde. Göttingen, 1964; Zernack K. Negative Polenpolitik..., S. 229–230; idem. Das preussische Königium und die polnische Republik im europäischen Mächtesystem des 18. Jahrhunderts (1701–1763). – Idem. Preussen – Deutschland – Polen, S. 252.

¹⁵ Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 418–420.

¹⁶ Zernack K. Das preussische Königium..., S. 249.

Фридрих Вильгельм I рассчитывал усилить свои позиции при решении европейских проблем и добиться присоединения к Пруссии Юлиха и Берга¹⁷.

Само отношение Берлинского двора к Речи Посполитой и так называемому польскому вопросу не могло не привлечь к себе внимания кронпринца Фридриха. Еще в 19-летнем возрасте, работая в кюстринской палате военных дел и доменов, под строгим надзором короля после неудачной попытки бегства и суда над ним, кронпринц составил в 1731 г. "План торговли в Силезии", который свидетельствует о понимании им уже тогда тесной связи хозяйственных проблем с политикой. "Я по уши сижу в моей силезской торговле", – писал он Грумбкову. Силезия, по его мнению, подрывала торговлю всей монархии, так же как и Польская Пруссия¹⁸.

В Кюстрине Фридрих оказался в результате давно назревавшего конфликта с отцом. Для Фридриха Вильгельма I, настойчиво трудившегося в интересах укрепления Бранденбургско-Прусского государства, но человека крайне вспыльчивого, с чрезвычайно примитивными взглядами и потребностями, совершенно неприемлемым было скрываемое от него увлечение кронпринца музыкой, поэзией и философией. От своего сына, которого король рассчитывал сделать "набожным христианином, хорошим солдатом и рачительным хозяином", ему так и не удалось добиться ни доверия, ни любви, ни просто "милости". Фридрих ненавидел отца, испытывая перед ним "дикий страх, рабское почтение и покорность". В связи с дальнейшим ухудшением отношений с сыном король даже обдумывал возможность лишить его права наследования престола.

Отношения в семье резко осложнились из-за намерения короля осуществить двойное бракосочетание – Фридриха с английской принцессой Амалией и его сестры Вильгельмины с принцем Уэльским, а затем отказом Фридриха Вильгельма от замысла женить сына на английской принцессе. Сложный внутренний мир Фридриха оставался для короля чуждым и непонятым, и нередко случалось, что, не находя более "веских" аргументов, он воспитывал сына кулаками. В конечном счете кронпринц ухватился за мысль о побеге.

Воспользовавшись путешествием, которое они совершали вместе с королем по германским государствам, Фридрих договорился со своим другом лейтенантом Катте об организации побега. Однако "заговор" раскрыли. Фридрих был взят под стражу, а военный трибунал, заявив, что осуждение кронпринца не входит в его компетенцию, приговорил Катте к пожизненному заключению. Однако король настоял на смертной казни Катте, которая и была осуществлена под окнами здания, в котором находился Фридрих. С содержавшегося в Кюстрине кронпринца члены присланной королем комиссии взяли клятву, что он будет следовать воле отца, в противном же случае лишится права на наследование короны¹⁹.

В Кюстрине Фридрих завязал дружеские отношения с одним из двух приставленных к нему ровесников, камер-юнкером Карлом Дубиславом фон Натцмером, с которым имел длительные беседы. В феврале 1731 г. он отправил Натцмеру письмо, в котором впервые изложил свои взгляды на проблемы "большой политики". По мнению Фридриха, само географическое положение Пруссии заключало в себе опасность того, что она подвергнется нападению с разных сторон. В этом случае прусский король может всю свою армию использовать для обороны, так что у него ничего не останется для наступления. Если бы для утверждения своей власти он этим ограничился, писал Фридрих, то "был бы плохим государственным деятелем, лишенным всякой фантазии и изобретательности... Потому что тот, кто не идет вперед (я говорю о большой политике), тот отстает". Другая же система правления состоит в "поступательном

¹⁷ Loewe V. Preussens Staatsverträge aus der Regierungzeit König Friedrich Wilhelm I. Leipzig, 1913, S. 243–247; Zernack K. Der grosse Nordische Krieg und das europäische Staatensystem. Zu den Grundlagen der preussisch-polnischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. – *Idem*. Preussen – Deutschland – Polen, S. 267–268.

¹⁸ Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 268.

¹⁹ Der König Friedrich der Grosse in Briefen, Berichten, Anekdoten. Mit lebensgeschichtlichen Verbindungen. 13. Aufl. Ebenhausen bei München, 1941, S. 9–10, 14, 22, 25–26; Schieder Th. Op. cit., S. 29–35.

Король Пруссии Фридрих II (около 1763 г.).
С портрета И.Г. Цизениса

увеличении государства". Так как прусские владения очень раздроблены, следует прежде всего стремиться к тому, чтобы "восстановить более тесную связь между частями страны или вновь присоединить к ней оторванные куски, которые, собственно говоря, относятся к прусским владениям". "Так Польская Пруссия искони принадлежала Пруссии, однако вследствие войн поляков с Тевтонским рыцарским орденом, ее тогдашним владельцем, была отколота. От провинции Пруссии Польская Пруссия отделена только Вислой. На Западе она примыкает к Восточной Померании. На Севере ее границу образует море и на Юге – Польша. Если однажды она будет принадлежать Пруссии, то этим не только приобретает свободная связь из Померании в Восточную Пруссию, но и возможность держать в узде поляков и предписывать им законы". Поляки могли продавать свои товары, только отправляя их вниз по Висле и Прегелю, а для этого потребовалось бы согласие Пруссии.

Вслед за Польской Пруссией в качестве территорий, предназначенных для округления Прусского государства, Фридрих называл также Шведскую Померанию, Мекленбург, Юлих и Берг, но пока еще не упоминал о Силезии. Хотя каждая из указанных территорий "заслуживает особого изложения правовых основ и притязаний, которые может выдвинуть Бранденбургский дом", Фридрих, не входя в детали того, как можно ими овладеть, отмечал, что "Пруссия при своем своеобразном географическом положении пребывает в политической необходимости приобрести названные провинции". По мнению Фридриха, "по этому плану должен работать каждый умный и верный слуга Бранденбургского дома". "Я желаю прусскому

государству, – писал кронпринц, – чтобы оно полностью поднялось из того праха, в котором пребывало, и привело к расцвету протестантскую веру в Европе и в империи..."²⁰. Таким образом, уже в своем первом значительном политическом сочинении Фридрих сосредоточил внимание на геополитическом положении Пруссии, придавая особое значение овладению "прочным перешейком", надежной сухопутной связью между Померанией и Восточной Пруссией.

Со времени Северной войны Россия не только вышла на балтийское побережье, но и установила свою гегемонию в Восточной Европе, втянув Пруссию и Австрию в динамику направляемого ею польского вопроса. На вновь обретенных западных рубежах Россия стремилась, опираясь на положения Ништадтского мирного договора, создать "предполье" для обеспечения своего только что достигнутого положения великой державы. Против подчинения Речи Посполитой российской гегемонии и вовлечения ее западных соседей, Пруссии и Австрии, в сферу притяжения России выступила ведущая континентальная держава Западной Европы – Франция. Париж стремился заменить русское "предполье" французским "восточным барьером", который бы проходил через Швецию, Польшу и Османскую империю.

В 1732 г. в Берлине был подготовлен союзный договор "трех черных орлов", явившийся актом рождения альянса России, Пруссии и Австрии на основе "негативной политики в отношении Польши", т.е. сохранения недееспособности этого государства. Методика политических действий монархического трио заключалась в соблюдении неизменности дворянской конституции и недопущении реформ, направленных на усиление государственной власти в Речи Посполитой. Таким образом, в прусской внешней политике прочное место заняли две ставшие традиционными линии: старая, отражавшая стремление к территориальному соединению Бранденбурга с Восточной Пруссией, и новая, заключающаяся в договорных отношениях Фридриха Вильгельма I сначала, с 1720 г., с Россией (пруско-русская конвенция о предотвращении конституционных реформ в Польше), а затем, с 1732 г., с Россией и Австрией вместе (альянс "трех черных орлов") – о совместной политике трех держав в отношении польского престолонаследия, имевшие целью сохранение аморфного состояния Речи Посполитой²¹.

Смерть Августа II и избрание Станислава Лещинского королем Польши ознаменовали начало войны за польское наследство 1733–1735 гг. Поддерживаемый Францией Лещинский вынужден был бежать в Данциг, который вскоре был взят русскими войсками, после чего незадачливый "реформатор" очутился со своим двором в Кёнигсберге. Польским королем стал сын саксонского курфюрста Август III.

Понимая, что в альянсе "трех черных орлов" Пруссия оказалась в опасной конфронтации с интересами Франции в Восточной Европе и на Балтике, кронпринц Фридрих в 1734 г., во время тяжелой болезни Фридриха Вильгельма, предложил ему сделать выбор в пользу Станислава Лещинского, однако это было отвергнуто королем.

В 1735 г., в ходе войны за польское наследство, Фридрих Вильгельм I предложил Фридриху "на пять или шесть недель совершить увеселительное путешествие в Пруссию". Это была первая инспекционная поездка кронпринца в Восточную Пруссию, которая позволила ему лично ознакомиться с "сухопутным перешейком": его маршрут проходил через расположенный на Висле Мариенвердер и далее через Ризенбург, Ангербург и Тильзит в Кёнигсберг, откуда он должен был вернуться через Эльбинг и Данциг²².

²⁰ Schreiben des Kronprinzen Friedrich an den Kammerjunker von Natzmer. Küstrin, Februar 1731. – Die Werke Friedrichs des Grossen. 7. Bd. Antimachiavell und Testamente. Berlin, 1913, S. 197–199.

²¹ Zernack K. Friedrich, Russland und Polen. – Preussens Grosser König. Leben und Werk Friedrichs des Grossen. Eine Ploetz–Biographie. Friburg–Würzburg, 1986, S. 198.

²² Kabinettsorder König Friedrich Wilhelms I. an die Kriegs- und Domänenkammer in Königsberg. Potsdam, 17.IX.1735; Die erste Besichtigungsreise als Kronprinz. September/Oktober 1735. – Der allgegenwärtige König Friedrich der Grosse im Kabinett und auf Inspektionsreisen. Berlin, 1942, S. 107.

В Кёнигсберге Фридрих познакомился с находившимся там в изгнании Станиславом Лещинским и проникся уважением к нему и его "придворному государству". В политическом плане кронпринц почувствовал тогда острое желание "несколько сбить спесь со своего соседа (Августа III. – *Б.Т.*), наглого саксонца, который корчит из себя короля сарматов". Как писал о Фридрихе французский аббат Ланглуа, наблюдавший его в Кёнигсберге, "он любит войну, хотел бы вести войну и притом в союзе с нами, питает склонность и глубокое уважение к королю Станиславу и противоположные чувства к курфюрсту Саксонии, ненависть, даже презрение в отношении Петербургского двора"²³.

Однако дальнейшее развитие событий побудило Фридриха усомниться в правильности его профранцузской ориентации. В 1738 г. он написал "Соображения о современном политическом состоянии Европы", направленные против Франции. В этом сочинении значительное внимание было уделено Польше, что перекликалось с идеями его письма Натцмеру о возможном расширении Прусского государства за счет территории Речи Посполитой. Фридрих считал эту страну управляемой интригами и женщинами, пребывающей в глубоком упадке, лишённой экономической силы, бюргерства и городов, "в которой евреи представляют единственное лекарство от всех недугов и которой правит безрассудная и примитивная шляхта"²⁴.

Польскую Пруссию Фридрих II снова увидел в июле 1740 г. во время первой поездки в Восточную Пруссию в качестве короля для принятия в Кёнигсберге "присяги на верность". Его путь пролегал через Франкфурт, Старгард и вновь через Мариенвердер. Все путешествие прошло в строго деловом духе времен правления Фридриха Вильгельма I – без торжественных речей, колокольного звона и прочих церемоний²⁵.

Для стиля инспекционных поездок короля весьма характерным было его путешествие в Восточную Пруссию в июне 1750 г., проходившее также через Мариенвердер и Ризенбург. Отправившийся в Польшу для встречи монарха советник Райнхард писал, что "король сегодня... с эскортом гусар, веселый и довольный, прибыл на Вислу и на одном из вновь построенных паромов при дожде, ветре и грозе, однако благополучно за полчаса был перевезен на другую сторону"²⁶. Таким образом, Фридрих был неплохо осведомлен об объекте своих экспансионистских воцелений – Западной Пруссии.

Еще в ходе войны за польское наследство Фридрих Вильгельм I вынужден был примириться с восстановлением саксонской династии Веттинов на польском престоле, рассчитывая на то, что Россия, обладая господствующими позициями в Речи Посполитой, не допустит превращения Саксонии, объединенной унией с Польшей, в слишком опасного конкурента Пруссии в Священной Римской империи. Уже на смертном одре Фридрих Вильгельм не забыл напомнить своему преемнику, чтобы тот всегда заботился о поддержании дружественных отношений с Россией. В Петербурге же весьма обоснованно полагали, что любое соперничество германских государств за господство в Священной Римской империи находится в прямой зависимости от успешной "восточной политики" конкурентов, т.е. Пруссии, Австрии и Саксонии²⁷.

Несмотря на то, что во время войны за польское наследство русские войска достигли западных пределов Германии, еще не все державы в полной мере осознавали возрастающее значение новой России. Однако ни для какого другого государства появление этой великой державы на европейской арене не могло быть более ощутимым, чем для Пруссии с ее выдвинутым на восток форпостом – Восточной

²³ Lavisse E. Die Jugend Friedrichs des Grossen. 1712–1740. Bd. 2. Berlin, 1919, S. 26f.

²⁴ Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 270.

²⁵ Königl. Reskript an die Kriegs – und Domänenkammer in Königsberg. Berlin, 25.VI. 1740; Die erste Reise des Königs. Juli 1740. – Der allgegenwärtige König..., S. 108–119.

²⁶ Bericht des Amtrats Reinhard an die Kriegs – und Domänenkammer in Königsberg; Das Volk umdrängt den König. Marienwerder, 5.VI.1750. – Der allgegenwärtige König. ...., S. 109–110.

²⁷ Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 270–271.

Пруссией, с ее многообразными политическими и экономическими интересами в этой части континента²⁸.

Уже после написания "Соображений о современном политическом состоянии Европы" Фридрих известил французского дипломата Шетарди, вскоре ставшего послом Франции в Петербурге, о своей уверенности в том, что Пруссия и Франция никогда не будут завидовать друг другу в случае возможного увеличения территории, а войну между обеими державами он вообще считал невероятной. Однако кронпринц все же оказался перед трудно разрешимым вопросом: союз с какой из держав – Францией или Россией – является для Пруссии более перспективным в его политических расчетах, связанных с Речью Посполитой, особенно с точки зрения его аннексионистских замыслов в отношении Польской Пруссии²⁹.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СИЛЕЗКИЕ ВОЙНЫ 1740–1742 И 1744–1745 гг. ПЕРВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ФРИДРИХА II

Взойдя на престол в 1740 г., Фридрих II воспользовался ситуацией, когда происходило коренное изменение старой системы европейских государств, для того, чтобы добиться включения Пруссии в концерт великих европейских держав. Он принял важное решение: расширение Прусского государства должно осуществляться именно на Восток, а не на Запад, где находились разбросанные нижнерейнские владения Гогенцоллернов. Однако на этом направлении Пруссия приходила в столкновение с интересами обновленной Петром Великим России. Хотя Россия еще нигде не была непосредственным соседом Пруссии, своим продвижением на балтийском побережье, фактически установив свой сюзеренитет над Курляндией, она уже была близка к этому.

Вторжение Фридриха во владения Австрии в 1740 г. было воспринято в Петербурге как удар по альянсу "трех черных орлов", направленному, как там полагали, против французского "восточного барьера". Одновременно прусский король подталкивал Швецию к войне с Россией. Это, однако, не помешало подписанию в декабре 1740 г. договора между Пруссией и Россией о дружбе и взаимной помощи, который, в частности, содержал обязательство обеих сторон не допускать вмешательства третьих стран в дела Речи Посполитой и защищать права православных и протестантов в этой стране. Захватив принадлежавшую Габсбургам Силезию, Фридрих II вбил прусский клин между Саксонией, наследственным владением Веттинов, и Польшей. В Пруссии вызвала постоянную тревогу возростающая зависимость Речи Посполитой от России, особенно после того, как в результате двух Силезских войн протяженность прусско-польской границы увеличилась вдвое³⁰.

Фридрих пытался совместить несовместимое, рассчитывая на то, что ему удастся дипломатическим путем оказывать воздействие и на французскую политику "восточного барьера", и на российскую "политику предполья". Однако российский вице-канцлер А.И. Остерман стремился добиться возвращения Пруссии в альянс "трех черных орлов", угрожая в противном случае вмешательством России в войну на стороне Австрии. Война 1741–1743 гг. со Швецией лишила Петербург возможности оказать вооруженную поддержку монархии Габсбургов. Заключив в 1741 г. союз с Францией, Пруссия стала в глазах России проводником французской политики "восточного барьера"³¹.

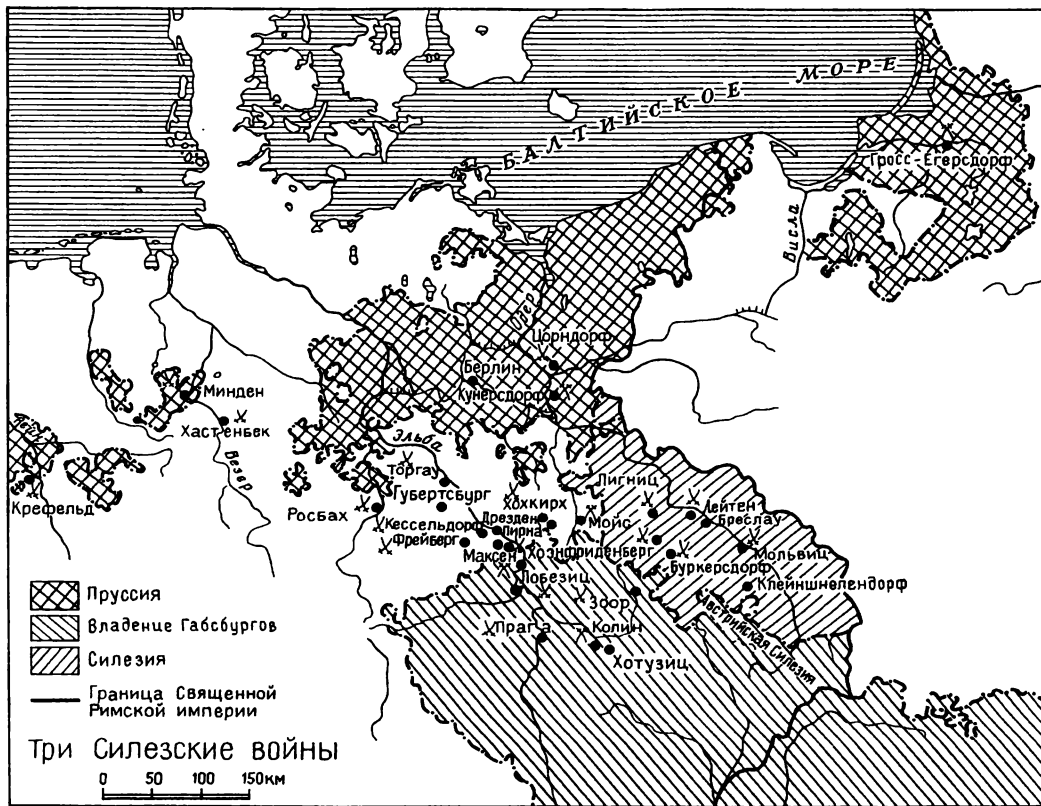
Фридрих старался доказать новой российской императрице Елизавете Петровне свою лояльность и преодолеть антипруссские настроения в Петербурге, вызванные его

²⁸ Schieder Th. Friedrich der Grosse. Ein Königtum der Widersprüche. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1983. S. 225.

²⁹ Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 270.

³⁰ Schieder Th. Op. cit., S. 240.

³¹ Mediger W. Op. cit., S. 165ff.; Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 273.

вступлением в союз с Францией и аннексионистскими действиями в отношении Силезии. Особое значение он придавал устранению с политической арены А.П. Бестужева-Рюмина, занимавшего в 1741–1744 гг. пост вице-канцлера и в июле 1744 г. ставшего государственным канцлером и руководителем российской внешней политики. Бестужев последовательно связывал безопасность Российской империи с политикой "ограничения" Пруссии. Важным элементом его "антибарьерной" концепции было возвращение Пруссии к союзным отношениям с Россией 30-х годов, т.е. в систему Ништадта. Умело и неторопливо Бестужев отвлекал императрицу от ее пропрусских настроений. Сохраняя возможность соглашения с Пруссией на основе "негативной" политики в отношении Польши" в интересах стабилизации западного "предполья", Россия в это время возлагала свои надежды на альянс с Саксонией³².

Фридрих же, опасаясь спровоцировать Россию неосторожными действиями в Польше, дал своим дипломатам указание проявлять в отношении Речи Посполитой максимальную сдержанность. Даже когда среди враждебной реформам шляхты образовалась ориентированная на Пруссию группировка, он продолжал придерживаться этой линии и в конце 40-х годов, хотя и получал от оппозиционно настроенных польских магнатов настойчивые предложения о союзе³³.

В марте 1743 г. был подписан новый союзный договор между Пруссией и Россией, повторивший некоторые положения договора 1740 г. о дружбе и взаимной помощи. Однако этот договор не предоставлял прусскую гарантию территорий, завоеванных

³² Mediger W. Op. cit., S. 265 ff., 582 ff.; Müller M.G. Polen zwischen Preussen und Russland. Souveränitätskrise und Reformpolitik 1736–1752. Berlin, 1983; Staszewski J. Die polnisch-sächsische Union und die Hohenzollernmonarchie (1697–1763). – Jahrbuch für die Geschichte Mittel – und Ostdeutschlands, Bd. 30, 1981.

³³ Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 273, 275.

Россией у Швеции в войне 1741–1743 гг., а со стороны России – гарантию захваченной Пруссией Силезии. Экспансионистские устремления прусского короля вскоре привели к сближению России с Австрией. В 1746 г. между ними был заключен союзный договор, который, в частности, предусматривал, что при нападении Пруссии на одну из сторон или Речь Посполитую каждый из участников договора должен был выставить против Пруссии 60 тыс. человек, причем Австрия получала право претендовать на возвращение Силезии и Глаца. В 1750 г. прусско-российские дипломатические отношения были прерваны и возобновлены лишь после Семилетней войны.

В своем первом политическом завещании 1752 г., рассматривая положение Прусского государства, как сказали бы мы сегодня, с геополитической точки зрения, Фридрих II писал: "Провинции прусской монархии почти все расположены в отрыве друг от друга. Ядро государства, в котором заключается его сила, охватывает Курмарк, Померанию, Магдебург, Хальберштадт и Силезию. Эти провинции образуют сердце государства... Восточная Пруссия отделена от Померании Польской Пруссией; она граничит с Польшей и Россией..." "Как Вы видите, – отмечал он, – это географическое положение делает нас соседями крупнейших европейских властителей", многие из которых, по его мнению, являлись тайными врагами Прусского государства. Считая Австрию после двух Силезских войн главным противником Пруссии, Фридрих не относил Россию к ее подлинным врагам. "Между ней и Пруссией нет спорных вопросов. Только случай делает ее нашим врагом...", – писал он. – Политика России направлена на то, чтобы сохранять за собой решающее превосходство в Польше, поддерживать дружественные отношения с Австрией, чтобы с ее помощью гарантировать себя от неожиданного нападения турок, и сохранять максимум влияния в северных государствах"³⁴.

В отличие от своего отца, лично знавшего Петра I. Фридрих мог почерпнуть сведения о России лишь в сочинениях своих современников, прежде всего Вольтера и Фоккеродта, посвященных истории этой страны времен великого реформатора, а также из донесений прусских дипломатов и шпионов. Сначала Фридрих следовал распространенному мнению, что раннее Просвещение оказало значительное влияние на формирование личности и образ действий Петра. Однако под влиянием отзыва о России секретаря прусской миссии в Петербурге Йоганна Готтхильфа Фоккеродта, составленного на основе анкеты Вольтера в 1737 г., "просвещенный" образ Петра в сознании Фридриха был поколеблен. Объяснялось это тем, что Фоккеродт находился под влиянием негативного отношения к преобразовательной России антипетровской "московской" оппозиции. Все же вскоре Фридрих вернулся к образу Петра, близкому к его оценке Лейбницем и Вольтером. При этом все отрицательное содержание фоккеродтовского заключения он перенес на русского человека³⁵. Невзирая на опыт Семилетней войны, в ходе которой он испытал на себе высокую боеспособность русских солдат, Фридрих с годами значительно усилил негативную оценку русского народа. Свое презрительное отношение к русским, как и к полякам, Фридрих сохранял в течение всей жизни. В своем укоренившемся западническо-французском культурном идеале он вообще едва ли был способен воспринимать иные типы культуры.

Вместе с тем Фридрих II испытывал подлинный страх перед созданной Петром Великим могучей Российской империей, которую характеризовал как "полуазиатскую" державу. В "Истории моего времени" (1746 г.) он признавал, что после гибели шведского короля Карла XII, восшествия на польский престол Августа Сильного и побед российского фельдмаршала Б.К. Миниха над турками Россия действительно стала "третейским судьей Севера".

Фридрих смолоду приступил к разработке основных направлений своей политики в отношении России. Позднее он развил их до принципа союзных отношений с Петербургом. В "Очерке прусского правления и принципов" он писал в 1776 г., что

³⁴ *Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente. Übersetzt von Friedrich van Oppeln-Bronikowski. Berlin, 1922, S. 44, 46.*

³⁵ *Zernack K. Der grosse Nordische Krieg..., S. 271.*

одним из главных правил искусства государственной политики является поиск "союза с тем из своих соседей, который может нанести государству самые опасные удары"³⁶.

Фридрих II внимательно следил за изменениями в расстановке политических сил в Петербурге. В своем завещании он утверждал, что из-за скверного правления Елизаветы Петровны "Россия не будет иметь счастья" в случае новой войны. В России без сомнения произойдет государственный переворот, "будь то при жизни царицы, будь то после ее смерти". Потенциальными претендентами на престол он считал находившегося в тюрьме Ивана VI, сына Анны Леопольдовны и герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского, и великого князя Петра, сына герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского и цесаревны Анны Петровны, внука Петра I. В 1742 г. Петр был объявлен своей теткой Елизаветой Петровной наследником престола. В 1745 г. он женился на принцессе Софии Августе Фредерике Анхальт-Цербстской, нареченной в православии Екатериной Алексеевной, с которой находился в троюродном родстве³⁷. Активную закулисную роль при заключении этого брачного союза сыграл прусский король.

После захвата Силезии Фридрих II нуждался в дружбе с Россией, которую рассчитывал упрочить, выдав за наследника российского престола дочь генерала прусской службы, губернатора Штеттина Кристиана Августа, владетельного князя Анхальт-Цербстского. Позднее Фридрих писал, что брак Петра и Екатерины – дело его рук, что из всех возможных кандидатур в супруги великого князя Петра именно Екатерина якобы "более всех годилась для России и соответствовала прусским интересам"³⁸.

Оценивая роль Фридриха II в своем неожиданном возвышении, Екатерина незадолго до свадьбы отправила ему из Москвы благодарственное письмо. "Государь, – писала она прусскому королю, – я вполне чувствую участие Вашего величества в новом положении, которое я только что заняла, чтобы забыть должное за то благодарение Вашему величеству; примите же его здесь, государь, и будьте уверены, что я сочту его славным для себя только тогда, когда буду иметь случай убедить Вас в своей признательности и преданности"³⁹.

Характеризуя в завещании внутреннее положение в России, Фридрих II высказал предположение, что у Ивана VI могут найтись приверженцы, готовые прогнать гольштинца Петра, который "является князем без духа, без потомков и к тому же ненавидим у русских". Он выражал надежду, что оба претендента на трон разделят между собой гигантскую Российскую империю. "Гражданские войны в России и еще больше раздел этой империи, – писал он, – вот что было бы самым благоприятным для Пруссии и всех северных стран, что только могло бы [там] произойти"⁴⁰.

Свои планы территориальных приобретений он всегда строил с учетом возможной реакции на них со стороны России. В разделе завещания 1752 г., названном "Политические мечтания", он отмечал, что любой политик имеет право прогуливаться в бескрайнем поле химерических проектов, которые все же порой могут стать реальностью, если их постоянно не терять из виду и если несколько поколений, сменяющих друг друга, продвигаясь к одной и той же цели, "обладают достаточной способностью основательно скрывать свои намерения от любопытных и зорких глаз европейских держав"⁴¹.

Из стран Европы, присоединение которых должно было бы "округлить" Прусское

³⁶ Schieder Th. Op. cit., S. 227–228.

³⁷ См.: *Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente*, S. 78; *Монархи Европы. Судьбы династий*, с. 421, 602–603; *Введенский Р.М.* Екатерина II. – Великие государственные деятели России. М., 1996, с. 267–268.

³⁸ *Мыльников А.С.* Искушение чудом. "Русский принц", его прототипы и двойники-самозванцы. Ленинград, 1991, с. 38–39; *Кристиан Август* закончил свою службу фельдмаршалом прусской армии, будучи возведенным в это воинское звание по протекции российской императрицы Елизаветы Петровны.

³⁹ Цит. по: *Мыльников А.С.* Указ. соч., с. 39.

⁴⁰ *Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente*, S. 78.

⁴¹ *Ibid.*, S. 63.

государство, Фридрих II называл Саксонию, Польскую Пруссию и Шведскую Померанию⁴². "Вслед за Саксонией, – писал он, – самой выгодной для нас была бы Польская Пруссия. В данный момент она отделяет Померанию от Восточной Пруссии и мешают ее удерживать, во-первых, из-за речного барьера Вислы и, во-вторых, из-за угрозы высадки русских войск в Данцигской гавани". Если они окажутся в Данциге, то пережут "все сообщение с тылом" для войск, находящихся в Восточной Пруссии. "Я не считаю целесообразным, – писал он далее, – добывать эту провинцию (Польскую Пруссию. – Б.Т.) вооруженной силой; напротив, я хотел бы повторить то, что Виктор Амадей Сардинский имел обыкновение говорить своему наследнику Карлу Эммануилу: "Сын мой, Ломбардию нужно съедать как артишок, лист за листом"⁴³.

Для овладения Западной Пруссией "мирными" средствами Фридрих II предполагал воспользоваться внутренними неурядицами в Польше, соседи которой были заинтересованы в том, чтобы сохранять эту "республиканскую монархию" в состоянии бессилия, поддерживая "независимость" польских магнатов от своего короля. Польша является выборной монархией, писал он, которая каждый раз в связи со смертью короля разрывается межпартийной борьбой⁴⁴. "Этим нужно воспользоваться и ценой своего нейтралитета приобретать то один город, то другую территорию, пока не будет проглочено все"⁴⁵.

Если бы Западная Пруссия была благополучно присоединена, следовало бы, по мнению Фридриха, непременно укрепить Торн, Эльбинг и Мариенвердер, а также построить ряд укрепленных пунктов вдоль Вислы. "Благодаря этому будут сорваны все возможные предприятия русских против нас", – писал он. "При мирном завоевании Польской Пруссии я считаю совершенно необходимым Данциг оставить напоследок, потому что из-за этого приобретения поляки поднимут большой шум". Они все свое зерно вывозят через Данциг и "таким образом по праву будут опасаться, что посредством пошлин на Висле, которые Пруссия может ввести на все товары, вывозимые господами сарматами, окажется в зависимости от нее"⁴⁶.

В отношениях с Россией Фридрих II призывал не доводить дело до крайности и не превращать ее в непримиримого врага, чего, по его мнению, добивался венский двор. "Мы никогда не должны терять из виду русских и австрийцев; русских из-за обстановки в Польше и Швеции и может быть запланированных ими союзов между Польшей и Венским двором, – писал он. – Австрия... является нашим главным врагом. Она хотела бы посадить на польский трон принца Лотарингского..."⁴⁷

Особое значение Фридрих II придавал деятельности своих дипломатических представителей в упомянутых здесь странах. Так, он считал, что при польском или саксонском дворе (заменяющие друг друга понятия) требуется человек, который "в словах – сдержан, в интригах опытен и энергичен". Он должен обладать "достаточной ловкостью, чтобы срывать польские сеймы, если это в интересах Пруссии"⁴⁸. Фридрих дал уничтожающую характеристику Речи Посполитой, которая "остаётся смесью полуреспубликанских и полумонархических государственных форм", где старая неразбериха и анархия будут и дальше продолжаться, если польская монархия не станет наследственной. Он считал, что "Пруссия должна противиться этому всеми силами. Даже Россия, если она осознает свои подлинные интересы, не может этого допустить"⁴⁹.

⁴² Ibid., S. 64.

⁴³ Ibid., S. 67.

⁴⁴ Ibid., S. 49.

⁴⁵ Ibid. S. 67.

⁴⁶ Ibid., S. 67–68.

⁴⁷ Ibid., S. 54. В конце 1751 г. Фридрих II узнал, что Петербургское правительство, чтобы обеспечить поддержку Австрией российских планов в отношении Швеции, взяло на себя обязательство после смерти Августа III содействовать свояку Марии Терезии принцу Карлу Лотарингскому занять польский трон.

⁴⁸ Ibid., S. 59–60.

⁴⁹ Ibid., S. 77.

Испытывая презрение и ненависть к полякам, Фридрих II занимался ими, как никакой другой немецкий государственный деятель. Для того, чтобы помешать стабилизации внутривосточного положения в речи Посполитой, прусский король не ограничивал себя в выборе средств. "Нам следует стремиться к подрыву польских сеймов и придется для этой цели раскошелиться, как мы это уже сделали, – писал Фридрих в завещании. – Мы должны внушить полякам, что королева Венгрии и русская царица являются опасными соседками, они хотели бы в своем честолюбии распоряжаться польским тронem, не испрашивая согласия республики"⁵⁰.

Таким образом, если вопрос о приобретении Саксонии Фридрих II намеревался решить в борьбе со своим главным противником – Австрией, то для овладения Польской Пруссией и Шведской Померанией определяющим фактором для него являлась Россия, тем более, что совпадение интересов Пруссии и России в проведении "негативной политики в отношении Польши" сохранялось и во время отчуждения между ними в 50-х годах⁵¹.

ПРУССИЯ И РОССИЯ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ 1756–1763 гг. "ЧУДО БРАНДЕНБУРГСКОГО ДОМА"

Накануне Семилетней войны Фридрих II был весьма слабо осведомлен о российской политике, так как в предшествующие годы у Пруссии не было дипломатических отношений с Россией и король добывал необходимую информацию путем вскрытия проходившей через Берлин дипломатической почты⁵².

Международное положение Пруссии становилось все более сложным, чего Фридрих II в полной мере не осознавал. Вестминстерский союзный договор, заключенный в январе 1756 г. Великобританией и Пруссией, вызвал резкое обострение отношений этих стран с Австрией и Россией. Перемена политического фронта Франции, ее сближение с Австрией вследствие осознания того факта, что Пруссия Фридриха II для нее гораздо опаснее, чем монархия Габсбургов, привели в мае 1756 г. к подписанию союзного австро-французского Версальского договора, к которому в январе 1757 г., уже после начала Семилетней войны, примкнула и Россия⁵³.

Если в Версальском союзном договоре 1756 г. в качестве военной цели говорилось о "полном разрушении Пруссии", то на практике, по мнению Австрийского дома, "истинным предметом" войны был "не только возврат Силезии и графства Глац, но сокращение самого Бранденбургского дома до его первоначального состояния небольшой, весьма второстепенной державы". Для Бестужева-Рюмина речь в его военной политике в отношении Пруссии шла об ограничении ее военного и внешнеполитического потенциала, а также о возвращении Пруссии к роли младшего партнера в тройственном альянсе с Россией и Австрией⁵⁴.

Увенчал новую систему союзов подписанный в начале 1757 г. союзный договор между Австрией и Россией, по которому обе стороны обязались не заключать сепаратного мира с Пруссией и вести войну до возвращения Австрии Силезии и Глаца. Они договорились также привлечь к союзу другие державы, прежде всего Францию и Швецию⁵⁵.

Таким образом, Фридрих II должен был сражаться с мощной коалицией, состоявшей из Австрии, Франции, России, Саксонии и Швеции – так называемая коалиция Кауница (по имени австрийского канцлера В.А. Кауница), имея в качестве союзника Англию, выплачивавшую ему субсидии. В конфликт был вовлечен ряд других немецких государств. Развязывая войну, прусский король намеревался завладеть не

⁵⁰ Ibid., S. 55.

⁵¹ Zernack K. Friedrich, Russland und Polen, S. 201.

⁵² Schieder Th. Op. cit., S. 234.

⁵³ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XII, т. 24. М. 1993, с. 297.

⁵⁴ Zernack K. Das preussische Königtum..., S. 255.

⁵⁵ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XII, т. 24, с. 372–373.

Мария-Терезия, королева Венгрии и Богемии, эрцгерцогиня Австрии, супруга императора Священной Римской империи Франца I. С портрета работы М. ван Мютенса-младшего.

только главным объектом своих экспансионистских вожделений – Саксонией, но и Польской Пруссией. Вторжение в Саксонию в августе 1756 г. Фридрих II оправдывал главным образом происками Венского двора, подобно Пруссии и другим странам проводившего военные приготовления. Однако, узнав через шпионов, что Австрия еще не завершила свои вооружения, Фридрих II в проекте "Манифеста против Австрии" объяснял предпринятую им агрессию так: "нападающим является не тот, кто производит первый выстрел, но тот, кто вынашивает план атаковать своего соседа и открыто проявляет это своей угрожающей позицией"⁵⁶.

Тайному легационному советнику в Дрездене фон Мальдану Фридрих дал указание немедленно добиться аудиенции у короля Польши, каковым являлся саксонский курфюрст, и заявить ему, что со стороны Пруссии "будет проявлено самое бережное внимание к государствам короля Польши, которое позволяют современные условия... Его польское Величество может быть убежден в том, что в отношении его персоны и его королевского семейства будут проявлены все мыслимые уважение и почтение,

⁵⁶ *Mittenzwei I. Op. cit., S. 105.*

которые могут допустить злополучное время и моя (Фридриха II. – Б.Т.) собственная безопасность”⁵⁷.

Это обещание не помешало Фридриху II отдать приказ четырем прусским батальонам вступить в Дрезден, где в дворцовом архиве, несмотря на прямо-таки физическое противодействие королевы Польши, курфюрстины Саксонской Марии Йозефы, по распоряжению прусского короля были конфискованы секретные документы, с помощью которых Фридрих рассчитывал как-то оправдать свое вторжение. Король предписал часть из них опубликовать на французском и немецком языках. Сам саксонский курфюрст и польский король бежал в Варшаву⁵⁸.

В феврале 1761 г. Фридрих II вновь продемонстрировал "бережное" отношение к польскому монарху, решив пожить за счет саксонского охотничьего замка Губертусбург, любимого места отдыха короля Польши. Задачу, поставленную перед исполнителем его приказа, король сформулировал так: "Он утром с отрядом пехоты и кавалерии втихомолку отправляется в Губертусбург, занимает замок, велит тщательно записать и упаковать всю ценную мебель. Мне из этого ничего не нужно. Полученные деньги я переведу лазарету и его (исполнителя – Б.Т.) не забуду". Задание "произвести опустошение" в Губертусбурге выполнил некий майор Гвишар, принадлежавший к доверенным лицам короля, которому для лазарета надлежало сдать 10 тыс. талеров, оставив остальное себе⁵⁹.

Русские войска участвовали в нескольких крупных сражениях против войск Фридриха II. Так, 19(30) августа 1757 г. пруссаки под командованием фельдмаршала Х. Левальдта были разбиты русскими при Гросс-Егерсдорфе в Восточной Пруссии. Однако командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин, на успешные действия которого Бестужев-Рюмин возлагал большие надежды, не воспользовался победоносным исходом сражения для дальнейшего развития успеха⁶⁰. "Суровость времени и недостаток в здешней земле провианта и фуража, равно как изнуренная совсем кавалерия и изнемогшая пехота, – писал Апраксин в Петербург, – суть важнейшими причинами, кои меня побудили, для соблюдения вверенной мне армии, принять резолюцию чрез реку Неман перебраться и к своим границам приблизиться”⁶¹. Существует также версия, что, воспользовавшись тяжелой болезнью императрицы Елизаветы Петровны, наследник престола Петр распорядился отвести русские войска к Мемелю⁶².

Вольтер и энциклопедисты, считавшие Пруссию образцово управляемым государством при Фридрихе Вильгельме I и его сыне, с сочувствием относились к действиям Фридриха в разгар Семилетней войны. В Энциклопедии была опубликована статья о Пруссии, где с восхищением отмечалось, что Фридрих II успешно отстаивал свое государство, являвшееся великой державой "меньшей силы", противостоявшей могущественному альянсу врагов⁶³.

Сам же Фридрих, оказавшись в ходе военных действий в очень сложном положении, забыв о том, что развязал войну по собственной воле, в июле 1757 г. писал своей сестре Вильгельмине: "Я нахожусь в положении путешественника, окруженного кучкой негодяев, угрожающих убить его, потому что разбойники хотят поделить между собой его имущество... Видел ли мир когда-нибудь, как три могущественных князя подготавливают заговор для уничтожения четвертого, ничего

⁵⁷ Der König an den Geheimen Legationsrat von Maltzahn in Dresden. Potsdam, 26.VIII.1756; – Der König Friedrich der Grosse in Briefen, Berichten, Anekdoten. Mit lebensgeschichtlichen Verbindungen. Ebenhausen bei München, 1941, S. 251.

⁵⁸ Der König an seine Minister von Podewils und von Finkenstein. Hauptquartier Sedlitz, 12.IX.1756. – Ibid., S. 254; *ibid.*, S. 256–257.

⁵⁹ Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 324.

⁶⁰ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XII, т. 24, с. 386, 423; Deutsche Geschichte in Daten. Berlin, 1967, S. 278.

⁶¹ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения, кн. XII, т. 24, с. 391.

⁶² Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 262.

⁶³ Scharf C. Katharina II., Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995, S. 418.

им не сделавшего? У меня не было разногласий ни с Францией, ни с Россией и тем более со Швецией. Если бы в гражданской жизни три человека вздумали ограбить своего доброго соседа, их как следует допросили бы в суде, а сегодня монархи, повелевающие именно эти законы соблюдать в своих государствах, преподносят своим подданным такой гнусный пример!"⁶⁴

В январе 1758 г. русские войска заняли Восточную Пруссию, в которой была введена российская администрация во главе с генерал-губернатором. 24 января в кафедральном соборе Кёнигсберга представители городских сословий присягнули на верность России. Это вызвало негодование Фридриха II, который после того никогда больше не появлялся в Кёнигсберге⁶⁵. 18 марта 1760 г. Россия присоединилась к австро-французской конвенции от 30 декабря 1758 г., получив "право" на аннексию Восточной Пруссии в случае возвращения Австрии Силезии и графства Глац.

Русские войска, продвинувшиеся до Одера, 14(25) августа 1758 г. были атакованы пруссаками у Цорндорфа. В разыгравшемся кровавом сражении ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Но на другой день новый главнокомандующий русской армией В.В. Фермор отступил, что дало пруссакам повод приписать победу себе. 1(12) августа 1759 г. русские совместно с австрийцами в битве при Кунерсдорфе нанесли сокрушительное поражение Фридриху II⁶⁶. Прусский король сообщал своему министру Финкенштайну, что трижды собирал своих людей, пришедших в ходе сражения в полное замешательство, и в конце концов едва сам не попал в плен. "Я был вынужден покинуть поле боя, – писал он. – Мой мундир продырявлен пулями, подо мной были убиты две лошади. На мое несчастье я еще жив... В час, когда я пишу, все бежит, и я больше не властен над моими людьми. В Берлине хорошо делают, если подумают о своей безопасности. Это жестокая перемена, и я этого не переживу. Последствия этого события будут еще хуже, чем оно само. Я не имею больше никаких средств и, по правде говоря, считаю, что все потеряно. Я не переживу гибели моего Отечества. Прощайте навсегда!"⁶⁷ Под предлогом болезни Фридрих II даже передал на какое-то время командование своими войсками генералу Финку⁶⁸.

О разгромленном при Кунерсдорфе прусском короле А.В. Суворов, тогда впервые участвовавший в крупном сражении, позднее писал как о "повергнутом в ничтожество Фридрихе"⁶⁹. Однако победители не стали преследовать дезорганизованные остатки прусских войск и наступать на Берлин, что король впервые назвал "чудом Бранденбургского дома"⁷⁰. Это объяснялось в значительной мере противоречиями между союзниками, а также тем обстоятельством, что главнокомандующему русской армией генерал-аншефу П.С. Салтыкову пришлось считаться с пропрусской ориентацией наследника престола Петра, что и побудило его вновь отойти со своими войсками в Польшу⁷¹. Значительно позже, 28 сентября (9 октября) 1760 г., Берлин был ненадолго занят русскими и австрийскими войсками.

Семилетняя война оказалась вооруженным столкновением "с перевернутым фронтом". Результатом создания "немыслимого прежде союза трех великих континентальных держав – России, Австрии и Франции" (С.М. Соловьев)⁷² – стало ослабление "барьерной" активности французской дипломатии. Для Франции более значимой являлась война за колонии в Северной Америке и в Индии, за контроль над

⁶⁴ Der König an seine Schwester Wilhelmine. Leitmeritz, 13.VII.1757. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 270–271.

⁶⁵ Губин А.Б., Строкун В.Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград, 1991, с. 93, 95.

⁶⁶ Deutsche Geschichte in Daten, S. 278, 279; Preussens grosser König, S. 206–207.

⁶⁷ Der König an den Minister von Finkenstein nach der Schlacht bei Künersdorf, 12.VIII.1759. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 305–306.

⁶⁸ Der König an den Generalleutnant von Finck. 13. oder 14.VIII.1759. – Ibid., S. 306.

⁶⁹ А.В. Суворов – Д.И. Хвостову, 21.XII 1793 г. – Суворов А.В. Письма. М., 1987, с. 261.

⁷⁰ Kunisch J. Das Mirakel des Hauses Brandenburg. Studien zum Verhältnis von Kabinettspolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München–Wien, 1978.

⁷¹ Mittenzwei I. Op. cit., S. 120–121.

⁷² Соловьев С.М. Сочинения, кн. XII, т. 24, с. 381.

морскими путями. Это сокращало угрозу русскому "предполью", а следовательно, уменьшало необходимость осуществления Россией "антибарьерной" политики. Вследствие того, что вызывавший у Петербурга большие опасения прусско-французский "барьерный" потенциал был устранен прежде всего дипломатическим путем, заинтересованность России в достижении поставленных ранее военных целей ослабевала⁷³. Учет всех этих обстоятельств позволяет более обоснованно и реалистично подходить к оценке "чуда Бранденбургского дома", основными вехами проявления которого были: "свержение" и ссылка непримиримого противника Пруссии А.П. Бестужева в 1758 г.; военная сдержанность России после победы при Кунерсдорфе; смерть российской императрицы.

После смерти 5 января 1762 г. (25 декабря 1761 г.) личного врага Фридриха II царицы Елизаветы Петровны, – события, которое прусский король действительно считал "чудом", ибо в то время Пруссия уже находилась на грани своих военных и экономических возможностей, ее преемник Петр III 16 марта договорился с прусским королем о перемирии. А уже 5 мая Россия вышла из антипрусской коалиции и заключила мир с Пруссией, причем царь отказывался от каких-либо территориальных приобретений⁷⁴. В этой связи остается открытым вопрос, собирался ли кабинет Елизаветы аннексировать Восточную Пруссию или в случае победы антипрусского альянса использовать ее для обмена на Курляндию или другие территории.

Незадолго до свержения с престола Петр III 19 июня 1762 г. подписал с Пруссией союзный договор, в соответствии с которым Россия предоставляла Фридриху 20-тысячное вспомогательное войско для ведения военных действий против Австрии. Российский историк В.О. Ключевский писал, что Петр III заключил мир "с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами. Теперь Петр отказался не только от завоеваний, даже от тех, которые уступал сам Фридрих, от Восточной Пруссии, не только заключил с ним мир, но присоединил свои войска к прусским, чтобы действовать против австрийцев, недавних русских союзников"⁷⁵.

Фридрих II признавал, что получил от Петра III значительно больше того, на что мог рассчитывать. Это были сепаратный мир, возвращение занятой русскими войсками Восточной Пруссии и союз с целью совместных действий в Польше⁷⁶.

Из почитателей Фридриха II великий князь, а затем российский царь Петр как никто другой был ослеплен блеском его славы и всегда ставил преклонение перед своим кумиром выше государственных интересов России. Этот единственный в своем роде феномен привлекает особое внимание потому, что оказывал непосредственное влияние на большую политику.

Во время Семилетней войны Екатерина решительно отмежевалась от непоколебимой "прусофилии" своего супруга. В то время как он оплакивал поражения "непобедимых" прусских войск, Екатерина распорядилась по такому же поводу зажарить быка для мастеровых в Ораниенбауме. Своему поверенному, английскому посланнику Чарльзу Х. Вильямсу, она писала, что великий князь до самой смерти останется поклонником всего прусского, "и это только из военного пристрастия". Если вначале в склонности Петра к королю Пруссии не было ничего особенного, отмечала Екатерина II в мемуарах, то позднее она выродилась в чистое безумие⁷⁷. Именно граничившее с одержимостью подражание всему прусскому с самого начала лишало Петра всех симпатий в стране и было предвестником его гибели⁷⁸.

⁷³ Zernack K. Das preussische Königtum..., S. 258; Müller M.G. Russland und der Siebenjährige Krieg. Beitrag zu einer Kontroverse. – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, NF. 1980, Bd. 28, S. 198–219.

⁷⁴ Deutsche Geschichte in Daten, S. 279; Preussens grosser König, S. 207.

⁷⁵ Ключевский В.О. Переворот 28 июня 1762 г. – Его же. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990, с. 245.

⁷⁶ Zernack K. Friedrich, Russland und Polen, S. 202; Мыльников А.С. Указ. соч., с. 82.

⁷⁷ Scharf C. Op. cit., S. 419–420.

⁷⁸ Schieder Th. Op. cit., S. 237.

Долгое время считалось, что Екатерина, придя к власти в результате переворота 9 июля (28 июня) 1762 г., в тронном манифесте упрекала Петра III в том, что он вступил в союз со "смертельным врагом России" Фридрихом II. Однако еще в 90-х годах XIX в. российский историк В.А. Бильбасов выяснил, что Екатерина II подписала звучащую несколько иначе редакцию документа, который к тому же был опубликован в третьем, также "смягченном" варианте⁷⁹. В книге о "русском принце" российский историк А.С. Мыльников привел цитату из манифеста, оглашенного в Казанском соборе, в котором Петр обвинялся в заключении мира с неназванным "злодеем", вследствие чего "слава Российская, возведенная на высокую ступень своим победоносным оружием чрез многое свое кровопролитие... отдана уже действительно в совершенное порабощение"⁸⁰.

На Фридриха II известие о свержении Петра III произвело угнетающее впечатление. Узнав об этом лишь через несколько дней, он 18 июля 1762 г. писал Финкенштайну: "Я сообщаю Вам очень печальную новость о низложении императора России. Императрица возведена в правительницы, и генерал граф Чернышев только что получил приказ расстаться с моей армией... Нужно посмотреть, каковы будут последствия этого серьезного события"⁸¹.

Приказ Екатерины о выводе русских войск из Восточной Пруссии, осуществление которого, правда, затянулось до конца 1762 г., свидетельствовал о том, что войну с Фридрихом II она считала законченной и отказывалась от приобретения каких-либо принадлежавших ему территорий. Сохранение мира с Пруссией, заключенного Петром III, соответствовало интересам Екатерины, нуждавшейся в нем для укрепления своего только что установленного правления, по сравнению с которым отказ от единственной военной добычи – Восточной Пруссии имел для нее меньшее значение. Для Фридриха же главным политическим успехом являлось именно возвращение к территориальному статус-кво кануна войны, предосторожное сепаратным миром с Россией, так как оно должно было сыграть принципиально важную роль на грядущих мирных переговорах и сохраняло положение Пруссии как великой державы⁸².

Екатерина II пришла к выводу, что ее империя достаточно сильна и не нуждается в том, чтобы впутываться из-за новых союзных обязательств в ссоры других держав. Если война и не принесла России никаких территориальных приобретений, то она несомненно подтвердила ее господствующее положение в восточной части Европы. Несмотря на усилия Австрии и Франции побудить Екатерину вступить с ними в новую коалицию, она не согласилась на это. Однако императрица не пошла навстречу Фридриху II, добивавшемуся ратификации заключенного Петром III альянса с Пруссией. Напротив, она с едва скрытыми угрозами принуждала прусского короля к миру⁸³.

Екатерина (в соответствии с условиями австро-русского договора 1757 г.) настаивала на том, чтобы прусский король вывел свои войска из Саксонии и возместил ее курфюрсту, королю польскому, ущерб, причиненный его землям. "Справедливость ... требует, – писала императрица Н.В. Репнину, русскому посланнику в Пруссии, – чтоб обидчик сделал обиженному удовольствие, и для того надобно вам при всяком случае пристойно напоминать, что без удовлетворения королю польскому как саксонскому курфюрсту мир прочно установлен быть не может". "Король, – писал в ответ Репнин, – когда я чуть коснусь этой материи или восстановления мира, прерывает разговор и с неудовольствием от меня уходит"⁸⁴.

⁷⁹ См.: *Scharf C.* Op. cit., S. 417.

⁸⁰ Цит. по: *Мыльников А.С.* Указ. соч., с. 93–94.

⁸¹ *Der König an den Minister von Finkenstein. Seitendorf, 18.VII.1762. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen...*, S. 348.

⁸² *Ritter G.* Op. cit., S. 225–226; *Schieder Th.* Op. cit., S. 238.

⁸³ *Scharf C.* Op. cit., S. 361–362.

⁸⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения, кн. XIII, т. 25. М., 1994, с. 152.

Пытаясь играть роль посредницы, Екатерина тем не менее передала Репнину распоряжение внушить прусскому королю, что в случае продолжения им войны Россия окажет всю возможную помощь венскому двору. Я боюсь, писала Екатерина самому Фридриху, что "мои лучшие намерения не исполнятся и я буду принуждена принять меры, противные моим желанием, склонностям и чувству дружбы"⁸⁵.

В Петербурге обострилось соперничество придворных группировок, придерживавшихся двух различных вариантов внешнеполитической ориентации. Искусный дипломат граф Н.И. Панин, один из ближайших сподвижников Екатерины, возглавив в 1763 г. коллегия иностранных дел и выдвинув проект так называемой "Северной системы", отдавал предпочтение союзу с Фридрихом II. Таких же взглядов придерживался и бывший российский посланник в Вене (в 1752–1761 гг.) граф Г.К. Кайзерлинг, ранее пользовавшийся протекцией Бестужева-Рюмина. Вскоре Екатерина II назначила Кайзерлинга российским посланником при саксонско-польском дворе в Варшаве. Напротив, возвращенный из ссылки Бестужев-Рюмин, поддержанный частью видных заговорщиков 1762 г., в духе своей прежней антипрусской концепции высказывался за ослабление Пруссии и сближение России с Австрией и Англией. Таким образом, обе придворные группировки, давая разную оценку сложившемуся после войны соотношению сил на континенте, оправдывали свою позицию стремлением к укреплению равновесия между европейскими державами, обе были против французской "барьерной политики" в соседних странах и считали контроль России над западным "предпольем" необходимым условием успешного противодействия гегемонистским устремлениям других держав.

Занимая некоторое время выжидательную позицию, Екатерина II испытывала даже удовольствие от того, что Австрия и Пруссия одновременно добивались ее расположения. Однако больше всего она хотела выступить "арбитром Европы" в мирных переговорах. Если прежние союзники России – Австрия, Саксония и Франция – отнюдь не были заинтересованы в таком возрастании ее влияния в системе европейских государств, то Фридрих II, ведя с Веной секретные переговоры о мире, вообще делал посредничество Екатерины излишним⁸⁶.

Петербург выступил с заявлением о необходимости сохранения баланса сил в Священной Римской империи, носившем антипрусскую направленность. По поручению Екатерины, Фридриху II было категорически заявлено, что Россия не потерпит превосходства в Германии Бранденбургского дома и, если это произойдет, будет снова поддерживать Австрийский дом.

Извещая Екатерину о заключении мира 15 февраля 1763 г. в саксонском замке Губертусбург между Пруссией, с одной стороны, и Австрией и Саксонией, – с другой, прусский король отметил, что он предлагал внести статью об участии России в мирном трактате, но австрийский уполномоченный выступил против этого. Однако Фридрих лукавил. Посредничество России не нужно было и ему⁸⁷.

Итак, Семилетняя война по вовлеченности в нее всех великих держав Европы, напряженности боевых действий и распространению их на заморские территории приобрела черты мирового конфликта. Вместе с тем, вооруженное противостояние на Европейском континенте в государственно-политическом отношении и как реальное развитие военных действий фактически сводилось к третьей Силезской войне. Она завершилась, не вызвав коренных изменений в системе государств. Фридрих II извлек из разрушительной для его государства войны урок, что Пруссия как великая держава второго ранга при всех обстоятельствах зависит от союза с Россией, которая к тому

⁸⁵ Там же, с. 153.

⁸⁶ *Scharf C.* Op. cit., S. 356–357, 361–363; *Friedrich der Grosse.* Die Politischen Testamente, S. 207; о Н.И. Панине см.: *Дружинина Е.И.* Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955, с. 84–89.

⁸⁷ *Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами.* По поручению МИД составил Ф. Мартенс. Т. VI. Трактаты с Германиею. 1762–1808. СПб., 1883, с. 8.

же первой вышла из антипрусского альянса⁸⁸. Так как в соответствии с мирным договором Фридрих удерживал за собой Силезию, заинтересованность России в сохранении территориального статус-кво в Германии содействовала ее политическому сближению с Пруссией.

Несмотря на обострившееся соперничество России и Австрии в Юго-Восточной Европе, у обеих держав на исходе Семилетней войны сохранялось взаимное стремление оказывать сдерживающее воздействие на Османскую империю. Фридрих II использовал такую ситуацию для того, чтобы производить на Екатерину давление с целью заключения "формального" союза между Россией и Пруссией, угрожая в противном случае вступить в альянс с турецким султаном, который якобы мог оказать ему поддержку в борьбе с Австрией и даже противодействовать России в Польше. Реальную опасность для России представляли происки французской дипломатии в Константинополе, которая подталкивала Османскую империю к вооруженному вмешательству против российской политики в Речи Посполитой. Сдержанность России в отношении политических союзов делала ее позиции в Швеции и Польше весьма уязвимыми⁸⁹.

"ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС", ПРУССКО-РУССКИЙ СОЮЗ И ИЗБРАНИЕ СТАНИСЛАВА ПОНЯТОВСКОГО КОРОЛЕМ ПОЛЬШИ

С начала XVIII в. во взаимоотношениях России с Западной Европой господствовали три вопроса – шведский, восточный (или турецкий) и польский, которые временами соединялись по два или даже все три вместе. После Семилетней войны началась непосредственная предыстория раздела Польши, которая теснейшим образом связана с восточным вопросом. Польский вопрос послужил и исходным пунктом для сближения Пруссии с Россией.

Польша уже более ста лет пребывала в состоянии политического упадка. Польские историки Л. Кондзеля и Т. Цегельский, объясняя социально-экономические причины этого явления, писали, что еще в конце XVI – начале XVII в. в Польше "произошел переход к архаичным, экстенсивным способам хозяйствования". Процесс объединения Польши и Великого княжества Литовского в единое государство – Речь Посполитую, начавшийся с Кревской унии 1385 г., завершился в 1569 г. подписанием Люблинской унии. В составе Речи Посполитой Литва, основной массив территории которой составляли западнорусские земли, вначале обладала значительной автономией, а ее государственным языком был белорусский. Однако в XVII–XVIII вв. эти элементы автономии были у Литвы отобраны Польшей. Кризис основ существовавшей в Польше государственной системы разразился в XVII в., когда проходившие на ее территории войны вызвали сильнейшие разрушения и огромные людские потери⁹⁰. В "Истории падения Польши" С.М. Соловьев писал, что Польша была обширным военным государством, в котором вооруженное сословие, шляхта, существовала за счет эксплуатации земледельческого "рабствующего" населения. Города не поднимались, и их население не обладало силой, уравновешивающей всевластие шляхты. Лишь войско развивалось беспрепятственно и оказывало определяющее влияние на верховную власть в стране, все более склонявшуюся "перед вельможеством и шляхтою"⁹¹.

Польское дворянство (шляхта), составляя примерно десятую часть всего населения, отстаивало политическое равенство внутри своего социально замкнутого круга, для государственно-правового сознания которого абсолютистская альтернатива –

⁸⁸ Zernack K. Das preussische Königium..., S. 259.

⁸⁹ Scharf C. Op. cit., S. 372–373.

⁹⁰ См.: Кондзеля Л., Цегельский Т. "Концерт Трех Черных Орлов" (Споры о разделе Польши). – Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990, с. 86.

⁹¹ Соловьев С.М. История падения Польши. – Его же. Сочинения. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995, с. 411–412.

самодержавие – была совершенно неприемлемой. Это дворянское общество было чрезвычайно сильно дифференцировано по социальному значению, экономической силе и политическому весу его членов⁹².

Экономически, политически и даже интеллектуально средний слой шляхты сдавал свои позиции олигархии, которая, обладая огромными богатствами, сумела сохранить, а затем и упрочить свое господствующее положение. Возрастало влияние католической церкви, прежде всего высшего духовенства, нередко происходившего из олигархической среды. Уже в начале XVII в. Польша остановилась в своем государственном развитии, являясь дворянской республикой с избираемым королем. В идеологическом плане олигархия прикрывалась лозунгами свободы и равенства, провозглашенными шляхтой, в политическом – лавировала между королем и шляхтой, вступая с ними в недолгие союзы. Однако олигархия не была единой: два десятка родов заключали друг с другом изменчивые союзы, а те, в свою очередь, – с соседними государствами, которые использовали их для вмешательства во внутренние дела страны⁹³.

На исторические судьбы Польши значительное влияние оказывали некоторые черты национального характера поляков, а само восприятие друг друга поляками, русскими и немцами издавна являлось в соответствующих странах предметом повышенного интереса. А.С. Пушкин в стихотворении "Клеветникам России" (1831 г.), отвергая попытки "западного" вмешательства во взаимоотношения между поляками и русскими, утверждал, что "это спор славян между собою, домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою". Об истоках вековой, исторической распри России с Польшей русский философ Н.А. Бердяев писал, что "это прежде всего распря двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь различных, почти противоположных, с трудом совместимых, неспособных друг друга понять"⁹⁴.

Исторически русские победили в вековой борьбе с поляками "за землю и за разное чувство жизни" и не только отразили угрозу полонизации русского народа, но и предпринимали попытки русификации польского народа. "Польское государство было раздавлено и разорвано, но польская душа сохранилась ... – писал Н.А. Бердяев. – Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым"⁹⁵. Вместе с тем "особое духовное шляхетство" отравляло жизнь полякам и сыграло роковую роль в судьбе их государства. В прошлом полонизация и латинизация русского народа привела бы к гибели его духовной самобытности, его национального облика. Поляки шли на русский Восток с чувством культурного превосходства. Духовный тип русского человека воспринимался ими не как иной духовный тип, а просто как "низшее и некультурное состояние"⁹⁶.

В то же время, как писал польский поэт, профессор Калифорнийского университета Чеслав Милош, полякам известны их недостатки, которые "позволили немцам обрести приятное ощущение собственного превосходства: отсутствие порядка, неумение управляться с вещественным миром ... легкомыслие, пьянство, неспособность так устроить жизнь, чтобы она была уютной". Ч. Милош признавал, что неспособность поляков "навести порядок вокруг себя, т.е. пренебрежение спокойствием, усугубленная взяточничеством и казнокрадством, часто достигала неслыханных размеров". Ощущение же превосходства над русскими полякам давали "их традиции, католический моральный кодекс, принадлежность к Западу", что делало для них "особенно унижительным воспоминание о своем поражении"⁹⁷.

⁹² Zernack K. Negative Polenpolitik..., S. 228.

⁹³ Кондзеля Л., Цегельский Т. Указ. соч., с. 87–88.

⁹⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990, с. 152.

⁹⁵ Там же, с. 153.

⁹⁶ Там же, с. 156, 154.

⁹⁷ Милош Ч. Россия. Взгляд польского литератора на отношения двух славянских народов. – Родина, 1994, № 12.

Механизм осуществления политической власти в Речи Посполитой полностью отражал состояние хронического кризиса страны. Король избирался одной шляхтой, которая собиралась на провинциальные сеймы (сеймики), где производила выборы послов на большой сейм. Так как для принятия решений сеймом требовалось единогласие, каждый посол мог сорвать его работу, заявив о своем несогласии, – печально знаменитое "либерум вето". Недовольная правительством шляхта имела право на вооруженное восстание – конфедерацию. Собравшаяся шляхта выдвигала свои требования и избирала своего вождя – маршала конфедерации. Власть короля существенно ограничивалась и по сути сводилась к раздаче незанятых должностей⁹⁸.

Вся история Польши XVII–XVIII вв. опровергает утверждение польских авторов Л. Кондзеля и Т. Цегельского, что "затяжной характер конфликтов ... был во многом предопределен высокой политической культурой шляхетского общества с его стремлением к компромиссу, желанием избежать гражданской войны, кровопролития"⁹⁹, ибо, как говорили "злые языки", "либерум вето погубило Польшу". Фразу о том, что польская парламентская монархия "с ее хотя и убогой, но демократией" "представляла серьезную угрозу политическому согласию в Центрально-Восточной Европе"¹⁰⁰, можно воспринимать только в том смысле, что соседние державы, разумеется, в соперничестве друг с другом, могли делать с Польшей все, что считали нужным.

Разделы Речи Посполитой показали всю абсурдность одного из основных принципов польской внешней политики, гласившего, в соответствии с известной формулой "Польша анархией держится", что бессилие государства является не только непременным условием безграничной демократии и свободы его граждан (т.е. дворянства – *Б.Т.*), но и служит гарантией его существования, ибо такое государство никому не угрожает. Однако именно бессилие Речи Посполитой подталкивало соседние страны к ее разделу. Олигархическая верхушка государства, вместе со всей шляхтой вовлеченная в борьбу за свои эгоистические интересы, не осознавала угрожающих проявлений кризиса, нараставших уже с начала XVIII в.¹⁰¹

Простиравшаяся от берегов Балтийского моря до границ Османской империи в Подолии, на юге Украины, включая значительные территории в Прибалтике и огромные области с украинским и белорусским православным населением, расположенная между великими державами Австрией, Россией и Пруссией, стремившимися к дальнейшему расширению своих территорий, Польша превратилась в главный объект их экспансионистских устремлений. Европейские державы издавна извлекали из царившей в этой стране анархии, основную вину за которую несли раздоры и политическая слепота польского дворянства, свою выгоду, используя подкуп, шантаж, открытое и скрытое вмешательство в ее внутренние дела, оказывая противодействие малейшим попыткам реформ, от кого бы они не исходили – от короля, сеймов или олигархических кланов.

Еще в ходе Семилетней войны молодой граф Станислав Август Понятовский, находясь при английской миссии в Петербурге, разработал со своими дядями князьями Чарторыйскими концепцию использования российской системы "предполья" для осуществления в Польше внутренних реформ, усиления власти короля, укрепления армии и изменения характера сейма, ослабленного принципом единогласия принимаемых решений. Возникшая во время войны концепция была рассчитана на длительное сохранение прусско-русского антагонизма, соответствовавшего интересам Речи Посполитой. Извлеченный Фридрихом II из Семилетней войны урок о необходимости союза с Россией, как и заинтересованность Екатерины в сотрудничестве с Пруссией в пространстве французского "восточного барьера", по

⁹⁸ Соловьев С.М. История падения Польши, с. 412.

⁹⁹ Кондзель Л., Цегельский Т. Указ. соч., с. 87.

¹⁰⁰ Там же, с. 84.

¹⁰¹ Сковронек Е. Указ. соч., с. 36–37.

сути уже не оставляли Польше возможностей для коренных преобразований. По мнению немецкого ученого К. Цернака, слова "ведущего актера политики раздела" Польши Фридриха II о "чуде Бранденбургского дома" нельзя оторвать от их исторического взаимодействия с "крахом республики Польша". Восстановление прежнего положения в Восточной Европе – без урезания территории Пруссии до ее "первоначального состояния" – похоронило слабые надежды Речи Посполитой на возрождение страны. В соблюдении неизменности государственного устройства Польши Россия и Пруссия, а вскоре и Австрия вновь объединились¹⁰².

В своих письмах Фридрих II жаловался на деспотический образ действий Екатерины II в Речи Посполитой, признавая вместе с тем, что своим благорасположением к ней он подталкивал императрицу на все более крутые меры в отношении Польши. Фридрих находил для себя оправдание в собственном бессилии, в том, что поступал так во имя интересов своей разоренной войной страны¹⁰³.

Польский престол вскоре мог стать вакантным, так как занимавший его саксонский курфюрст Август III был уже тяжело больным человеком. 2 августа 1762 г. Екатерина сообщила своему бывшему фавориту графу Станиславу Понятовскому, что в случае смерти польского короля ее посланник в Варшаве Кайзерлинг предпримет усилия с тем, чтобы сделать его или, если это удастся, князя Адама Чарторыйского, королем Польши. Одновременно и, судя по всему, следуя совету Кайзерлинга, Фридрих II предложил ей содействие в возведении на польский трон ее кандидата, если только она не выступит в пользу Габсбурга¹⁰⁴.

С 1763 г. личная переписка между Екатериной II и Фридрихом II становилась все более частой и доверительной. С ее помощью происходил обмен мнениями по важнейшим внешнеполитическим вопросам и поддерживалось возможное единство действий Берлинского и Петербургского дворов. Вновь назначенный прусский посланник в России граф Виктор Фридрих Сольмс на многие годы овладел доверием и расположением императрицы. Фридрих II считал, что Сольмса следовало использовать только в России, потому что он находится в дружественных отношениях с графом Паниным. В то же время преемник Репнина при Берлинском дворе князь В.С. Долгорукий принимал весьма незначительное участие в переговорах, так как в основном они проводились не в Берлине, а в Петербурге. Он получил от Екатерины II предписание поставить на аудиенции у короля вопрос, что он думает о замещении польского престола после смерти царствующей особы¹⁰⁵.

Среди возможных кандидатов на польскую корону находился младший брат прусского короля Генрих, обладавший значительным дипломатическим и военным дарованием, что позволило Фридриху II даже называть его после Семилетней войны "безупречным полководцем"¹⁰⁶. Несмотря на это король в день заключения мира в Губертусбурге написал Екатерине II, что из всех претендентов на польский трон он отвергает только князей из Австрийского дома и может себе представить, что "интересы России указывают в том же направлении. Я могу добавить, – писал он, – что Пяст¹⁰⁷ был бы для нас обоих самым подходящим"¹⁰⁸.

Напрасно Бестужев выступал в Петербурге в пользу кандидатуры от Веттинов, в чем видел последнюю возможность для сближения России с Австрией. Вскоре в северной столице было принято окончательное решение поддержать в качестве кандидата на польский престол литовского стольника графа С. Понятовского, а в

¹⁰² Zernack K. Das preussische Königtum..., S. 259; *idem*. Negative Polenpolitik..., S. 234.

¹⁰³ Zernack K. Negative Polenpolitik..., S. 235.

¹⁰⁴ Scharf C. Op. cit., S. 373; Koser R. Geschichte Friedrichs des Grossen, Bd. 3. Stuttgart–Berlin, 1913, S. 273 f.

¹⁰⁵ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 8–9; Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente, S. 226.

¹⁰⁶ См.: Der allgegenwärtige König..., S. 101.

¹⁰⁷ Пясты – династия польских князей и королей.

¹⁰⁸ Цит. по: *Mittenzwei I.* Op. cit., S. 168.

октябре Екатерина и ее советники для обеспечения позиции своего избранника решили установить взаимное согласие с Пруссией и Англией. Эти два внешнеполитических решения надолго укрепили в Петербурге влияние придворной группировки Панина, хотя Екатерина никогда и никому не уступала бразды правления¹⁰⁹.

Таким образом, именно "отечественный" кандидат должен был по воле Екатерины и при поддержке Фридриха II стать королем Речи Посполитой. Они хотели исключить любой риск, связанный с избранием на польский престол иностранца, что могло бы привести к вмешательству другой заинтересованной стороны в борьбу за господство в Польше. Это соглашение между Петербургом и Берлином, исключавшее "наследование" польского трона Веттинами, должно было преградить путь дальнейшему существованию польско-саксонской унии¹¹⁰.

Вследствие болезни российского посланника в Варшаве Кайзерлинга к нему для обеспечения избрания угодного Екатерине короля срочно прикомандировали князя Репнина, бывшего до этого посланником в Берлине. Он не только пользовался доверием Фридриха II, но как супруг племянницы Панина служил надежным проводником официального курса российской политики в отношении Польши¹¹¹.

Когда в октябре 1763 г. Август III скончался, а в декабре умер и его сын, курфюрст Фридрих Кристиан, Россия и Пруссия уже были едины в вопросе замещения вакантного польского престола. Особое беспокойство это вызывало у Венского и Версальского кабинетов. Стали распространяться слухи о возможности раздела Польши, которые Екатерина сочла необходимым решительно опровергнуть. В циркуляре от 11 ноября 1763 г. к дипломатическим представителям России за границей говорилось: "Ходят слухи, якобы мы намерены с Е.В. Королем Прусским отнять от республики польской некоторые провинции и оные между собой разделить". Эти домыслы не соответствуют действительности хотя бы потому, что императрица желает сохранения дружбы со всеми державами. "Намерения же нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтобы стараться о расширении границ империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть всего земного круга"¹¹².

Обещая Петербургу содействие в избрании Понятовского королем Польши, Фридрих II рассчитывал добиться укрепления безопасности Пруссии и в то же время открыть перспективу для осуществления своих экспансионистских замыслов. С этой целью прусский король в письмах Екатерине, а его министр – в беседах с российским посланником в Берлине заявляли, что Пруссия безусловно поддержит кандидатуру России на польский престол в том случае, если императрица пойдет на подписание с ней союзного трактата. Неприкрытым давлением со стороны Фридриха было его сообщение Екатерине о том, что Версальский и Стокгольмский дворы якобы предложили ему заключить договоры о союзе, но он дал им уклончивый ответ, ожидая ее решения.

Екатерина сочла целесообразным пойти навстречу Фридриху II, получив в Вене и Париже отказ на свое предложение об избрании Понятовского польским монархом. В Петербурге начались переговоры с Сольмсом о союзном договоре, и вскоре между сторонами было достигнуто полное согласие¹¹³.

11 апреля (31 марта) 1764 г. в Санкт-Петербурге российские уполномоченные Никита Панин и князь Александр Голицын и прусский посланник Сольмс подписали сроком на восемь лет трактат оборонительного союза между Россией и Пруссией. В артикуле II трактата говорилось, что обе стороны гарантируют друг другу "сильнейшим образом и без изъятия все их области, княжества, графства, герцогства, провинции, земли и города, коими они ныне при заключении сего

¹⁰⁹ Scharf C. Op. cit., S. 373.

¹¹⁰ Roepell R. Das Interregnum. Wahl und Krönung Stanislaus August Poniatowskis. Posen, 1892.

¹¹¹ Scharf C. Op. cit., S. 374.

¹¹² Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 9–10.

¹¹³ Там же, с. 10–11.

трактата в Европе владеют", и обязуются "сохранять и оборонять себя всеми их силами противу всякого, кто бы таков ни был, в спокойном их и совершенном помянутыми их областями владении"¹¹⁴. В случае же вступления в вооруженный конфликт одной из сторон они в артикуле III взаимно обещали "три месяца спустя после первого требования" предоставить 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. человек конницы¹¹⁵. Однако в отношении отдаленных провинций – у России пограничных с Турцией и Крымом, у Пруссии "по ту сторону реки Везера" – вместо посылки вспомогательных войск в I "секретном артикуле" была предусмотрена ежегодная выплата 400 тыс. руб.¹¹⁶

В IV "секретном артикуле" говорилось, что императрица и король "взаимно сильнейшим образом обязались не только не позволять, чтоб кто-либо предпринял лишить республику (Польшу. – *Б.Т.*) ее права вольного избрания и учинить себе в оной самодержавным", "но всевозможными способами и с общего согласия предупреждать и уничтожать все клониться к тому могущие виды и намерения, ... да употреблять в случае нужды силу оружия для сохранения республики от опровержения конституции и фундаментальных законов ее"¹¹⁷.

В "особом сепаратном артикуле" императрица и прусский король выразили сожаление в связи с притеснениями, чинимыми в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском в отношении всех лиц, "кои исповедуют законы греческий, реформатский и лютеранский и кои известны под именем диссидентов", и выступили в их защиту, потребовав возвращения им привилегий, вольностей и премуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских¹¹⁸.

Если Фридрих II использовал польский вопрос для того, чтобы добиться подписания с Россией союзного договора, в котором стороны гарантировали друг другу свои владения и обещали вооруженную поддержку в случае нападения на одну из них, то Екатерина II благодаря оборонительному трактату прочно связала Пруссию со своими интересами в Речи Посполитой. По ее инициативе была подписана "особая секретная конвенция", в которой прусский король обещал поддерживать уже принятое ею решение о кандидате на польский престол, причем аккредитованному в Польше министру предписывалось "соглашаться во всем" с русскими представителями. С этой же целью одновременно с продвижением к польским границам "на всякий случай" русского корпуса и прусский король отдавал приказ "войскам своим учинить такое же движение в граничащих с оным королевством провинциях своих". В случае же создания в Речи Посполитой конфедерации против вновь избранного короля российская императрица и прусский король, признавая ее участников "за неприятелей своему отечеству и возмутителей народного спокойствия, повелят войскам своим войти в Польшу и поступать как с ними самими, так и с именем их со всякою военною строгостью без малейшей пощады"¹¹⁹.

Чтобы не было никаких сомнений в их соглашении, обе стороны назвали в "Артикуле сепаратном секретнейшем" имя претендента на польскую корону, "который есть граф Понятовский, столбник Литовский, в пользу коего Ее И.Величество приняла вышепомянутые распоряжения". Обе державы обязались соединить свои усилия "для возведения его на престол Польского Королевства"¹²⁰.

Если, по расчетам Екатерины, союз с Пруссией должен был облегчить ей с помощью прусского тылового прикрытия вмешательство во внутренние дела Польши, то для Фридриха II союз с Россией, политически обеспечивая самоутверждение

¹¹⁴ Там же, с. 13.

¹¹⁵ Там же, с. 14.

¹¹⁶ Там же, с. 18–19.

¹¹⁷ Там же, с. 22.

¹¹⁸ Там же, с. 23.

¹¹⁹ Там же, с. 26–28.

¹²⁰ Там же, с. 31.

Пруссии как второй немецкой великой державы, являлся потребностью "государственного интереса". В конечном счете прусско-русское "взаимное согласие" было для Фридриха гораздо важнее, чем для царицы.

Используя дипломатическое давление и вооруженную силу, Екатерина вмешивалась в междоусобную борьбу польских дворянских партий, чтобы в интересах России сохранять в Польше "счастливую анархию"¹²¹.

6 сентября 1764 г. Понятовский под совместным прусско-русским нажимом и "защитой" русских войск с помощью подкупа был избран на сейме королем Польши и на следующий день провозглашен им официально. На некоторое время в Европе сложилось впечатление, что именно в результате содействия Фридриха II Екатерине удалось укрепить российский протекторат над Речью Посполитой.

Незадолго до своей смерти Кайзерлинг узнал об этом событии, которое считал успехом своей дипломатической миссии. Однако его преемник Репнин вскоре признал, что политические цели польской дворянской "партии", группировавшейся вокруг Чарторыйских и самого короля, не соответствуют интересам России. Станислав II Август, опираясь на силы в стране, готовые идти по пути реформ, стал предпринимать попытки внести изменения в конституцию, чтобы стабилизировать положение в Польше, усилив королевскую власть, что противоречило русско-прусскому оборонительному трактату¹²².

С самого начала союзнические отношения между Россией и Пруссией были непростыми. Российско-прусская альянс даже в его лучшие времена испытывал серьезные трения. Когда речь шла об интересах России, Екатерина не соглашалась ни на какие уступки ни в проявлявшихся Пруссией "перегибах" в отношении Данцига и устья Вислы, ни в вопросах таможенного обложения между обеими странами, ни даже при повышении прусского почтового сбора¹²³.

Обоим союзникам, Екатерине II и Фридриху II, пришлось преодолеть большие трудности при согласовании "польской" политики. Прусский король не собирался ограничиваться ролью тылового прикрытия для России в ее отношениях с Австрией, Францией или Османской империей. Когда Екатерина еще колебалась в отношении вмешательства во внутривнутриполитическую борьбу в Польше, желая убедиться в том, не будет ли служить ее интересам усиление власти польского короля, что позволило бы ей использовать окрепшую Польшу в качестве партнера в "Северной системе", Фридрих II напомнил ей об их взаимном обязательстве препятствовать конституционным изменениям в Речи Посполитой, а также добиваться равноправия православных и протестантов с католиками¹²⁴.

Между тем Фридрих лестно и бесконечными любезностями старался увеличить расположение к себе императрицы. Екатерина же время от времени посылала своему "союзнику и другу" астраханские арбузы, виноград и прочие "фрукты", выражая радость по поводу того, что они "совершенную короля апробацию заслуживают"¹²⁵.

Еще до избрания Понятовского королем, но уже под его сильным влиянием в Польше в 1764 г. была введена "генеральная" поштина, на что Фридрих ответил созданием таможенной станции у прусского Мариенвердера на Нижней Висле. Благодаря этому он не только получал большие доходы от таможенных сборов, но и оказался в роли защитника Данцига и других городов в Польской Пруссии, которые в Варшавском сейме тщетно отстаивали свои торговые и пошлинные привилегии. Однако прусский король вынужден был согласиться с предложением Станислава II Августа сделать Екатерину II посредницей в этом споре и еще до начала третейского

¹²¹ Schieder Th. Op. cit., S. 240; Ritter G. Op. cit., S. 229; Scharf C. Op. cit., S. 374.

¹²² Mittenzwei I. Op. cit., S. 168; Scharf C. Op. cit., S. 375–377; Zernack K. Negative Polenpolitik..., S. 234; Askenazy S. Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894.

¹²³ Scharf C. Op. cit., S. 420.

¹²⁴ Beer A. Die erste Theilung Polens, Bd. I. Wien, 1873, S. 186f; Kaplan H.H. The First Partition of Poland. New York–London, 1962.

¹²⁵ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 37.

разбирательства закрыть свой таможенный пункт в Мариенвердере. Весной 1766 г. Екатерина вынесла свой вердикт, заставив польского короля отказаться от столь важного источника доходов. Этот инцидент еще раз продемонстрировал Фридриху господствующее положение России в Польше, что укрепило его в стремлении, как минимум, добиваться раздела сфер влияния в этой стране¹²⁶. Раздраженный происшедшим Фридрих в августе 1766 г. писал Сольмсу в Петербург: "Я, со своей стороны, никогда не возбуждал жалоб на большие пошлины, которыми в Петербурге обложили все, что из товаров приходило извне; ... по моему мнению, русским должно быть совершенно безразлично, какие распоряжения я отдаю в моей стране, и я думаю, что их довольно плохо устроило бы, если бы я когда-нибудь захотел вмешаться во внутренние учреждения Украины или других провинций их империи"¹²⁷.

В связи с заключением союзного трактата с Россией прусский король писал Екатерине II 12 мая 1764 г., что смотрит "на эту счастливую эпоху, как на основание и фундамент тесного союза, который навсегда будет существовать, если того угодно Богу, между двумя нациями", и обещал "поддерживать этот счастливый союз со всем усердием", на какое только способен, стараясь упреждать желания императрицы во всем, что будет от него зависеть¹²⁸. Однако Фридрих II повел себя крайне нелояльно в отношении своей союзницы, когда его правительство не только не содействовало распространению в Пруссии российского манифеста, приглашавшего иностранцев на очень выгодных условиях переселяться в Россию, но и отдало распоряжение никоим образом не пропускать через границу прусских подданных, желающих уехать на жительство в Россию. Об этом сообщил в Петербург князь Долгорукий, занявший после Репнина пост российского посланника при Берлинском дворе. Вскоре он получил строжайший выговор от императрицы за то, что рассказал английскому посланнику не только о русско-прусском союзном трактате 1764 г., но и о содержании секретной конвенции о Польше¹²⁹.

Окончание следует

---

¹²⁶ Там же, с. 38; *Scharf C.* Op. cit., S. 379–380.

¹²⁷ *Der König an den Legationsrat Grafen Solms in St. Petersburg. Potsdam, 6.VIII.1766. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen...*, S. 367.

¹²⁸ *Собрание Трактатов и Конвенций...*, т. VI, с. 34.

¹²⁹ Там же, с. 38.

С.Б. СЕМЕНОВ

ПАРАДОКС ДЖОНА УИЛКСА

Английский публицист, политик лорд-мэр Лондона Джон Уилкс (1727–1797) – одна из самых ярких и необычных фигур на политической сцене Британии 60-х годов XVIII в. Перипетии политической судьбы этого деятеля на протяжении целого десятилетия находились в центре внимания всей страны, а затем стали фактами национальной истории. Его имя было лозунгом широкого общественно-политического движения и символом борьбы за права и свободы англичан. Известность Уилкса выходила далеко за пределы Британских островов, а в популярности в самой Англии с ним мог соперничать разве только его знаменитый современник Уильям Питт-старший.

Все это было совершенно очевидно и вместе с тем – труднообъяснимо. Слишком много в Уилксе было такого, что выходило за рамки традиционных представлений о политике и политических деятелях. Он не имел ни аристократического происхождения, ни родовых поместий, ни обширных связей в парламенте и правительстве – ничего из того, что требовалось от политика, желающего преуспеть, но все же добился известности и влияния, которому мог бы позавидовать любой государственный деятель. Уилкс претендовал на роль лидера, но в нем полностью отсутствовали респектабельность и солидность, которые публика привыкла видеть у известных парламентариев и министров. Он постоянно нарушал сложившиеся правила политической игры, обращаясь за поддержкой к тем, для кого в тогдашней политической жизни не было места. Совершенно вопиющим выглядело противоречие между его словами и поступками. Поэтому в истории остались диаметрально противоположные оценки Уилкса его современниками. Одни называли его беспринципным авантюристом, который играл на низменных инстинктах лондонской черни и возбуждал общественное недовольство в своекорыстных интересах. Другие, наоборот, провозглашали его истинным другом свободы, героическим борцом против тирании и произвола королевской администрации. Одни видели в нем вождя и трибуна, ведущего за собой массы; другие – марионетку в руках влиятельных группировок, несущегося по волнам политических конфликтов. В этих мнениях и оценках современников легко распознать отзвуки острой политической борьбы того времени, поэтому они так однозначны и категоричны. Однако и в исторической ретроспекции сложно дать Уилксу определенную оценку. Свидетельство тому – неослабевающий интерес историков к его личности, все новые и новые попытки определить его место и роль в событиях 60-х годов XVIII в. И здесь также самый широкий спектр оценок и мнений: начиная от резко отрицательных у представителей торийской историографии и кончая прямой апологией Уилкса у лейбористского историка Р. Постгейта¹. Последние биографические работы об Уилксе содержат более взвешенный подход и более объективные оценки, однако оставляют поле для продолжения историографической дискуссии².

¹ *Brougham H. Historical Sketches of Statesman who Flourished in the Time of George III, 3 v. London – Glasgow, 1855–1856; Postgate R. That Devil Wilkes. London, 1930.*

² *Trench Ch. Portrait of Patriot. A Biography of John Wilkes. London – Edinburgh, 1962; Williamson A. Wilkes: a Friend to Liberty. New York, 1974; Kronenberger L. The Extraordinary Mr. Wilks. His Life and Times. New York, 1974.* Отзвуки споров о Уилксе можно обнаружить и в отечественной историографии. Так, Л.А. Каверина называла Джона Уилкса "ловким дельцом и пройдохой", "бесцветной личностью", которая стала попучком народного движения, тогда как Л.А. Кертман считал его "одним из виднейших родоначальников радикализма". См.: Каверина Л.Е. Обострение классовых борьбы в Англии в начальный период промышленного переворота (60-е – начало 80-х годов XVIII века). Дисс. канд. наук. М., 1952, с. 214, 251; Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1968, с. 167.

Вряд ли Уилксу уделялось бы столь большое внимание в исторической науке, если бы с его именем не были неразрывно связаны первые этапы развития английского радикализма – значительного и по-своему замечательного явления в политической истории Великобритании второй половины XVIII в. Сама по себе история его злоключений могла бы стать в лучшем случае сюжетом для авантюрного романа или историко-психологического опуса, однако в контексте исследования радикального движения она приобретает особое значение. Некоторые специфические особенности раннего английского радикализма можно полнее осветить и понять только в связи с биографией Уилкса, который – вольно или невольно – сыграл значительную роль в возникновении и развитии движения. И наоборот: решить парадокс Уилкса возможно лишь на основе изучения радикализма и его места в политической борьбе в Британии 60–70-х годов XVIII в.

Британия раньше других европейских стран встала на путь создания современной государственно-правовой системы и развития соответствующих демократических институтов. Едва ли не решающую роль в этом сложном и длительном процессе играла институционализация парламента, который одновременно являлся органом законодательной и представительной власти. В результате двух революций XVII в. парламента окончательно конституировался в первом качестве и на протяжении XVIII в. значительно расширил и укрепил свою прерогативу. В то же время его представительная функция не претерпела существенных изменений, сохранившись в том виде, в котором она сложилась еще до XVII в. Избирательным правом обладали только владельцы земельных наделов, платившие ежегодно не менее 40 шиллингов поземельного налога, и члены городских корпораций, некогда получившие королевские хартии на право посылать своих депутатов в парламента. Наличие "гнилых местечек" приводило к диспропорции в распределении избирательных округов и позволяло их патронам, аристократическим лендлордам, контролировать выборы. В этих условиях патронаж и подкупы избирателей стали обычным явлением политической жизни. Но главное заключалось в том, что архаическое законодательство автоматически исключало из числа избирателей увеличивающееся сельское население и жителей быстро растущих торгово-промышленных городов. И если парламента действительно превратился в высший орган государственной власти, то представительным органом он оставался лишь номинально.

Такое положение не удовлетворяло в первую очередь представителей торгово-промышленной буржуазии, фактически лишенной политических прав и доступа к власти. На основе этого недовольства и возникло требование парламентарской реформы, которое выдвинули радикалы. Помимо расширения электората они стремились к установлению контроля избирателей над депутатами, к тому, чтобы члены парламента стали действительными представителями избравшего их народа. Все эти требования нашли выражение в радикальной программе, которая окончательно оформилась в 1770-х годах. Добиться своих целей радикалы могли и хотели, только опираясь на поддержку широких масс, поэтому с самого начала движение приобрело форму демократической внепарламентарской оппозиции.

Радикальная программа парламентарской реформы была направлена на глубокое преобразование политической системы, и она намного опередила свое время. Ее основные положения были поэтапно реализованы лишь в XIX в. в ходе трех парламентарских реформ. Но потерпев собственную неудачу, радикалы 1770-х годов заложили основу долговременной исторической традиции в политической истории Великобритании и обозначили одно из генеральных направлений в ее развитии.

Так или иначе, Уилкс оказался у истоков движения, растянувшегося почти на полтора столетия и оказавшего значительное влияние на демократизацию политической системы. Поэтому его фигура вызывает интерес и с точки зрения исторической перспективы.

О детстве и юношеских годах Джона Уилкса известно мало³. Он родился 17 октября 1725 г. в Лондоне в семье винокура. Его отец, Израэл Уилкс, преуспевал в своем деле, пользовался уважением сограждан и имел возможность обеспечить неплохое будущее своим отпрыскам. Мать была убежденной пресвитерианкой и старалась воспитать детей в таком же духе. В семье было шестеро детей, но маленький Джон пользовался особым расположением родителей, которые связывали с ним свои честолюбивые надежды. Как и многие представители английской буржуазии, Израэл Уилкс мечтал о том, что его дети сумеют подняться вверх по социальной лестнице, и полагал, что именно Джону суждено стать истинным джентльменом.

Но для этого прежде всего необходимо было дать сыну хорошее образование. И отец, не считаясь с затратами, сначала отправил Джона в закрытый пансион в Хертфорде, а затем – в Лейденский университет, где в то время обучались дети из многих богатых и аристократических семей Британии. В Лейдене Джон проявил интерес к религиозной философии Э. Бакстера, посещал кружок агностиков барона П.А. Гольбаха и оттачивал природное остроумие на студенческих пирушках.

В Англию Уилкс-младший вернулся в 1746 г. Здесь заботливый отец уже побеспокоился о его дальнейшей судьбе. Вскоре после возвращения по настоянию родителей Джон женился на Мэри Мид, дочери друга семьи Уилксов. Мэри была некрасива и на десять лет старше своего юного супруга, зато в приданое получила поместье Эйлсбери в Бэкингэмшире с солидным годовым доходом. Это должно было составить основу безоблачного благополучия молодых и сразу же создавало им положение в обществе⁴.

Переехав с женой в Эйлсбери, Уилкс занялся модернизацией своего поместья и стал участвовать в деятельности органов местного самоуправления. Однако тихая и размеренная жизнь провинциального сквайра оказалась ему не по душе. Уилксу было скучно общество грубоватых и неотесанных соседей, которые не могли по достоинству оценить ни его образованности, ни остроумия, а масштабы провинции ему казались слишком узкими для его деятельной натуры. Он начал часто бывать в Лондоне и даже арендовал там дом, чтобы иметь постоянную резиденцию; он стал членом многочисленных клубов и проводил время в свое удовольствие. В это время одним из самых близких его друзей стал Томас Поттер – сын архиепископа Кентерберийского, прожигатель жизни и повеса, который не только руководил Уилксом во всех его похождениях, но и представил его одному из влиятельных парламентских лидеров лорду Темплу.

Это знакомство положило начало политической карьере Уилкса. Темпл занимал в правительстве пост лорда малой печати, находился в родственных отношениях с У. Питтгом-старшим, который был тогда статс-секретарем в правительстве Ньюкасла и располагал широкими связями и большим влиянием. Темпл принадлежал к узкому кругу людей, определявших политику Великобритании, и в его лице Уилкс на долгие годы приобрел надежного покровителя. Благодаря протекции лорда Темпла Уилкс сначала был назначен на пост шерифа в Бэкингеми, а затем в 1754 г. получил возможность выставить свою кандидатуру в парламент от местечка Бервик-на-Твиде в Северной Англии. Выступая перед избирателями, Уилкс обратился к ним со своей первой политической речью: "Я полностью осознаю превосходство конституции этой счастливой страны и приложу все силы для ее сохранения... Джентльмены, я явился сюда неподкупным и обещаю вам, что таким останусь навсегда. Я никогда не возьму взятки, я никогда ее не дам. У меня нет личных целей и моим единственным стремлением является служение моей стране"⁵. В этом заявлении, которое ничем не отли-

³ Наиболее подробно биография Джона Уилкса изложена в книге: *Bleackley H. Life of John Wilkes*. London, 1917.

⁴ Этот брак оказался несчастливым и завершился разводом в 1757 г. Но Уилкс оказался любящим отцом и на протяжении всей жизни сохранял трогательную привязанность к единственной дочери Полли.

⁵ *The Correspondence of the Late John Wilkes with his Friends*. Printed from the Original Manuscripts, in Which Are Introduced Me-Moires of His Life by John Almon, 5 v. London, 1805 (далее – *Wilkes's Correspondence*), v. I, p. 25–26.

чалось от предвыборных выступлений других кандидатов, было столько же патетики, сколько неправды. Подкуп избирателей был обычным явлением, и Уилксу пришлось истратить 3 тыс. ф.ст., чтобы получить их голоса. Этого, видимо, оказалось недостаточно, чтобы убедить выборщиков в стремлении Уилкса служить своей стране, и в парламент прошел другой кандидат, представлявший интересы влиятельного местного семейства.

Неудачный дебют не обескуражил Уилкса, и в 1757 г. он вновь принял участие в выборах в парламент от местечка Эйлсбери, где находилось его поместье. На этот раз все прошло успешно, и Уилкс стал членом палаты общин. Победа обошлась ему в 7 тыс. ф.ст. Ему пришлось залезть в долги, но зато теперь перед ним открылись новые широкие возможности. В 1761 г. он вновь был "переизбран" от Эйлсбери, получил пост офицера милиции, и уже хлопотал о том, чтобы занять вакантное место посла в Константинополе или стать губернатором вновь приобретенной провинции Квебек в Северной Америке. Казалось, что обаятельного и неглупого молодого человека ждала блестящая политическая карьера, но – увы! Вступление на престол в октябре 1760 г. короля Георга III обернулось для Уилкса крушением всех его честолюбивых надежд.

В отличие от предшественников из Ганноверской династии Георг III намеревался принимать активное участие в управлении страной. Воспитанный на идеях Болингброка о "короле-патриоте", он мечтал ослабить влияние вигской олигархии и править в интересах всей нации, а не узких партийных фракций. В Англии того времени у власти поочередно сменялись партии вигов и тори, представлявших интересы обуржуазившегося дворянства и финансово-промышленной буржуазии с одной стороны и высшей аристократии и верхушки англиканской церкви – с другой. Он и его фаворит лорд Бьют считали первоочередной политической задачей скорейшее завершение обременительной для Англии Семилетней войны. Это вызвало резкие возражения со стороны Питта-старшего, который вынужден был уйти в отставку; вместе с ним покинул свой правительственный пост и лорд Темпл. Таким образом, Уилкс, с самого начала связавший себя с вигами, оказался вместе с ними в оппозиции.

Именно это обстоятельство побудило его к активной политической деятельности. В ноябре 1761 г. он впервые со времени своего избрания в парламент выступил в палате общин с большой речью в поддержку Питта и его политики. Но это выступление не произвело на палату особого впечатления: и потому, что большинство парламентариев действительно склонялось в пользу мира, и потому, что Уилксу не доставало ораторских талантов. Гораздо больший успех имел его памфлет "Замечания по поводу документов, касающихся разрыва с Испанией", опубликованный в начале 1762 г. Проявив мастерство незаурядного публициста, Уилкс изложил в нем принципиальную точку зрения Питта и Темпла на войну⁶. А в июне 1762 г. с согласия и при финансовой поддержке лорда Темпла Уилкс и его друг поэт Чарлз Черчилль приступили к изданию еженедельной газеты "Северный британец". Благодаря ей Уилкс вошел в историю.

Организаторы издания не рассчитывали на долгую жизнь своего проекта. Предполагалось выпустить несколько номеров, чтобы дать отповедь публикациям, защищавшим политику новой администрации лорда Бьюта. Эта цель определила вызывающий тон и скандальный характер газеты: не критика политического курса, а насмешки над членами правительства, спекуляции на популярных тогда антишотландских настроениях, пересказы дворцовых сплетен. Главным объектом нападок "Северного британца" стал сам лорд Бьют, который был шотландцем по происхождению и подозревался в связи с матерью молодого короля⁷.

Язвительные и бойкие статьи Уилкса завоевали его газете популярность, и чтобы укрепить ее, пришлось обратиться к более широкому кругу вопросов, находившихся в центре внимания публики и политиков. Одной из ведущих тем на страницах "Се-

⁶ Ibid., p. 66.

⁷ Подробнее см.: *Nobbe G. The North Briton. A Study in Political Propaganda.* New York, 1939.

верного британца" стал вопрос об окончании Семилетней войны и ее итогах. В ноябре 1762 г. с Францией был заключен прелиминарный мирный договор, вызвавший большое неудовольствие в Англии. Уилкс подверг острой критике условия этого договора, который, по его мнению, возвращал Франции завоеванные территории без достаточной компенсации, позволяя ей таким образом сохранить свои торговые позиции и восстановить со временем морскую мощь. При этом Уилкс постоянно подчеркивал, что договор заключен не англичанином, а шотландским пэром, фаворитом, действовавшим в своекорыстных интересах в ущерб Британии⁸.

После того, как военная тематика была исчерпана, Уилкс перешел к обсуждению финансовой политики правительства. Не особо вдаваясь в тонкости дел казначейства, он обрушился на администрацию за то, что она, снижая налоги на землевладельцев, перекладывала бремя на фермеров и купцов, а своей политикой займов содействовала обогащению финансовой верхушки за счет широких кругов предпринимателей. При этом главную причину всех зол и пагубных для Англии перемен в политике он видел в самовластии администрации и расширении королевской прерогативы. Он искал аналогии с периодом реставрации Стюартов, когда конституционный баланс был нарушен в пользу короны, и пугал своих читателей страшной перспективой возрождения королевского произвола. Поэтому, писал Уилкс, "оппозиция становится обязанностью каждого честного человека и всякого, кто искренне любит эту страну"⁹.

Таким образом, из бульварной газеты "Северный британец" постепенно стал одним из главных печатных органов оппозиции. Вигских лидеров, правда, несколько смущал слишком дерзкий по отношению к власти тон некоторых статей, но многие из них вслед за герцогом Девонширом считали газету Уилкса "жизнью и душой оппозиции"¹⁰. В то же время публикации в "Северном британце" вполне отвечали настроениям значительной части торгово-промышленных кругов, недовольных переменами в правительстве и его политическим курсом. Уилкс прямо указывал на свою солидарность с интересами буржуазии, когда писал: "Я должен заметить, что купечество Лондона проявляет гораздо большее понимание истинных интересов этой страны, чем все министры вместе взятые"¹¹. Очень скоро "Северный британец" стал одной из самых популярных газет в лондонских кофейнях.

В апреле 1763 г. ушел в отставку лорд Бьют, и Уилкс мог поздравить себя с первой политической победой: одной из главных причин отставки Бьют называл свою непопулярность¹², а "Северный британец" и его редактор более кого-либо сделали для нагнетания антибьютовских настроений. Однако курс правительства, которое теперь возглавил Джордж Гренвилл, не изменился. Об этом свидетельствовала тронная речь Георга III на открытии очередной сессии парламента. Ей и была посвящена статья Уилкса в очередном (№ 45) выпуске "Северного британца", опубликованном 23 апреля, которая явилась прологом к серии драматических событий, будораживших Англию на протяжении нескольких лет.

В тексте статьи не содержалось ничего экстраординарного: она была полна презренных нападок на мир с Францией, на финансовые мероприятия правительства и обвиняла фаворита Бьюта в стремлении подорвать английскую свободу и править страной "железной рукой"¹³. Предвидя возможные обвинения, автор специально оговаривался, что его критика направлена не против короля, произнесшего речь, а против министров, которые эту речь подготовили. Однако эти самооправдания не помогли, поскольку правительство, давно искавшее повода расправиться с оппозиционным изданием, теперь решило примерно наказать его авторов. 26 апреля статс-секретарь лорд Хэлифакс подписал ордер на арест всех «авторов, редакторов и издателей

⁸ North Briton, 1763, № 18–28.

⁹ North Briton, 1763, № 30.

¹⁰ Цит. по: Rude G. Wilkes and Liberty. A Social Study of 1763 to 1774. Oxford, 1965, p. 21.

¹¹ North Briton, 1763, № 19.

¹² Correspondence of W. Pitt, Earl of Chatam. Ed. by W. Taylor, 4 v. London, 1838–1840, v. II, p. 219.

¹³ North Briton, 1763, № 45.

мятежной и изменнической газеты "Северный британец" за № 45»¹⁴. В порядке не указывались имена лиц, подлежащих аресту, как того требовала обычная судебная процедура. В течение трех дней по делу "Северного британца" было арестовано 48 человек, причем один из них, Уилкс, был членом палаты общин и обладал правом парламентской неприкосновенности. Несмотря на это, в его доме был устроен обыск, сам он арестован и доставлен в Тауэр.

Начиная это дело, администрация рассчитывала нанести удар по оппозиции, но она не ожидала столь нежелательных для себя последствий. Вест об аресте Уилкса быстро разнеслась по Лондону; в Тауэре его демонстративно посетили вигские лидеры, а когда 3 мая Уилкс был доставлен на суд в Вестминстер-холл, зал был полон. Выступление Уилкса было выслушано с сочувственным вниманием, особенно когда он заявил: "Сегодня в моем деле должен окончательно решиться вопрос о свободе всех пэров и джентльменов и, что касается меня более ощутимо, всех людей низших и средних сословий, которые особенно нуждаются в защите – вопрос столь важный, что сразу станет ясно: является ли английская свобода реальностью или тенью"¹⁵. А когда 6 мая судья Пратт вынес ему оправдательный приговор на том основании, что, будучи членом парламента, Уилкс пользовался привилегией, защищавшей его от выдвинутого обвинения в клевете, толпа, собравшаяся у здания суда, криками "Уилкс и свобода!" выразила свое полное одобрение и поддержку. Вечером того же дня лондонцы отпраздновали это событие кострами и иллюминацией¹⁶.

В один день из анонимного редактора оппозиционной газеты Уилкс превратился в известного всей столице "друга свободы". В глазах общественного мнения он предстал как жертва произвола и самоуправства министров, готовых нарушить закон и поставить себе на службу конституцию ради укрепления собственных позиций. На его стороне была поддержка вигской оппозиции, тут же решившей использовать дело "Северного британца" и симпатии торгово-промышленных кругов Англии для атаки на правительство в парламенте. Уилкс быстро проникся значительностью своей миссии, без ложной скромности причисляя себя к тем немногим англичанам, которые готовы защищать свободу и конституцию своей страны¹⁷. Желая извлечь из своей популярности материальные выгоды, он решил переиздать для продажи все сорок пять номеров газеты и установил для этого в своем доме печатный станок. Кроме того, выдвинул судебный иск против статс-секретарей и полицейских чиновников, обвинив их в незаконном аресте и обыске своего дома.

Между тем правительство, обеспокоенное взрывом массового энтузиазма в поддержку "Уилкса и свободы", поспешило убрать главного героя с политической сцены и не дать движению распространиться. Повод для этого предоставил он сам. Пока комплект номеров "Северного британца" готовился к печати, Уилкс отпечатал в своей типографии непристойную пародию на поэму умершего в 1744 г. поэта А. Попа "Эссе о женщине", сделав ее героиней известную лондонскую проститутку. Экземпляр этого издания, предназначавшегося для узкого круга друзей Уилкса, попал в руки правительственных чиновников. Впоследствии Уилкс утверждал, что, если бы не "Северный британец", никто бы не поднял вопроса о его пародии. Теперь же администрация получила реальную возможность скомпрометировать "друга свободы" и подорвать его росшую популярность.

15 ноября 1763 г. возобновились заседания парламента. В ходе бурных дебатов, продолжавшихся до двух часов ночи, оппозиция обвиняла правительство в нарушении прав личности и парламентских привилегий в деле Уилкса, однако палата общин большинством голосов – 273 против 111 – признала № 45 "Северного британца" "лживой, скандальной и изменнической клеветой, содержащей бесприммерно наглые и оскорбительные выражения по отношению к его величеству, величайшее неуважение

¹⁴ Wilkes's Correspondence, v. I, p. 97.

¹⁵ Ibid., p. 116.

¹⁶ Gentlemen's Magazine, 1763, p. 243.

¹⁷ The Grenville Papers. Ed. by W.J. Smith, 4 v. London, 1852–1853, v. II, p. 50, 70, 82.

к обеим палатам парламента и в высшей степени дерзкий вызов представительной власти в целом". Было принято решение о публичном сожжении газеты. В тот же день лорд Сэндвич зачитал отрывки из "Эссе о женщине" перед палатой лордов, которая не отказала себе в удовольствии выслушать их до конца, а затем осудила пародию как "весьма скандальную, непристойную и бесстыдную клевету"¹⁸. Но и это было еще не все.

Во время дискуссии в палате общин некто Сэмюэл Мартин выступил с речью, сохранившей ряд личных оскорблений в адрес Уилкса. Состоялась дуэль, и Уилкс был тяжело ранен¹⁹. А пока он находился в постели, палата общин 23 ноября 1763 г. приняла решение, что "привилегии парламента не распространяются на случаи написания и публикации скандальной клеветы", и, следовательно, вопрос об исключении Уилкса из членов парламента был предрешен. "Никто... не выразил желанья защищать его", – писал после этого заседания королю лорд Хэлифакс²⁰. Виги, эпатированные "бесстыдством" Уилкса, поспешили отступить от недавнего союзника. Самый же тяжелый удар Уилксу нанес его недавний кумир Уильям Питт, который заявил, что он "не имеет никакого отношения к подобного рода писакам" и что Уилкс, "этот богохульник и клеветник... недостойн занимать место среди людей"²¹. Теперь, лишенный всякого покровительства, Уилкс остался один на один с администрацией и враждебным парламентом.

Однако он мог найти поддержку за стенами парламента, среди "людей средних и низших сословий", к которым он обращал свою речь на суде. Об этом свидетельствовали события в Лондоне 3 декабря 1763 г., когда должно было состояться публичное сожжение тиража газеты. «Громадная толпа, – сообщал "Эннюэл реджистер", – собравшаяся здесь, не только забросала отбросами и грязью палача, констеблей и младших офицеров, но и оскорбляла присутствовавших высших членов самым грубым образом; поленом, выхваченным из костра, разложенного для сожжения "Северного британца", было разбито переднее стекло кареты г-на Харли, главного шерифа и члена парламента от лондонского Сити. Г-н Харли, будучи легко ранен и обнаружив царивший вокруг дух распушенности, поспешил к дому лорд-мэра, чтобы известить мэра об опасности. Палач, рассудив, что его долг следовать за шерифом, также ретировался со всей поспешностью, на которую оказался способен; констебли... смешались с толпой и скрылись без всяких помех. Тем не менее ... в результате рвения достойных офицеров, один из мятежников был схвачен, а "Северный британец" частично сожжен. Остатки его, выхваченные из огня... с триумфом были вынесены и вечером выставлены у Темпл-Бар, где под одобрительные возгласы множества народа был разведен костер и вместо "Северного британца" брошен в огонь большой сюртук (символ лорда Бьюта. – С. С.)»²². Палата общин вынесла благодарность шерифу Харли за исполнение долга и защиту части магистрата. В то же время муниципальный совет Лондона отказался одобрить эту резолюцию парламента, и таким образом торгово-промышленные круги Лондона проявили к делу Уилкса и случившимся волнениям по крайней мере благожелательный нейтралитет. Но "друг свободы" не был готов к тому, чтобы стать "другом народа", и не воспользовался благоприятной ситуацией.

А вскоре накануне рождества Уилкс покинул Англию и отправился в Париж. По его словам, целью этой поездки было завершение курса лечения и свидание с дочерью

¹⁸ *Cobbett W. The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803. Ed. W. Cobbett, 36 v. London, 1806–1820, v. XV, cols. 1359, 1356–1357.*

¹⁹ Неясные обстоятельства этого дела позволяют предполагать попытку политического "убийства". Во всяком случае, так считал Х. Уолпол и многие разделяли его мнение: См. *Walpole H. Memoirs of the Reign of King George the Third, 4 v. London, 1845, v. I. p. 252.*

²⁰ *The Correspondence of King George III from 1760 to December 1783. Ed. by Sir J. Fortescue, 6 v. London, 1927–1928, v. I, № 29.*

²¹ *The Parliamentary History of England, v. XV, col. 1364.*

²² *Annual Register for the Year 1763, p. 144.*

Полли, пока парламент был распущен на рождественские праздники. Вполне возможно, что Уилкс собирался вернуться и до конца отстаивать свое дело, но очень уж этот несвоевременный отъезд был похож на бегство. Как бы то ни было, когда парламентские заседания возобновились, Уилкс в связи с ухудшением здоровья задержался во Франции, а тем временем 20 января 1764 г. палата общин исключила его из своего состава. 20 февраля суд королевской скамьи во главе с Верховным судьей Мэнсфилдом признал Уилкса виновным в клевете и издал приказ о его аресте. Возвращение в Англию, где, по его словам, ждали преследования врагов, равнодушие и пренебрежение друзей²³, стало для него невозможным.

Впервые с начала своих злоключений Уилкс растерялся. В его письмах, относящихся к этому времени, робкие надежды на прощение и даже готовность примириться с правительством постепенно уступали место отчаянию и осознанию того факта, что он находится в "пожизненной ссылке"²⁴. Особенно эти настроения усилились после того, как до него дошли сведения, что 1 ноября 1764 г. суд королевской скамьи объявил его вне закона и постановил конфисковать все его имущество. Уилкс пытался найти утешение в путешествии по Европе, в работе над многотомной историей Англии, дописать которую у него не хватало терпения и усидчивости, и с неослабевающим вниманием следил за событиями по другую сторону Ла-Манша. А из Англии приходили обнадеживающие новости.

В июле 1765 г. было сформировано вигское правительство во главе с маркизом Рокингэмом. Виги провели через парламент решение о незаконности применения ордера на арест в деле Уилкса, и он решил, что с помощью своих бывших покровителей сможет добиться реабилитации. Но в ответ на его многочисленные просьбы о возвращении последовал вежливый отказ и предложение о ежегодной пенсии в обмен на то, что он останется за границей. Виги, не желая связывать себя со скандальным именем Уилкса и, напуганные массовой поддержкой, оказанной ему лондонским населением, предпочитали откупиться от него. Для вигских аристократов Уилкс был и оставался "парвеню" – выскочкой из третьего сословия. Характерна презрительная снисходительность и неприязнь, с которой писал об Уилксе Уолпол: "Он был из плебейской семьи... Несдержанному ни в поведении, ни в беседе, ему позволяют проявлять больше остроумия, чем он на самом деле обладает. Он говорил холодно и скудно, хотя и с нахальством; его манеры были скверные и выражение лица отталкивающее"²⁵. Вероятно, и раньше Уилксу приходилось чувствовать подобное отношение к себе, но впервые ему указали на место отслужившего свой срок лакея. Это вывело Уилкса из себя. В его письмах появились угрожающие ноты: "Если министры не могут найти мне применения, я сам готов доставить им некоторые хлопоты"²⁶.

Новые перемены в английском правительстве на недолгое время возродили его надежды. В июле 1766 г. на смену правительству Рокингэма пришел кабинет Грэфтона, фактическим главой которого был Уильям Питт, к тому времени уже – лорд Чатэм. В октябре Уилкс "тайно" – в Дувре его встречали под звон колоколов и приветственные клики толпы – прибыл в Англию и обратился с письмом к канцлеру казначейства лорду Грэфтону. Последний через третьих лиц передал Уилксу, что с вопросом о прощении ему следует обратиться к лорду Чатэму. Унизиться до этого Уилкс не захотел. Раздосадованный и обозленный, он вернулся в Париж, где дал выход своим чувствам в одном из самых желчных и язвительных своих сочинений – "Письме к Грэфтону"²⁷. Полное личных нападок на Грэфтона и Чатэма, это письмо было опубликовано в Англии и еще раз напомнило там о существовании "друга свободы". Но это могло стать Уилксу лишь слабым утешением в его положении

²³ Wilkes's Correspondence, v. II, p. 52.

²⁴ Ibid., p. 57.

²⁵ Walpole H. Memoirs, v. I, p. 179–180.

²⁶ Wilkes's Correspondence, v. II, p. 218.

²⁷ Ibid., p. 184–196.

политического изгнанника. Хуже всего дело обстояло с деньгами. Уилкс старался жить экономно, но с его привычками это не сочеталось, и если в Британии его ждала тюрьма за "дело свободы", то во Франции кредиторы грозили ему долговой ямой. И Уилкс решил вернуться на родину.

Главная причина возвращения заключалась не в этом. Постоянные неудачи добиться прощения со стороны министров заставляли искать других путей реабилитации. Приходилось рассчитывать на свои силы, а также на помощь тех, кто так горячо поддерживал его в памятном 1763 г. В начале 1768 г. должны были состояться очередные парламентские выборы, и Уилкс решил выставить свою кандидатуру, стать членом палаты общин и восстановить таким образом справедливость.

6 февраля 1768 г. он вернулся в Лондон. Используя последний шанс получить прощение, он отправил личное письмо Георгу III, в котором слова грубой лести сопровождалась заверениями в невинности и обвинениями в адрес "некоторых прежних министров"²⁸. Ответа не последовало, и сцена возвращения блудного сына не состоялась. Уилкс немедленно выставил свою кандидатуру от лондонского Сити, отклонив великодушное предложение лорда Темпла избираться от одного из его карманных местечек, где успех на выборах был гарантирован. Уилксу был нужен громкий реванш, и добиться его он хотел сам.

Каждый день он появлялся на предвыборных собраниях, администрация не чинила тому никаких препятствий; возможно, потому, что опасалась лишний раз возбуждать общественное недовольство накануне выборов. 16 марта 1768 г. он выступил перед избирателями с речью, в которой заявил: "Я стою перед вами, джентльмены, как частное лицо, не связанный с великими мира сего и не поддерживаемый никакой партией. Я не имею никакой поддержки, кроме вашей, да я и не желаю никакой иной поддержки. Кроме нее я не могу иметь ничего более определенного и почетного"²⁹. Это расчетливо-искреннее выступление лондонские избиратели, большинство из которых являлись представителями мелкой и средней буржуазии, встретили с энтузиазмом, но победу на выборах одержали известные деятели Сити У. Бэкфорд и В. Трекотик. "Независимый" кандидат Уилкс набрал 1247 голосов (Бэкфорд – 3729, Трекотик – 3678).

Результаты выборов в Лондоне не обескуражили Уилкса, а только укрепили его решимость. Он тут же выступил кандидатом от столичного графства Мидлсекс. Выборы проходили 28 марта и являли весьма живописную картину. Громадные толпы сторонников Уилкса с голубыми кокардами на шляпах, на которых было написано "Уилкс" и "№ 45", устроили грандиозную процессию к месту голосования. Они не пропускали ни одного человека без этих знаков отличия и разбили карету одного из кандидатов. Некоторые, сменив одежду, пытались проголосовать дважды. Когда были подведены итоги, оказалось, что Уилкс набрал подавляющее большинство голосов: 5292 против 827 и 807 у двух других кандидатов³⁰.

Вечером того же дня в Лондоне и Мидлсексе происходило нечто невообразимое. Победа "друга свободы" на выборах вызвала взрыв массового ликования. Казалось, весь город впал в состояние коллективного помешательства. Двери и стены домов, все проезжавшие кареты были испещрены магическими цифрами "45". Такую же надпись обнаружил на подошвах своих башмаков австрийский посол, которого толпа вытащила из кареты, когда он имел несчастье проезжать по улице. На каждом углу толпы "уилкитов" славил "Уилкса и свободу", заставляя всех проходивших и проезжавших мимо скандировать вместе с ними. Подверглись нападению дома нескольких сановников. Одного из них, герцога Нортумберленда, заставили вынести ликер и выпить с народом за здоровье и успех Уилкса. На протяжении нескольких дней после выборов 28 марта по ночам в Лондоне было светло как днем, поскольку весь город

²⁸ Ibid., v. III, p. 263–264.

²⁹ Ibid., p. 267.

³⁰ Annual Register for the Year 1768, p. 86; *Walpole H. Memoirs*, v. III, p. 186.

был иллюминирован, и толпа забрасывала камнями все неосвещенные окна. Будущий президент США Б. Франклин, находившийся в эти дни в Лондоне, со свойственной американцам страстью к цифрам, подсчитал, что празднование победы Уилкса обошлось лондонцам по меньшей мере в 50 тыс. ф.ст. – именно столько, по его мнению, они истратили на свечи для иллюминации³¹.

Ошеломляющий успех Уилкса только на первый взгляд выглядел неожиданным. Обстановка в Англии накануне его возвращения была неспокойной. Неустойчивое финансовое положение, колебания политического курса и междоусобная борьба в парламенте и правительстве, неослабевающий рост политической коррупции, ухудшение отношений с североамериканскими колониями, негативно отразившееся на британской торговле и промышленности, – все это подрывало авторитет власти, вызывало недовольство со стороны торгово-промышленной буржуазии и создавало основу для формирования радикальной внепарламентской оппозиции. Неблагополучное социально-экономическое положение трудящихся, рост цен и налогов побуждали их к постоянным выступлениям, наиболее мощными из которых были голодные бунты 1764–1766 гг. В этой обстановке возвращение Уилкса стало поводом к тому, чтобы давно копившееся раздражение приняло открытую форму. Те, кто отдали за него голоса на выборах, и те, кто чествовал Уилкса на лондонских улицах, представляли разнородные социальные группы, но для всех них Уилкс стал символом протеста против правительственной политики последних лет. Однако ни тогда, ни позже у Уилкса не было сколь-нибудь вразумительной политической программы. Он ничего не обещал, ничего не предлагал; он лишь представил себя перед публикой в роли жертвы несправедливости и произвола властей, и этого оказалось достаточно, чтобы добиться поддержки и успеха.

Понимая, что массовый энтузиазм под лозунгом "Уилкс и свобода" дает ему единственную возможность выиграть дуэль с правительством, Уилкс в то же время был далек от того, чтобы отождествлять себя со своими шумными сторонниками. Характерный эпизод произошел 28 марта, когда, обратив внимание другого кандидата на толпы собравшихся, он заметил: "Интересно, кого здесь больше: дураков или мошенников?". А на угрозу противников сообщить присутствовавшим эти слова, нимало не смутившись заметил, что объявит это ложью и народ ему поверит³².

А события тем временем продолжали стремительно развиваться. Желая соблюсти законность и снять с себя обвинения четырехлетней давности, Уилкс сам предстал перед судом для пересмотра своего дела. Суд приговорил его к денежному штрафу в 1000 ф.ст. и 22-месячному заключению за переиздание "Северного британца" и публикацию "Эссе о женщине". 27 апреля, когда он в сопровождении полицейского инспектора в карете направлялся в тюрьму, громадная толпа остановила карету через город к одной из таверн в Спиталфилзе. Собравшиеся здесь единодушно решили защищать свободу своего кумира. Ситуация была такова, что Уилкс, пожелай он того, вероятно, мог бы поднять на восстание всю столицу и диктовать правительству свои условия. "У черни не было другого героя, кроме Уилкса", – писал в эти дни философ и публицист, будущий лидер вигов Э. Берк³³. Однако "герой", воспользовавшись наступлением темноты, выбрался из таверны и самолично явился в тюрьму! Об этом уважении к закону, за которое он удостоился похвалы от лорда Темпла, Уилкс неоднократно напоминал в дальнейшем.

10 мая, в день открытия вновь избранного парламента, массы народа собрались у здания королевской тюрьмы, чтобы приветствовать Уилкса и сопровождать его в

³¹ Annual Register for the Year 1768, p. 86; Calendar of Home Office Papers of the Reign of George III. Ed. by J. Redington, 4 v. London, 1878–1881, v. III, p. 352; The Works of Benjamin Franklin. Ed. by J. Sparks, 10 v. Boston, 1844, v. VII, p. 400–402.

³² См. *Brougham H.* Historical Sketches, v. I, p. 187.

³³ The Correspondence of Edmund Burks, Ed. by Th. W. Copeland, 9 v. Cambridge – Chicago, 1958–1970, I, v. I, p. 349.

Вестминстер. К полудню собралось около 20 тыс. человек. Народ пытался разбить ворота тюрьмы, чтобы освободить Уилкса; несколько матросов с этой же целью выламывали решетки на окнах его камеры. Когда были вызваны войска и зачитан акт о мятежах, толпа ответила насмешками и градом камней. Тогда солдаты открыли огонь. Несколько человек были убиты, многие ранены. Это событие в Лондоне немедленно окрестили "бойней на полях Св. Георгия"³⁴.

Уилкс по-своему отреагировал на эти события. 10 мая из окон тюрьмы он призвал толпу разойтись и соблюдать закон и порядок. Когда же "бойня на полях Св. Георгия" произошла, он опубликовал в газетах два попадания к нему секретных письма статс-секретаря Веймуота и военного министра Баррингтона и сопроводил их комментариями, из которых становилось ясно, что правительство заранее готовило вооруженную расправу с народом. В эти же дни в лондонских газетах появилось его открытое письмо избирателям Мидлсекса, в котором Уилкс предупреждал о намерении администрации вновь исключить его из парламента, и памфлет "Бесчеловечная бойня на полях Св. Георгия". Таким образом, отказавшись от роли народного лидера, он сохранил за собой репутацию "друга свободы". Своими публикациями он будоражил общественное мнение, поддерживая в нем дух недовольства и сопротивления, и в то же время направлял его в определенное русло. Из стихийно возникшего движения в защиту "Уилкса и свободы" он стремился извлечь для себя максимальную выгоду. Но плебейским методом борьбы он явно предпочитал конституционные и, настаивая на восстановлении своих законных прав, стремился опираться на закон. В этом с ним были солидарны представители торгово-промышленной буржуазии Лондона, которые в благодарность за эти и прошлые его заслуги в начале января 1769 г. избрали Уилкса олддерменом Фэррингтона – одного из крупнейших лондонских округов.

Правительство было в растерянности. Мнения членов кабинета разделились. Одни, и среди них – лорд-канцлер казначейства Грэфтон, считали разумным прекратить дальнейшие преследования Уилкса, дабы не провоцировать новых выступлений. Его поддерживал лорд Кэмден, который еще недавно настаивал на осуждении и наказании Уилкса и выражал уверенность, что "этот джентльмен очень скоро потеряет свою популярность". Теперь он изменил мнение. Дело Уилкса, писал он лорду Грэфтону в начале января, "становится серьезнее с каждым днем... Это – гидра, которая умножается от противодействия и приобретает силу от каждой попытки подчинить ее"³⁵. Действительно, уилксомания охватывала все более широкие слои населения. Даже в стенах Сент-Джеймского дворца Уилкс имел своих сторонников. Можно представить себе изумление Георга III, когда его младшие сыновья ворвались в королевский кабинет с криками: "Уилкс и № 45 раз и навсегда!"³⁶.

Большинство членов правительства, и их поддерживал король, настаивали на немедленном исключении Уилкса из парламента. Пытаясь найти компромисс, лорд Грэфтон через доверенных лиц обратился к Уилксу с предложением отказаться от публичных выступлений в обмен на сохранение за ним места в палате общин. Однако Уилкс, который еще два года назад был готов пожертвовать многим ради прощения, ответил отказом. Он уже добился триумфа, который компенсировал его унижения и обиды последних лет; он видел за собой силу, превосходившую своей мощью правительство и парламента, и был уверен в успехе своего дела, поэтому даже очевидность предстоявшего исключения из парламента не пугала его.

3 февраля 1769 г. палата общин большинством голосов приняла решение о лишении Уилкса депутатского мандата. А вслед за этим началось своеобразное соревнование в упорстве между избирателями Мидлсекса и нижней палатой парламента.

³⁴ Annual Register for the Year 1768, p. 61, 112–123, 151; Gentlemen's Magazine, 1768, p. 242, 243.

³⁵ Campbell J. Lives of the Lord Chancellors and Keepers of the Great Seal of England, 10 v. London, 1856–1857, v. VI, p. 390, 397.

³⁶ См. Kent C. The English Radicals. An Historical Sketch. London–New York, 1899, p. 42. Если верить У. Теккерей, одним из этих "уилкитов" был будущий король Георг IV. – См. Теккерей У. Сочинения, в 12 тт. М., 1974–1979, т. II, с. 593.

16 февраля Уилкс вновь был избран депутатом от Мидлсекса и вновь исключен палатой общин. Решение об исключении сопровождалось резолюцией, что "господин Уилкс лишается права быть избранным в данный парламент"³⁷. Новые выборы состоялись 16 марта, и легко было предугадать их итог. Уилкс был избран, исключен, и назначены новые выборы, которые прошли 13 апреля. На этот раз соперником Уилкса выступил правительственный кандидат Генри Латтрел, которому удалось собрать всего лишь 296 голосов против 1143 у Уилкса. Пока в столице праздновали очередную победу "друга свободы", парламентарии бились над вопросом, как разорвать образовавшийся порочный круг. В результате 8 мая 1769 г. палата общин постановила, "что Генри Лоус Латтрел, эсквайр, должным образом избран рыцарем графства, чтобы представлять в данном парламенте графство Мидлсекс"³⁸. Это означало, что победителем на выборах был объявлен человек, набравший меньшинство голосов, и что палата общин присвоила себе право решать за избирателей, кто должен представлять их интересы в парламенте.

Беспрецедентное постановление палаты вызвало такое негодование, какое вряд ли кто-нибудь мог предположить. Вопреки надеждам парламентариев и министров на то, что это решение подведет черту в деле мидлсекских выборов, оно спровоцировало дальнейшее обострение борьбы, которая теперь вышла за рамки столицы и развернулась в общенациональном масштабе. Палата общин, подстрекаемая королевской администрацией, посягнула на принцип представительной власти, что затрагивало интересы всех избирателей Британии, и "если министерству будет дозволено указывать, – писал Уилкс, – кого фригольдеры (держатели земель. – С.С.) не должны избирать, то вслед за этим им начнут указывать, кого они должны избирать"³⁹.

На протяжении лета и осени 1769 г. во многих графствах, городах и местечках Англии были приняты петиции, содержавшие требования пересмотра парламентских решений, восстановления прав избирателей и защиты английских свобод от покушений со стороны администрации. Руководство и организацию этой кампании взяли на себя члены Общества защитников билля о правах, образованного в Лондоне в феврале 1769 г. Благодаря их усилиям петиционная кампания приобрела характер политической акции, в ходе которой была выработана программа, знаменовавшая появление в Англии новой политической силы – радикального движения. Главным требованием радикалов стала парламентская реформа, под которой они понимали сокращение срока парламентских полномочий, укрепление независимости палаты общин от исполнительной власти, модернизацию архаической избирательной системы и расширение избирательного права. И хотя дело Уилкса и мидлсекских выборов продолжало оставаться непосредственной целью движения, произошло смещение акцентов в его первоначальных лозунгах и установках. Имя Уилкса отошло на второй план, уступив место более общим политическим вопросам. Это не означало, что Уилкс был забыт. Находясь в тюрьме, он пожинал плоды популярности в виде многочисленных и дорогих презентов, дружественных посланий и визитов, а его освобождение из тюрьмы 17 апреля 1770 г. было отпраздновано массовыми манифестациями и традиционной иллюминацией. Но он потерял монополию в деле защиты "свободы", и теперь инициатива находилась в других руках.

Уилкс вышел из тюрьмы, когда в движении начали обнаруживаться признаки спада. Петиции остались без ответа, массовый энтузиазм пошел на убыль, и перед лидерами встал вопрос о целях и методах дальнейшей борьбы. Уилкс немедленно включился в движение, как бы доказывая, что он является не только его символом и лозунгом. На следующий день после освобождения он опубликовал свое "Обращение к джентльменам, духовенству и фригольдерам графства Мидлсекс", в котором выражал им благо-

³⁷ Wilker's Correspondence, v. IV, p. 56.

³⁸ Journals of the House of Commons, v. XXXII, p. 447, 451.

³⁹ Annual Register for the Year 1769, p. 74.

дарность за поддержку и обещал посвятить остаток своей жизни "защите законов и сохранению религиозных и гражданских свобод во всей Британской империи". В отличие от прежних публичных выступлений Уилкса "Обращение" в меньшей степени затрагивало обстоятельства его конфликта с парламентом и правительством и в большей – конституционно-правовые стороны "великой борьбы народа против узурпированной министрами власти". Более того, в нем содержалось прямое обвинение парламента в том, что он более не выражает интересы народа, нарушает конституцию и "основополагающие привилегии англичан" и, следовательно, не может считаться законной властью⁴⁰. Уилкс не выдвинул никаких новых идей и предложений, а лишь повторил в заостренной форме то, что уже содержалось в петициях. Но его обращение к избирателям Мидлсекса стало своеобразной политической декларацией, которой он заявил о своей солидарности с радикалами.

Казалось бы, самоличное Уилкса участие в радикальном движении должно было усилить последнее. Однако активное вмешательство "друга свободы" в деятельность Общества защитников билля о правах имело неожиданные негативные последствия. Уилкс, искренне считавший себя первопричиной всего движения и защиту своего дела – его главной целью, настаивал на том, чтобы Общество отстаивало его собственные политические и финансовые интересы. Поэтому, когда на одном из заседаний было принято решение оказать денежную поддержку издателю Бингли, пострадавшему за публикацию писем и памфлетов Уилкса, последний резко выступил против. Ряд членов во главе с Дж. Хорн-Туком, высказав возражение против попыток "превратить общество для реализации общих целей в комитет для исключительной выгоды одной персоны", вышли из состава Защитников билля о правах и организовались в новое Конституционное общество⁴¹. Этот раскол в январе 1771 г. и последовавшая публичная полемика Уилкса и Хорн-Тука, в которой они осыпали друг друга взаимными упреками, значительно ослабили радикальное движение.

Но всего через несколько недель после этого, словно для того, чтобы снять с себя обвинения в корыстолюбии и эгоизме, Уилкс принял активное участие в "деле издателей", которое вновь могло обеспечить ему место в тюрьме.

В начале марта 1771 г. палата общин затеяла судебное преследование против двух лондонских издателей Томпсона и Уэбля, нарушивших стародавний запрет на публикацию парламентских дебатов в прессе. Поскольку издатели скрылись, администрацией была назначена награда за их поимку; и один из работников Уэбля, соблазнившись деньгами, доставил его в лондонский магистрат. Уилкс, который, будучи олдерманом Фэррингтона, являлся членом магистрата, освободил Уэбля на том основании, что он как житель Лондона может быть арестован только городским констеблем. Когда же за Уэблом явились посланные палатой общин чиновники, Уилкс, олдермен Оливер и лорд-мэр Лондона Б. Кроссби предъявили им обвинения в нарушении мира в столице. Это был прямой вызов властям, и именно так он был воспринят парламентом и королем. Лорд-мэр и Оливер были заключены в Тауэр. В то же время администрация благоразумно решила оставить в покое Уилкса, а Георг III выразил горячее желание "ничего больше не слышать об этом дьяволе Уилксе"⁴².

"Дело издателей", в котором Уилкс выступил защитником не только свободы печати, но и привилегий города Лондона, еще более укрепило его связи с буржуазными кругами столицы. Признанием его заслуг и свидетельством авторитета стало избрание Уилкса лондонским шерифом в июне 1771 г., а затем в сентябре 1774 г. – лорд-мэром Лондона. На этих постах неожиданно для многих он проявил себя энергичным и талантливым администратором. Как шериф он способствовал совершенствованию судопроизводства и улучшению содержания заключенных в столице; как лорд-мэр – добился резкого сокращения цен на хлеб, строго наказывал торговцев, которые

⁴⁰ Wilkes's Correspondence, v. IV, p. 15, 18.

⁴¹ Memoirs of John Horne Tooke. Ed. by A. Stephens, 2 v. London, 1813, v. I, p. 168.

⁴² Correspondence of W. Pitt, v. IV, p. 123.

обвешивали покупателей, очистил улицы от проституток и поддерживал деятельность рабочих гильдий. Однако нет никаких оснований представлять его реформатором-демократом, как это делают некоторые историки. Уилкс был избран торгово-промышленной буржуазией Лондона и теперь служил только ей. Его популярность среди широких слоев лондонского населения была по-прежнему высока, и его избрание лорд-мэром ознаменовалось новыми массовыми волнениями и манифестациями. Но их характер заметно изменился, как изменился сам характер популярности Уилкса. Элементы протеста и стихийного возмущения, столь заметные в выступлениях 1763 и 1768 гг., уступили место лояльной оппозиционности и мирным средствам выражения самого Уилкса, стремившихся направить народное движение в законное русло и придать ему конституционные формы. Поступая таким образом, Уилкс не изменял себе и своим представлениям. Для него конституционные права личности и дело свободы, за которое он вел борьбу, олицетворялись в нем самом и его деле. Он не без оснований полагал, что действия парламента и правительства против него являлись злоупотреблением властью, и видел главную причину этого в антиконституционном усилении королевской прерогативы и влияния королевской администрации на депутатов палаты общин. С этой точки зрения Уилкс был недалек от истины, когда утверждал, что его дело является делом каждого "свободного англичанина". В сложившейся ситуации оно получило общеполитическое значение и приобрело общезначимый смысл, что обеспечило ему массовую поддержку. Но Уилкс не был и не стремился казаться революционером. Он хотел добиться восстановления законности и справедливости законными средствами и потому постоянно осаживал своих слишком ретивых сторонников.

В то же время симпатии публики к Уилксу были обусловлены не только тем, что он стал жертвой и одновременно борцом против несправедливости, но и его положением аутсайдера по отношению к истеблишменту. Многие лидеры парламентской оппозиции, как и Уилкс, критиковали правительство и "тайное влияние" короны, но ни один из них не приобрел такой популярности. До тех пор, пока Уилкс находился вне политической системы, он мог открыто и честно апеллировать к тем, кто, как и он, был незащищен и уязвим. Он обращался к народу как равный к равным, и это вызывало ответное чувство солидарности и сопричастности. Избиратели, ущемленные в своих правах, торговцы и промышленники, лишенные доступа к власти, демократические массы, не имевшие своих интересов, – все они видели в Уилксе выразителя их интересов, независимого от внутрипарламентских и партийных влияний. Но по мере того, как Уилкс постепенно "включался во власть", его образ народного трибуна в общественном сознании размывался. Теперь он превращался в одного из многих представителей оппозиции, которые "от имени народа" вели борьбу против пороков и недостатков политической системы, но в рамках этой системы и в отрыве от народа.

В 1774 г. произошло событие, которое стало рубежом в политической карьере Уилкса – он стал членом парламента. В отличие от его первого избрания в 1757 г., когда в качестве "независимого" кандидата он купил голоса избирателей, теперь Уилкс выступил как представитель радикальной партии на основе ее предвыборной платформы. Она предусматривала обязательство кандидатов в случае избрания "честно и искренне прилагать все свои усилия" для проведения в жизнь парламентской реформы, для отмены всех репрессивных актов в отношении североамериканских колоний, а также обещание не занимать королевские синекуры и выполнять инструкции своих избирателей, которые впоследствии могут быть приняты⁴³. Уилкс вместе со своим другом и соратником Дж. Глинном подписали соответствующее обращение и, не имея соперников, были избраны депутатами парламента от графства Мидлсекс 2 декабря 1774 г. Уилкс вновь занял место в палате общин. На этот раз ни правительство, ни парламента не оказали ему никакого противодействия.

⁴³ The English Radical Tradition 1763–1914. Ed. by S. Maccoby. London, 1952, p. 25.

Добившись всего, к чему он так долго стремился, Уилкс, казалось, готов был перековать мечи на орала. Он прекратил публицистическую деятельность и прямые обращения к публике. Однако предсказания о том, что если оставить Уилкса в покое, он вскоре обратится в свое естественное состояние "тихого сенатора", о котором вряд ли найдешь упоминание в еженедельных газетах, сбылись лишь отчасти⁴⁴. Вместе с Уилксом в палату общин были избраны еще 12 депутатов-радикалов, которых он претенциозно окрестил "своими апостолами". Вопреки опасениям правительства они не смогли превратиться во влиятельную парламентскую фракцию, а Уилкс – видного парламентского лидера. Однако они не прекратили нападков на пороки политической системы и продолжали доставлять неприятности правительству попытками реализовать свои требования через парламент. Так, один из радикалов, Дж. Соубридж, на протяжении нескольких лет ежегодно вносил на рассмотрение палаты общин билль о сокращении срока парламентских полномочий. Сам Уилкс в марте 1776 г. произнес большую речь о парламентской реформе, в которой доказывал необходимость уничтожения "гнилых местечек" (обезлюдивших, но все еще представленных в палате общин деревень и графств), расширения представительства промышленных городов и всеобщего избирательного права. Выступая, он воспроизвел и сделал достоянием широкой общественности те идеи, которые обсуждались в радикальной публицистике и нашли отражение в документах радикального движения. Но теперь перед ним была аудитория, гораздо менее доброжелательная к делу свободы, чем рядовые избиратели и лондонская толпа. Все призывы депутатов-радикалов наталкивались на глухую стену отчуждения палаты общин и не находили в парламенте сочувственного отклика. Сложившаяся ситуация ясно показала, где и в ком заключалась действительная сила Уилкса и радикализма.

Нет, Уилкс вовсе не собирался быть "тихим сенатором". Война с североамериканскими колониями Великобритании дала ему возможность для новых атак на правительство и защиты свободы. Уилкс с энтузиазмом воспринял начавшуюся борьбу американцев и немедленно объявил себя "верным другом Америки". В условиях нагнетания антиамериканских настроений и шовинистической пропаганды в Британии это было мужественным шагом. По его мнению, конфликт в Северной Америке стал составной частью единого трансатлантического кризиса, охватившего всю Британскую империю. В его основе лежал "дух насилия, несправедливости и упрямства", царящий в английской администрации, а также действия парламента, "враждебные равно как правам англичан, так и требованиям американцев". Следствием этого стало покушение на английскую конституцию, на право и свободы английских подданных в метрополии и колониях со стороны деспотического правительства и продажного парламента⁴⁵. Выступления Уилкса снискали ему широкую известность по ту сторону океана. О нем писали американские газеты, высокую оценку его деятельности давали многие деятели американской революции, в его честь был назван небольшой городок в Пенсильвании – Уилксборо.

К концу 70-х годов XVIII в. политическая активность Уилкса постепенно ослабевает. Он старел, и его выступления становились более редкими и менее острыми. Включившись в политическую систему, Уилкс принял ее правила и все более проникнулся парламентской добропорядочностью. В 1779 г. он был избран на должность казначея в лондонском магистрате и целиком посвятил себя не особо обременительной и хорошо оплачиваемой работой. С печальной иронией Уилкс называл себя "потухшим вулканом", и это определение точно характеризовало итог его политической карьеры.

Но судьба подготовила ему еще одно, последнее испытание. В июне 1780 г. в Лондоне разразился "гордоновский бунт", направленный против католиков. Поводом к нему послужила представленная лордом Гордоном в парламент петиция против акта об освобождении католиков. В отличие от прежних массовых выступлений в столице,

⁴⁴ См. *Letters of Celebrated Junius*, 2 v. London, 1797, v. II, p. 18.

⁴⁵ *The Speeches of Mr. Wilkes to the House of Commons*. London, 1786, p. 67–68, 95, 107–109.

восстание имело ожесточенный и разрушительный характер. По всему городу толпы протестантов громили и жгли дома и часовни католиков, тюрьмы и административные здания. В Лондоне начались пожары; множество людей погибло. Городские власти, парализованные страхом, оказались не в состоянии прекратить беспорядки. Уилкс был одним из немногих, кто сохранил хладнокровие. По его приказу войска атаковали и рассеяли толпу, напавшую на здание Английского банка; а затем совместно с несколькими членами магистрата он организовал подавление восстания в других частях города. 10 июня восстание, продолжавшееся в течение недели, было подавлено, закон и порядок восстановлены⁴⁶.

Уилкс вновь оказался героем дня. Однако ирония судьбы заключалась в том, что героизм он проявил в борьбе против своих бывших сторонников – в буквальном и переносном смысле. Состав участников "гордоновского бунта" был традиционным для народных волнений в Лондоне во второй половине XVIII в.: плебс и мелкие собственники, поэтому легко предположить, что среди них могли оказаться ветераны выступлений за "Уилкса и свободу". Среди тех, кто вместе с лордом Гордоном представлял петицию, были соратники Уилкса по Обществу защитников билля о правах Брасс Кросби и Джон Соубридж. В ходе подавления восстания по личному распоряжению Уилкса был заключен в тюрьму один из его участников, некто Уильям Мур, издатель, который в свое время помогал Уилксу в издании "Северного британца"!

Несомненно, роль Уилкса в ходе "гордоновского бунта" выглядит двусмысленной и неприглядной с точки зрения общедемократических установок. Демократ всегда должен быть с народом – таков генеральный принцип, в измене которому обвиняли Уилкса некоторые современники и историки. Но Уилкс никогда не был демократом в этом смысле. Для него действия народа были оправданы только в том случае, когда их целью являлась защита гражданских и конституционных прав и когда они имели ненасильственный характер. В "гордоновских бунтовщиках" он видел толпу, несущую смерть и разрушение ради того, чтобы лишиться прав многочисленную группу граждан. Уилкс приказал стрелять в народ не потому, что больше не нуждался в его поддержке или диаметрально изменил свои взгляды, а потому, что теперь этот народ угрожал закону и порядку.

Среди многочисленных анекдотов об Уилксе известен такой. На закате своей политической карьеры на одном из официальных приемов он удостоился чести беседовать с королем Георгом III. Время сгладило прежние разногласия, хотя и не примирило их окончательно. Георг спросил Уилкса о Джоне Глинне, который незадолго до этого скончался. "О, ваше величество, – ответил Уилкс, – ведь он был уилкитом, а я им не был никогда".

Возможно, Уилкс говорил это искренне, и тем не менее он был не прав. Его личное отношение к происходившим вокруг него событиям представляется фактором второстепенным в оценке того движения, эпицентром которого он стал. Пусть Уилкс не считал себя уилкитом, но он сделал все возможное, чтобы лозунг "Уилкс и свобода!" стал боевым знаменем широкой внепарламентской оппозиции. Для его многочисленных сторонников было важно не то, о чем их кумир говорил в частных беседах, а то, с чем он обращался к широкой публике, как он вел себя в политических конфликтах. И здесь они с полным основанием отдавали должное его гражданскому мужеству, решительности и настойчивости.

Несомненно, Уилкс был демагогом, и Маркс справедливо писал о "знаменитом английском демагоге, который... грозил поколебать трон Георга III"⁴⁷. Своими выступлениями он возбуждал общественное недовольство и стимулировал подъем народного движения. Он был прагматик и циник, который использовал свою популярность для достижения личных целей. Он нуждался в народной поддержке,

⁴⁶ Подробнее см.: *De Castro J. The Gordon Riot. London, 1926.*

⁴⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 15, с. 415.*

поскольку в ней заключался залог его успеха. Однако в той ситуации его устремления и цели получили общественное значение и превратились в фактор политической борьбы. В этом была немалая заслуга самого Уилкса. Он постоянно внушал своим сторонникам убеждение в единстве и тождестве их общих интересов, и это соответствовало объективному положению вещей. В результате имя Уилкса превратилось в центр консолидации разнородных социальных и политических сил, которые составили ядро радикального движения.

Силою обстоятельств вознесенный на гребень радикальной волны, Уилкс пытался играть роль лидера движения, но для его организационного оформления и распространения он сделал очень мало. Нельзя назвать его и идеологом радикализма. Скорее, он был талантливым пропагандистом радикального движения, популяризатором его идей и принципов этого движения. Не приходится сомневаться в искренности его выступлений, направленных против парламента и правительства, в защиту свобод граждан и конституционного устройства страны. Но продолжая оставаться "другом свободы", Уилкс так и не стал до конца радикалом.

В то же время между ним и радикалами не существовало принципиальных разногласий по политическим вопросам, поэтому "парадокс Уилкса" был проявлением раннего английского радикализма и в целом его эпохи. В тех условиях Уилкс представлял собой новый для Англии тип политического деятеля – политика, который ищет поддержки за стенами парламента, использует демократические массы для достижения своих политических целей и который противостоит правящей верхушке. В этом смысле демагогия и цинизм Уилкса отражали мировоззрение английской буржуазии, начинавшей активную борьбу с аристократической олигархией за власть.

© 1997 г.

В. Г. ЗАБАЛУЕВ

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ 1871–1918 гг. В НЕМЕЦКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Германии после поражения в 1945 г. пришлось решать болезненный вопрос выработки нового отношения к своему прошлому. Переосмыслить следовало не только историю "третьего рейха", но и предшествовавшие события, в частности 1871–1918 гг., когда была создана, вступила в борьбу "за место под солнцем" и потерпела крах империя Гогенцоллернов.

После второй мировой войны немцам необходимо было по-новому осознать свое прошлое и создать систему преподавания истории, основанную на гуманистических и демократических принципах. Решить эту задачу было непросто. Вплоть до начала 1970-х годов история страны после 1933 г. в школах не преподавалась: считалось, что события времен гитлеровского правления и второй мировой войны еще слишком близки и остры, чтобы о них можно было выработать взвешенное суждение. Одновременно большое внимание отводилось и отводится выработке негативного отношения школьников к милитаризму, нацизму и любым формам тоталитаризма; успех в этом направлении оказался столь впечатляющим, что сегодня принято говорить о "комплексе вины" у западных немцев.

В 1995 г. в Германии насчитывалось 43 200 школ, а которых обучались почти 10 млн. учеников и работали 670 тыс. штатных преподавателей. Согласно статье 7 Основного закона и в соответствии с федеративным принципом государственного устройства система образования находится под контролем государства, преимущественно в компетенции земель ФРГ. Для каждого ребенка в возрасте от 6 до 18 лет предусмотрено обязательное посещение общеобразовательной школы с полной учебной неделей в течении девяти (в некоторых землях – десяти) лет, а затем – в рамках профтехобучения – профессиональной школы с неполной учебной неделей или какой-либо другой школы с полной учебной неделей. Обучение в государственных школах бесплатное.

В начальную школу дети ходят четыре года, а в федеральных землях Берлин и Бранденбург – шесть, после чего переходят в первую ступень общеобразовательной средней школы. Примерно треть – в так называемую основную школу, после которой в большинстве своем переходят в систему профтехобразования. Около 40% – в реальную школу, дающую образование второй ступени (аналог полного среднего образования). Еще треть идет в гимназию, дающую углубленное общее образование – обучение в ней продолжается девять лет с 5 до 13 класс, в новых федеральных землях, за исключением Бранденбурга, – по 12 класс. Учеба в старших классах гимназии

Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного автором на российско-германской конференции "Россия (1861–1917 гг.) и Германия (1871–1918 гг.). Две империи в историографии и школьных учебниках", состоявшейся в октябре 1996 г. в Москве. Информацию о конференции см.: Новая и новейшая история, 1997, № 4.

завершается сдачей экзамена по четырем предметам на аттестат зрелости, который дает право продолжить учебу в высшем учебном заведении любого профиля¹.

Учебные планы и программы вырабатываются в ФРГ земельными министерствами культов, которые рекомендуют для использования в преподавании те или иные пособия и учебники, как правило, сразу несколько, так что право выбора остается за учителем. Что касается истории, то, как и в России, она преподается, начиная со средних классов, но главным, обобщающим предметом общественно-исторического цикла является аналог нашего "Обществоведения" в старших классах.

Особенностью преподавания истории в немецких школах является то, что перед учителем, как отмечает немецкий исследователь Х. Ноак, более не ставится цель сообщить учащимся обширные фактологические знания по предмету. Тем самым место ознакомления с нормативно предопределенной картиной истории занимает формирование открытого для критического переосмысления, коррекции и развития исторического сознания². "Историческое сознание, – приводит Х. Ноак цитату из работы другого немецкого исследователя К.-Э. Яйсмана, – в большей степени, чем простое знание или чистый интерес к истории, схватывает взаимосвязь между истолкованием прошлого, пониманием настоящего и перспективным взглядом на будущее"³.

Х. Ноак называет следующие основные принципы преподавания истории:

– Немецкая история подается в переплетении регионального, национального и европейского контекстов.

– Отбор фактов ориентирован на современность. Причинно-следственная связь с сегодняшним днем может быть непосредственной, либо опосредованной.

– Последовательность тем, сменяющихся одна за другой с учетом различий в знаниях и способностях учащихся.

– Каждый тематический блок максимально ориентирован на актуальный познавательный горизонт школьников и школьниц.

– Политические, экономические, социальные, культурные и повседневно-бытовые аспекты истории излагаются в их взаимовлиянии и многослойности. При этом делается попытка в общих чертах отдать должное наиболее значительным и общепризнанным достижениям разных историографических направлений и школ.

– Отдельные события и процессы освещаются на основе различных источников и мировоззрений. Предлагаемые исторические интерпретации вступают в отношения конкуренции, поскольку исходят из разной постановки вопроса, различных концепций и методологии.

– Теории и методы излагаются не изолированно и односторонне. В подборе материала заложены многосторонние и многообразные возможности для ознакомления с методами исторического исследования⁴.

Таковы в идеале основы системы преподавания истории в ФРГ. Цель предлагаемой читателю статьи заключается в том, чтобы на базе анализа немецких школьных учебников истории охарактеризовать историографические и дидактические особенности преподавания истории Германской империи 1871–1918 гг. Для анализа выбраны девять школьных пособий по истории для средних учебных заведений различного типа, рекомендованных к преподаванию в 13 землях ФРГ:

– "Обзор всемирной истории, класс 8. Пособие для средней политехнической школы. От начала XIX в. до конца первой мировой войны" (Берлин, Бранденбург,

¹ Ленхардт Г. Школа на пути в XXI век. – Германия, политика, культура, экономика и наука, 1997, № 1, с. 51–53.

² Ноак Х. Что должен знать современный немецкий школьник о вильгельмианской эпохе? – Россия (1861–1917) и Германия (1871–1918). Две империи в историографии и школьных учебниках. М., 1997. (Цитируется по рукописи, подготовленной к изданию.)

³ Jeismann К.-Е. Geschichtsbewusstsein. – Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 44. 1993, № 11, S. 725–728.

⁴ Ноак Х. Указ. соч.

Мекленбург – Передняя Померания, Саксония, Саксония – Анхальт, Тюрингия; далее – 1)⁵;

– "История сегодня" (средняя школа – Гессен, Рейнланд–Пфальц, Саарланд); класс 8 (далее – 2а); класс 9 (далее – 2б)⁶;

– "Открывая историю" (средняя и реальная школа – Мекленбург–Передняя Померания, Бавария, Саксония – Анхальт, Тюрингия, далее – 3)⁷;

– "История и события" (профессиональные гимназии – Берлин, Бранденбург, Баден – Вюртемберг, Мекленбург – Передняя Померания, Нижняя Саксония, Саксония – Анхальт; далее – 4)⁸;

– "История в четырех томах. Том 3. От времени Просвещения до первой мировой войны" (издано в Баварии; далее – 5)⁹;

– "Пережитое. История. 8" (средняя школа – Бавария; далее – 6)¹⁰;

"Вспоминая и рассуждая. 9. История для Баварии" (Бавария, далее – 7)¹¹;

– "Открыть и понять. Книга по истории для реальных и общих школ" (средняя школа, гимназия, реальная школа, общая школа – Бранденбург, Бремен, Гессен, Мекленбург – Передняя Померания, Саксония, Шлезвиг – Гольштейн, Тюрингия; далее – 8)¹²;

– "История. 3. Новое время" (основная школа 5/6, средняя школа, реальная школа, гимназия – Берлин, Бранденбург, Гамбург, Мекленбург – Передняя Померания, Нижний Рейн – Вестфалия, Саксония, Саарланд, Рейнланд – Пфальц, Шлезвиг – Гольштейн; далее – 9)¹³.

В совокупности эти учебники, изданные в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов, дают представление об уровне и особенностях преподавания истории в ФРГ в канун и после объединения Германии в 1990 г. Так, пособия, изданные в Баварии и земле Северный Рейн – Вестфалия находятся соответственно на консервативном и новаторском полюсах политико-образовательного спектра страны. После воссоединения Германии в этих землях были опубликованы новые учебные планы и созданы новые учебники, оказавшие большое влияние на формирование школьной системы в некоторых новых землях ФРГ – бывшей ГДР¹⁴. Отметим также, что для пособий, изданных и рекомендованных к преподаванию в "Свободном Государстве Бавария" (официальное название этой земли, возникшей на территории Королевства Бавария, более древнего, чем Пруссия, не говоря уже о единой Германии), характерно повышенное внимание к вопросам культурно-региональной самобытности, а в учебниках, используемых в других землях, акцент делается на общегерманских тенденциях.

Первый вопрос, возникающий при знакомстве с учебниками – в какой степени история Германской империи укладывается в рамки 1871 – 1918 гг.? В формальном

⁵ Geschichtliche Weltkunde. Klasse 8, Ausgabe für Politechnische Oberschulen. Vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Von W. Danner, W. Hug und E. Krautkramer unter Mitarbeit von F. Bahl. Verlag Moritz Diesterweg. Frankfurt a. M.

⁶ Geschichte heute (für Hauptschulen in Rheinland-Pfalz, Klasse 8, 9). H.M. Gerst, K. Langesten, P. Ryzlewitz, W. Sparr. Bearbeitet von E. Mösel. Schroedel Schulbuchverlag – Verlag Ferdinand Schöningh.

⁷ Geschichte entdecken. 8. Bearbeitet von B. Mestel, G. Schell, H.-J. Schön, J. Weber. C.C. Buchner-Bamberg.

⁸ Geschichte und Geschehen. Berufliche Gymnasien. J. Kochendörfer, E. Rumpf. Ernst Klett Schulbuchverland. Stuttgart – Düsseldorf – Berlin – Leipzig.

⁹ Geschichte in vier Bänden. Band 3. Von der Zeit der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg. Bearbeitet von J. Cornellissen, R. von Bruch, J. Cornellissen, H. Holzbauer, K.J. Hummel, G. Kirmer, K.H. Zuber. Bayerischer Schulbuch-Verlag, 1993.

¹⁰ Erlebnis Geschichte. 8. Ausgabe D. Hrsg. von J. Schwandner unter Mitarbeit von F. Hutterer und W. Zielboll. R. Oldenbourg Verlag GmbH. München, 1993.

¹¹ Erinnern und Urteilen. 9. Geschichte für Bayern. L. Bernlochner, W. Fleisher, U. Schuren, K.-H. Sieber, D. Weber. Ernst Klett Schulbuchverlag. Stuttgart – Berlin–Düsseldorf Leipzig, 1993.

¹² Entdecken und Verstehen. Geschichtsbuch für Realschulen und Gesamtschulen. Hrsg. von Th. Berger, K.-H. Müller, H.-G. Oomen. Band 3. Herausgegeben Th. Berger und K.-H. Müller. Bearbeitet von Th. Berger, H. von der Heide, K.-H. Müller, H.O. Regehardt, Ch. Steinbach und M. Thiedemann. Cornelsen Hirschgraben.

¹³ Geschichte. 3. Neuzeit. Hrsg. von H. Brack. C.C. Buchners Verlag. Bamberg.

¹⁴ Ноак Х. Указ. соч.

смысле исходной и конечной датами является провозглашение Вильгельма I германским императором в январе 1871 г. и провозглашение республики в Берлине в ноябре 1918 г. с последующим принятием в Веймаре новой германской конституции. Но образованию империи предшествовали войны Пруссии с Данией и Австрией и создание в 1866 г. Северогерманского союза – прямого предшественника Германской империи. В то же время многие проблемы времен Веймарской республики восходят к предшествующей эпохе; согласно республиканской Веймарской конституции государство именовалось "Германской империей" (Deutsches Reich), а глава правительства – рейхсканцлер, "имперский канцлер" республики, обладал полномочиями, сравнимыми с императорскими. Вопрос, таким образом, звучит шире: можно ли изучить историю Германской империи в отрыве от процессов, которые, стартовав по времени раньше, привели к появлению нового государственного образования и в существенной степени определили особенности его развития?

Представленные пособия так же, как и учебные планы германских земель¹⁵, отвечают на этот вопрос отрицательно. Германская империя рассматривается в процессе ее возникновения, развития и распада; тем самым проблема выводится в более широкие временные рамки. Вот названия разделов (тематических блоков) из различных учебников:

- "Индустриализация", "Рабочее движение в XIX в.", "Германский союз и Германская империя" (1);
- "Индустриальная революция: экономический и социальный поворот" (6);
- "Единство и свобода в Германии в XIX в.", "Индустриализация и социальный вопрос" (4);
- "Индустриализация в Германии", "Путь к национальному государству" (5);
- "Единство и свобода", "Индустриализация", "Стремление к национальному единству" (8);
- "Государственное единство Германии в XIX в.", "Индустриализация", "Марксизм", "Попытки разрешения социального вопроса" (2).

При анализе немецких учебников бросается в глаза то, что самостоятельный раздел "Германская империя (1871–1918 гг.)" в них как правило отсутствует; вместо этого, про замечанию Х. Ноака, "излагаются различные частные аспекты немецкой истории 1871–1918 гг. в перекрывающих друг друга контекстах"¹⁶. В то же время подчеркивается, что появление единой германской державы знаменовало для страны прорыв к новой самоидентификации, новому качеству повседневного существования, а для Европы – возникновение принципиально иного баланса сил.

При характеристике Германской империи авторы учебников делают акцент на противоречивом соединении в рамках существования и развития этого национально-государственного образования подчас прямо противоположных элементов. Так, самое передовое всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право при выборах в рейхстаг соседствовало с реакционной феодально-сословной избирательной системой в Пруссии и ряде других входящих в состав империи государств. Обладавший значительными полномочиями в сфере экономики и внутренней политики парламент-рейхстаг имел оппонента в лице императора, который в качестве верховного главнокомандующего вооруженными силами имел в своем подчинении армию, через назначаемого им рейхсканцлера и правительство контролировал внешнюю политику, решал вопросы войны и мира, а в качестве прусского короля всецело распоряжался разветвленным чиновничьим аппаратом в этом крупнейшем из входящих в состав Германской империи государств. Бурный рост промышленности, выведшей Германию в начале XX в. на первое место в Европе и второе в мире по уровню экономического развития, сочетался с окостенением политической структуры. Рост самосознания новых со-

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

циальных слоев, в первую очередь рабочих, а также движение женщин за эмансипацию, разворачивались параллельно сращиванию крупной буржуазии со старой земельно-чиновничьей аристократией.

С точки зрения национально-государственного построения Германская империя была парадоксальным примером своеобразной "унитарной федерации". Полное господство в вопросах внешней политики и обороны императора и назначаемого им рейхсканцлера, а также широкие прерогативы общегерманского представительного учреждения – рейхстага имели противовесом широкие полномочия в области культуры, образования и экономики других союзных государств (Баварии, Бадена, Гессена, Саксонии), монархи которых самостоятельно определяли политическое устройство своих государств. Широкие прерогативы в области местного управления оставались в авторитарной Германской империи и за общинами.

Как же учебники и пособия знакомят учащихся с этими присущими Германской империи противоречиями? Пособие "Вспоминая и рассуждая" (7), в полном соответствии с названием, на развороте помещает своеобразный "вводный" коллаж, выстраивающий перед школьниками своеобразный зрительный образ "второй империи" в ее характеристиках и тенденциях развития. Учащийся знакомится со следующими документами:

- карты "Путь к государственному единству: Северогерманский союз 1866 г. – Основание империи в 1871 г. – Германская империя до 1914 г.";

- фотографии "трех людей, определивших эпоху с 1864 по 1918 гг.": Бисмарк, Вильгельм I, Вильгельм II;

- репродукция с картины современника, на которой изображена Баденская анилиновая и содовая фабрика, более известная в мире по аббревиатуре БАСФ;

- репродукция с картины, демонстрирующей, что тон в обществе, по крайней мере, внешне, задавали не те люди, на которых покоилась сила и авторитет Германии: рабочие, служащие и мелкая буржуазия, а "старое общество": дворяне, состоятельная буржуазия и военные;

- иллюстрация к нашумевшему в те годы анекдотическому происшествию с "капитаном Кёпенике" – сапожником, который переодевшись в форму капитана, арестовал гражданское руководство города Кёпеник;

- хронологическая таблица, отображающая основные события периода (с. 56–57).

В пособии "Пережитое. История" (6) активно используется иллюстративный материал, подробно рассматриваются ментальные структуры: нравы, привычки, система воспитания, мотивы империалистической экспансии. Другие учебники не делают столь явственного акцента на характеристике Германской империи как целостного образования, либо эта характеристика разбросана по ряду разделов.

Заслуживает рассмотрения вопрос о соотношении собственно германской истории с историей всеобщей, о выходе на всемирные тенденции и аспекты развития: Для исторической науки и системы преподавания истории в СССР было характерно жесткое разделение на историю отечественную и всеобщую; по инерции эта особенность унаследована и нынешней Россией. Проблема соотношения всеобщей и национальной истории в преподавании скорее всего не имеет оптимального решения; и гносеологически, поскольку на чисто исследовательском уровне нельзя вывести оптимальную формулу соотношения, и дидактически, в силу различия образовательных и воспитательных задач. Вряд ли, однако, кто-то будет спорить с тем, что от того, в каком культурно-цивилизационном контексте нация рассматривает свою историю, во многом зависит вектор ее развития на последующие десятилетия.

Германия после поражения во второй мировой войне решала для себя задачу возвращения в лоно "западной" (западноевропейско-североамериканской) цивилизации, и эта задача имела как внешний, так и внутренний аспекты. Внешний – добиться, чтобы западные страны признали новую Германию "своей", открыли ей доступ на свои рынки, пошли на установление с ней союзнических отношений. Внутренний – путем

отождествления истории Германии с развитием либерально-демократических ценностей и институтов предотвратить возможность повторения событий, дважды в течение одного столетия приведших страну к поражению в мировых войнах. Иными словами, помимо решения чисто познавательных задач, учебники по истории призваны содействовать идентификации ученика как гражданина своей "малой родины", федеральной земли, Германии, единой Европы, человечества в целом.

Современным немецким пособиям по истории присущи три основные тенденции в подходе к этому.

Для первой группы учебников характерно примерно равное соотношение материала по истории Германии и остального мира, преимущественно Европы. Это характерно, в частности, для пособия 1. Авторы последовательно избегают возвеличивания тех или иных достижений Германии, делая исключение лишь для первой в мире системы национального трудового законодательства. "Социальная политика, проводимая в Германской империи, не имела тогда себе аналогов, – отмечается в учебнике. – Ни одна другая страна мира не имела подобных учреждений. Она на длительную перспективу ощутимо улучшила положение рабочих" (с. 73).

Военные успехи германской армии в тех или иных войнах излагаются исключительно в духе констатации. Вот как описаны события начала первой мировой войны: "Сильный правый фланг Западного фронта прорвался через Бельгию в Северную Францию и далее продвинулся на юг, в направлении Парижа. В первые дни сентября войска достигли Марны и французская столица оказалась в пределах досягаемости немецких орудий... Между тем на востоке две русские армии предприняли атаку раньше ожидаемого срока. Только путем рискованного обманного маневра главнокомандующему Восточным фронтом Гинденбургу удалось разбить русских под Танненбергом и освободить Восточную Пруссию. Поскольку наступление австрийцев в Галиции потерпело крах и обернулось большими потерями, Восточный фронт от Мемеля до карпатских перевалов застыл в позиционной войне" (с. 122–123).

Вводный параграф к разделу о первой мировой войне имеет двусмысленный подзаголовок "Замечательные времена?" (с. 117) и по сути своей носит антивоенный характер. Он противопоставляет в немалой степени мифологизированные общественным сознанием, но одновременно относительно благополучные "золотые" предвоенные годы "гарантированной безопасности", когда "зарплата росла, почти каждый имел работу, дела шли просто хорошо, особенно с заграницей", ужасам войны и унижениям послевоенного времени.

Через систему вопросов и заданий, призывающих проследить ход событий или процессов на уровне местной общины, пособие формирует еще один уровень идентификации – местный, чувство принадлежности к "малой родине". Вот пример такого задания: "Постарайся узнать, какие промышленные предприятия являются старейшими в твоих родных местах, когда была построена в ваших краях железная дорога, каковы были размеры твоей родной общины сто лет назад" (с. 67).

Схожее соотношение национального и общемирового материала присуще пособиям 5, 9 и 3.

Для другой части пособий характерен не столько исторический, сколько политологический подход к освещению истории описываемого периода. Так, в книге "История сегодня" (2) всеобщей истории как таковой нет, история Германии размывается общими планами и экскурсами в историю других стран и современность, в центре внимания авторов – характерные особенности и черты общественно-политического развития. Повышенным вниманием к тенденциям социального развития отличается также пособие 8. Рекомендованное в основном для новых восточных земель ФРГ, оно вольно или невольно отражает тематику, активно разрабатывавшуюся в бывшей ГДР. Обширное место уделено проблемам:

– рабочего движения (раздел "Социал-демократы и социальные законы" с параграфами "От образовательных кружков для рабочих к рабочей партии", "Партия в рейхстаге", "Социальные гарантии и социальная политика" и факультативными при-

ложениями "История предприятия": "Страницы из расходной книги Иоганна Физинга" и "Меню одной свадьбы" – с. 128–135);

– индустриализации (раздел "Индустриализация в Германии" с параграфами: "Германия следует английской индустриализации", "Уголь и железо – движущая сила индустрии", "Новые средства сообщения ускоряют индустриализацию", "Новые производства", "Возникновение новых социальных слоев", "Индустриализация порождает социальные проблемы", "Попытка разрешения социальных проблем", "Индустриализация и окружающая среда" и приложением "Методическая страничка: фотография в процессе преподавания истории" – с. 83–111);

– подавления национальных меньшинств (раздел "Стремление к национальному единству", подразделы: "Стремление к национальной самостоятельности", "Политика в отношении меньшинств" – с. 112–113, 144–147);

– борьбе женщин за свои права (в нем подраздел "Женщины требуют равноправия", параграфы: "Жизнь женщин", "Женщины организуются", "Борьба за политическое равноправие", приложение "История предприятия: Первое мая" – с. 136–143);

– империалистическому разделу Африки (параграфы: "Раздел Африки" и "Африканские народы борются против империализма" – с. 150–158).

В уже упомянувшемся баварском пособии (5) в чисто информационном плане дается материал о развитии Баварии (параграф "Особые права и имперское сознание: Бавария и Германская империя" – с. 172–173). Особое внимание уделено федеративному построению государства и идентификации в рамках отдельных земель и Германии в целом.

В какой же степени нашли в учебниках отражение достижения современной историографии? По истории Германской империи существует колоссальная литература, как немецкая, так и исследователей из других стран. При всей разнице воззрений, подходов и методологий в послевоенной немецкой историографии существует своеобразный консенсус в трактовке некоторых основополагающих тенденций развития и фактов. Эти бесспорные для подавляющего большинства профессиональных историков положения и составили содержание всех представленных пособий, обеспечивая объективный взгляд на историю Германской империи. Исключений здесь, по-видимому, не бывает, но нюансы возможны – так, выше отмечались особые историографические пристрастия авторов пособия 8.

Научные дискуссии и многообразие подходов декларируются в нормативных документах и рекомендациях по преподаванию¹⁷, но в пособиях они если и отражены, то, скорее, косвенно, в частности через подборки документов по теме. Что касается прямого приглашения к научной дискуссии, то в тех случаях, когда это имеет место, представленный материал опять-таки предполагает некую среднюю точку зрения, исключая крайности. Так, при характеристике фигуры Бисмарка дается высокая оценка его внешней политике, направленной на поддержание равновесия в Европе, и его роли в утверждении системы социального законодательства; и, наоборот, критически рассматривается его борьба с социал-демократией и внутренняя политика в целом. При рассмотрении проблемы происхождения первой мировой войны учащиеся знакомятся с содержанием дискуссии начала 1960-х годов об ответственности Германии, со взглядами историка Ф. Фишера и его оппонентов. "Германия все более односторонне ориентировалась на военно-силовые средства для осуществления своих притязаний на роль мировой державы, тем самым оказывая дестабилизирующее влияние на международную обстановку. Однако возможность войны допускали в своих расчетах все европейские державы"¹⁸ – так Х. Ноак выражает итог, к которому должны прийти учащиеся в результате изучения вопроса.

При всем количественном многообразии и методических отличиях немецкие пособия

¹⁷ "Теории и методы излагаются не изолированно и односторонне, напротив того – в самом подборе материала заложены многосторонние и многообразные возможности для ознакомления с различными методами исторического исследования". – Там же.

¹⁸ Там же.

в положительном смысле этого слова академичны. Бесспорность преобладающих в историографии взглядов, которые и лежат в основе пособий, не исключает, впрочем, возможности уточнений по частным вопросам.

Так, говоря о причинах возникновения "культуркампа", авторы пособия 1. явно преувеличивают роль старокатоликов – немецких приверженцев католицизма, не признавших догмы 1870 г. о непогрешимости папы: "Старокатолики... получили поддержку правительства. Когда католические епископы выразили протест против этого, государство ответило открытым применением силы" (с. 62). Конфликт в вопросе о правах крайне малочисленной группы старокатоликов на отправление обрядов в католических храмах и правах на владение церковным имуществом был всего лишь одним из проявлений конфликта между властью и либералами, с одной стороны, и католическим меньшинством, представленным в рейхстаге партией Центра – с другой. Выделять этот мотив из всех остальных едва ли правильно.

Далее, наряду с российским императором к инициаторам Первой гаагской конференции 1899 г. отнесена снискавшая известность своими антивоенными выступлениями австрийская писательница и журналистка Берта фон Суттнер. "Ее и царя Николая II усилия привели к Первой гаагской мирной конференции, в которой приняло участие 26 государств", – отмечают авторы (2; с. 21). При всем уважении к личности этой общественной деятельницы едва ли можно ставить ее вровень с лидерами ведущих европейских держав: в XIX в. средства массовой информации еще не обрели нынешнего своего могущества. Кроме того, публикации, представляющие взгляд на созыв конференции с "русской стороны", никак не подтверждают высказанную в немецком учебнике оценку¹⁹.

В нормативных документах и дидактических рекомендациях особое внимание уделяется использованию методических приемов из работ историков и соответствии пособий научным стандартам. В этом отношении рассматриваемые учебные книги достойны самой высокой похвалы. Соотношение между авторским текстом (текстом параграфов) и документами, к которым, в широком смысле, относятся цитаты из письменных источников, репродукции картин, карикатур, плакатов, фотографии, современные описываемым событиям, таблицы, схемы, диаграммы, примерно соответствует аналогичному соотношению в исторических исследованиях. Пособие 7 больше напоминает практикум, в котором предусматривается самостоятельная работа с источниками и ученик ставится в позицию исследователя.

Форма использования письменных источников разнообразна. В одних случаях (1) текст параграфа перемежается с цитатами, в других (7) источники сосредоточены в конце параграфа, в третьих (5) – вынесены на поля и составляют параллельный зрительный ряд. Каждый из способов имеет свое право на существование; хотя излишнее скопление выдержек из документов, как это имеет место в пособии 4, ухудшает их восприятие.

В пособиях не всегда указывается автор цитируемого источника. В частности, заголовки документов, в котором характеризуется настроение в Европе в связи с балканскими войнами, звучит следующим образом: "Один английский политик (имя, звание и должность опущены. – В.З.) сообщает о состоявшемся 28.II.1913 в Париже ужине с бывшим французским колониальным министром Лебоном" (4; с. 49). Составители пособий стремятся не перегружать школьников обилием персоналий; так, подпись под одной фотографией гласит: "Премьер-министр Бисмарк (второй слева), прусский начальник Генерального штаба (седьмой слева) и король Вильгельм I (справа) на поле битвы при Кенигретце" (8; с. 117). Такие отступления не от научности, а от наукообразия вполне целесообразны с точки зрения концентрации внимания на главных персонажах и центральной теме.

Авторы пособий обязательно дают сноску на источники публикации: чаще всего –

¹⁹ См. Рыбаченок И.С. Россия на Гаагской конференции по разоружению 1899 г. – Новая и новейшая история, 1996, № 4.

на адаптированный для самостоятельной работы сборник документов, к которому тем самым привлекается внимание ученика. Сноски чаще всего оформлены в соответствии с научными стандартами; а в пособиях 5 и 8 есть значок-пиктограмма "Q" (от немецкого слова *Quelle* – источник). Учащимся прививается привычка за каждым высказыванием искать автора и получать подтверждение в достоверности цитаты путем правильного ее оформления и ссылки на источники.

Способ цитирования в пособиях 1 и 8 позволяет учащемуся увидеть за текстом параграфа не абстрактно-безымянную и потому неоспоримую – как можно спорить с абстракцией? – истину, не авторское соло с претензией на оригинальность и новизну, но живую, складывающуюся из воззрений конкретных исследователей концепцию, которую, при всем ее академизме, можно развивать и дополнять.

Однако стремление к научности в ряде случаев ведет к перегрузке справочного аппарата. Так, не вполне понятна прикладная функция нумерации строк в цитатах из документов в пособиях 4 и 7. От нее рябит в глазах и рождается отчетливое ощущение академического занудства.

Не вдаваясь в вопросы теории и не декларируя приверженности к какой-то из научных школ, все пособия дают подробный историко-критический анализ марксистской теории формаций. Их авторы крайне осторожно пользуются терминами "прогресс" и "реакция".

О методологии как науке речь, в целом, заходит редко. В одном случае под рубрикой "Из лаборатории историка. Политическая история – восславление державности?" учащимся предлагается сопоставить утверждение о "примате внешней политики", принадлежащее перу немецкого историка второй половины XIX в. Г. Трейчке, с современным многофакторным подходом к ее исследованию, в котором внешней политике принадлежит роль всего лишь одного из факторов развития. На обсуждение учащихся выносятся такие вопросы: в какой степени Трейчке превращает историю в прислужницу политики? как оценивает Трейчке право народов на самоопределение? кто является для него "безродными демагогами"? что, напротив, он подразумевает под "нравственными силами истории"? сравните мысли Трейчке с аналогичными высказываниями Бисмарка и Якоби" (4; с. 259). Показательно, что это задание помещено в разделе "Первая мировая война" сразу после параграфа "Европа превращается в поле боя".

В другом случае к короткому, в один абзац, параграфу "Экономический рост и кризисы – изучение экономической истории" в качестве материала для размышления прилагается цитата из работы французского историка Ф. Броделя о "Событийной истории и "длинных отрезках" истории" (5; с. 153).

В целом авторы пособий последовательны в стремлении к консенсусу в освещении прошлого и избегают переводить разговор на потенциально конфликтную почву методологических дискуссий и общетеоретических рассуждений. В частности, вопреки декларациям²⁰, в анализируемых учебниках по-настоящему не рассматривается дискуссия о сущности империализма, не приводятся альтернативные концепции.

При всем стремлении давать исключительно устоявшиеся оценки и подходы к историческим событиям и тенденциям развития, отдельные отступления от этой позиции есть.

Все пособия уделяют значительное внимание роли женщины в истории. В ряде случаев соответствующие разделы имеют характер искусственной вставки, грешат модернизацией подходов к этой актуальной, но во многих отношениях только еще разрабатываемой теме. Весьма показательны выглядит здесь абсолютное преобладание среди авторов учебников представителей сильного пола. Модернизация в первую очередь свойственна пособию 2. Более органичными выглядят фрагменты о положении женщин в германском обществе – в самом традиционалистском из пособий (9).

²⁰ "Занятие, включающие в себя дискуссию о различных теориях империализма, должно не только показать учащимся многомерность исторических процессов, от них требуется уже готовность и способность подходить к понятиям и концепциям с идеолого-критической точки зрения". – Ноак Х. Указ. соч.

Здесь в разделе "эпохи грюндерства" выделен отдельный параграф: "Роль женщин в XIX в." (с. 184–185), а в тяготеющем к проблемам рабочего движения пособии "Открывая и понимая" – подраздел "Женщины требуют равноправия" (8; с. 136–143).

Авторы освещают тематику национального самоопределения. В книге 8 на с. 111 приведена фотография монумента в г. Нидервальде, посвященного объединению Германии в 1871 г. "Памятники подобного рода, – отмечается в пособии, – были возведены во многих европейских странах между 1850–1900 гг. Они должны были напомнить о единении соответствующего государства. Расскажите о том, какое впечатление производит на вас этот памятник" (с. 111–112).

Большой раздел об объединении Италии (с. 114–115), объемный материал о положении поляков в России и Пруссии (с. 113, 144–147) вызывают аналогию с распадом социалистического лагеря и воссоединением Германии в 1989–1990 гг. и несут на себе отпечаток текущей политической борьбы. Показательно, что раздел "Стремление к национальному единству" открывается материалом о восстании 1868 г. в Варшаве и представляет в привлекательном свете российских поляков и самом негативном – Российскую империю. Одновременно ученикам предлагается рассмотреть фотографию и рассказать о судьбе пленных поляков (с. 113).

Параллель с нынешней политикой ФРГ, ее ролью в ЕЭС, НАТО, ООН и других международных организациях прослеживается в освещении внешней политики времен Бисмарка и по контрасту с ней – времен Вильгельма II. Учащемуся нетрудно сделать вывод о том, что политика создания союзов и тем самым – нейтрализация потенциальных соперников – рациональнее "блокового" подхода, а поддержание доброжелательных, пусть и не простых отношений с основными мировыми державами в конечном счете служит интересам Германии больше, чем стремление к гегемонии и статусу мировой державы.

К большим удачам пособий относятся картосхемы внешнеполитических союзов эпохи Бисмарка и кануна первой мировой войны. Система стрелок позволяет наряду с географической создать логическую фигуру этих союзов, способствуя осознанию их сути и лучшему закреплению в памяти. Одни картосхемы более удачны (2а; с. 136 и 2б; с. 20), а другие менее удачны (4; с. 219, 221), некоторые же из них производят почти художественное впечатление. В пособии запечатлены кованным железным кольцом стран Антанты государства Центрального блока вызывают в душе зрителя жалость и сочувствие (с. 41).

Актуальным и полезным представляется перебрасывание мостика к истории XX в. с политическим доминированием в нем двух будущих сверхдержав схемы империалистической экспансии США (6; с. 38 9; с. 194) и царской России (3; с. 191).

Подготовка учащихся к тому, чтобы уметь распознавать случаи манипулирования историей и видеть стоящие за такими попытками интересы – часть официальной образовательной политики ФРГ. Задача благородная и по большому счету недостижимая, потому что манипуляторы от истории апеллируют не столько к логике отдельной личности, сколько к иррациональным эмоциям масс. Опыт прошлого и сегодняшняя действительность сплошь и рядом демонстрируют, что овладение историческим инструментарием, как и образование вообще, не являются гарантией невосприимчивости к пропаганде и не мешают даже крупным историкам иметь разные, в частности и не демократические, политические взгляды.

Историческое образование призвано способствовать стабильному функционированию демократических институтов ФРГ. Но оно не является вакциной от возврата к авторитаризму или тоталитаризму в случае сбоев в механизме демократии. Хотя – что тоже немаловажно – оно облегчает возврат общества к демократии. Опыт половинчатой, хотя и продолжительной демократии времен Германской империи и самой широкой, хотя и фатально неудачливой демократии Веймарской республики помог населению ФРГ оправиться от нацистского синдрома и построить эффективно функционирующий демократический механизм.

Середина XIX – начало XX в. были ключевыми в формировании основ парламент-

ской демократии в Германии и в этом смысле особенно поучительны в деле гражданского образования и воспитания. Современные немецкие учебники по истории того времени служат средством формирования грамотных пользователей демократическими механизмами современной ФРГ, как обучение информатике или автоделу – пользователей компьютеров и водителей машин. Среднестатистический школьник в идеале оказывается подготовленным к чтению политических статей в газетах и способным различать партийные программы; он видит в выборах возможность наиболее полного выражения своих личных и групповых интересов; он знает о важности политических свобод и общественного самоуправления, о том, что учет требований меньшинств – вопрос не одной только нравственности, но и целесообразности. Он, наконец, убежден, что современная война ужасна, а для Германии она два раза в течении одного века сопровождалась человеческими катастрофами и утратой статуса великой державы. Он получает воспитание в духе соблюдения прав и свобод человека.

В этом смысле современные немецкие учебники по истории выполняют возложенную на них функцию. В какой степени заложенные в них возможности реализуются в практике преподавания – это уже вопрос качества работы каждого конкретного учителя. Опыт организации преподавания истории и подготовки учебников истории в ФРГ может быть поучителен и для современной России.

© 1997 г.

О.Ф. КУДРЯВЦЕВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАМОТА КАРЛА V ВАСИЛИЮ III

В подтверждение своих прав на императорский титул Петр I в мае 1718 г. опубликовал в Петербурге немецкий текст и русский перевод Договорной грамоты императора Священной Римской империи Максимилиана I от 4 августа 1514 г., в которой Василий III именовался "Божьей милостью императором и государем всея Руси"¹. Подлинность этого документа вызвала в Германии сомнения, порожденные, в частности, необычностью именования российского монарха², хотя в габсбургских архивах имелись заготовки других грамот Максимилиана I, датированные августом 1514 г., с аналогичной титулатурой Василия III³. Петр I мог бы аргументировать свои права на императорский титул еще одним документом той же эпохи, опровергнуть который его оппонентам на Западе было бы нелегко, ибо издан он за подписью императора Карла V, внука и преемника Максимилиана I, в 1526 г. в Тюбингене приближенным эрцгерцога австрийского Фердинанда, родного брата императора.

Речь идет об отрывке грамоты Карла V к Василию III, помещенном в предисловии к трактату Иоганна Фабри "Религия московитов"⁴. Фабри (1478–1541), советник и духовник эрцгерцога Фердинанда⁵, завершил свой труд в сентябре 1525 г. Сам он никогда не бывал в пределах Российского государства, и сочинение его представляет собой по преимуществу запись бесед с участниками посольства великого князя Московского Василия III к императору Карлу V, которое отправилось из Москвы вместе с императорским посланцем Антонио де Конти в июне 1524 г. По дороге оно посетило Вену, где было с честью принято братом императора эрцгерцогом австрийским Фердинандом. Затем через германские земли, Фландрию и, по-видимому, Англию

¹ Латинский текст см.: Собрание государственных грамот и договоров, ч. V. М., 1894, с. 62; Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1989, p. 439. Описание первого издания этой грамоты Петром I в 1718 г. см.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I. СПб., 1851, стб. 1501–1510.

² Grundmaessige Untersuchung von dem Kayserlichen Titul und Wuerde. Coelln, 1723; Bestand des Russischen Kayser-Titels worben der von Kayser Maximilian dem Ersten Anno 1514 den 4 Augusti zu Brundenach geschlossene Allianz-Tractat gegen alle bissher gemachte nichtige Einwuerffe vertheidiget wird. Riga, 1724. Тем не менее, текст этой грамоты вскоре был включен в состав свода дипломатических документов: Codex Germanicae diplomaticus, t. I, № 88. Ed. J. Ch. Luenig. Frankfurt – Leipzig, 1738, p. 575–577.

³ См. недавнее издание: Идея Рима в Москве XV–XVI века, p. 442, 446.

⁴ Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, a D. Ioanne Fabri aedita. Basileae, 1526. Sig. Alv.

⁵ Основные биографические данные о Фабри см.: Real-Encyklopaedie fuer protestantische Theologie und Kirche, Bd. 4. Leipzig, 1879, S. 475–477; Kirchenlexikon oder Encyklopaedie der katholischen Theologie und ihrer Huelfswissenschaften, Bd. 4. Freiburg (Breisgau), 1886. S. 1172–1175; *Aschbach J. von*. Geschichte der Wiener Universitaet, Bd. 3. Wien, 1888, S. 307–322; *Staub J. Dr.* Johannes Fabri bis zum offenen Kampf gegen Luther. Einsiedeln, 1911; *Helbing L. Dr.* Johann Fabri: Generalvicar von Konstanz und Bischof von Wien, 1478–1541. Muenster, 1941; Contemporaries of Erasmus. Biographical Register of the Renaissance and Reformation, v. 2. Toronto – London, 1986, p. 5–8.

посольство добралось до Испании. 6 апреля 1525 г. состоялся торжественный въезд русских послов в Мадрид, а 29 апреля – прием у императора в Толедо. Обратный путь послов пролегал через Францию, а в августе или в начале сентября 1525 г. они вновь встретились с эрцгерцогом Фердинандом уже в Тюбингене. Из владений Габсбургов русское посольство выехало в январе 1526 г. вместе с ответным посольством императора и эрцгерцога к Василию III. Его возглавили граф Леонардо Нугарола и барон Сигизмунд Герберштейн. 26 апреля 1526 г. оба посольства прибыли в Москву.

В Тюбингене русские послы князь Иван Иванович Засекин Ярославский и дьяк Семен Борисович Трофимов⁶ были приняты при дворе эрцгерцога Фердинанда, где Фабри вместе с какими-то другими не названными лицами взял у них своего рода интервью, следы которого ощутимо чувствуются в появившемся вскоре повествовании об отечестве, народе, религиозных нравах и уставах московитов. Беседы проходили при посредничестве толмача посольства Василия Власа, сведущего в немецком и латинском языках⁷. Заказчиком сочинения был эрцгерцог Фердинанд, действительным адресатом – вся образованная, читающая по-латыни Европа.

Примером московитов, "нравы и весь уклад жизни которых. – по словам Фабри, – исполнены ничем иным, как истинным благочестием"⁸, он хотел не только поразить воображение своих современников, но и выступить против церковной смуты и гражданских настроений в Германии. Поэтому, по признанию самого Фабри, дабы придать больший вес в глазах читателей рассказам о малоизвестном, но могущественном и, несомненно, заслуживающем внимания народе, он и предпослал им фрагмент грамоты, направляемой Карлом V Василию III. Фрагмент этот представляет собой инскрипцию, содержащую полный, развернутый титул российского государя и обращение к нему. Приведем его целиком на языке оригинала и в русском переводе:

"SERENISSIMO, et potentissimo principi domino BASILIO dei gratia Imperatori et dominatori uni uersorum Ruthenorum, et magno principi Volodomeriae, Moscouiae, Nouogardiae, Plescouiae, Smolenskae, Iferiae, Lugariae, Permiae, Vuerthicketiae, et Bologariae, Nouogardiae terreae inferioris Tzeringouiae, Rozauiae, Volotschiae, Rheseiae, Bolami, Beleskiae, Roscouiae, Iaesklaoriae, Belozeriae, Vdoriae, Optiorae, Condiuiae, etc, fratri maiori, et amico nostro chariss.

CAROLVS ROMANORUM IMPERATOR".

"СВЕТЛЕЙШЕМУ и могущественному государю господину ВАСИЛИЮ, Божьей милостью императору и повелителю всех рутенов⁹, и великому князю Владимирскому,

⁶ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I, стб. 1487; *Uebersberger H.* Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts, Bd. I. Wien – Leipzig, 1906, S. 184–199; *Lopes de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527). – Cuadernos de Historia de España. Buenos Aires, 1946, № V, p. 112–117; *Лурье Я.С.* "Открытие Англии" русскими в начале XVI в. – Географический сборник, т. 3. М.–Л., 1954, с. 185–187; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) М., 1972, с. 260, 261, 302–304.

⁷ См.: *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. – Приложение к VIII тому записок Императорской академии наук. СПб., 1865, с. 172, 173; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. – Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, т. 74, № 1. СПб., 1903, с. 184–189; *Казакова Н.А., Катушкина Л.Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XXIII, Л., 1968, с. 236; *Зимин А.А.* Указ. соч., с. 323, 324; *Алексеев М.П.* Московский подъячий Яков Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир. – Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 127–136; *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977, с. 62–66.

⁸ *Ioannis Fabri Moscovitarum religio*, Sig. Alv.

⁹ В русских грамотах этой части титула (по-латыни: *Imperatori et dominatori uniuersorum Ruthenorum*) соответствует "царь и государь всея Руси [или: Руси]". См.: Идея Рима в Москве XV–XVI века, р. 431. Рутенами в античных источниках называлось кельтское племя на границе Аквитании и Нарбоннской Галлии. Указания на них см.: *Буданова В.П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1993, с. 169. В европейских документах средних веков и эпохи Возрождения этот термин употреблялся для обозначения восточных славян, выступая синонимом слова "русы". См. у Матвея Меховского: "regiones Russorum seu Rutenorum", т. е. "области руссов, или рутенов" (*Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях, I.I.1. Перевод С.А. Аннинского. М.–Л., 1936, с. 47, 129). Также у Герберштейна: "Народ

Московскому, Новгородскому, Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому, Нижегородскому, Черниговскому, Рязанскому, Волоцкому, Ржевскому, Белевскому, Бельскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и ин[ых], старшему нашему брату и другу драж[айшему].

КАРЛ, ИМПЕРАТОР РИМЛЯН".

Императором (в немецких документах – кайзером, в русских – царем) именовали уже Ивана III ливонские и ганзейские города, Псков, в новгородско-шведском договоре 1482 г., а Василия III – также датский король, турецкий султан, патриархи Константинопольский и Александрийский¹⁰. Однако о полном международно-правовом утверждении императорского титула российского государя речь могла идти только тогда, когда этим титулом его назвал бы монарх равного статуса, а таковым был император Священной Римской империи. В 1514 г. между империей и Московской Русью был заключен союзный договор, по которому стороны обязывались взаимной военной помощью в борьбе с Сигизмундом I, королем Польским и великим князем Литовским, признавали право российского государя на Киев и другие западнорусские земли, Тевтонского Ордена – на территории, отошедшие к Польше по договору 1466 г.; в "докончальной" грамоте, подписанной императором Максимилианом 4 августа, Василий III, как уже отмечалось, титуловался "кайзером". Правда, Максимилиан оговорил вступление договора в силу условиями, несколько сокращавшими его союзнические обязательства¹¹; Василий III отказался от какого-либо изменения достигнутых ранее сторонами соглашений. Это дало повод императору, ввиду новых обстоятельств не заинтересованному более в тесном союзе с Россией, через своего уполномоченного Конрада Пейтингера в мае 1515 г. на сейме в Аугсбурге выступить с протестом и объявить договор не имеющим силы с самого начала¹². Итак, подписанный было договор остался нереализованным, а грамота с текстом его два столетия, вплоть до времени Петра I, лежала похороненной в архивах.

В Европе постарались предать забвению факт признания императором Священной Римской империи равного ему статуса российского государя. Но русские напоминали об этом западным дипломатам, в первую очередь, польским и литовским. "Некоторые мужи, – свидетельствует Герберштейн, дважды отправлявшийся с посольствами на Русь, в 1517 и 1527 гг., – не усомнились обратиться ко мне с заявлением, более того, даже с упреком за то, что нынешний государь Московии (речь идет об Иване IV. – О.К.) обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти Максимилиана, в которых будто бы дарован царский титул отцу его Гавриилу, пожелавшему впоследствии изменить свое имя и назваться Василием... Следствием этого было то, что в последних переговорах с королем польским он (Иван IV. – О.К.) потребовал именовать

этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке Russi, а по-латыни именуемый Rutheni". – *Герберштейн С.* Записки о Московии. перевод А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988, с. 58. Соответственно, термин "Ruthenia", наряду с "Russia, Ruscia, Ruzzia", начиная уже с XI в., применялся для именованя Руси. – *Соловьев А.В.* Византийское имя России. – Византийский временник, вып. XII. М., 1957, с. 139.

¹⁰ См. подробнее: *Зимин А.А.* Указ. соч., с. 140, 141; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980, с. 87, док. 62, с. 102, 103, 117, 121, 156; *ее же.* Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии". – *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 24.

¹¹ См. заготовленный императорской канцелярией текст латинской грамоты в кн.: *Идея Рима в Москве XV–XVI века*, р. 442–445.

¹² См. исследования: *Fiedler J.* Die Allianz zwischen Maximilian I. und Wassilij Iwanowicz Grossfürsten von Russland, von dem Jahre 1514. – *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*, Juli, 1863, Bd. 43, H. II, S. 183–289; *Писаревский Г.* К истории сношений России с Германией в начале XVI века. – *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, кн. 2, 1895, с. 1–21; *Uebersberger H.* Op. cit., S. 78–87; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в., с. 125–128; *Ronchi de Michelis L.* Nota sull'alleanza tra l'imperatore dei Romani Massimiliano I e l'imperatore di Russia Vasilij III. – *Идея Рима в Москве XV–XVII века*, р. 425–430.

его царем"¹³. Дабы оправдаться перед поляками, Герберштейн пошел на заведомую ложь, утверждая, что "хотя было время, когда Максимилиан желал иметь союзником москвитя, однако он никогда не даровал ему имени царя"¹⁴. По наблюдению А.Л. Хорошкевич, в своей книге Герберштейн стремился убедить всех в том, что империя не поддерживала политические претензии российских государей и, поэтому, не признавала за ними императорского (царского) достоинства¹⁵. "Но пусть никто не верит, – заклинал Герберштейн, добиваясь "милости королей польских и доброжелательности польских сословий", – будто Максимилиан или его внуки сделали его (т.е. государя Московии. – О.К.) царем в обиду польским королям"¹⁶.

Беря под защиту от обвинений в потакании "имперским" амбициям российских государей не только Максимилиана I, но и его внуков-наследников – императора Карла V и эрцгерцога австрийского Фердинанда, – Герберштейн еще раз покривил душой. В трактате Иоганна Фабри, хорошо известном Герберштейну¹⁷, содержится документ, ставящий под сомнение его заверения насчет "внуков". Речь идет о приведенном выше фрагменте грамоты Карла V к Василию III, будто бы "случайно" попавшей в руки издателя, в которой "государь москвитов" поименован "императором и повелителем всех рутенов", а также "старшим братом и другом нашим дражайшим". Это был второй случай, после Договорной грамоты 1514 г., когда император Священной Римской империи в официальном документе называл русского государя "императором" и признавал его власть над "всеми рутенами" (или: "всеми руссами", "uniuersorum Ruthenorum", "aller Rewssen"), стало быть – и над русскими подданными Великого Княжества Литовского и Короны Польской.

Существенное отличие грамоты из трактата Иоганна Фабри от предшествующих документов, адресованных Василию III и от имени Карла V¹⁸, и от имени его деда Максимилиана I, состоит в том, что российский государь назван в ней не просто "братом", но – и это следует подчеркнуть как случай небывалый – "старшим братом". Такое обращение могло означать признание за ним первенства по отношению к императору Священной Римской Империи, по традиции считавшемуся наивысшим среди всех европейских монархов.

Грамота Карла V к Василию III с той инскрипцией, какую привел Иоганн Фабри, так и не была направлена адресату. Главную роль в этом сыграл, по-видимому, Сигизмунд Герберштейн. Собираясь вместе с графом Леонардо Нугаролой, представителем Карла V, во второе свое московское посольство, Герберштейн в качестве доверенного лица эрцгерцога Фердинанда получил верительные грамоты, в которых обращение к российскому государю его настолько не устраивало, что он запросил новые. В них так же, как и в документе, напечатанном Фабри, Василий III именовался "императором" и "нашим старшим братом", а этого, по мнению Герберштейна, не следовало делать, ибо прибавило бы спеси "москвиту"; Герберштейн предлагал "писать ему как государю России и великому князю"¹⁹. Более чем вероятным выглядит предположение о том, что в руки Фабри попал аналогичный документ, т. е. первоначальный текст верительной грамоты к Василию III, которой был снабжен императорский посол Нугарола. Следует заметить, что именно Нугарола доставил Герберштейну инструкции Фердинанда относительно их предстоящего совместного посольства в Москву²⁰, вызвавшие столь негативную реакцию Герберштейна. Уместно также предположить, что "замечания" Герберштейна на первоначальный вариант присланной ему вери-

¹³ Герберштейн С. Указ. соч., с. 76.

¹⁴ Там же, с. 77.

¹⁵ Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии", с. 18.

¹⁶ Герберштейн С. Указ. соч., с. 77.

¹⁷ См. там же, с. 55, 267.

¹⁸ См. грамоту 1523 г. в публикации: Lopes de Meneses A. Las primeras embajadas rusas en España, p. 123.

¹⁹ См. замечания Герберштейна на инструкции, полученные от эрцгерцога Фердинанда, в кн.: Герберштейн С. Указ. соч., с. 265.

²⁰ Там же, с. 263.

тельной грамоты оказались роковыми и для первоначального варианта верительной грамоты, данной Карлом V Нугароле. Новый, дошедший до нас целиком текст верительной грамоты с более скромной титулатурой российского монарха, названного "государем" и "великим князем Русии", был подписан Карлом V в Толедо 12 августа 1525 г.²¹ и, следовательно, получен Нугаролой в Германии значительно позже, а 18 сентября 1525 г. в Тюбингене Фабри уже закончил свой трактат, которому предпослал отрывок из первоначального и, по-видимому, вскоре уничтоженного текста подобного рода грамоты.

Эта грамота, немаловажная для изучения отношений Московской Руси и европейских государств в XVI в., до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей, которые, если и – такое бывало – использовали трактат Фабри, то, судя по всему, в более поздних его изданиях. Дело в том, что уже во второй публикации трактата в 1541 г. и во всех последующих было опущено предисловие²² с отрывком из грамоты Карла V. Возможно, это произошло по прихоти издателей, скорее всего, – потому что своим содержанием оно не устраивало влиятельные в империи круги, к которым принадлежал Герберштейн, ориентированные на союз с Ягеллонами.

Просмотрели ее и русские современники Фабри и Герберштейна, не проявившие интереса к тому, что писали об их стране иноземцы. Поэтому, когда пришла нужда доказывать законность употребления государем Московии царского титула, его дипломаты ссылались лишь на грамоту Максимилиана I 1514 г., покоившуюся в архивах, и изготовляли в подтверждение своей правоты ее копию²³, которая внушала подозрение уже тем, что высылалась из Москвы, и которая могла быть легко утаена от широкой огласки. На Руси далеко не сразу сумели оценить значение книгопечатания для утверждения своих династических притязаний: грамота Карла V, опубликованная в 1526 г. в трактате Фабри, который в многочисленных экземплярах разошелся по всей Европе, могла бы стать весьма убедительным аргументом в доводах российской стороны. Тем более, что никто в империи не выступал публично с заявлением о ее недействительности или подложности. Ее просто замолчали.

---

²¹ См. там же, с. 262.

²² Ad Sereniss. Principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, a D. Ioanne Fabri aedita. – Opus historiarum nostro saeculo convenientissimum. Basileae. 1541. Apud Barptolomaeum Uvesthemerum, p. 196–233.

²³ В 1555 г. для обоснования царского титула Ивана IV в Великое Княжество Литовское были направлены списки с грамот Максимилиана I и султана Сулеймана Великолепного. См.: Сборник русского исторического общества, т. 59, № 31, с. 474–476; Соловьев С.М. История России с древнейших времен, кн. III, т. 6. М., 1989, с. 500.

HISTORY OF HUMANITY. SCIENTIFIC AND CULTURAL DEVELOPMENT. V. II. From the Third Millennium to the Seventh Century B.C. London: Routledge, 1996.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ. Т. II. III тысячелетие – VII в. до н.э. Лондон, 1996.

Лондонское издательство "Рутледж" выпустило в свет очередной том семитомного труда "История человечества. Научное и культурное развитие", осуществляемое по решению Организации Объединенных Наций по образованию, науке и культуре ЮНЕСКО. Первый том этого издания "Предыстория и начало цивилизации" был опубликован в конце 1994 г.¹

Временные рамки второго тома охватывают период с III тысячелетия по VII в. до н.э.

Том открывается предисловием Генерального директора ЮНЕСКО Фредерика Майора и двумя вводными статьями. Автор первой вводной статьи – "От предыстории к истории" бельгийский археолог Зигфрид де Лат (редактор первого тома) отмечает, что задолго до 3100 г. до н.э., времени, с которого начинается изложение рассматриваемого тома, человеческий род уже существовал на протяжении более чем 2,5 млн. лет, что составляет 92,5% всего времени существования человечества. Но об этом длительном времени наука пока знает очень мало. Условно в нем выделяются этапы: начало изготовления орудий труда (2,5–2 млн. лет до н.э.), окончательный переход к вертикальному способу передвижения (около 1,8 млн. лет до н.э.), начало добывания огня (около 0,5 млн. лет до н.э.). В различных географических областях земного шара – Африка, Европа, Восточная и Юго-Восточная Азия – развитие человеческого рода протекало асинхронно, но, в целом, с ускорением.

За 100–35 тысяч лет до н.э. люди от языка жестов начали переходить к звуковому, речевому языку, появляются первые захоронения, создаются наскальные рисунки. Примерно за 40 тысяч лет до н.э. некоторые обитатели юга Европы и части Азии стали осваивать новые пространства; через Берингов Мост и Аляску первые люди проникли из

Восточной Азии на Американский континент, заселив его до Огненной Земли на самом юге. В это же время миграционный путь из Индонезии достиг Новой Гвинеи, Австралии и Тасмании.

Во время последнего ледникового периода, примерно 35–12 тысяч лет до н.э., племена охотников следовали за обильными стадами травоядных животных, которые паслись на просторах тундр, степей и саванн. Вся жизнь этих людей была пронизана разного рода магическими и религиозными представлениями и обрядами, находившими отражение в наскальных изображениях и пещерных рисунках, в женских зооморфных статуэтках и в похоронных обрядах.

После отступления ледников, люди должны были приспособиваться к новым природным условиям. Охота становилась вторичной, видное место занял сбор съедобных растений. Примерно 10 тысяч лет до н.э. начался постепенный переход к неолиту, когда люди стали создавать запасы продовольствия, перейдя к земледелию и скотоводству. Это был поворотный этап в развитии человечества, который привел к созданию общественной иерархии и появлению первых государственных образований. Между появлением первых поселений и возникновением первых городов-государств прошло всего около 7 тысяч лет.

В результате производства продовольствия, развитие человечества приобрело невиданное доселе ускорение, хотя во многих частях земного шара еще сохранились значительные группы людей, оставшихся на донеолитической стадии развития, и подчас сосуществовавших с жителями неолитических поселений.

В самих неолитических поселениях в результате производства избыточного продовольствия, развился торговый обмен с другими общинами, образовался слой правителей и жрецов, которые присваивали себе эти излишки, обращая их на приобретение предметов роскоши, строительство дворцов и храмов.

К началу периода, рассматриваемого во втором томе, процесс социального разделения общества

¹ См. рецензию С.Л. Тихвинского на первый том «К выходу I тома "История научного и культурного развития человечества"». – Новая и новейшая история, 1995, № 1, с. 194–198.

был завершен в Египте, Месопотамии, значительно продвинулся в Китае, Эгейском мире и в какой-то мере в Юго-Восточной Европе, Испании и Италии.

Авторы второй вводной статьи, озаглавленной "Основные черты нового периода", ответственные редакторы тома пакистанский археолог А.Х. Дани и ведущий французский специалист по неолиту проф. Ж.П. Моэн отметили, что помимо материальных памятников новой эпохи – египетских пирамид, открытых и раскопанных в XIX и XX вв., Трои, Микен, Харалпы и других древних поселений, наскальных надписей и рисунков – учеными широко привлекаются для понимания истории научного и культурного развития человечества в упомянутые века также и материалы филологии, литературы и истории. Открытие нового метода датировки костных останков и предметов из дерева на основе следов радиоактивного распада изотопа углерода C-14 произвело подлинную революцию в археологии наряду с дендрохронологией и палеоботаникой.

Тем не менее среди специалистов продолжают споры по многим проблемам истории человечества в рассматриваемый период. Так, например, наступление железного века на смену бронзовому объясняется одними авторами изобретением металлургии железа хеттами, затем распространившимися свою технологию в соседние государства; другие же авторы считают, что железо, в виде мечей, было принесено кочевниками из Центральной Азии. Другой темой непрекращающихся дискуссий среди ученых является датировка расселения индо-европейцев, причем разброс мнений в датировке прихода этих народов колеблется от VI до II тысячелетия до н.э.

Редакторы тома придерживаются широко распространенной, но условной хронологии, датируя события по годам до Рождества Христова, хотя и признают, что в ряде стран эта датировка не принята учеными за исходную точку отсчета.

Если центральным событием в эволюции человечества, о которой речь шла в первом томе "Истории", была, по мнению археологов, так называемая неолитическая революция, т.е. появление земледелия и скотоводства, обеспечивших людям стабильное поступление продовольствия, то период от III тысячелетия до 700 г. до н.э. некоторые ученые называют "городской революцией". Однако более правильно, по мнению А.Х. Дани и Ж.П. Моэна, считать этот период началом цивилизации – т.е. новыми формами жизни, мышления и действий людей. Отличительной чертой цивилизации стало появление письменности.

Распространение письменности, а также различных методов счета открыло новые пути не только для развития материального благополучия людей, но и для распространения науки, культуры, духовности и морали. В результате стало возможным ознакомление с философией, поэзией, ми-

фами, законами людей того времени, их историей, искусством и религией. Материалы второго тома "Истории" доказывают, что между различными народами уже на той ранней стадии цивилизации существовал оживленный торговый и культурный обмен. Открытия археологов и историков наносят удар по сторонникам противопоставления одних цивилизаций другим, особенно по долго бытовавшему среди части культурологов противопоставлению "цивилизированных" народов Западной Азии и "варварской" периферии.

А.Х. Дани и Ж.П. Моэн подчеркивают, что между первыми цивилизациями и окружающей их периферией осуществлялось постоянное взаимодействие и взаимное культурное обогащение, будь то цивилизация долины Нила и остальная Африка, Месопотамия и ее соседи, города бассейна Инда и окружающие их народы, древний Китай и его северные соседи и т.д. и т.п.

Одной из отличительных черт новой эпохи стало распространение бронзовых орудий. Это привело к созданию избыточного продукта и росту торгового обмена. Произошла дальнейшая социальная стратификация общества, появились стабильные социальные группы и слои собственников на землю, на рудники, организаторов крупного ремесленного производства, торговцев, воинов, жрецов, возникло государство, регулировавшее отношения между этими социальными группами.

Сохранившиеся от тех эпох первые письменные свидетельства – будь это глиняные таблички из Месопотамии, надписи, высеченные на камне в Египте и других местах, – позволяют науке иметь точную датировку тех или иных исторических событий, с уверенностью говорить о тех или иных народах и знать ареалы их расселения, их экономическую, культурную и политическую жизнь, религиозные верования.

К концу бронзового века в ряде районов мира, наряду с продолжением образования государств, появляются и первые империи.

В работе над томом приняла участие 63 автора из различных стран, в том числе 6 специалистов из России: академик А.П. Деревянко, член-корреспондент РАН М.А. Дандамаев, доктора исторических наук В.А. Массон (один из соредкторов тома), Н.Я. Мерперт, В.М. Сарияниди, В.А. Якобсон. Каждая авторская статья снабжена пространной тематической библиографией.

В первой, тематической части тома различными авторами описывается переход человечества от эмпирических к научным знаниям в различных регионах мира, рассматривается технологическая сторона бронзового века: металлургия меди и бронзы, а также раннего железа, различных видов транспорта; развитие строительного дела, появление мер и весов, начало измерения и появление календаря. Отдельные статьи этой части тома посвящены исследованию соотношения между

оседлым земледелием и кочевым пастбищным скотоводством, развитию дальних торговых путей, истории различных форм письменности и возникновению основных языковых семей и групп. Ряд статей посвящен устным традициям, появлению литературы, религий и искусств (архитектура, песни, музыка и танцы).

Вторая часть, занимающая более трех четвертей всего объема тома, посвящена развитию отдельных регионов мира между III тысячелетием и VII в. до н.э. Ее открывают статьи по истории тех регионов мира, о которых сохранились письменные свидетельства:

1) В Африке: долина Нила (3000–1780 гг. до н.э.), Египет (1780–700 гг. до н.э.), Нубия и ее отношения с Египтом (1780–700 гг. до н.э.);

2) В Европе: Эгейский мир в ранний бронзовый век (3000–1500 гг. до н.э.); в средний и поздний бронзовый век (2100–1100 гг. до н.э.); в период упадка и возрождения (1100–700 гг. до н.э.); Кипр;

3) В Азии: Месопотамия – бассейны Тигра и Евфрата (3000–1500 гг. до н.э.), Касситский период (1500–700 гг. до н.э.); Сирия и Палестина в ранний и средний бронзовый век (3000–1600 гг. до н.э.) и в поздний бронзовый и ранний железный век (1600–700 гг. до н.э.); Анатолия, Иран, Афганистан; Аравийский полуостров; долина Инда (3000–1500 гг. до н.э.); культуры, сменявшие культуры долины Инда (1500–700 гг. до н.э.); Китай.

Другой раздел второй части тома посвящен регионам, об истории которых имеются лишь археологические и антропологические источники:

1) В Африке: все остальные территории, включая долину Нила;

2) В Европе: южная, юго-восточная, центральная, восточная, западная и северная ее части, а также религии и искусство всей Европы;

3) В Азии: центральные и юго-восточные ее районы и Тихий океан; Корея, Япония, Северная Азия и Монголия;

4) Австралия;

5) В Америке: Северная Америка – Мезоамерика; Южная Америка – ее северо-восточные, западные и юго-западные территории. В отдельных статьях рассматривается культурная эволюция всего Американского континента, искусство и религии.

Том завершается кратким послесловием Ж.П. Мозна, вновь подчеркнувшего, что на протяжении

длительного хронологического периода, которому посвящен данный том, человечество пережило необычайное ускорение в своем развитии, это ускорение произошло по причине бурного роста взаимных контактов вызванного развитием всех видов транспорта и появлением отдельного общественного класса торговцев. Другим фактором, обусловившим ускорение исторического процесса, по его мнению, было появление письменных источников, позволивших передавать и распространять как частную, так и официальную научную, технологическую и культурную информацию из поколения в поколение и от одного народа к другому.

Материалы тома свидетельствуют о том, что оседлые и кочевые общины не представляли собой высокий или низкий тип общества: они развивались одновременно в различных природных условиях и географических средах в своем взаимном общении, обогащали друг друга, обмениваясь своими культурными и технологическими навыками и продуктами своего труда. Развитие сельского хозяйства и разведение домашнего скота, как и металлургия меди, происходили одновременно на всех континентах в Евразии, Африке и Америке.

Наряду с большим достижением современной науки в области изучения научного и культурного развития человечества в III тысячелетии – VII в. до н.э. Ж.П. Мозн отметил, что недостаточно исследованы многие аспекты истории, лингвистики и археологии индо-европейских народов, предстоит уточнить хронологические даты многих событий того периода.

В томе помещены 103 высококачественных фотографии различных археологических памятников и предметов, 29 карт и 169 рисунков и схем.

В заключение следует отметить высокое полиграфическое оформление тома, наличие в нем подробного предметного и именного указателей, сводной хронологической таблицы, перечня фотографий и прочего иллюстративного материала.

Выход в свет второго тома "Истории человечества. Научное и культурное развитие" привлечет внимание широкой читательской аудитории. Хотелось бы надеяться на появление русского перевода тома и на его издание в России с сохранением всего содержащегося в нем богатого иллюстративного материала.

Академик С.Л. Тихвинский

**Ю. А. Поляков. НАШЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ. Полеми-
ческие заметки. М.: изд-во "АИРО-XX", 1995, 215 с.**

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX), опубликовавшая целый ряд монографий и документальных сборников, выпустила в свет новую книгу академика РАН, член-корреспондента РАН Ю.А. Полякова.

Автор явно поскромничал, характеризуя свой труд как "полемические заметки". И замысел, и полученные конечные результаты выходят далеко за их пределы. Полемика явилась как бы способом, инструментом для историографического анализа всего периода перестройки российской исторической науки, начиная с 1987 г. и до наших дней.

Что это было за время, по мнению автора? "Как и общество, историческая наука оказалась в глубочайшем кризисе, выражающемся прежде всего в разрушенности старого и несозданности нового", — отмечается в предисловии. Какой же путь прошла отечественная историография в этот кризисный для нее, период? Что происходило с ней в годы перестройки? Эти вопросы находятся в центре внимания автора, полагающего, что уже сейчас происходящее можно оценить объективно: "Время стремительное, ураганное отделило нас от первых лет того, что мы называем перестройкой. События второй половины 80-х и начала 90-х гг. перешли в компетенцию историков" (с. 6).

Конечно, констатирует Ю.А. Поляков, время изменит оценки, расставит новые акценты. Но все же будущим историографам небесполезно будет увидеть ту "картину движения исторической науки, которая отражена одним из участников этого движения". Чтобы это отражение было максимально объективным, в текст книги автор обильно включил свои статьи и интервью, увидевшие свет в газетах и журналах 1987–1992 гг.

Ю.А. Поляков принадлежит к тем историкам, кто, с одной стороны, одним из первых выступил против обветшавших догм, тормозивших развитие отечественной историографии; с другой же стороны, был среди наиболее последовательных, активных и умелых борцов за профессионализм исторической науки, борцов с тем наносным, фальшивым, конъюнктурным, что всплыло на поверхность в конце 80-х — начале 90-х гг. Он одним из первых выступил против "беготни в кроссовках по истории", новой политизации исторической науки; еще и еще раз предупреждая о том, что история жестоко мстит тем, кто пренебрегает ее уроками. Ю.А. Поляков вправе давать оценку ходу перестройки в исторической науке не только в силу своей эрудиции и высокого профессионализма, но и по морально-этическим соображениям — в силу того, что он оставался на высоте в очень непростое для "департамента Клио" время.

А положение в этом департаменте, отмечает автор, менялось не сразу: "После апреля 1985 г. наступил латентный период, когда и в обществе, и

в науке лишь накапливались перестроечные идеи. Затем последовало медленное движение, вслед за которым наступило ураганное разрушение господствовавшей ранее идеологии, основных исторических концепций. Иными словами, в 1985–1986 гг. познание прошлого походило на закрытый котел, нагревание которого было незаметно постороннему глазу. Но котел все же нагревался, и в 1987 г. для многих неожиданно выявилось, что температура уже достаточно высока" (с. 9).

Этот "перегрев" ощущался в интервью, данным в июле 1987 г. Ю.А. Поляковым корреспонденту "Литературной газеты", часть которого вошла в книгу. В нем он констатировал снижение престижа исторической науки, упадок доверия общественности к слову историка, вызванный как ее доперестроечной идеологической зашоренностью, так и уже новыми реалиями: временем, когда на любви к отечественной истории стали паразитировать ловкие авантюристы, ничего общего с наукой не имевшие. Поляризация взглядов в обществе, принципиально утверждалось в интервью, будет усиливаться, а главные дискуссии — еще впереди (с. 17). В целом же автор книги считает, что к 1988 г. налицо был творческий подъем среди историков. "Вера в перестройку, в возможность скорого постижения правды истории была искренней и глубокой" (с. 65).

Иная тональность ощущается при чтении помещенных в книгу интервью и бесед с Ю.А. Поляковым за последующие годы. Так, в канун 1991 г. его суждения тревожны и взволнованны. Вот что говорил он корреспонденту "Недели": "Путь обновления общества ... оказался куда болезненней и сложнее, чем думалось в восемьдесят пятом. Путь постижения исторической правды, как части обществоведения — тоже. Наши прошлогодние прогнозы ... не дышали оптимизмом. Историки, попытавшиеся заглянуть в будущее, оказались — увы — правы и в том, что касается развития общества, и в отношении перспектив исторической науки. За минувший год растревоженный поток не вошел в берега, а разлился еще шире. Смутное время продолжается ... Голос науки по-прежнему заглушается децибеллами тенденциозности и дилетантизма. Плюрализм в оценке прошлого идет не от научной обоснованности, а от растущей политической поляризации. Да, сложное состояние и понимание истории характеризуется, с одной стороны, сохранением далекого от науки догматизма — есть немало людей, продолжающих рыть колодезь на старом дворе. С другой — появлением не менее далеких от науки реставраторских тенденций: иные авторы, зачеркивая все, что было после 1917 г., и вознося все, что было до того, лихо опрокидывают на словах даже то, что опрокинуть нельзя, ибо оно стоит на

фундаменте неопровержимых фактов ... К сожалению, уроки истории плохо усваиваются обществом и его лидерами. Более того, я бы сказал, что очевидно непреодолимое стремление повторять ошибки прошлого. Грустно это констатировать, но, может быть, одна из закономерностей истории и заключается как раз в неизбежности повторения ошибок отцов и дедов" (с. 154–155).

Правдива и оценка сложившегося в конце 1989 – начале 1990 г. положения дел в стране: "Произошло резкое нарастание антикоммунистической, реставраторской волны. Непрерывно усиливалась критика Ленина и ленинизма, Октябрьской революции, социалистического выбора, усиливалась идеализация дореволюционной России. Наконец, после августа 1991 г. эти тенденции стали официальными, и критика советской истории достигла невиданного прежде накала ... В 1992 г. идеологическое размежевание на почве отношения к истории советского общества в основном завершилось" (с. 35–36).

Состояние исторической науки к этому времени охарактеризовано автором как жесточайший кризис: "Историки оказались среди развалин старой методологии, старой идеологии, старого мировоззрения. Их захлестывали волны воинствующего дилетантизма, новой политизации, новой тенденциозности, что неизбежно вело к новым фальсификациям, новой лжи". Автор провозглашает: "У историков есть одна путеводная звезда, по которой и надо торить путь. Их ориентирами должны быть объективность в исследовании, безусловная точность в передаче фактов, опора на факты, на документы, на их беспристрастный анализ, ориентирами должны быть честность и высокий профессионализм" (с. 36).

Ю.А. Поляков в эти сложные годы всегда демонстрировал исследователям пример честного отношения к Истории, к своей профессии, к "делу, которому ты служишь". Одно из свидетельств тому – рассматриваемая книга. Опубликованные ранее материалы составляют лишь два из семи ее разделов. О проблематике, методологии основной части исследования дают представление названия разделов и параграфов: "Дорожить каждым годом нашей истории"; "Непростая правда истории"; "Исторический процесс многолюден"; "Дела и дни страны"; "После нас – потоп?"

Такие сюжеты, как состояние советского общества и общественных наук к середине 80-х гг., первые годы перестройки, разделы книги "Три главные болезни: догматизм, конъюнктуризм, дилетантизм"; «Белые пятна и "черные дыры"»; "Камо грядеши?", "Вместо послесловия", помимо своей научной значимости, в силу глубины анализа и одновременно – прозрачности, образности, метаморфичности стиля, могли бы стать ценными фрагментами учебных пособий, войти в хрестоматию по истории Отечества. Особенно подкупает критически-объективный и одновременно интелли-

гентно-уважительный подход автора к оценке трудов историков и публицистов, взгляды которых он не разделяет.

Ю.А. Поляков доводит свое исследование до 1995 г. Отмечая определенные успехи исторической науки – расширение исследовательской проблематики, изучение новых тематических пластов, уточнение трактовки многих исторических явлений и событий, увеличение выпуска исторических книг – он подчеркивает, что кризис не преодолен. Историческая наука не обрела пока народного доверия, не укрепила свой престиж. Бульваризация, коснувшаяся в той или иной степени всей российской печати, продолжает сказываться и на профессиональной историографии, и на освещении исторических сюжетов в средствах массовой информации. Правоту этого вывода подтверждает, в частности, тот факт, что сразу же после празднования в 1995 г. 50-летия Победы в Великой Отечественной войне многие газеты вновь "вышли на тропу войны", обрушив на головы читателей лавину инсинуаций по поводу Московской битвы, восхвалений генерала Власова и "трудов" В. Резуна (Суворова); продолжается дискредитация полководческой деятельности Г.К. Жукова.

"Закончился ли переходный период в 1995 г.? – тревожится автор книги. – Или он продолжится столько, сколько продолжится переходный период в России, сколько потребуется ей, чтобы стать цивилизованным государством?" И вновь предупреждение: "Думается, что на пути политизации, новой конъюнктуризмы историческая наука зайдет в новый тупик" (с. 205). С этим выводом автора следует согласиться.

Таким образом, книга "Наше непредсказуемое прошлое" – хотя и не "энциклопедия перестройки", но и не "сборник беглых заметок", как характеризует ее автор. Это – одна из первых ласточек историко-философского осмысления последнего "славного" десятилетия развития страны, изменений, происшедших в исторической науке. Появление книги – свидетельство тому, что у современной отечественной исторической науки есть будущее. И лежит оно на пути профессионализма, эрудиции, гражданственности, то есть, на той дороге, по которой всегда шел и продолжает идти, несмотря на ветры конъюнктуризмы, Ю.А. Поляков.

Труды Ю.А. Полякова – История с большой буквы; какие бы проблемы в них не рассматривались, они всегда вызывали живой интерес, зачастую являясь катализатором плодотворных научных дискуссий. Убеждены, что такая же судьба ждет и эту его книгу.

А.Н. Пономарев,
доктор исторических наук
М.М. Горинов,
кандидат исторических наук

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ. Т. 3. ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ (КОНЕЦ XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.). М.: изд-во "Наука", 1993, 665 с.; Т. 4. ЕВРОПА НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVII–XVIII ВЕКА). М.: изд-во "Наука", 1994, 509 с.

Вышедшие в свет третий¹ и четвертый² тома "Истории Европы" можно оценивать сразу с нескольких позиций: сравнить состояние отечественной исторической науки начала 80-х годов и характерные тенденции развития последних лет, оценить степень изученности той или иной проблематики, а также посмотреть на перспективы подобных трудов издания в дальнейшем. Работа сразу над всем изданием развернулась в начале 80-х годов. Авторские коллективы томов состояли из сотрудников Института всеобщей истории РАН, Института славяноведения и балканистики РАН, Института российской истории РАН, а также Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета и некоторых других учреждений из бывших республик СССР. Эти два тома представляют собой попытку свести в единое целое характерные для нашей исторической литературы представления об основных тенденциях развития континента в XVI–XVIII в. и в этом смысле являются уникальным изданием в русскоязычной историографии.

Что касается зарубежной литературы, то там издания такого типа предпринимались не раз. Прежде всего отметим обстоятельную "Кембриджскую современную историю"³ и вышедшее в 1995 г. двухтомное "Руководство по европейской истории. 1400–1600 гг." под редакцией Т. Брейди, Х. Обермана и Д. Трейси⁴, в котором преобладает

проблемно-теоретический подход, подкрепленный хорошим литературным изложением; среди авторов – многие известные специалисты из США, ФРГ, Великобритании, Франции, Нидерландов, Швейцарии. К сожалению, на русский язык переводятся преимущественно работы популярного и описательного характера. не имеющие научного значения, например – однотомная "История Европы" (Минск, Москва, 1996)⁵.

Рассматриваемые тома построены по проблемно-региональному принципу, что дало возможность выявить общее и особенное в развитии экономики, социальных отношений, политических и государственных структур, идеологии, международной политики и культуры в Европе конца XV–XVIII вв. В третьем томе бросается в глаза некоторая неравномерность в объемах различных частей. Наиболее обширными являются части, посвященные социально-экономическому развитию и культуре, что лишним раз подтверждает большое внимание, уделяемое этой проблематике в отечественной историографии, посвященной XVI в. Очевидно также стремление осветить все проблемы, т.е. сказать обо всем понемногу. С одной стороны, такое стремление похвально, но с другой – создается впечатление, что перед нами расширенный вариант учебника, насыщенного нормативным материалом. Хотя в предисловии тома оговаривается, что редакторы и авторы не ставили целью охватить историю всех европейских государств, а попытались наметить и объяснить самые существенные черты их развития (с. 5), не все в этом смысле получилось. Да и такая задача была весьма сложной. Для широкого читателя маловато занимательности изложения, а для специалистов недостает оригинальности и проблемности в постановке вопросов. Порой суховат стиль изложения, а ведь издание предназначено для массового читателя.

Главное, тем не менее, получилось: Европа, несмотря на все особенности ее различных регионов, показана как географическая и культурно-историческая общность. Выделение отдельных стран, групп стран и регионов представляется оправданным, хотя в отношении Австрии такой подход кажется спорным, поскольку отделение ее от других германских земель едва ли оправданно. Пожалуй, это единственное замечание по поводу структуры труда, в котором Европа выглядит вполне целостным явлением.

¹ Отв. редакторы: Л.Т. Мильская, В.И. Рутенбург. Авторы: В.М. Алексеев, М.А. Барг, Л.М. Брагина, М.Е. Бычкова, В.А. Ведюшкин, М.В. Винокурова, В.М. Володарский, Т.П. Гусарова, О.В. Дмитриева, Я.Д. Исаевич, В.В. Карева, С.М. Каштанов, Н.Ф. Колесницкий, Н.Е. Копосов, В.И. Корещий, Л.А. Котельников, С.Ф. Кудрявцев, В.Н. Малов, А.Г. Маньков, И.П. Медведев, В.Ф. Мордвинцев, Е.П. Наумов, И.Н. Осинковский, Т.А. Павлова, Х.А. Пийримяз, А.Д. Ролова, Л.Е. Семенова, Н.В. Синицина, Б.Н. Флоря, Л.С. Чиколина, А.Н. Чистозвонов, А.Э. Штекли, А.Л. Ястребицкая.

² Отв. редактор: М.А. Барг. Авторы: И.А. Булыгин, М.В. Винокуров, В.А. Дьяков, Н.А. Ерофеев, И.В. Кеткова, В.Г. Кисунько, М.И. Ковальская, Т.Л. Лабутина, В.Н. Малов, М.Н. Машкин, В.С. Мошков, А.С. Мыльников, Е.П. Наумов, А.А. Преображенский, В.В. Рогинский, Г.А. Сибирев, Е.Б. Черняк.

³ The Cambridge Modern History, v. 1–11. Ed. by A.W. Word e.a. Cambridge, 1907–1919; 1934.

⁴ Handbook of European History. Ed. by T. Brady, H. Oberman, D. Tracy. V. 1–2. Leiden–New York–Köln, 1995.

⁵ Среди его авторов нет сколько-нибудь значительных имен; а научный редактор русского перевода никакого отношения к истории Европы не имеет.

Выделение периода конца XV – первой половины XVII в. в отдельный этап, "условно называемый поздним средневековьем", – дань установившейся в 30-х годах в советской историографии традиции, хотя такой подход не только не соответствует периодизации, принятой в мировой исторической науке, но и уязвим со многих позиций, в частности, с точки зрения развития раннего капитализма. Период конца XV–XVIII в. разорван на две половины, что создает много неудобств. Это особенно заметно на примере освещения проблемы абсолютизма и истории культуры: культура барокко возникает в первые десятилетия XVII в., т.е. в позднее средневековье, а затем вдруг переключается в новое время. Среди большинства специалистов отмечается стремление выделить конец XV–XVIII в. в отдельный период под условным названием "ранее новое время"⁶.

Название первой части третьего тома излишне академично: "Основные проблемы социально-экономического развития". Может быть, стоило сделать его более броским. Что касается содержательной стороны, то раздел производит хорошее впечатление, хотя можно было бы побольше внимания уделить дискуссионным проблемам. Раздел о технических новшествах и демографических переменам в целом запоминается. Обращено внимание читателей на прекращение миграций по причине эпидемий и увеличение их по политическим и конфессиональным мотивам. Хорошо написаны главы об экономическом развитии и социальной структуре отдельных стран в XVI в.

Примечательно, что авторы второй части "Политические структуры и абсолютизм" отказались от характерной ранее для нашей науки тенденции в обязательном порядке выявлять соответствие между уровнем социально-экономического развития и формой правления. Так, отмечается, что формы государственной власти развивались "относительно самостоятельно, больше подвергаясь внешнему влиянию, обладая большей способностью к усвоению опыта и практики соседних, более развитых государств" (с. 159).

Непропорционально малым по объему в сравнении с другими частями выглядит раздел "Реформация и Контрреформация". По существу, проблемами Реформации в советской историографии, за исключением ранней Реформации в Германии и Нидерландах, серьезно не занимались, тогда как в западной литературе эта тематика была и остается предметом неослабевающего интереса. Американский историк Л. Спизц даже отмечает, что именно благодаря широкому внедрению в самые разнообразные группы населения Реформация в социальном и даже интеллектуальном плане

стала более сильным катализатором, чем культура Возрождения⁷. Идеи Реформации были значительно ближе и понятнее широким кругам населения, чем элитарная культура Возрождения. В рассматриваемом труде Реформация оценивается больше с социальной точки зрения. Лишь упомянуто о том, что она способствовала укреплению рационалистического мышления, хотя даже в теоретическом аспекте эта проблема требует большего внимания и осмысления. Надо было бы отметить чисто теоретические проблемы, ставшие за последние годы весьма актуальными. Почти не рассматривается Реформация в качестве общеввропейского явления в политическом и международном плане.

Характеризуя четвертую часть "Народные движения и ранние буржуазные революции", следует отметить, что эта традиционная для советской историографии тема освещена обстоятельно. Бесспорно, преуменьшать место этих движений и отрицать их связь с революциями XVI–XVII вв. не следует. Но ведь и Реформация имела к этим революциям самое прямое отношение. События развивались по гораздо более сложному сценарию, чем простая смена феодализма капитализмом и зарождение абсолютизма (с. 321, 331). Особенности народных движений во всех регионах и странах Европы представлены в полной мере, живо написана глава "Реформация и Крестьянская война в Германии". Добавим, что, как нам представляется, при оценке этого исторического события вполне могла бы найти применение концепция "революции простолоудина", выдвинутая немецким историком П. Бликке⁸.

Отношение к пятой части тома, посвященной международным отношениям, неоднозначно. Очевидно, что особенности развития системы международных отношений в Европе конца XV – середины XVII в. не определялись тем только, "что это был период зарождения нового, капиталистического уклада в рамках феодальной формации" (с. 385). Фактор турецкой угрозы не был обязан своим происхождением раннему капитализму, да и начавшаяся борьба за гегемонию на Балтике имела истоки скорее феодального характера. Зато точно подмечено, что с XVI в. можно говорить о возникновении мировой системы международных экономических отношений. Авторы убедительно показали, как утверждались в теории и практике международных отношений принципы "государственного интереса", свободного от идеологической мотивации в ее средневековом понимании (с. 386). Обстоятельно раскрыты причины, ход и результаты Тридцатилетней войны, но не упомянуто, что после нее в Западной и Центральной Европе сло-

⁶ См. материалы "круглого стола" по проблемам периодизации: Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени, 1993, № 2, с. 6–19.

⁷ Spitz L. The Protestant Reformation 1517–1559. New York, 1985, p. 184.

⁸ Blicke P. Die Revolution von 1525. München, 1981.

жилось новое соотношение сил и что эта война была наиболее выраженным проявлением "кризиса XVII в."

Весьма объемиста часть шестая "Развитие культуры", отражающая достигнутые за последние десятилетия успехи отечественных историков в изучении прежде всего культуры Ренессанса. В главе о становлении ренессансной культуры в Италии справедливо подчеркивается, что полицентризм итальянской политической жизни способствовал многосторонности Возрождения. Однако несколько односторонним представляется понимание Возрождения как передовой культуры, характерной для эпохи перехода от феодальных отношений к капиталистическим (с. 455). Тем более, что в последующих главах приводится материал, значительно шире характеризующий это культурное явление.

Основное значение эпохи конца XV – первой половины XVII в. состоит в аккумуляции количественных изменений, приведших к качественному скачку, переходу к начальным стадиям нового, капиталистического строя, причем этот процесс не ограничивался пределами Европы, а был по своему воздействию и охвату явлением всемирно-исторического масштаба (с. 592). В подтверждение этих слов приводится высказывание французского историка Ф. Броделя о "прорыве" Европы в развитии человеческой цивилизации по отношению к другим континентам: человек цивилизаций, т.е. Европы, "отбросил их на второй план, оставив далеко позади себя. Он как бы сгладил и обесценил успехи этих народов"⁹. Но у Броделя речь идет скорее о всем периоде конца XV–XVIII вв., без разделения на две составляющие. Кроме того, здесь также присутствует евроцентризм.

Рассматриваемые тома, посвященные целостному хронологическому промежутку в истории Европы – эпохе раннего нового времени – должны представлять собой единое целое. Тем не менее, это не совсем так. В отличие от XVI – первой половины XVII в., в целом освещенных в отечественной историографии на достойном уровне, последующая эпоха вплоть до Великой французской революции остается – за исключением ряда сюжетов – по-прежнему малоизученной. Отраднo, что авторы четвертого тома попытались восполнить в истории Европы второй половины XVII–XVIII вв. В целом это удалось, но отсутствие фундаментальных исследований по многим проблемам рассматриваемой эпохи дает о себе знать. В отличие от третьего тома, отличающегося любовью к деталям, разделы четвертого тома носят обобщающий, синтетический характер. Это можно заметить даже по оглавлению.

Привлекает внимание "Введение" к четвер-

тому тому, в котором четко формулируются как раз те задачи, которые требуют особого рассмотрения. Не вызывает сомнения также правильность избранного авторами проблемно-регионального подхода к изложению. Однако все события истории XVII в. имеют настолько сильную логическую взаимосвязь, что многие из них невозможно отделить друг от друга и рассматривать по частям.

В главе "Английская революция середины XVII в." справедливо отмечается взаимосвязь этого события с другими кризисными явлениями в Европе середины столетия – Фрондой во Франции, восстаниями на Пиренейском полуострове, в Неаполе, восстанием Б. Хмельницкого на Украине (с. 11). Однако понятие "кризиса XVII в." является более глубоким по проявлениям и более широким по хронологическим рамкам. У читателя может сложиться мнение, что кризис не затронул германские земли. На самом деле кризисные явления обозначились там много раньше – с назреванием предпосылок Тридцатилетней войны, а сама война явилась одновременно как одной из причин, так и проявлением этого кризиса в Германии. Английскую революцию, Фронду и другие события середины XVII в. нельзя отрывать от Тридцатилетней войны, поскольку последняя оказалась их катализатором, а они – ее эхом. Однако если том начинается с изложения событий середины XVII в., то их нельзя отделять от последующего развития европейских стран. Ведь Английская революция проходила в два этапа – собственно революция середины XVII в. и Славная революция 1688–1689 гг. с временной паузой в виде реставрации Стюартов. Эти процессы невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, о чем свидетельствуют и современные зарубежные исследования авторитетных историков – Х. Тревора-Ропера, Дж. Израэля и др.¹⁰

Что касается Франции, то из поля зрения выпала деятельность реального правителя королевства в 1643–1661 гг. кардинала Дж. Мазарини, заслугой которого являются заключение Вестфальского и Пиренейского мирных договоров, умиротворение Фронды и окончательное утверждение абсолютизма во Франции. Сами же события Фронды изложены обстоятельно и на должном научном уровне.

Обстоятельный и пропорциональный по объему материал дан в главах о восстаниях в середине XVII в. в Испании, Италии и России. Удачной выглядит часть вторая, посвященная второй половине XVII в. Европа предстает как единое целое в социальном, политическом и международном плане. Только непонятно, почему глава о феодальных отношениях и генезисе капитализма в

⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1986, с. 195.

¹⁰ Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact. Ed. by J. Israel. Cambridge, 1991; Trevor-Roper H. From Counter-Reformation to Glorious Revolution. London, 1992.

России помещена после первой главы о социальной структуре европейской экономики. Целесообразнее было бы включение российского материала в главу "Европейский абсолютизм", либо после нее.

В главе о социальной структуре европейской экономики можно полностью согласиться с выделением и характеристикой типов развития европейских государств. Однако тезис о регрессивных явлениях XVII в. в феодальной системе Европы (с. 101) кажется уже устаревшим. Ведь еще член-корр. РАН В.И. Рутенбург отмечал, что в XVII в. капиталистические элементы в Италии отнюдь не исчезли, а ее экономика подверглась медленной перестройке, напоминавшей депрессию¹¹. В такой ситуации еще убедительнее выглядят авторитетные высказывания Броделя о естественном перемещении центров мировой экономики¹².

Очевидным прогрессом выглядит то, что вслед за Ю.В. Борисовым авторы рассматривают Славную революцию в общеевропейском, международном плане, хотя и очень скупо. Схематичность и недостаточно подробное освещение Войны за испанское наследство, по своему значению для Европы сравнимой с Тридцатилетней войной, можно отнести на счет слабой изученности этой темы в нашей историографии. Еще одним упущением является полное отсутствие материала о менталитете европейского общества XVII в.

Очень непросто дать характеристику разделу "Европейское просвещение". Вызывает недоумение последовательность расположения глав: изложение целесообразнее было бы начать именно с характеристики Просвещения; кроме того, подавляющая часть материала отведена России. Русские и славянские разделы очень удачны, особенно в том отношении, что Россия и Балканы представлены в ракурсе европейского развития, но непропорциональность выделенного этому сюжету объема очевидна.

Недостаточно полно освещена проблема европейского Просвещения, хотя ей, в особенности на французском примере, в отечественной литературе уделялось большое внимание. Глава скорее отвечает названию "Идеи Просвещения" или "Просвещение и политика", ибо основное внимание здесь уделено политическим идеям западноевропейских просветителей. А ведь само понятие Просвещения куда шире и охватывает почти все области евро-

пейской жизни второй половины XVII–XVIII вв. Показаны условия возникновения, но не раскрыты истоки просветительских идей. Очень скупо и не особенно четко освещается проблема просвещенного абсолютизма в Европе XVIII в., совмещенная в одной и той же главе с внутривластной историей таких государств, как Австрия, Пруссия, Испания, Португалия и др. Умело подан материал о религии и церкви.

Разумеется, все политические события XVII в. осветить в рассматриваемом издании было невозможно. Представление о политической истории европейских стран, за исключением Российской империи, приходится собирать по крупицам из различных глав и разделов. Здесь акцент на общем идет в ущерб характеристике особенного. Однако не это самое главное. Вскользь затронута в разделе о международных отношениях важное событие европейской истории XVIII в. – война североамериканских колоний за независимость. Для исследователей истории Англии не секрет, что первую американскую революцию и вкуче с ней парламентский кризис в самой Великобритании называют еще и "третьей английской революцией", не говоря уже о влиянии этого события на ход европейского развития, в частности – на Великую французскую революцию¹³. Тема американской революции могла бы сыграть роль мостика, логически переброшенного к революции французской, которая, по логике вещей, должна была бы открыть следующий том.

В целом выход третьего и четвертого томов "История Европы" в свет – явление значительное. Их отличительная черта – включение России в общеевропейскую историю и насыщенность обобщающими выводами, что, несомненно, было и остается важной чертой отечественной исторической науки. Такие издания позволяют находить общие подходы к истории конкретной страны, целого континента, всего человечества. Можно надеяться, что такие издания в будущем станут несколько ближе широкому читателю, сохранив одновременно высокий научный потенциал.

Л.И. Ивошина и Ю.Е. Ивошин
доктора исторических наук,
Смоленский государственный
педагогический университет

¹¹ См. Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; *Его же*. Истоки Рисорджемента. Италия XVII–XVIII вв. Л., 1980.

¹² Бродель Ф. Цит. соч., т. 3. М., 1992, гл. 1, 2, 3.

¹³ Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776. Ed. by J.G.A. Pocock. Princeton, 1980.

Война и бизнес – понятия органически неразделимые, связанные между собой и даже взаимопроницаемые. Отсюда и название новой монографии академика РАЕН и Международной академии информатики В.И. Шеремета.

Автор использовал неопубликованные документы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Российского государственного исторического архива (в Санкт-Петербурге), Российского государственного архива древних актов, Архива Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН, Центрального государственного архива Армении, Центрального государственного архива Азербайджана, Одесского областного государственного архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Предельно широко привлечена литература на европейских языках, и в первую очередь – на турецком.

Книга состоит из предисловия "От редактора", "Введения" и трех частей: "Когда бессильны ятаганы", "Паши-реформаторы, лорды-консерваторы, генералы-пасификаторы" и "В точке заката", каждая из которых делится на главы, а также "Заключения", "Глоссария" (списки специфически турецких слов, обращений и наименований) и "Библиографии". Для полноты картины – учитывая обилие исторических персонажей, в частности, турецких политических деятелей и военачальников, о существовании которых большинство читателей узнает впервые – не хватает только указателя имен.

В центре внимания В.И. Шеремета – сложный клубок политических и экономических проблем, в котором оказалась империя Османов в последней трети XVIII – середине XIX в. Объясняя читателю поставленную перед собой задачу, автор пишет: "Османский пример дает понимание простой истины. Если война есть продолжение политики иными средствами, а политика есть концентрированное выражение экономики, то война предстает как опосредованное выражение экономических интересов тех или иных подсистем" (общества. – В.Д.) (с. 12).

Дана оценка экономической политике на Ближнем Востоке: расширение товарно-денежных отношений, рост старых и введение новых налогов и "янычарские методы" их выколачивания, формирование системы откупов, особенно беспощадно применявшееся в отношении христианского населения Турции, защита традиционных прав цехов, что в совокупности оказывало воздействие на процесс массовых миграционных сдвигов во всем Восточном Средиземноморье, подвластном османам.

Отмечая отрицательные стороны экономического развития Османской империи, автор выявляет суть программы действий султанов Селима III (1761–1808) и Махмуда II

(1784–1839), которые пытались оживить систему сельскохозяйственного и ремесленного производства при сохранении в целом застойного характера османского общества. В.И. Шеремет приходит к обоснованному выводу о том, что "молодая городская буржуазия, особенно османских провинций, активно перестраивалась на внешнюю посредническую торговлю, в том числе оружием" (с. 24).

Автор справедливо указывает на то, что по мере того, как позиции европейского капитала в Турции усиливались, расширялась и система неравноправных договоров – капитуляций. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что "ускорившееся на рубеже XVIII–XIX вв. вовлечение Османской империи в международную торговлю было тесно связано с бурным промышленным переворотом в Европе" (с. 24). В действительности на рубеже веков о "бурном промышленном перевороте" можно говорить только применительно к Великобритании. Что касается остальных держав Европы, то процесс индустриализации в них затянулся на значительно более длительные сроки. В то же время именно лидирующая роль Великобритании в переходе к фабричной стадии производства явилась одной из главных предпосылок укрепления английских позиций в империи Османов.

Усиление борьбы между различными феодальными кланами, рост национально-освободительного движения – особенно на европейских территориях Турции – способствовали поискам выхода из создавшейся ситуации: эту задачу и попытался решить султан Селим III. Учитывая решающий вклад в экономику Османской империи балканских народов, как христианских, так и исламизированных, он с этих областей и начал осуществление задуманных реформ, стремясь привлечь христианское население Европейской Турции к активной поддержке своих начинаний; в частности, пошел на сближение с Константинопольским патриархатом, осуществил подготовку и заключение союзного русско-турецкого договора 1799 г.

Ответ янычар не заставил себя ждать. Султан-реформатор был свергнут с престола в 1807 г. а затем убит. Заслугой автора явился обстоятельный и всесторонний анализ политики Селима III и воссоздание образа зачинателя нового направления в политике Османов. Впервые столь ярко очерчен социокультурный портрет выдающегося представителя династии, семь веков правившей мировой державой. Позднее султан Махмуд II отомстил за смерть своего идейного предшественника, полностью уничтожив янычарский корпус и продолжив реформы Селима III.

Заслуживает внимания четко прослеживаемая в книге концепция автора о стремлении России к сближению с Турцией с начала XIX в., что проявилось в совместном обсуждении конституции для ионической Республики семи соединенных островов, ставке на сохранение статус-кво в Восточном вопросе, стремлении создать зону безопасности во время наполеоновских войн,

решении вопроса о Дунайских княжествах. Автор справедливо называет утопическим стремление России к ликвидации очага войны на Балканах. Начиная с 20-х годов XIX в. Турция все больше становилась "резервной зоной" для ведущих европейских держав, что в конечном счете и привело к отказу Стамбула от выполнения своих торговых обязательств по отношению к России. Поэтому именно Адрианополюский мир 1829 г.¹ знаменовал собой новый этап во взаимоотношениях между обеими странами и одновременно все более усиливавшуюся зависимость Стамбула от Великобритании и Франции, к которым Турция обратилась с просьбой о предоставлении займа для выплаты контрибуции России. Отсюда – усиление нестабильности в Турции, что сразу же было использовано британскими правящими кругами, стремившимися проводить политику "свободной торговли и свободных рук" и уже в это время все более внимательно присматривавшимся к Египту.

И вновь в поле зрения автора оказывается бизнес. Это и начавшиеся регулярные морские рейсы британского торгового флота, и деятельность австрийской пароходной компании, что не вызвало особого энтузиазма у их конкурентов-французов. В.И. Шеремет показал разнообразные методы экономического воздействия великих держав на слабешую Турцию. Все они взялись за изучение природных условий и сырьевых ресурсов не только Центральной и Восточной, но и Западной Анатолии. Полезна таблица, показывающая участие различных стран во внешней торговле Османской империи в 50-х годах XIX в. (с. 372).

В конечном счете треть всего товарооборота Османской империи оказалась в руках Великобритании. Но и другие державы – в первую очередь Франция, имевшая наиболее разветвленную и обширную сеть капитуляционных соглашений с Турцией и контактов со странами Леванта – отнюдь не собирались отказываться от своих традиционных связей со Стамбулом, и это демонстрирует серия статистических таблиц, приводимая В.И. Шереметом (с. 380–382), свидетельствующая об особой значимости для Франции турецкой сельскохозяйственной продукции. Другая серия схем показывает все возрастающее соперничество держав в Турции и на Ближнем Востоке вообще (с. 407–413).

В книге отмечается, "в авангарде сил вторжения в экономическую и политическую жизнь Османской империи шли британские фритредеры, опиравшиеся на промышленные ресурсы "мастерской мира" (с. 420). Именно они стремились "распечатать" как можно больше и турецких, и арабских земель империи Османов, успешно используя неудачи, постигшие Турцию в ее борьбе против египетского паша Мухаммеда Али.

В.И. Шеремет раскрывает происки Великобритании, направленные на обострение российско-турецких отношений в преддверии Восточной

войны 1853–1856 гг. Бескомпромиссную антиросийскую политику проводил министр иностранных дел, а затем премьер-министр Великобритании Г.Д. Пальмерстон, требовавший того же от английского посла в Турции лорда де Редклифа (Стратфорда-Каннинга). Пальмерстон был одним из самых ярких вдохновителей Крымской войны, "заветной целью" которого, как подчеркивает автор, был раздел России.

Переходя непосредственно к анализу военных действий, В.И. Шеремет отмечает рост боевого потенциала турецкой армии и пишет о "тройной ошибке" командования российских войск: осуществив оккупацию Дунайских княжеств, оно тем самым предстало перед мировой общественностью в весьма неблагоприятном свете, ибо эту акцию уже нельзя было рассматривать как шаг, предпринятый для "защиты святых мест". Автор подробно рассмотрел военно-морские операции на различных участках боевых действий российского флота, уделив особое внимание обороне Севастополя. обстоятельно проанализированы события, связанные с деятельностью Венского заседания послов и специальных представителей воевавших держав.

Парижский конгресс февраля–марта 1856 г. подвел черту под боевыми действиями, но не устранил противостояния победителей и побежденных. Среди последних, как обоснованно утверждает В.И. Шеремет, можно назвать и страну-победителя" Турцию. "Война 1853–1856 гг., – пишет он, – была первой и единственной в серии войн эпохи нового времени, которая повлекла за собой финансово-политический контроль группы военных советников над одним из членов победившего союза" (с. 600).

Однако вряд ли можно поддержать мнение автора о том, что формально побежденная, но отнюдь не выпадающая из разряда великих держав Россия и победившая Турция "сближались" (с. 602). Несмотря на все обещания турецких правителей, положение христианского населения Балканского полуострова не только не улучшилось, но и быстро ухудшалось, поскольку ни одна из намеченных февральским хатт-и-шерифом 1856 г. реформ, как и последовавших за ним проектов, так и не была осуществлена. К тому же и Абдул Азиз II не был личностью такого масштаба, как Селим III или Махмуд II. Второй этап реформ был лишь слабым подобием тех реформаторских действий, которые осуществляли предшественники Абдул Азиза. Так что скорее следует согласиться с мнением А. Дебидура, как, впрочем и многих других историков, о том, что "Россия не доверяла красивым фразам, исходившим из Стамбула"². Справедливость концепции В.И. Шеремета о решающей роли Англии в провоцировании русско-турецких конфликтов подтверждает и мнение современника событий великого князя Алексея Михайловича (Романова): "Ведь простая предусмотрительность, предвидение ближайшего будущего показало бы английскому министерству иностранных дел те ужасные

¹ В.И. Шеремету принадлежит наиболее исчерпывающая монография по этому вопросу: *Шеремет В.И.* Турция и Адрианополюский мир 1829 г. М., 1975.

² *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878), т. II. М., 1947, с. 451.

последствия, которые явились результатом английского участия в балканской неразберихе. При сложившихся обстоятельствах император Александр II счел своим долгом принять вызов Англии³.

Мнение В.И. Шеремета о якобы имевшем место сближении России и Турции в межвоенные годы (с. 602) требует более конкретных и развернутых доказательств, подтверждающих, что речь не идет о явлении чисто внешнего порядка.

Удачен в книге анализ проблемы взаимодействия метрополии и периферии. Автор показал, что среди наиболее "продвинутых" в социально-экономическом развитии национальных групп, населявших империю Османов, были и балканские народы, опиравшиеся на Россию в своей освободительной борьбе. В этой связи становится понятным стремление Турции османизировать Дунайский вилайет и вместе с тем "не допустить конфликта – метрополия – периферия" (с. 624), проявив "видимость заботы" о жителях Европейской Турции. Именно с этим фактором, наряду с другими, была, в частности, связана двойственность политики буржуазно-реформистского движения 60–70-х годов XIX в. "новых османов" в их борьбе за "место под солнцем". Но тогдашняя действительность не позволила решить эту задачу. В конечном счете кризис 70-х годов и банкротство турецкого правительства в 1875 г. поставили страну, как отмечает автор, "в положение полуколонии".

Многоплановость и нестандартность социокультурного подхода автора к рассмотрению проблем привлекут внимание всех, кто возьмет в руки книгу. Особое внимание уделено "портретному изображению" персонажей, названных в исследовании. Имена некоторых султанов мы уже

упомянули, но портретная галерея может быть расширена за счет таких исторических деятелей, как крымский хан Крым-Гирей, с одной стороны, и английский посланник в Константинополе Р. Энсли, с другой стороны, выдающихся представителей России полководца и дипломата М.И. Голенищева-Кутузова и флотоводца Ф.Ф. Ушакова. Впервые показаны влиятельные, но неизвестные нам персонажи. Яркие характеристики даны матери Селима III – Мехри-шах, а также матери султана-реформатора Махмуда II – Нахш-и-диль, француженке по происхождению, двоюродной сестре супруги Наполеона I Жозефины, или мусульманскому теологу и поэту Иззет Молла и многим, многим другим участникам событий, описанных в книге.

Привлекает читателя и удачно подобранный иконографический материал, схемы и статистические таблицы, обширная библиография. Помещенный в книге очень важный и подробный глоссарий уточняет на современном уровне многие понятия и термины ориенталистики.

Приходится, правда, сожалеть о схематизме в описании завершающих монографию событий 70-х годов XIX в., которые автор уместает в двух главах: "Восточный кризис – I: война и политика" и "Восточный кризис – II: война и экономика". Будем надеяться на то, что выйдет продолжение книги, поскольку все, написанное В.И. Шереметом, – плод высокого профессионализма и глубокого знания проблем, все еще недостаточно известных российскому читателю.

В.А. Дунаевский,

доктор исторических наук, член-корр. РАЕН,
профессор Московского государственного открытого педагогического университета

Е.А. Бродский. ЭТО ИЗВЕСТНО НЕМНОГИМ. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996, 392 с.

Книга написана доктором исторических наук, профессором, полковником в отставке Е.А. Бродским, который во время Великой Отечественной войны был начальником 7-го отделения политотдела 4-й Отдельной армии, затем в той же должности служил в 59-й армии. Позднее он возглавлял 7-й отдел политического управления 1-го Прибалтийского фронта. Сразу после победы служил в Германии, был начальником отдела информации Центральной советской коммандатуры Берлина.

Немногие из современников, наверное, знают, что седьмые отделы в Советской Армии занимались пропагандистской работой в войсках противника, а также среди военнопленных. С первых дней Великой Отечественной войны германист, выпускник истфака Московского университета Е.А. Бродский оказался среди политработников на необычном участке фронта. Он прошел все этапы этого пути и стал

свидетелем и участником полного разгрома германского фашизма. Перед глазами советского офицера прошли тысячи людей с разными судьбами. Многие из них стали героями его многочисленных документальных работ.

Новая книга, символично изданная в подмосковном Красногорске, где был один из лагерей немецких военнопленных, а летом 1943 г. создан Национальный комитет "Свободная Германия", и где находится немецкое солдатское кладбище, логически продолжает военную тему историка Е.А. Бродского. Поражаешься научному долголетию автора: он родился в 1913 г. и надо обладать феноменальной памятью, ясной головой и огромной работоспособностью, чтобы изложить события более чем пятидесятилетней давности так, будто они произошли лишь вчера. Право, не перевелись еще на Руси летописцы...

Е.А. Бродский верен однажды избранной теме. Из предыдущих его работ следовало бы выделить две книги – "Славная страница пролетарского интернационализма: Немецкие антифашисты в борьбе с гитлеризмом", выпущенную в 1980 г., и "Они не пропали без вести: Не сломленные

³ Александр Михайлович [Романов], Великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991, с. 28.

фашистской неволей", изданную в 1987 г. Первая посвящена немцам, которые через советский плен пришли к осознанию пагубности нацизма для своего народа. Вторая книга повествовала об одной из наименее изученных страниц Великой Отечественной войны – героической деятельности и трагической гибели организаторов и участников Братского сотрудничества военнопленных – самой крупной нелегальной интернационалистской организации в глубоком нацистском тылу. В этой работе впервые в таком объеме на основе архивных материалов был показан героизм советских людей, не по своей воле оказавшихся в немецком плену.

Новая книга Е.А. Бродского продолжает излюбленную автором тему. Для нее, так же как и для предыдущих, характерна невизна фактов и подхода к специфической теме – работе с солдатами и офицерами противника. Вновь широко используются архивные материалы. И снова искренний гуманизм, проявленный по отношению к бывшему врагу, который может стать другом. Этот гуманизм нашего офицера был присущ и первым книгам Е.А. Бродского. Он на каждой странице встречается и в его новой работе, может быть даже в еще более открытой форме. Поэтому неудивительно, что и после войны автор многие годы поддерживал и продолжает поддерживать тесные связи с немецкими друзьями, обретенными в войне. Судьбы некоторых из них Е.А. Бродский проследил в своей книге до сегодняшнего дня.

Но книга не только о немцах и "работе" с ними (лучше всего о немцах удалась глава "Ростки немецкой фронтовой патриотической инициативы", "Брешь в вермахте", "Спасительные акции антигитлеровцев", "Послевоенные судьбы фронтовиков", "Триумф антифашистской солидарности"). Об этом автор действительно пишет увлекательно, хотя порой, стараясь никого не забыть, перегружает текст именами и фамилиями, которые иногда читателю мало что говорят. Е.А. Бродский воздаст должное своим товарищам по работе в седьмых отделах и отделениях политических управлений, показывая их высокую образованность, компетентность и повседневное мужество. Ведь совсем не просто было с помощью обычного рупора или громкоговорителя из окопов переднего края под Ленинградом "разлагать фронт противника" – уговаривать сдаться в плен, убеждать в бессмысленности кровавой бойни, особенно, когда это касалось эсэсовцев. Сколько молодых девушек и юношей погибло с рупором в руках...

Нельзя не согласиться с автором, когда он дает отрицательную характеристику некоторым советским политработникам высшего звена, которые в первые месяцы после войны "командовали" в Берлине. Именно они создали основу для механического копирования советского опыта на немецкой земле, что трагически "аукнулось" через многие годы.

Е.А. Бродский участвовал в штурме Кенигсберга. Об этом он пишет в своей новой книге: "В первых числах апреля Главное политическое управление Красной Армии приказало предпринять все возможные меры для спасения памятника Иммануилу Канту и позаботиться о

спасении всех других ценностей немецкой и мировой культуры, находившихся в Кенигсберге. Часть этого указания оказалась невыполнимой. После британских воздушных бомбардировок от памятника великому немцу не осталось и следа" (с. 243). В сноске на этой же странице читаем: "В 1946 г. была отлита точная копия памятника Иммануилу Канту и установлена у здания университета в том месте, где стоял памятник до войны".

Истинная история памятника Канту в Кенигсберге стала известна лишь спустя много лет после войны. Ее рассказала графиня Марион Дёнгоф, издатель популярного в Германии еженедельника "Цайт", выходящего в Гамбурге. Графине в декабре 1997 г. исполняется 88 лет. Родилась она в имении Фридрихштайн, расположенном в 20 км восточнее Кенигсберга. В газете "Цайт" от 3 июля 1992 г. она сообщила о том, что осенью 1944 г. городские власти Кенигсберга в связи с участвовавшими бомбардировками города обратились к ней с просьбой взять на хранение памятник Канту. Графиня согласилась, памятник был демонтирован и спрятан в парке Фридрихштайна под деревьями. Через два года Дёнгоф, проживавшая тогда в Западной Германии, получила известие о том, что памятник бесследно исчез, а новые власти хотели его найти. Она посоветовала провести более тщательные поиски в парке, перекопать землю вокруг того места, где он был спрятан. Но и это никаких результатов не дало. Позже Дёнгоф решила объявить в Германии сбор денег на сооружение нового памятника Канту – точной копии старого. Был найден уменьшенный вариант этого памятника. По нему он был восстановлен в полном соответствии с подлинником и 27 июня 1992 г. со всеми почестями в присутствии графини Дёнгоф установлен на старом месте в сегодняшнем Калининграде.

Таким образом, небольшая неточность, допущенная в книге, дала повод "восстановить" истину. Но других подобных "поводов" автор не предоставляет: книга, как уже говорилось, создана на строгой документальной основе.

Несомненную ценность имеет приложение к книге, куда вошли малоизвестные или полузабытые документы военных лет – на русском и немецком языках. Среди них – воззвание Национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров, где известный поэт Э. Вайнерт, президент комитета, и немецкие офицеры – антифашисты в августе 1944 г. призывают солдат вермахта осознать неизбежность поражения нацизма. В нем говорилось: "Продолжение войны не может ничего изменить и предотвратить крушение всего Восточного фронта... Но Германии, возможно, придется и дальше бессмысленно терять сотни тысяч своих лучших сыновей, которых будет не хватать при будущем восстановлении Родины. Это не должно продолжаться! Конец гитлеровского правления приближается... Генералы, офицеры и солдаты!... Ни один из вас не должен еще в этот последний час жертвовать своей жизнью за потерянное дело Гитлера и его клики" (с. 337). Среди этих редких

документов – листовки Национального комитета "Свободная Германия", бывшие тогда секретными информационные донесения седьмых отделов о деятельности антифашистских групп, приказы из штабов вермахта, среди них, например, коменданта крепости Кенигсберга от отходе последних подразделений немецких войск ("Офицеры сохраняют свое личное оружие, но только холодное оружие. Каждый офицер может взять с собой своего адъютанта" (с. 373). Читая их внимательно, невольно ощущаешь дух того уже очень далекого времени.

Заключительную главу книги Е.А. Бродский назвал "Пятьдесят лет спустя". В ней он делится своими впечатлениями о пребывании весной 1995 г. в Германии в числе зарубежных гостей Баварии и президиума объединения бывших узников лагеря Дахау. Именно об узниках этого

нацистского лагеря смерти Е.А. Бродский подробно писал в одной из упомянутых в данной рецензии книге. Автор участвовал и в других мероприятиях, в том числе научных конференциях, посвященных 50-летию Победы. Один из главных выводов различных антифашистских манифестаций, отмечает автор, был: "Тот, кто забывает прошлое, обречен пережить его вновь" (с. 322).

Новая работа Е.А. Бродского как раз относится к тем, что напоминают о прошлом, о котором нельзя забывать, а молодому поколению надо знать. Для того, чтобы оно, это прошлое, не повторилось.

В.С. Рыкин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института Европы РАН

И.Я. Б и с к . ВВЕДЕНИЕ В ПИСАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО ИСТОРИКА: ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА. Учебное пособие. Иваново: Ивановский государственный университет, 1996, 144 с.

Два чувства возникли у меня после прочтения этой книги: горькое сожаление, что она не была написана в те годы, когда я только еще начинал свой путь научного работника, – и глубокое удовлетворение, что новое поколение получило добротное учебное пособие, которое облегчит им вступление на тернистую стезию историка-исследователя.

Учебное пособие И.Я. Биска – своеобразное руководство для студентов исторических факультетов и для всех начинающих историков-исследователей на том этапе их труда, когда тема работы уже определена, литература по теме просмотрена, источники выявлены и изучены, цель и задача исследования установлены, осталось только "начать и кончить строить дом" – написать историческое исследование. Как же написать его так, чтобы оно было и научно значимо, и интересно написано, какова должна быть литературная форма исторического труда – вот о чем говорится в рассматриваемой книге.

Чтобы написать такое пособие, потребовалось знание разнообразных по тематике и форме исторических трудов, большой преподавательский опыт и навыки исследовательской деятельности. Всем этим и обладает И.Я. Биск, вторгшийся, по его словам, "в целинную область отечественного историописания" и поэтому рассматривающий свой труд "как нуждающееся в усовершенствовании и развитии начало" (с. 19).

Помимо введения к работе, в книге рассматриваются общие требования к языку всех пишущих научные труды, особенности литературной формы и структуры исторического исследования, понятийно-терминологическая лексика в нем; отдельно разобрано изображение исторических личностей и народных масс историком и проанализирован писательский "почерк" таких исто-

риков как Н.М. Карамзин, О. Тьери, Т. Карлейль, И. Тэн, В.О. Ключевский, А.Н. Савин, Е.В. Тарле.

Начав книгу с утверждения М.В. Нечкиной о том, что "проблема оформления научного литературного труда почти совсем не изучена", И.Я. Биск завершает ее напутствием Д.С. Лихачева "будьте осторожны со словами" о своеобразии языка научной работы и его отличии от языка художественной литературы. Глубокая осведомленность автора в историографии темы помогла ему написать работу, новую по постановке вопроса и убедительную по своим выводам. Это – действительно "учебное пособие", наставляющее студентов в трудном искусстве слова. Но одновременно эта книга – новый этап в разработке проблемы научного языка. Пособие раскрывает "эстетику строгой научной красоты" труда историка. Это – новое слово в давно разрабатываемой историками теме литературного мастерства историков, в частности в статьях М.В. Нечкиной, Ю.А. Полякова, В.А. Дунаевского, Е.И. Гапкевича, Н.И. Смоленского, И.Я. Биска и др.

Не все в книге удовлетворит взыскательного читателя. Горячее увлечение автора своей темой и желание наглядно продемонстрировать достижения своего подхода к литературному оформлению исторических работ привело к тому, что И.Я. Биск стал отрицать врожденный литературный дар у тех, кто действительно обладал ярким и выразительным языком. Я не отрицаю необходимость писать образно и одновременно точно, всецело соглашаюсь с автором в жизненной важности такого обучения. Но факт остается фактом: одни ученые пишут легко и проникновенно, а язык других тускл и невыразителен, хотя с точки зрения правдивости и научной значимости их труды не

мене важны и обстоятельны. Сравним С.М. Соловьева и В.О. Ключевского – первый писал сложнее второго и не так легко мы читаем и усваиваем; второй же – мастер образного и увлекательного изложения. Да мы и в наши дни каждодневно сталкиваемся с этим, читая наши исторические журналы. Природная одаренность была, есть и будет. Другое дело, что всем надо учиться хорошо и убедительно излагать свои мысли. Надо развивать имеющиеся у каждого человека способности. Но ведь это же факт: одни пишут гладко и легко, а другие с трудом вымучивают из себя нужную фразу. Сколько людей – столько и стилей. В этом легко убедиться каждому, кто сталкивается с научными руководителями при написании своих исторических исследований.

Мое несогласие с автором в этом вопросе отнюдь не умоляет научного и особенно педагогического значения книги. Да, новых книг по преподаванию истории сейчас выходит очень много. Переиздаются и старые, классические учебные пособия, и не очень нужные, без которых легко можно обойтись. Но книга И.Я. Биска – принципиально новое явление в учебно-педагогической исторической литературе. Не было до нее таких пособий. Новаторская по замыслу и удачная по исполнению эта работа станет действительно важным пособием для всех начинающих исследователей, решившихся посвятить себя сложной профессии историка.

Написал я эту фразу, и поймал себя на мысли, что я желаемое выдаю за действительное. Как эта книга может стать пособием для многих студентов и аспирантов, если ее тираж – всего 500 экз.! Скорее всего она может стать пособием только для студентов Ивановского государственного педагогического университета, да и то ненадолго. Поэтому я завершаю свою рецензию призывом к министерству высшего образования и к издательству "Высшая школа": обратите внимание на эту новинку! Сделайте все возможное, чтобы по этому пособию могли бы учиться и совершенствовать свое мастерство многие историки! Переиздайте – и возможно скорее – ее разумным и достаточным для удовлетворения существующих потребностей тиражом!

На обложке рассматриваемого пособия изображена муза истории Клио "в виде молодой женщины с задумчиво устремленным в даль взором" – так написал автор. А вот если мы добьемся переиздания этой книги достаточным тиражом, взор Клио, несомненно, будет выражать не только задумчивость, но и глубокое удовлетворение.

Л.И. Пушкарев,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник-консультант
Института российской истории РАН

Б.Б. Кросс. РУМЫНИЯ МЕЖДУ ТРОЙСТВЕННЫМ СОЮЗОМ И АНТАНТОЙ. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА РУМУНИЮ И ЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 1908–1914 гг. Псков: Псковский государственный педагогический институт 1996, 186 с.

В Пскове вышла в свет книга, освещающая важный этап в истории русско-румынских отношений. Ее автор – профессор Псковского государственного педагогического института д.и.н. Б.Б. Кросс всю свою научную жизнь посвятил этой тематике.

Монография имеет солидную документальную основу. Используются российские, румынские, австрийские, венгерские, немецкие, французские, итальянские, болгарские, сербские архивы.

Книга состоит из введения, шести глав: "Дипломатия Антанты в борьбе за Румынию накануне первой мировой войны", "Боснийский кризис 1908–1909 гг. и Румыния", "Первая Балканская война и Румыния", "Вступление Румынии во вторую Балканскую войну и русская дипломатия", "От Бухарестского мира до Констанцского свидания", "Июльский кризис 1914 года и Румыния" и заключения.

Последовательно рассматривается борьба держав-участниц соперничавших блоков – Тройственного союза и Антанты за привлечение Румынии в

свой лагерь; изучается позиция этой страны в годы Боснийского кризиса, первой и второй балканских войн. Особое внимание уделяется Констанцкому свиданию Николая II и румынского короля Кароля (июнь 1914 г.), точнее, сопровождавшим эту встречу переговорам российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова и премьер-министра Румынии И.К. Брэттиану. Автор обстоятельно разбирает причины – национальные, экономические, политические, нравственно-психологические, – повлекшие за собой постепенный отход Румынии от союза с центральными державами и сближение ее с Антантой. Ахиллесовой пятой в румыно-австрийских отношениях являлось неполноправное положение трансильванских румын в Венгерском королевстве и непреходящее стремление населения, жившего по обеим сторонам Карпатских гор, к объединению даже, когда Австро-Венгрия и Румыния официально с 1883 г. находились в союзе. Сам факт глубокой тайны, окружавшей этот альянс, свидетельствовал о многом: документ о соглашении хранился не в

государственном архиве и не в ведомстве иностранных дел, а у короля Кароля, который знакомил с ним сменявших друг друга глав правительств и министров иностранных дел, да и то не всегда. В Вене были шокированы, обнаружив в 1891 г., что румынский премьер Г. Ману понятия не имел об альянсе¹.

Другой круг проблем связан с заинтересованностью в Румынии ведущих держав обеих коалиций. Для Германии она являлась связующим звеном с Болгарией и Турцией, двумя потенциальными союзниками в готовившейся войне; для России – воротами для проникновения на Балканы. И та, и другая коалиция хотели привлечь балканские страны в свой лагерь. Но и франко-русская, и австро-германская дипломатия в конце концов запутались в сетях межбалканских противоречий и потерпели неудачу в своих усилиях перетянуть балканские страны на свою сторону. Отсюда – непрочность сколоченного при содействии российской дипломатии Балканского союза. Б.Б. Кросс справедливо отмечает: "Особенно драматические ситуации создавали попытки царской дипломатии привлечь на свою сторону Румынию, не оттолкнув при этом Болгарию, подчинить их обеих своему контролю и примирить их между собой" (с. 30).

В главе "Вступление Румынии во вторую Балканскую войну и русская дипломатия" рисуется впечатляющая картина межбалканских противоречий, переходивших "в ожесточенную борьбу за гегемонию в регионе, среди претендентов на которую выступала Румыния" (с. 123). "Все попытки царской дипломатии навязать свое посредничество и добиться немедленного прекращения военных действий потерпели неудачу" (с. 89), хотя растащить противников ей стремились помочь французы и даже австрийцы. Бухарестский мир 1913 г. явился, по меткому выражению Сазонова, "пластырем, наклеенным на незалеченные балканские раны"². Создались условия для того, чтобы, соблазняя балканских правителей добычей, вовлекать их в тот или иной противоборствующий лагерь. Румыния в существовавшем многоярусном соперничестве лавировала на трех уровнях – между Тройственным союзом и Антантой, между Германией и Австро-Венгрией, и собственно на Балканах. Материалы книги убеждают, что руководящие круги Румынии самостоятельно определяли внешнеполитические приоритеты в соответствии с тем, как они понимали государственные интересы. В румынской экономике в начале XX в. доминировал германский и австро-венгерский капитал; это рождало у национальной буржуазии стремление освободиться от него, что сказалось на внешнеполитическом

курсе страны. Лишенным основания оказалось убеждение Сазонова, что король, не скрывавший своих прогерманских симпатий, держал в своих руках все нити внешней политики. И уж совсем "в потемках" бродила, по выражению канцлера Германии Б. Бюлова, германская дипломатия, воображавшая, будто Румыния у нее в кармане. Стоило Берлину и Вене пренебречь пожеланиями Бухареста – и Румыния стала отходить от Центральных держав.

Б.Б. Кросс рассуждает о внешней политике Румынии: "Проводить действительно независимую политику, – пишет автор, – правящие круги Румынии, конечно, не имели возможности. Аппетиты были велики, а силы недостаточны" (с. 105). Независимость мы понимаем как возможность самостоятельного принятия решений и выработки политического курса. Но даже могущественная держава в осуществлении своих интересов зависит от суммы обстоятельств, круг возможных решений ограничен. Не рекомендуется добиваться односторонних преимуществ, пытаться изменить баланс сил на континенте или в регионе в свою пользу и навязывать свою волю даже более слабому партнеру. Свобода – это, как известно, осознанная необходимость.

Не кажется вполне убедительной попытка Б.Б. Кросса хронологически определить этапы отхода Румынии от союза с Центральными державами. Сделать это чрезвычайно трудно в случае, когда основополагающим принципом правительства любой ориентации являлось стремление не прогадать, а выгадать в любой ситуации и примкнуть к сильному, к потенциальному победителю. Первое открытое проявление австро-румынских противоречий автор относит к Боснийскому кризису 1908–1909 гг. А чем же тогда являлись непрекращающиеся конфликты в связи с положением трансильванских румын? Или таможенная война между двумя странами в 1886–1893 гг.? Сомнительно, можно ли считать вступление Румынии во вторую балканскую войну "фактическим разрывом с Австро-Венгрией" (с. 71), а решение коронного совета в Синае в начале сентября 1914 г. "разрывом отношений с Австро-Венгрией и Германией", по логике изложения, формальным, ибо фактический уже произошел. Ведь в объяснениях с посланниками этих государств Брэтиану обещал в будущем сотрудничество, которое, несомненно, состоялось бы в случае удачи германских планов "блицкрига". А тем временем румынские правители без угрызения совести предали недавнего союзника Сербию, сообщив, что не двинутся к ней на помощь в случае нападения на нее Болгарии (с. 169). Замечание Сазонова: "На деле, в случае войны... Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды" (с. 139) содержит правильную оценку сложившегося положения, после отхода от Цен-

¹ Cazas Ch., Rădulescu-Zener Ș. România și Tripla alianță. București, 1979, p. 193.

² Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991, с. 120.

тральных держав и сближения с Антантой Румыния сохраняла полную свободу выбора. Иное дело, что шансы на присоединение к Антанте преобладали, так как блок Центральных держав не мог предложить ничего равноценного "трансильванскому прянику". В целом верно положение, высказанное Б.Б. Кроссом в одной из своих прежних работ: "Накануне первой мировой войны назревало коренное изменение внешнеполитической ориентации Румынии"³. Удачно в этой формуле слово "назревало", ибо трудно оперировать категорическими терминами и определять точные сроки в отношении страны, которая не стремилась связывать себя конкретными обязательствами.

В литературе время с августа 1914 г. – по август 1916 г., пока Румыния не вступила в войну, часто именуется периодом нейтралитета. Это неверно, ибо румынское правительство не объявляло нейтралитета и придерживалось тактики выжидания, что справедливо отмечает Б.Б. Кросс (с. 171). Но в одном вопросе его точка зрения расходится с мнением автора этих строк: Б.Б. Кросс полагает, что российско-румынская договоренность от 18 сентября – 1 октября 1914 г. означала согласие на присоединение Трансильвании к Румынскому

³ *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969, с. 124.

королевству в обмен на его благожелательный нейтралитет по отношению к Антанте (с. 172). Мы продолжаем придерживаться иного взгляда: Румынии предоставлялось право занять этнически румынские земли в удобное для нее время; Сазонов разъярил союзникам, что речь идет о том, чтобы "допустить Румынию овладеть самой, без нашей помощи, Трансильванией и Южной Буковиной"⁴, в которых стояла еще сильная австро-венгерская армия. Сделать это можно было лишь путем вступления в войну, а никак не с помощью нейтралитета; правда, румынам предоставлялась возможность выбрать удобный для себя момент для вступления в войну.

Книга Б.Б. Кросса полезна тем, что содержит богатый и тщательно проанализированный конкретный материал, позволяющий делать важные обобщения.

В.Н. Виноградов,
доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института славяноведения и балканистики РАН

⁴ *Кросс Б.Б.* Вступление Румынии во вторую балканскую войну и русская дипломатия. – Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, т. 502. Псков, 1971, с. 12.

L'HISTOIRE ET LE METIER D'HISTORIEN EN FRANCE. 1945–1995. Sous la direction de François Bédarida. Paris, Editions de la Maison des sciences de l'homme. 1995, 438 p.

ИСТОРИЯ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ИСТОРИКА ВО ФРАНЦИИ. 1945–1995. Под руководством Франсуа Бедарида. Париж: издательство Дома наук о человеке, 1995, 438 с.

Готовясь к XVIII Международному конгрессу исторических наук, который состоялся в 1995 г. в Монреале, французские историки издали коллективный труд, подводящий итоги 50-летнему периоду развития французской историографии с 1945 по 1995 г. Эта работа, не имеющая себе равных по охвату историографического материала, продолжает традицию фундаментальных историографических обзоров, подготовленных французским Комитетом исторических наук: двухтомного труда "Исторические исследования во Франции с 1940 по 1965 г."¹, предпринятого под руководством И. Ренуара и Ж. Шнейдера по инициативе крупнейших французских историков Ф. Броделя, Э. Лябрусса и П. Ренувена к XII Международному конгрессу исторических наук в

Вене, и более скромной по объему, но не менее полезной книги "Исторические исследования во Франции после 1965 года"², опубликованной в 1980 г. под руководством М. Девез и Р. Жиро. 33 ведущих французских историка: Жак ле Гофф, Морис Эмар, Франсуа Бедарида, Ив-Мари Берсе, Жан-Франсуа Сиринолли, Жан Фавье, Роже Шартье, Андре Бюргьер, Рене Ремон, Жан-Батист Дюрюзель, Морис Вайс и другие, под общим руководством Ф. Бедарида исследовали основные тенденции развития французской исторической науки и ее современное состояние. Кроме того, шесть иностранных историков, в том числе известный российский медиевист Ю.Л. Бессмертный, а также ученые из Англии, Германии, Индии, Италии высказали свои, иногда

¹ Comité français des sciences historiques. La recherche hisrotique en France de 1940 à 1965. vol. I–II. Editions du CNRS. Paris, 1965.

² Comité français des sciences historiques. La recherche historique en France depuis 1965. Editions du CNRS. Paris, 1980.

довольно критические, мнения о французской исторической науке.

По стремлению издателей охватить всю сферу исторических исследований рецензируемая книга напоминает выпущенную еще в 1961 г. энциклопедию "История и ее методы"³, но в ней рассматривается более длительный период развития французской историографии и уделяется преимущественное внимание ее современному положению. В книге шесть частей: 1. История и общество. 2. Логика исследования. 3. Методология истории и социальные науки. 4. Историческое время и периодизация. 5. Поле исторических изысканий. 6. Иностранцы свидетели. Специальные главы посвящены французской историографии античности, средних веков, новой истории, истории современности, а также археологии, исторической антропологии, экономической истории, социальной истории, политической истории, религиозной истории, исторической демографии, культурологии, истории международных отношений, военной истории, истории бывших колониальных стран, истории науки и техники. Подробно рассмотрены преподавание истории во Франции, условия работы историков, деятельность научных обществ, состояние архивов и научной периодики, процесс интернационализации исторической науки, взаимоотношения историков с издательствами и средствами массовой информации.

Руководители коллективного труда подчеркивают, что он написан "в духе плюрализма" (с. 419), но, по существу, всех авторов объединяет общее представление о развитии французской историографии. Все они справедливо отмечают, что за истекшие 50 лет французская историография внесла огромный вклад в развитие мировой историографии, завоевала авторитет и популярность в своей стране и за рубежом. Особенно она блистала в течение "тридцати славных лет" (с. 420) с 1950 по 1980 г. За это время значительно выросло количество исторических публикаций, появились многочисленные новые исторические журналы, историческая тематика заняла видное место в средствах массовой информации. Историкам удалось "привлечь к себе благосклонность широкой публики, популяризируя содержание своих работ. Несколько крупных специалистов стали звездами средств массовой информации" (с. 57). Их работы издавались огромными для Франции тиражами: 80–90, иногда даже 150 тыс. экземпляров. Рекорд поставил известный историк Э. Ле Руа Лядюри, книга которого о жизни средневековой пиренейской деревушки Монталу была издана в общей сложности в 2 миллионах экземпляров (с. 50).

Главную роль в этих успехах сыграла известная школа "Анналов" и отпочковавшаяся от нее "новая историческая наука" (или, как ее чаще называют во Франции, "новая история"). В первые послевоенные годы во французской историографии господствовали идеи "глобальной", всеохватывающей, "структурной" истории, выдвинутые главным идеологом "второго поколения" школы "Анналов" – Ф. Броделем.

Бродель и его последователи доказывали, что историк должен в первую очередь изучать устойчивые общественные "структуры", определяющие ход истории на протяжении периодов "большой длительности". Быстро меняющиеся кратковременные исторические события, которые Бродель противопоставлял длительным процессам и прочным структурам, сравнивая их с "поверхностным волнением" океана истории⁴, казались им незначительными и малоинтересными. "Событийную историю", – особенно политическую и военную, – они игнорировали. Область своих научных интересов "второе поколение" школы "Анналов" сформулировало в подзаголовке редактировавшегося Броделем журнала "Анналы": "экономики, общества, цивилизации".

Взгляды школы "Анналов" во многом перекликались с модной тогда философией "структурализма" и, отчасти, сопикались с марксистской историографией, подчеркивавшей роль материального производства и производственных отношений. М. Вайс даже считает, что весь послевоенный период, вплоть до конца 60-х годов, был "отмечен всемогуществом школы "Анналов" и марксизма" (с. 356).

С начала 70-х годов наметился поворот в развитии французской историографии, связанный как с общей эволюцией французского общества после глубокого идейно-политического кризиса мая–июня 1968 г. (с. 12–13), так и с внутренним развитием исторической науки. После того как Бродель в 1969 г. отошел от непосредственного руководства "Анналами", "третье поколение" школы "Анналов" – Жак Ле Гофф, Эмманюэль Ле Руа Лядюри, Марк Ферро и другие, – существенно изменили направление Броделя. Главной темой их исследований стал менталитет, т.е. взгляды, мнения, система представлений и восприятий. Дистанцируясь от "Анналов" времен Броделя, они выдвинули идею "новой исторической науки", манифестом которой явился трехтомный коллективный труд "Делать историю", опубликованный в 1974 г. под редакцией Жака Ле Гоффа и Пьера Нора.

Обновив тематику и методы исторических исследований, "новая историческая наука" включила в поле зрения историка такие ранее не

³ L'histoire et ses méthodes. Encyclopédie de la Pléiade. Sous la direction de Charles Samaran. Paris, 1961.

⁴ Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris, 1969, p. 12.

изучавшиеся проблемы, как отношение человека к смерти, его представления о загробной жизни, семейные и родственные связи, состояние здоровья и вообще биологические факторы развития общества. Появилась новая отрасль исторической науки – историческая антропология, которая "с начала 70-х годов получила значительное распространение" (с. 171) и стала одним из ведущих направлений французской историографии.

В 80-е годы продолжался процесс "расширения и обновления" исторической науки (с. 10–11). На первый план выдвинулось изучение культуры в самом широком смысле слова – как совокупности духовной жизни, систем поведения, воспитания и восприятия. Социальная и, особенно, экономическая история, которая в 50-е и 60-е годы привлекали наибольшее внимание французских историков, отошли на второй план, уступив ведущую роль культурологии. По мнению Ж.-Ф. Сиринелли, культурология заняла "центральное место" в современной французской историографии (с. 343).

"Одним из главных историографических фактов последних 15 лет" (с. 307) авторы считают "возвращение" политической истории. "В течение одного поколения ранее заброшенная политическая история с триумфом заставила признать себя", – пишут Б. Гене и Ж.-Ф. Сиринелли (с. 301). Используя достижения в изучении менталитета, она, наряду с традиционными исследованиями политических событий, институтов и процессов, включила в сферу своего внимания коллективное поведение, принятие решений, восприятие политических фактов, политическую символику и т.п. Вместе с политической историей стала возрождаться еще более заброшенная военная история, которая помимо сражений и походов начала изучать социальный состав армии, психологию военных, воздействие армии на общество и т.д.

Характерной чертой французской историографии 80-х годов было бурное развитие истории современности, которая ранее считалась принципиально невозможной из-за отсутствия исторической дистанции и недоступности архивов (с. 75–77). В 1978 г. был основан "Институт истории современности", первым директором которого стал Ф. Бедарида. В рамках авторитетной "Высшей школы исследований в области социальных наук" организовали кафедру "истории настоящего времени", которую занял один из основателей "новой исторической науки" П. Нора. В школьные программы ввели историю второй половины XX. Появилось большое количество научных трудов по истории современности, стала возможной защита диссертаций на эти темы. По свидетельству Ф. Бедарида, "в области образования, книжной продукции, средств массовой информации, внима-

ния публики история современности, бесспорно получила львиную долю" (с. 83).

Отмечая успехи французской исторической науки, в том числе ее "удивительную способность к обновлению" (с. 417), авторы рецензируемой работы не скрывают и тревожных симптомов. Некоторые из них даже говорят о "кризисе" в историографии. "Должен быть поставлен вопрос именно о "кризисе" истории", – пишут, например, Ж. Ле Гофф и Н. Русселье (с. 4). Признаки кризиса французской исторической науки, тесно связанного, по их мнению, с общим кризисом общественных наук и кризисом современного общества (с. 17), они усматривают прежде всего в исчерпанности методологических подходов, свойственных школе "Анналов", а также марксизму и структурализму. По словам Ле Гоффа, современные "Анналы" "выдыхаются" (с. 11); приходит "конец их гегемонии" (с. 17). "Совпавший по времени спад волны марксизма, структурализма или господствующего экономизма" (с. 37), а также "руины количественной истории", так и не сумевшей создать свою собственную концепцию исторического процесса, лишили историков прежних методологических ориентиров; создали ощущение, что "машина вертится вхолостую" (с. 420).

Разумеется, не все, поставленные в книге проблемы рассмотрены одинаково подробно, а некоторые важные вопросы в ней вообще отсутствуют. Как отмечают сами ее руководители, нет разделов по истории искусства, истории образования, истории государственных учреждений, истории окружающей среды. Добавим, что нет и специальных разделов по таким важным направлениям современной историографии, как количественная история и микроистория. Очень небольшое место уделено старому, но вечно актуальному вопросу об объективности исторического знания. Возражая сторонникам релятивизма (с. 165) и "пост-модернизма" (с. 422), доказывая, что историческая истина существует и поддается проверке (с. 429), подчеркивая, что "отказаться от понятия истины означало бы предоставить свободу действий для любых фальсификаторов и любых фальсификаций" (с. 166), авторы не развивают эту тему сколько-нибудь подробно.

Тем не менее коллективный труд французских историков является самым полным и в высшей степени квалифицированным обзором современной французской историографии и будет полезен для всех, кто интересуется развитием мировой исторической науки.

В.П. Смирнов,
доктор исторических наук,
профессор Московского государственного
университета

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ

А.З. МАНФРЕДА

25 декабря 1996 г. в Институте всеобщей истории РАН прошли организованные отделом новой истории стран Западной Европы Чтения памяти выдающегося ученого А.З. Манфреда, приуроченные к 90-летию со дня его рождения (1906–1976 гг.).

Заслушанные на конференции доклады в основном были посвящены различным сюжетам новой и новейшей истории Франции, постоянно находившимся в центре научных исследований А.З. Манфреда.

Открывая заседание, д.и.н. С.П. Пожарская сказала, что А.З. Манфред был ярким представителем замечательной плеяды франковедов, среди которых выделяются такие имена, как Н.М. Лукин, В.П. Волгин, С.Д. Сказкин, Ф.В. Потемкин, Б.Ф. Поршневу, В.М. Далин, А.В. Адо, подчеркнув, что сотрудники института, которым посчастливилось длительное время работать с Альбертом Захаровичем, видели в нем не только крупного специалиста, но и благороднейшего человека, чей вдохновенный и высоко нравственный облик, бескорыстная и самоотверженная преданность исторической науке внушали глубокое уважение и почитание со стороны коллег.

Д.и.н. В.Г. Сироткин напомнил основные вехи творческого пути А.З. Манфреда, указав, что спектр интересов ученого был весьма обширным. Им опубликовано свыше ста печатных исследований, в том числе цикл работ по истории французской революции конца XVIII в.¹, явившийся итогом изучения маститым ученым сложных проблем революционной эпохи, его многолетних размышлений и пронизательных наблюдений о причинах ее взлета и неудач. Теме французской революции посвящена последняя книга Альберта Захаровича "Три портрета" (вышла посмертно), где с блеском проявилась удивительная способность автора "раскрывать внутреннее содержание больших общественных процессов, к которым относятся и революции, через изображение отдельных их деятелей"². Докладчик остановился на вкладе ученого в освещение истории русско-фран-

цузских и советско-французских отношений, имея в виду его фундаментальный труд "Образование русско-французского союза. 1871–1893", который вошел в основной фонд отечественных исследований дипломатической истории Европы, а также многочисленные работы о культурных связях России и Франции³. В.Г. Сироткин также отметил, что заслуженный авторитет одного из крупнейших наполеоноведов и широкую известность в нашей стране и за рубежом доставила Альберту Захаровичу монография "Наполеон Бонапарт"⁴, отличающаяся новизной в трактовке образа Наполеона, стремлением автора пристальнее, чем это было ранее в литературе, посмотреть на молодого Бонапарта, показать эволюцию личности героя. Докладчик обратил внимание участников конференции на дар А.З. Манфреда как педагога, умевшего столь выразительно подать материал, что его лекции оставались в памяти студентов на всю жизнь. Через его произведения, сказал В.Г. Сироткин, имеющие большое познавательное значение и одновременно сочетающие профессионализм с художественной формой изложения, молодое поколение приобщается к великой русской культуре исторического письма.

В заключение докладчик отметил большую научно-организационную работу ученого, сказав, что, будучи по натуре человеком инициативным, Альберт Захарович любил находиться в гуще научной жизни страны, он был на протяжении многих лет постоянным участником и вдохновителем коллоквиумов историков Франции и СССР, членом президентского совета "СССР–Франция", одним из трех почетных председателей международной комиссии по истории Великой французской революции. Талант организатора и глубокая духовная культура Альберта Захаровича позволили ему сплотить вокруг себя большой круг специалистов в рамках группы по истории Франции при ИВИ АН СССР, а также возглавить издание "Французского ежегодника". На протяжении ряда лет он заведовал сектором новой истории западно-

¹ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983.

² Манфред А.З. Три портрета. М., 1978. с. 19.

³ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. 1871–1893. М., 1975.

⁴ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

европейских стран Института всеобщей истории АН СССР.

К.и.н. С.Н. Гурвич поделилась с участниками чтений воспоминаниями об Альберте Захаровиче, принимавшим теплое участие в ее научной судьбе, отметив, что каждый раз, когда ей приходилось сталкиваться с трудностями в научной деятельности, он всегда занимал принципиальную позицию, проявляя при этом необыкновенные душевные качества, гуманные чувства и гражданское мужество в восстановлении научной справедливости.

В докладе д.и.н. Ю.Л. Бессмертного "Школа "Анналов" рассматриваются новые веяния в этой исторической школе во Франции. Наиболее примечательным в современных исследованиях ученых этого направления, по мнению докладчика, является их отказ изучать долговременные факторы, которым ранее они придавали большое значение в исторических событиях, и сосредоточиваться на анализе реакции отдельной личности в зависимости от конкретной жизненной ситуации. В их трудах, подчеркнул Ю.Л. Бессмертный, отсутствуют фатальные выводы, что связано с их представлениями о свободной личности как субъекте, наделенном многими творческими возможностями. Идеи Э. Дюркгейма, П. Бурдьё, Ле Пти, Пассерона сейчас оживленно обсуждаются школой "Анналов".

Доклад д.и.н. С.В. Оболенской "Немцы и русские. Поиск национальной ценности у Ф.М. Достоевского" был сделан на основе тщательного разбора изображения Ф.М. Достоевским образа немцев в сравнении с русским человеком. С.В. Оболенская считает, что вольно или невольно писатель рисует русский народ выше всех других, которому предначертано спасение человечества через православие, являющееся, по его определению, лучшей ветвью христианства. В этой мысли Ф.М. Достоевского, по мнению докладчика, заключается суть разрабатывавшейся им национальной идеи.

В докладе к.и.н. П.Ю. Уварова "Новое прочтение Варфоломеевской ночи" были рассмотрены три концепции этого события: первая из них "классическая" возлагает ответственность за массовую резню на правительство Екатерины Медичи, вторая – представлена исследованиями французского историка Ж.Л. Буржена, оценивавшего ее как путч герцога Гиза и сторонников Испании, поддержанный массовым революционным движением парижского плебса, наконец, выдвинутая французским ученым Д. Крузе третья концепция с учетом новейших достижений гуманитарного знания – историческая антропология, история ментальности, психоистория – усматривает в событиях 1572 г. результат столкновений нескольких установок: массовой эсхатологической модели сознания, дворянско-кальвинистской тираноборческой идеологии и королевской гумани-

стической утопии, пытавшейся установить царство всеобщей гармонии в духе неоплатонизма. Таким образом, заключил докладчик, в последнее десятилетие в историографии развернулась острая дискуссия по поводу оценки Варфоломеевской ночи⁵.

Д.и.н. А.В. Чудинов в докладе "Масоны и Французская революция" осветил роль масонов во Французской революции конца XVIII в. и попытался обосновать в перспективе дальнейшего исследования этого вопроса, важность работ французского историка О. Кошена, игнорируемых "классической" историографией революции, подчеркнув, что взгляды историка о месте масонов в революционном процессе подтверждают новейшие исследования, в том числе собственные изыскания докладчика во французских архивах о деятельности масонских лож в Нижней Оверни, доказывающие правомерность положения О. Кошена о том, что их влияние на первой стадии революции носило не идеологический, а организационный характер.

К.и.н. Е.В. Киселева в докладе "Французский либерализм: опыт реставрации" охарактеризовала особенности либерального движения во Франции в этот период, отметив, что это было время оформления идеологии либерализма и укоренение парламентской практики в государственном управлении. Она подчеркнула, что и тогда французские либералы во главе с Ф. Гизо пересмотрели ряд положений просветительской философии, однако ее основные идеи сохранили первостепенное значение в воззрениях либералов. Защита ими Конституционной хартии 1814 г., а также внушительный успех на выборах в палату летом 1830 г., посредством мобилизации общественного мнения, во многом предопределили судьбу роялистского правительства Карла X и торжество во Франции буржуазной монархии в ходе Июльской революции 1830 г.

В продолжение развития русской проблематики в творчестве А.З. Манфреда прозвучал доклад д.и.н. Е.М. Макаренковой "Особенности русской эмиграции во второй половине XIX в.", посвященный русской эмиграции во Франции во второй половине XIX в.⁶ На примере богатого биографического материала из истории рода Тургеневых, П.А. Кропоткина, П.Л. Лаврова, Л.Н. Гартмана, хранящегося в архивах России и Франции, она показала, что духовное наследие русской эмиграции является частью культурного синтеза, который может составить базу для создания нового европейского единства, той цивилизации, которая еще не обрела четких очертаний.

⁵ 19–20 мая 1997 г. в Институте всеобщей истории РАН прошёл международный коллоквиум "События, память и история. Споры вокруг Варфоломеевской ночи".

⁶ Макаренкова К.М. Загадка русской эмиграции. М., 1996.

Два выступления касались новейшей истории Франции. В докладе "СССР, Коминтерн и вооруженная борьба во Франции. 1941–1945 гг." д.и.н. М.М. Наринский охарактеризовал отношения СССР и Коминтерна с ФКП, привлекая документы, хранящиеся в ряде фондов РЦХИДНИ и ставшие доступными научной общественности, из которых следует, что с началом второй мировой войны в корне изменилась политика Коминтерна, снявшего с повестки дня вопрос об осуществлении социалистической революции. Директивы СССР, Коминтерна руководству ФКП рассматривают вооруженную борьбу во Франции под углом задач общих усилий союзников антигитлеровской коалиции, а также с учетом геополитических интересов Советского Союза. В частности, ФКП рекомендовалось создать широкий блок национальных сил для оказания давления на политику правительства.

К.и.н. А.Л. Семенов в докладе "Первый ради-

кализм в современной Франции" осветил феномен адаптации в нем элементов левой идеологии, выделив три наиболее заметные волны в этом процессе: конец XIX – начало XX в., когда идеи Ж. Сореля, окрашенные революционным радикализмом в сочетании с националистическими воззрениями, были использованы итальянскими фашистами; период 30-х годов, на который падает сотрудничество неосоциалистов с фашистскими оккупантами; 70-е годы после студенческих манифестаций во Франции в конце 60-х годов, проходивших под идейными знаменами правых "новых левых".

В Чтениях приняла участие вдова А.З. Манфреда д.и.н. Н.В. Кузнецова, рассказавшая об огромной любви Альберта Захаровича к русской классической художественной литературе и о тонком понимании им произведений искусства.

Е.В. Киселева

СТАНИСЛАВУ СЕЛИВЕРСТОВИЧУ ГРИГОРЦЕВИЧУ – 80 ЛЕТ

Исполнилось 80 лет Станиславу Селиверстовичу Григорцевичу – видному сибирскому историку, доктору исторических наук, профессору кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. Он родился 23 августа 1917 г. в семье крестьянина Томской губернии, переселившегося в Сибирь во времена столыпинской реформы. Вся его жизнь и деятельность связана с Томском. В 1941 г. окончил Томский педагогический институт. В годы Великой Отечественной войны руководил военизированным железнодорожным техникумом на станции Тайга.

В 1946 г. С.С. Григорцевич вернулся на исторический факультет Томского педагогического института, где проработал около 10 лет. Это было трудное время в жизни молодого преподавателя. После возвращения из эвакуации в вузы европейской части страны ряда видных ученых на исторических факультетах пединститута и университета остро ощущалась нехватка квалифицированных научно-педагогических кадров. С.С. Григорцевичу пришлось одному читать почти все лекционные курсы по новой и новейшей истории зарубежных стран. Учиться было не у кого. Приходилось все постигать самому. Особенно сложно было в условиях тогдашнего Томска определиться с темой научного исследования по всеобщей истории. Не было ни аспирантуры, ни научного руководителя или консультанта.

Помог счастливый случай. В годы войны в Томске на базе архивов, вывезенных из дальневосточных городов, было создано уникальное архиво-

хранилище – Центральный государственный архив Дальнего Востока РСФСР (ЦГАДВ). Здесь отложился огромный массив материалов, связанных с положением сопредельных стран и дальневосточной политикой Российского государства. С ЦГАДВ на долгие годы С.С. Григорцевич связал свою научную судьбу. Он был фактически первым из историков, кто обстоятельно изучил фонды архива, относящиеся к XIX – началу XX в. Выявленные им материалы были затем широко использованы в научной работе. С.С. Григорцевич выступил и как составитель и редактор ряда документальных публикаций этого архива.

Научную деятельность Станислав Селиверстович начал в конце 40-х годов с изучения истории иностранной интервенции на советском Дальнем Востоке. Кандидатская диссертация "Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.)" была защищена им в 1951 г. в Институте востоковедения АН СССР, а в 1957 г. опубликована отдельной книгой. Тогда, в условиях острого идеологического противоборства "холодной войны", работа С.С. Григорцевича, конечно, несла на себе печать своего времени, но отличалась тем, что опиралась на архивные материалы и была академически сдержанной в оценках и выводах. Поэтому и современный исследователь этого сюжета не может пройти мимо нее. Станиславу Селиверстовичу всегда было свойственно стремление избегать упрощенно понимаемой "актуализации", конъюнктурщины и модернизации событий прошлого.

Расцвет педагогической и научной деятельности Станислава Селиверстовича пришелся на годы работы в Томском государственном университете, где он начал трудиться в 1955 г. Здесь в 1961 г. он создал кафедру новой и новейшей истории, которой руководил более 30-ти лет. Это была первая университетская кафедра подобного профиля за Уралом. Именно в университете он обрел своих многочисленных учеников, создал сибирскую школу историков-международников.

В центре научных изысканий С.С. Григорцевича в конце 50-х – начале 60-х годов находились проблемы истории международных отношений на Дальнем Востоке в начале XX в. К этому времени в отечественной историографии были уже исследованы важнейшие аспекты дальневосточной политики великих держав с 60-х годов XIX в. до русско-японской войны включительно. Но лишь фрагментарно, в самом общем плане был показан исторических отрезок времени от русско-японской войны до конца первой мировой войны, очень важный для понимания причин возникновения этой войны, складывания и эволюции антантовского блока. Этот пробел в основном и был восполнен работами С.С. Григорцевича и его учеников. Итогом напряженных изысканий С.С. Григорцевича в архивах Москвы, Ленинграда, Томска явилась докторская диссертация "Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг.". защищенная в 1964 г. в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина и изданная в виде монографии в 1965 г. Она получила высокую оценку специалистов. Это было обстоятельное исследование сложных международных проблем, связанных с политикой Англии, России, Японии, США, Германии и Франции на Дальнем Востоке. Особенно подробно автором была изучена дальневосточная политика России. С.С. Григорцевич смог использовать "послабления", имевшие место в работе отечественных архивов в конце 50-х годов, выразившиеся в расширении доступа историков к ряду закрытых прежде материалов. Так, ему удалось изучить многие документы по русско-китайским и русско-монгольским отношениям. С.С. Григорцевич показал, что Россия была вынуждена снизить внешнеполитическую активность на Дальнем Востоке, стремясь обустроить и развивать экономику российских владений Приамурского края. Комплекс дальневосточных проблем этого времени автор рассматривает в контексте глобальной политики великих держав.

В 70–80-е годы в центре научных интересов С.С. Григорцевича – история внешней политики США и американистика в целом. Им был написан ряд статей по теоретико-методологическим проблемам внешней политики США, опубликованных в научных сборниках Томского университета. Свой подход к общим проблемам истории внешней политики США он формулировал и в ряде материалов, опубликованных в журнале "Новая и новейшая история".

Своих учеников С.С. Григорцевич направляет на исследование конкретных проблем внешней политики США в широком временном диапазоне с конца XIX в. до 50-х годов XX в. Под его научным руководством были подготовлены диссертации о политике США на Дальнем Востоке и в Европе, роли США в создании НАТО и др. Итогом этой многолетней плодотворной работы явилось формирование Томского центра американистики, получившего признание специалистов нашей страны и за рубежом. Сам С.С. Григорцевич был избран почетным председателем Сибирской ассоциации историков-американистов.

С.С. Григорцевич не только исследователь, но и учитель. Это особый дар – умение передать частицу себя, своих знаний, своего интереса к науке молодым коллегам. С.С. Григорцевич воспитал и "ввел" в науку большую группу своих учеников. Под его руководством подготовлено две докторские и 42 кандидатские диссертации. Заслуживают похвалы стиль и методы его работы с научной молодежью. Успех в этом отношении в немалой степени обусловлен его личностными качествами: интеллигентностью, терпимостью и уважительным отношением к мнению коллег и учеников.

Юбиляр – убежденный сторонник необходимости сочетания научной и педагогической деятельности. Он убежден, что чтение лекционных курсов, работа со студентами расширяет кругозор исследователя, обогащает его. Педагогический стаж проф. С.С. Григорцевича превышает 50 лет. Но, как и прежде, новый учебный год Станислав Селиверстович встречает в студенческой аудитории, читая лекционный курс по новейшей истории стран Европы и Америки.

Поздравляя Станислава Селиверстовича с 80-летием, его коллеги по кафедре, члены редакционной коллегии и сотрудники редакции журнала "Новая и новейшая история" сердечно желают юбиляру доброго здоровья, дальнейшей успешной деятельности на благо отечественной исторической науки.

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА "НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ" В КАЛИНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В марте 1997 г. на историческом факультете Калининградского государственного университета состоялось обсуждение журнала "Новая и новейшая история". В нем помимо преподавателей активное участие приняли студенты старших курсов. Все участники обсуждения были единодушны в высокой оценке деятельности журнала и в признании его ведущей роли среди исторических периодических изданий РАН. Отмечалось, что за последние годы редколлегия журнала значительно обновила его содержание, ввела интересные рубрики, организовала полезные и содержательные дискуссии. Все выступившие признали, что журнал является хорошим подспорьем для преподавателей истории, его публикации используются в лекциях и на семинарских занятиях, при написании студентами рефератов, курсовых и дипломных работ.

К.и.н. М.В. Тихонова сделала обзор материалов журнала по новой истории за последние три года, выделив при этом серию документальных очерков о королевских династиях Европы, рубрику "Из истории общественной мысли", а также статьи по истории политических партий и движений. Главным достижением журнала был признан отход от сугубо социально-экономической тематики в сторону цивилизационного взгляда на историю. В то же время было высказано критическое суждение о чрезмерном крене в последних номерах журнала в сторону новейшей истории и неоправданно большим вниманием к истории России при наличии профильных журналов по отечественной проблематике. Выступившая отметила недостаточно внимательное отношение редколлегии к периферийным авторам и предложила периодически публиковать в журнале списки издаваемой научной литературы.

Студент выпускного курса И.О. Дементьев выделил три главных достоинства журнала. Первое – это возросшее внимание к проблемам методологии истории, высокий уровень их постановки и плюрализм в подходах. Второе – активное обращение к жанру исторических портретов государственных и политических деятелей и, что особенно важно, выдающихся отечественных и зарубежных историков. Третье – публикация документов из архива Президента РФ и архива ЦК КПСС. Было высказано пожелание расширить на страницах журнала историко-культурную тематику и публиковать больше работ зарубежных авторов в области специальных исторических дисциплин, в частности генеалогии. Выступивший также предложил редколлегии раз в год издавать тематические номера журнала по крупным проблемам новой и новейшей истории, которые могли бы использо-

ваться как учебные пособия преподавателями и студентами.

К.и.н. Ю.В. Костяшев с удовлетворением отметил высокий уровень публикаций по проблемам истории южных и западных славян в новое и новейшее время и высказал мысль о том, что пора провести на страницах журнала дискуссию или "круглый стол" о роли и месте славянских стран и народов в истории Европы. Редколлегии было предложено увеличить количество историографических обзоров по конкретным темам западной истории, продолжить издание архивных материалов. Выступивший выразил надежду на появление в журнале новых серьезных статей, подготовленных на этой основе.

Студент четвертого курса Е.Н. Преловский подверг сомнению целесообразность и реальную возможность издания тематических выпусков журнала, считая, что это может плохо отразиться на подготовке его регулярных номеров. Присоединившись к пожеланию расширить историко-культурную тематику, он вместе с тем предположил наличие трудностей с реализацией этого пожелания из-за недостаточной разработанности проблем истории западной культуры в нашей историографии.

Старший преподаватель А.Д. Чумаков в начале большого и обстоятельного выступления отметил, что в отличие от многих других научных журналов "Новая и новейшая история" выходит вовремя и регулярно, что свидетельствует об ответственном и уважительном отношении редколлегии к подписчикам и читателям. Как наиболее интересные в теоретико-методологическом плане выделены материалы обсуждения проблем периодизации новой и новейшей истории, соотношения цивилизационного и формационного подходов к изучению всемирно-исторического процесса, а также материалы "круглого стола" и первой мировой войне. Весьма ценным было признано начатое журналом издание мемуарного наследия и высказано пожелание соблюдать в этом начинании последовательность и законченность, которые оказались нарушены при публикации воспоминаний В.М. Фалина (появившись в № 5, 6 за 1995 г., они не получили продолжения). Было предложено восстановить в качестве постоянной рубрику "В помощь преподавателю истории" и помещать там главы новых учебников и учебных пособий по новой и новейшей истории. Особая необходимость и польза, сказал оратор, видится в формировании рубрики "Из наследия отечественной и мировой новистики", где прежде всего желательно обратиться к наследию Н.И. Кареева. На перспективу было высказано пожелание наладить издание при-

CONTENTS

Articles. **Lomova S.A.** Economic History and Cliometrics: the Selfidentification of Trends in Russia and Abroad; **Smirnova N.D.** Greece in the USA and USSR Policy. 1945–1947. New Archival Documents; **Popovsky V.** (Macedonia). Historical, Political and Legal Significance of the Berlin Agreement of 1878 for Macedonia; **Batser M.I.** (Petrozavodsk). From Narrative to Theory. The British-American Historiography of the English Revolution of the 17th Century; In the Department of History of the RAS; **Historians Speak.** **Gurevich A.Ya.** The Historian's Double Responsibility; **Discussions.** Methodological Problems of Historical Informatics and Quantitative History (the End); **From the Ministry of Defence Central Archive.** **Gorkov Ya.A., Semin Yu.N.** On the Character of the Pre-War Operations Plans of the USSR; **Reminiscences.** **Davidson A.B.** In Search of Misty Albion... From the Reminiscences about N.A. Erofeyev (1907–1996); **Documentary Essays.** **Vainu Kh.** (Estonia). Many-Sided Mannerheim. **Tupolve B.M.** Friedrich the Second, Russia and the First Division of Poland; **Semenov A.S.** John Wilkes's Paradox; **Questions of Teaching History.** **Zabaluev V.G.** The History of Germany of 1871–1918 in German School Text-Books; **Facte, Events, People.** **Kudryavtsev O.F.** The Unknown Deed of Charles V to Vasilii III; **Book Reviews; Scientific Life.**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАЙНУ Херберт (Эстония), кандидат исторических наук, редактор журнала "Музыкалет" (Таллинн), специалист по новейшей истории и международным отношениям XX в., автор ряда научных работ.

ДАВИДСОН Аполлон Борисович, доктор исторических наук, заведующий центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Специалист по новой и новейшей истории Африки, автор монографий "Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации, 1888–1897 гг." (М., 1958), "Южная Африка – становление сил протеста (1870–1924 гг.)" (М., 1972), "Облик далекой страны" (в соавторстве. М., 1975), "Сесиль Родс и его время" (М., 1984), "Муза странствий Николая Гумилева" (М., 1992) и многих других научных работ.

ГУРЕВИЧ Арон Яковлевич, лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор монографий "Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе" (М., 1970), "Категории средневековой культуры" (М., 1972 и 1984), "История и сага" (М., 1972), "Эдда и сага" (М., 1979), "Проблемы средневековой народной культуры" (М., 1981). "Культура и общество средневековой Европы глазами современников" (М., 1989), "Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства" (М., 1990) и других научных работ.

ЗАБАЛУЕВ Владимир Григорьевич, кандидат исторических наук, редактор отдела журнала "Новая и новейшая история", автор публикаций по политической истории Германской империи 1871–1918 гг.

ЛОМОВА Софья Александровна, аспирант кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Специализируется в области экономической истории России XIX – начала XX в. Готовит диссертацию по истории банков.

СЕМЕНОВ Сергей Борисович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории Самарского государственного университета, специалист по общественно-политической истории Англии нового времени, автор монографии "Политические взгляды английских радикалов XVIII в." (Самара, 1995) и ряда других публикаций.

СМИРНОВА Нина Дмитриевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, автор монографий "Образование НРА" (М., 1960), "Краткая история Албании" (в соавторстве. М., 1965), "Балканская политика фашистской Италии 1935–1941" (М., 1969), "Албанская партия труда. Страницы истории" (М., 1974), "Политика Италии на Балканах 1922–1935" (М., 1979), "Краткая история Албании" (в соавторстве. М., 1992), а также ряда статей по истории Албании и по проблемам международных отношений на Балканах и в Европе.

ТУПОЛЕВ Борис Михайлович, доктор исторических наук, руководитель группы по изучению проблемы "Россия и Германия" Института всеобщей истории РАН, автор монографий "Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в." (М., 1970), "От Второго к Третьему Интернационалу" (в соавторстве. М., 1978), "Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке" (в соавторстве. М., 1991), "Германский империализм в борьбе за "место под солнцем". Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX в." (М., 1991), раздела "Династия Гогенцоллернов" в труде "Монархи Европы. Судьбы династий" (М., 1996), глав в других коллективных изданиях и ряда статей по истории германской внешней и геополитики.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" принимает статьи до 30 стр., исторические очерки до 50 стр., историографические обзоры до 20 стр.; рецензии, письма и заметки – 5–6 стр.; коротко о книгах – 2–3 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в трех (первом, втором и третьем) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через два интервала), вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращаются два экземпляра, один остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Автору посылается копия подготовленного к набору экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 30.06.97.	Подписано к печати 29.07.97.	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Печать офсетная	Усл.печ.л. 20,8	Усл.кр.-отт. 70,8 тыс.	Уч.-изд.л. 24,9	Бум.л. 8,0
	Тираж 3166 экз.	Зак. 1991		

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26, тел. 230–79–78
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Новая история "холодной войны"

Ученые-историки России – народному образованию

Гендерная история

Час "пик" в истории США: выборы 1864 г.

Поездка В.М. Молотова в Лондон в 1942 г.

По архивным материалам

Москва и Хо Ши Мин. Документы Архива МИД России

**СССР и Великобритания: от сотрудничества
к конфронтации. 1942–1944 гг. Публикация документов**

**Воспоминания чрезвычайного и полномочного посла
Ю.В. Дубинина**

"Челночные операции" ВВС США с территории СССР. 1944–1945 гг.

Фридрих II, Россия и первый раздел Польши

Портрет историка: М.М. Ковалевский

Памяти Льва Копелева

